

Имя Троцеско.

- Вологачевка -

книга Вторая

Ч. Проценко

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Первая империалистическая война

2 июля 1914 года.

Война. Это страшное слово молниеносно облетело все города, села и самые далекие таежные уголки нашей родины. По-разному воспринимали это слово. Некоторая предприимчивая часть зажиточного населения с радостью в надежде нажить на этом деле, а другая основная масса народа с великим горем и болью в груди, провожая на бойню единственного кормильца семьи.

Деревенская молодежь в большинстве не грамотная, мало разбиралась в сути этого слова и по существу не знала, что за этим словом действительно кроется. На откуда ей было и знать подоплеку империалистических войн. Библиотек в деревнях не существовало, книг не было, газет никто не выписывал, да в книгах, тем более в газетах в те времена и не писали о пагубности войн, о причинении войнами колоссальных разрушений о горе народному. Наоборот поощряли, афишировали войны штампованными картинками, которых в деревнях было немало к примеру: одна деревенская баба Василиса гонит в плен деревянными валами десятки наполеоновских солдат и офицеров, или суворовские солдаты под градом пуль и горячей смолы лившейся на их головы стойко и смело лезут на турецкую крепость Измаила. Пусть это будет правда, но вот о том, как героически начиналась "шапками забрасаем", и как позорно закончилась в 1904-1905 годах война с Японией, ни плаката, ни картинка. Правда, героический подвиг "Варяга" действительно поднимал патриотический дух русского народа и сразу по всей стране появлялись картины - плакаты как от десятков раущихся вокруг "Варяга" снарядов кипит море, а он горделивый один против десятка ведет бой и тонят неприятельские миноносцы. Незамедленно появились и героические и патриотические песни о гибели "Варяга": "Наверх вы, товарищи, все по местам", или "Плещут волонные воины". Это действительно те песни, которых достоин русский солдат, русский человек. Эти песни уже в 1908 году мы пели и в Волочаевке.

Других источников и знаний о войнах кроме этих картин и песен деревенская молодежь не знала, а тут еще появился Кузьма Кричков, наизвавший на одну пику двенадцать прусаков, ну молодежь не нутавшая пороха и браваровала, хотя сегодня отправляйте на войну. Правда, матери, жены и те из старшего поколения, которые побывали в Маньчжурии в войну с Японией под руководством верховного главнокомандующего генерала Куропаткина, были о войне другого мнения, но и они побывавшие под Порт-Артуром пальце своего носа начею не видели и истины о возникновении войны и ее поражения бунзально не знали. Им трубили и звонили во все колокола без всяких объяснений, что нужно идти защищать, а если нужно, то пролить кровь и умереть за Веру, Царя и Отечество. И все это говорилось и писалось с большой буквы.

В первые два месяца после объявления войны опустела наша Волочаевка. Все рабочие, строившие станцию, железную дорогу, пристань и другое, уехали, старшие возрасты из крестьян, рабочих и призывная молодежь были мобилизованы и отправлены на фронт. Продовольственный склад, лавка, хлебопекарня и кабаки были закрыты. Уехала со своим рестораном и девками и царьбаба, быстро смотали свои улочки и прочие притоны, распался кружок самодеятельности. Не стало слышно в деревне и заливчатских песен. Пели теперь единственную когда провожали очередных в армию, а сами проводы выглядели примерно так: — Провожающих перевязывали через плечо полотенцами как женихов на свадьбах, провожала на станцию к поезду чуть не вся деревня от стара до мала. Дорогой один из провожающих запевал: "Последний нынешний денечек", другие песню подхватывали, женщины и девушки пускались в плачь. Плакали отцы и матери, утирали слезы и все другие.

Уезжающие сажались в вагоны теплушки с открытыми дверями и когда поезд трогался с места, стоя у дверей кричали: "Прощайте! Не забывайте личом!". В ответ кричали: "С богом! Берегите себя!". Матери, жены и невесты бежали с воплем и причитаниями за уходящим поездом сколько было можно. И так

проводили более трех лет и старших и подростающих младших пока в Волочаевке, да и по всем городам и селам России не остались одни дряхлые старики, женщины и дети. Потом начали появляться с фронта искалеченные, израненные и изуродованные удушливыми газами калеки.

Брата Александра из дому так и не проводили, он работал где-то под Покровской госконтролем на постройке железнодорожных деревянных мостов, был вызван в волость и отправлен в Хабаровск на призывной пункт. Из волости сообщали, что он призван в армию, но от него никаких сообщений не было. Отец над духом и больше стал раздражительным. Наконец месяца через полтора получили от него открытку следующего содержания: - "Сие пишу лежа на верхней полке товарного вагона. Проехали Иркутск, Омск и приближаемся к фронту". Дальше сообщал, что в Хабаровске их продержали с неделю, потом в Никольск-Уссурийске около месяца промуштрували и теперь через Маньчжурию, по Сибири едем на фронт. А там или грудь в крестах или голова в кустах.

В-прочем, в большинстве своем молодежь еще не нюхавшая пороха, не гнившая заживо в мокрых окопах, не голодавшая и не кормившая вшей, бравировала и мечтала о крестах, но получала их больше не серебрянные и золотые на грудь, а деревянные в братских могилах.

Потом, в последствии ^{то} нюхав пороха, покормив достаточно вшей, будучи сам голодным, боевое настроение быстро менялось.

Отец и все мы были очень рады открытке и нахождению Александра, но в то же время отец часто вытирал слезы. Он знал, что такое война и знал куда уехал его сын.

В связи с сокращением работ на железной дороге, увольнением и расчетом рабочих, у отца работавшего в конторе строительного участка, много было еще дел по ликвидации и он продолжал работать.

Владимир, женившись был дома и занимался хозяйством.

Это домашнее хозяйство было не производительным и заключалось: летом косить для двух коней /для которых уже не было на же-лезной дороге работы/ и одной коровы сено, зимой возить для двух коней и одной коровы сено, рубить и возить дрова для отопления большого дома и маленького домика. Ну, понятно, чи-стить из-под двух коней и одной коровы навоз. Все эту работу Владимир и Антон выполняли на пару. По воскресениям, что-либо помогал делать и я.

Все это не давало семье никакого дохода, никакой поль-зы, исключая отопление зимой помещений, а все другое "мартыш-кин труд" или переливание воды с пустого в порожнее.

Летом посадка и обработка картофеля отнимала дней де-сять времени и осенью дней двадцать лов кеты, но это уже кор-мило семью чуть не круглый год. Понятно, для картошки и рыбы требовался хлеб и кое-что другое, а на это требовались деньги, значит нужно было где-то работать по найму.

В Волочаевке требовалась хорошая вода для снабжения па-ровозов. Эту воду для железнодорожной водоканчки усиленно иска-ли. Уже были вырыты в округности станции десятки колодцев, но требуемой воды не было. Эта работа не сворачивалась и была возложена на путевого мастера. На рытье колодцев работало нас человек шесть или семь. Работа была тяжелая, изнурительная и грязная. Проводилась она примитивно, в ручную. Колодцы копали лопатами, поднимая на гора колесиком бады с землей, грязью и водой. Стенки шурфа оставались досками. Работа продолжалась и зимой, но это был адский труд. Водой и грязью обмерзала одежда, а брезентовые рукавицы нужно было менять и оттаивать через каждые полчаса.

Примерно на четвертой или пятой сачени начиналась боль-шая вода, которую трудно было вычерпывать и продолжать углуб-ление. Но вода везде была ржавая и непригодна к снабжению па-ровозов. Колодец засыпали и начинали рыть в другом месте. И так продолжалось половину лета и всю следующую зиму. Все мы, работавшие на колодцах по десятку раз простуживались и

измучились, но еще больше изрыли, изранили и измучили окружающую местность. Но больше всего переживал и измучился от неурядиц дорожный мастер, от него требовали воду, а ее не было. Раз в три за зиму приезжала комиссия, проверяла состояние работ и пригодность воды, анализ воды во всех колодцах был отрицательным.

Последний раз уже к концу зимы приехала с комиссией какая-то важная персона, весь мундир золотых пуговицах и на фуражке какая-то особая кокарда. Для нас эта персона был безразличным как и все остальные приезжавшие из начальства, но мастер был перепуган, лебезил и ходил перед ним на цыпочках. Подойдя к колодезю, где мы работали, персона усмотрела, что-то неладное, раскричалась на мастера и приказала ему немедленно спуститься в колодезь и что-то там проверить. Кончилась кажется уже на пятой сажени и вместо сухого грунта вычерпывали жидкую грязь.

Мастер был уже готов становиться в грязную бадью и спускаться в колодезь, но работавший сегодня вместо заболевшего Бориса Проздова его отец Макар Михайлович по прозвищу - Макарец вмешался в разговор и сказал:

- Вы бы Ваше степенство сами спустились и посмотрели, что там так, а что не так. Мастер по десятку раз в каждый колодезь спускался, а вода все ржавая, нечистая.

Их степенство выпучило глаза как разъяренный общественный бугай, надуло щеки и гарнуло:

- Молчать!

Потом с пеной у рта набросался на мастера:

- Распустил, не работают, своевольничают, учат старших, и-и-и. Завтра же убрать эту - эту как ее, шваль и поставить порядочную артель.

- Постараюсь, Ваше превосходительство, но заменить неким, все лучшие на войне.

- Молчать!

Потом обращаясь к одному из двух сопровождающих, при-

назвал:

- Запишите ему выговор по дистанции. Нет, нет, по управлению дороги. А Вы, обращаясь к другому сопровождающему, молодому, расфуфыренному, безукоризненно одетому и надушенному духами тильшу, спуститесь в колодец, проверьте и запишите, что так и как там.

Молодой щеголь фыркнул, подкрутил усики и произнес:

- Позвольте, Евгений Федорович...

- Не позволяю, спускайтесь.

Покраснев и надулся как сич щеголь подошел к Проздову и спросил:

- Как спускаетесь?

- Очень просто, Ваше степенство. Сейчас бадью спустим в колодец, вытащим своего человека, потом порожнюю бадью опустим в сруб на один аршин. Вы сядете на сруб, станете в бадью обеими ногами, возьметесь руками за веревку и мы стоящего в бадье Вас спустим. Таким образом и поднимаем.

- Действуйте. - Приказал щеголь.

Опустив бадью и крикнув: "Степан, становись на гора", - подняли бадью. Поднятый Степан Перминов был весь мокрый и с ног до головы в жидкой грязи. На ногах у него налипло столько липкой грязи, что мы еле вытащили его из бадьи.

Их превосходительство скорчив мину, отвернувшись, а щеголь, отнуд подошел к бадье, взглянув в нее и на грязную веревку, подошел к срубу, посмотрел в колодец, потом схватил себя за голову и промчал:

- Не могу, не могу, у меня головокружение.

Их превосходительство фыркнул и рывкнул:

- Безобразие, мерзость... Запишите и ему выговор по Управлению, а Вы, - обращаясь к мастеру - пойдемте в вагон и доложите обстоятельно. Потом повернувшись и пошел на станцию. Следом за ним шел, умиляясь записывавший выговора и мастер, а сзади всех, опустив голову плелся щеголь.

Как впоследствии выяснилось, важная персона был - заместитель начальника Амурской железной дороги, записывавший

выговора — начальник здешней дистанции, а щеголь, какой-то служащий в Управлении железной дороги.

Сколько после было разговоров, смеха и даже анекдотов с этой комиссией, но чуть позже поступила и реальная помощь по изысканию воды.

Покладывая ^{специально} в вагоне заместителю начальника дороги, мастер доказал бесполезность искать воду, копая колодцы лопатой и настоял прислать бур.

Этот случай с последней комиссией ярко показал грань между инженером труженником непосредственно строящим дороги, фабрики, заводы, создающим ценности и богатства родине, и инженером изнеженным, нечуждой белоручкой, сидящим в управленческих департаментах и беспечно потребляющим большие средства государства.

Комичное и магическое слово — "Молчать" вошло в лексикон, в шуточную привычку в нашей артели.

Вскоре после этой комиссии привезли в Волочаевку бур. Это было примитивное оборудование, работавшее ручным способом. Стальную заостренную пятаю или шесть зубцами небольшого диаметра трубу забивали вчетвером тяжелой деревянной бабой в землю, в трубу вставляли стальной бур и специальным коловоротом вручную бурили. Бур по мере углубления наращивали и все резе и резе другим приспособлением поднимали, очищали грунт и опускали в трубу снова. Работа подвигалась исключительно медленно, так как бур опуская нужно было несколько раз свинчивать, поднимая, развинчивать.

Работа была хотя и тяжелая, но много раз легче и чище копания колодцев.

Бурить начали почти рядом со станцией, примерно на том месте, где предполагалась постройка водокачки. Бурили долго примерно около месяца, но самым трудным и медленным было на пятой и шестой сажени, когда проходили гальку. Наконец, не помню, на пятнадцатой или двадцатой сажени, труба наполнилась по верха холодной и чистой, как слеза, водой и сколько мы ее

ручной помпой /насосом/ не выкачивали, труба все время была наполнена водой и выкачать из нее не могли. Воду ставили на отстой, кипятили, но никакой ржавчины не обнаруживали и, только когда убедились, что действительно это так, мастер уехал с докладом в управление дороги и вскоре приехал не с комиссией, а с одним человеком, видимо, настоящим и большим специалистом. Прожил он у нас дней пять, делая десятки раз разных проб воды. За эти пять дней мы от него не слышали ни одного выкрика, ни одного грубого слова, даже ни одного "ты". Наоборот, во время перекуров, рассказывал нам о ходе военных действий на фронте, но чувствовалось, что чего-то он не договаривал.

Жил он у мастера. Между прочим, мастер был прекраснейший человек, он нам, как в таких случаях говорят, был и учителем и чуть ли не отцом родным. Мы его любили и старались лучше работать. Фамилия его помнится была, если не ошибаюсь, Чеботарь.

Приехавший специалист на второй день своего исследования заставил нас углубить бурение еще на один аршин. Воды стало больше и она самотеком чуть стала выходить из трубы. В дальнейшем мы только выкачивали воду, а он ее исследовал в колбах, кипятил в котлах и все время измерял сколько выкачивалось воды в час или в заданное им время. Наконец нарав воды для исследования ее в лаборатории, приказав мастеру построить над трубой временную закрывающуюся на замок будку, а саму трубу забить резиновой пробкой, — уехал в управление дороги. нас после постройки будки перевели на ремонтные работы железнодорожного пути.

Дней через десять поступило из управления дороги извещение, что вода для заправки паровозов пригодна и ее вполне достаточно для станции Волочаевки, поэтому всякие дальнейшие работы по изысканию воды прекратить.

Так с большим трудом и многими приключениями была найдена пригодная вода в Волочаевке не долгое еще время, во время германскую и гражданскую войну не была построена водонапорная башня, а пользовались временной водокачкой на речушке Поперечка в семи верстах к западу от Волочаевки.

Наступила весна 1915 года, народы многих государств

ради интересов своих заправил продолжали кровопролитную бойню, ломая друг другу, не зная за что, почему и для чего кости, разрушая и уничтожая народное состояние, сметая с лица земли села и целые города, оставляя тысячи, сотни тысяч вдов, сирот и калек. Тяжелый стон, вопль и плач стоял над планетой, и сама земля израненная, облитая человеческой кровью и слезами гудела и стонала и этот гул и стон земли через горе народное был слышен где бы ты не находился. А война, вернее ее заправилы, кровавые магнаты капитала все больше и больше требовали жертв мобилируя и гоня на бойню все новые и новые миллионы людей.

Весной был мобилизован и угнан на фронт брат Владимир, а с ним из Волочаевки десятки его ровестников. Громче и тяжелее застонали люди, а отец наш уже больной, совсем пал духом. Бедняжка наша невестка, жена Владимира Лизаветунка, сама почти еще ребенок, а уже оставалась солдаткой.

Движение по Амурской железной дороге было еще очень плотное, но все же было, и по ней уже ходили "максимки" и грузовые поезда в которых везли людей, груза, почту и другое. Поэтому первое письмо от Владимира из Иркутска этим "старым Максимкой" шло до Волочаевки чуть ли не полтора месяца. Находился он там в учебной команде, но уже через три месяца быстро испеченным младшим унтер-офицером, с двумя личиками /нашивками/ на погонах, был отправлен на фронт. Война поглощала все и безжалостно требовала в свою мясорубку все больше и больше не только неподготовленных солдат и плохо обученного младшего командного состава, но и изнеженного, тупоголового, дворянского сословия - офицерства.

Дома в Волочаевке собираясь своей компанией по воскресеньям, а иногда просто по вечерам у нас в маленьком домике, мы в основном вели разговор только о войне, пользуясь сведениями из получаемых от братьев и других деревенских ребят писем с фронта.

Почти все волочаевцы были на Германском фронте, а Василий Слинько, старший брат Николая и Фени почему-то эскадрился на турецком фронте и его письма отличались от других, были какие-то

все героических подвигов. Понятно, мы понимали, что Василий много прибавляет, много хвастает о том, как они бьют, гонят и целыми ротами и батальонами берут турок в плен. Не будем спорить, доля правды в этом была, год спустя пленных турков привезли даже в Волочаевку для ремонта железнодорожного пути. Знали в последствии мы и о том, что чехи целыми дивизиями добровольно сдавались в плен. Не отставали от турков в вопросе плена и маляры. Все это нас воодушевляло и мы по молодости и глупости бравировали тем более, что на очереди для мобилизации подходил наш год рождения.

А жизнь в стране все ухудшалась и ухудшалась и горе на родине шагало прямо таки семизверстными шагами. Никаких государственных пособий семьям фронтовиков и инвалидам войны не существовало. Может быть где-либо и для кого-либо эта помощь и существовала, но в Волочаевке об этом пособии не было слышно.

Из месяца в месяц жизнь в Волочаевке становилась все труднее и труднее, те которые еще работали в ремонте на железной дороге и те, которые еще имели некоторые накопления из заработков прежних лет, кое-как сводили концы с концами, а многие, в особенности, семейные солдатики, имеющие кучу детей и лишившиеся единственного кормильца уже перебивались с хлеба на воду, а другие с картошки на воду, не имея даже ни соленой, ни вяленой рыбы.

Отдельные бездетные и одинокие солдатики такие как некто Прусича не унывали. Организовывали в своих домах интимные вечеринки, вертели свободно юбками, не брезговали ни старух, ни малых, ну понятно их и подкармливали. Но, к счастью, их в Волочаевке таких было одна или две. Были и такие комичные явления: как-то ночью, когда наша компания расходилась из нашего домика по домам, Иван Тихонов — сатенка сонно шел напра- ваться не домой, а к Прусиче. Полойдя к окну Иван тихонько постучал и, вдруг в раскрывшееся окно высунулся увесистый кулак. Иван отшатнулся и дай бог ноги. По заскорузлomu кулаку он узнал своего вдового отца Дмитра Тихонова. Хорошо отец не

узнал своего сына, а возможно и узнал, но обоим сны и отец помалкивали. Эту историю рассказала ребятам сама подышавшая Присиха. После, в конце войны приехал весь израненный Прус, ликвидировал все в Волочаевке, вернее забил крест на крест досками дверь позорной своей хаты, забрал жену и куда-то навсегда уехали.

Подходила осень 1915 года, приближалось время и идти "защитить Веру, Царя и Отечество". Накануне призыва, мы своей компанией как это делали и раньше, собрались в нашем маленьком домике, читку не проводили и разговор как-то не клеился. Мобилизации подлежали многие, но из нашей компании только я и Борис Дроздов, которого мы частенько приглашали на свои читки. Колька Слинко был мобилизован чуть раньше, а потом после нас с Борисом оставались очередными Иван Тихонов, Арсений Серыт и Мишка Чернышов. Брат Антонин и Иван Кучмишак были на год их моложе. Вот и вся наша компания плюсуя еще Феню Слинко.

Настроение во всех было подавленным, сидели насупившись и молчали, только Мишка не скрывал своей радости моему уходу в армию в надежде свободно поволочиться за Феней.

Феня сидела грустная и украдкой вытирала слезы. Не в лучшем состоянии был и я.

- Не горюйте ребята, ведь идете на подвиги. Крепко, как Кузьма Кречков повоюете, разобьете немцев и явитесь домой с крестами на груди. Не горюй и ты, Феня, мы ведь еще остаемся, а под нашим покровительством и тебе здесь будет не плохо. - С явной усмешкой прервал молчание Мишка.

- Горевать есть о чем, ведь оставляю совсем больного отца, да и хозяевами остануся не весьма взрослый Антонин и невестка Лиза, а насчет немцев и крестов, тебе их оставим. Ты ведь очередной за нами и так же скоро пойдешь громить немцев и вместе с Кречковым зарабатывать кресты, только смотря какие. Там ведь за героизм дают больше деревняшек.

- А твоим покровительством я здесь так буду нуждаться, что даже сейчас хочется плюнуть тебе в року. - Вся вопыкнув

вскочила Феня. — Я буду стараться избегать с тобой встречи, а он со своим покровительством.

— Ты, Милка, всегда напрашиваешься на оплеуху. — Возмущился всегда невозмутимый Борис Дроздов. — Вот возму припадую, так только пикнешь.

— Ни, вин мабуть за квачем скучив. Уже давно ему задок дегтем мазали. — Пробубнил Иван Кучмишак.

— Ты, буйволка прежде зубы свои посчитай, потом рот раскрывай. — Вспылил когда-то действительно вымазанный ребятами дегтем Милка. — И року свою бульонную побереги. Чего доброго квач и по ней походит.

— Ухватит ребята. Пошли по домам, — сказал Арсений. — А ты, Милка, действительно напрашиваешься. Смотри когда бы худо не было.

— Вот, что ребята. Не знаю, как вы, а моей ноги на этих сборищах пока не кончится война больше не будет. — Поднявшись сказала Феня. — Пошли по домам.

— Постоите, постоите! — закричал так же равнодушный к Фене как и Милка, Иван Тихонов. — Я против предложений Фени. — Почему ты должна сидеть дома, когда нас еще в компании целая куча. А если война протянется пять и больше лет и мы все это время не соберемся ни на одну читку? Нет Феня, это не резон.

— Читать нужно, что-то хорошее или страшное про войну, а читать нечего. Книг пока об этой войне не пишут, а журналов и газет никто не выписывает. Права Феня, пошли по домам, а дальше поживем — увидим, — сказал поднимающийся Арсений.

Выйдя и проводив ребят за ворота, я вернулся обратно к домику около которого ждала меня Феня. Взяв за руку я обратно ввел ее в домик, не успев сесть на мою кровать, как она склонив голову мне на грудь горько заплакала. От неожиданности я растерялся и не знал, что предпринять. К горлу подкатил какой-то ком и глаза мои тоже наполнились слезами. Я крепко прижал ее к своей груди. Чуть успокоившись она прошептала:

- Если бы ты знал, Илья, как мне стало тяжело и страшно. Я стала всего бояться, а чего страшусь и сама не знаю.

- Мне кажется, моя милая и родная Феница, ты просто стала переутомляться на своей домашней работе. Вася и Коля на фронте, отец хотя еще и бодрый, но тоже уже старенький, потом он какой-то жадный до работы, сам не спит без дела и другим не дает покоя. Ну подумай, зачем ему столько хлопот, а ведь каждому нужно накопить на всю зиму сена, привезти его, накормить, напоить, убрать из-под них. А пользы? Да никакой! Разве только от коровы редкая кружка молока. А дрова, их нужно напилить в лему, привезти, распилить, расколоть дома и, все это в основном лежит на тебе и на невестке Уле. А ты такая милая, славная, щупленькая, вой и устаешь, а уставшему человеку и лезет всякая блажь в голову.

- Нет, нет, Илья. Никакая я не щупленькая. Я сильная и трудностей не боюсь. А когда я сильно устану и лягу в постель, мне так становится приятно, тело от усталости не ноет, а от какой-то сладостной истоми вздрагивает и вроде везде щекочет. В голову лезет все только приятное, хорошее, светлое и милое, ну понятно, в первую очередь и ты.

- Ох, как бы мне хотелось в то время быть рядом с тобой, обнять тебя вот так как сейчас, приласкать, успокоить.

- Успеется еще. Вот кончится война, все вернется целыми и здоровыми домой, даст бог все обернется по-хорошему, тогда и попомним и помечтаем о дальнейшей нашей совместной жизни. Но я ведь не все еще тебе объяснила: - А вот по воскресеньям, когда я почти ничего не делаю, в голову лезет все неприятное, черное, страшное и я начинаю бояться буквально всего: - боюсь за маму, она очень больная, боюсь за Васю и Колю, живы ли они там, не задела ли кого из них вражеская пуля. А теперь начинаю бояться и за тебя, ведь и ты на днях уходишь туда же. И радостно, что братья защищают и ты будешь защищать нашу Родину, и в то же время боязно за вас. Потом я органически, до отвращения ненавижу и боюсь этого противного Мишку.

- Ну наговорила целый воз и маленькую тележку. Не знаю как тебе на это и ответить. Тебе и приятно, и страшно, и ра-

достно, и боязно. Если все так близко принимать к сердцу, можно запутаться, а то и с ума сойти. Понятно, по мобилизации скоро в армию уйду и я, а там возможно попаду и на фронт, но ты меньше о плохом, о страшном думай, не грусти, а больше веселись. Когда взгрустнется пой веселое, ты ведь так красиво поешь, там более украинские песни. Бери у моего отца книги, газеты, хотя в этих газетах и пишут разную чепуху и незнающее границ вранье, но ты читай между строк и догадывайся сама, что к чему. Не сиди затворницей дома, ходи и веселись вечерами с девчушками, с ребятами и не ворочай до изнеможения дома. Вот такой тебе наказ и если ты его применишь, будет это для тебя самым оздоровительным. А вот на счет Мишки, прямо затрудняюсь что тебе и посоветовать. Конечно, избегать его не хорошо, но смотри, Феничка, и не влюбись в него, он страшно коварный парень.

- Ты что, Иля, родной мой, рехнулся, с ума сошел? Да я скорее петлю на шею надену, отравлюсь, горло себе косой перережу чем...

- Ну, ну родная, успокойся. Я ведь не серьезно, шутя, так к красному слову.

После горячего поцелуя, положив голову мне на плечо Феня прошептала:

- Не надо, Илья, так, не надо. Я знаю, что не серьезно ты сказал, но мне все равно страшно и больно. Ты ведь знаешь, что я его органически ненавижу, а ты после того первого поцелуя, когда мы года три назад, катались на сонке и очутились в одном сугробе, остаешься в моем сердце один и на всю жизнь. Уйдешь на фронт буду ждать год, два, пять, десять и все получаю от тебя письма, бережно хранить у себя на груди. А в случае несчастья, только верю его не будет, уйду жить в монастырь.

Я в возбуждении обнял ее и крепко прижал рукой ее трепещущие упругие небольшие груди. Она сразу не сопротивлялась, но потом осторожно отстранила мою руку.

Так мы просидели часа два, потом после десятого крепкого поцелуя я проводил ее домой.

Вскоре после этого, придя после работы домой, я застал всех домашних угрюмо сидящими. Невестка Лиза с заплаканными глазами возилась у плиты, готовя ужин. Услышав мой приход, отец преждевременно вышел из спальни на кухню и сел за стол. Вид у него был угрюмый, подавленный. Почувствовав что-то неважное, я быстро умылся и тоже сел за общий стол.

Был сегодня у нас на работе интересный случай и я намеревался, придя домой рассказать его в смешном виде, но столкнувшись с таким настроением домашних, от рассказа воздержался. В это время зашла к нам Феня, после приветствия сразу подошла к Лизе и что-то ей прошептала на ухо.

- Вот кстати подошла и будущая наша невестка. Садись, дочка, с нами за общий стол. Пригласил отец.

- Нет, нет. Я зашла на минутку к Лизе и сейчас уйду.

- Никаких разговоров. Садись вот здесь рядом с Лизой. Видно было, что Фене и не хотелось уходить и она покорно села на краешек скамейки.

Когда в ожидании ужина уселись все остальные за стол, отец обращаясь ко мне сказал:

- Как не печально, но пришло время, сын, и с тобой распрощаться. Поступило предписание и тебе, Ильича, идти в солдаты, защищать свою веру, своего царя и свое отечество. Через три дня нужно быть в волости для дальнейшего следования в Хабаровский призывной пункт. Этой кровопролитной никому ненужной войне мало взрослых солдат, начинают переманивать и детей. Видимое ли явление, за один год времени из одной семьи уходит на войну третий.

Трудное дети настало время, очень трудное. Хотя оно легким никогда и не бывало, но сейчас оно еще более ужасающее. Война дети - это беспощадное и безжалостное истребление народа, но ужаснее то, что простые люди не знают истины, не знают

за что, почему и для чего они убивают друг друга, а цари: вильгельмы, франца-Иосифа, николай, разные вельможи, чемберлены, ксерзоны, ~~мариши~~ и другая знать, знают, что войны приносят победителям не только славу, но и личное обогащение и сытую, разгульную жизнь.

О том, что из одной семьи уходят на бойню три, а то и пять человек, о том, что миллионы невинных людей гибнут ради их обогащения, а оставшиеся семьи без кормильцев прозябают в нужде и умирают с голода — им наплевать. Эту истину, сын, ты запомни крепко, ты ее должен знать, она тебе в жизни возможно еще и пригодится, но сейчас будь осторожным в таких разговорах, иначе преждевременно и без пользы можно погибнуть. На фронте, в бою если придется быть, будь бдительным и осторожным, не лезь без пользы на рожон.

— Спасибо, папа. Учту все твои наставления, но о том, что начинают детей перемалывать, — это не совсем точно. Какие же мы дети, когда лично мне пошел уже девятнадцатый год. Как раз впору солдат.

— Не бравируй, не хвастайся. И по возрасту, и по развитию, и по рассуждениям еще мальчишка. Вот пойдешь, хватишь муршвики, а там гляди и пороха понюхаеть, — другое заплещешь и маму вспомнишь.

Так в разговорах не весьма радостных и прошел ужин. Поблагодарив еще раз отца за добрые наставления, я поторопился уйти к себе в маленький помик, зная, что не замедлит прийти туда и Феня.

Она пришла минут через десять с мокрыми от слез глазами. Присев ко мне рядом на мою кровать и взяв меня за руку тихо сказала:

— Я чуть-чуть за столом не разрыдалась, когда отец давал тебе напутствия. Как много в мире несправедливостей, зла и тяжелого горя народного. Страшно об этом даже и думать.

— Вот и плохо, что мы не только боремся с этим злом о котором говорил сейчас отец, а даже думать о нем боимся. В

действительности мы и не знаем и не понимаем как зарождаются и откуда берутся эти несправедливости и это зло. Мы видим только их последствия, как сегодня эту войну, создавшую великое горе народу. Но сейчас разговор не об этом, что я ради этой несправедливости через три дня уйду в солдаты и становлюсь безропотной серой скотинкой, о которой нам рассказывал будучи еще дома брат Александр. Теперь он превратился и сам в эту серую скотинку, — а о другом. Боюсь я, Феня, боюсь, моя родная, что распрощаемся мы сейчас и видимо на всю жизнь. Чувствую, что мы больше с тобой никогда и не увидимся.

— Какие у тебя мрачные мысли, мой навеки родной Ильоненька. Давай об этом не думать, не все ведь попадает на фронт, и не всех задевают вражеские пули. Будь осторожным, осмотри — тельным. Слышал, что говорил отец. Без пользы, ради хвастовства и ненужного героизма не лезь на рожон.

— Нет я не об этом, Феня, я о другом. Видишь ли, мне прошлой ночью приснился страшный сон: будто бы пока я находился на фронте, тебя здесь украли точно так как старый колдун Карла украл у Руслана Людмилу. Потом весь день из головы не выходила песня: "Бывали дни веселья". Знаешь там поется:

"Она уже покидается красавица меня"...

А затем:

"Однажды поздней осенью пришел любви конец, и к ней приезжий с ярмарки присватался купец. Тогда она красавица забыла про меня. Забыла и покинула^в хоромы жить пошла..."

Или стихи Никитина: "Змея подколотная".

"Околдовала речами певучими и поцелуями страстными, жгучими в пору весенних ночей. Выкала с молодца соки кипучие, плакать заставила, слезы горячие выплакал я из очей..."

И дальше:

"Думал, гадал, что пред вешним Николом стану с тобой под венец. Нет, не пришлось, и любовь молодецкая видно потуже чем придурь купецкая, видно не так горяча, что променяла ты

прежнего милого на шепелявого, старого, хилого, на старика богача".

К чему бы все это, Феня? И этот сон и эти воспомина-
ния и главное, назойливо целый день. Не предзнаменование ли
все это?

- Так это же сказки, стихи и песни, и если их все при-
нимать близко к сердцу, тогда ни только любить, даже жить на
свете опасно.

- Что верно - то верно, но не спроста же пишутся такие
стихи. Все такие сказки, стихи, романсы, песни берутся из
жизни народа, его переживаний, разлук и коварных измен.

- Но какое отношение имеет это к нам с тобой? Ты же ви-
дешь мою к тебе безграничную любовь и преданность. Вижу, знаю
и верю, что никогда не изменишь мне и ты. А это просто пробу-
дилось у тебя маленькая ревность, пусть хорошая, но все равно
ревность. Ты что-то подумал, ну и начала тебе мерещиться и
лезть в голову всякая блажь. Вспомнилась и стихи и песня.
Выбрось все это из головы и знай, - ты у меня единственный на
всю мою жизнь.

- Знаю и верю я этому, Феничка, но в сердце моем трево-
га и покой мой нарушен. Буду стараться всеми силами успокоить-
ся. Но тут нужно что-то предпринять, а вот что, и сам не знаю.
А что, Феня, если нам вот сейчас закрепить любовь по-настоя-
щему?

- Как это по-настоящему?

- Да очень просто. Я встану, погашу лампу, потом обниму
и уложу тебя на кровать и любовь наша, союз наш, закрепится
по-настоящему на всю жизнь. Вот примерно так: - И я начал
осторожно клонить ее на подушку.

- Нет, нет, Илья, - погоди. Это не так просто как ты ду-
маешь. В этом прежде нужно узнать мое мнение, заручиться моим
желанием. Любовь сильна обоюдным согласием, обоюдною страстью,
ну понятно и волнением поцелуя, а так как говорят нахрапом,

навряд ли что по-настоящему закрепиться. Я об этом сама думала и размышляла, но пришла к выводу, что это от нас никуда не уйдет, но в свое время. Время это будет когда ты вернешься с военной службы. Ну а так, — совершим дело, ты через три дня уйдешь на год, два, три, а то и больше, а вдруг сразу же оставишь меня с прищипанным, а родить девушке, без мужа в деревне ребенка — это легче надеть петлю на шею. Да и родители со двора выгонят. Хотя я тебе верю, но может получиться так, что и сам усомнишься, "не дождалась, мол, нагуляла". Нет, дорогой Ильишенька, избавь меня от этого. Я думаю любовь наша и так по-настоящему крепка.

Постарайся всю блажь, ревность, надуманные подозрения и недоверие выбросить из головы. Видишь, я и так вся твоя и тут же наградила меня жарким и долгим поцелуем.

Так мы в обнимку как-будто бы слитые воедино и просидели до полудня.

Незаметно пролетели три дня. Как мы уходящие не бодрелись, а на душе было пасмурно. Уходило нас одногодок из Волочанки сразу несколько человек: Борис Дроздов, Степан Перминов, Афанасий Комель, Иван Фролов, Василий Новиченко, Илья Проценко и другие. Провожали нас так же как и ушедших раньше. Все мы были перевязаны белыми полотенцами как дружки на свадьбе. Провожала на станцию к поезду почти вся деревня и старики, и женщины, и молодежь, и вездесущая детвора. Те дряхлые, престарелые старики и старухи, которые не смогли присоединиться к проводам на станцию, выходили, а скорее всего выползали из дворов, чтобы обнять уходящих или хотя бы махнуть рукой из-за забора.

Идя по деревне гурьбой, Афанасий Комель со слезами на глазах запевал: "Последний внешний денечек гуляю с вами я друзья", мы и все другие подхватывали и начинался в толпе провожающих плачь и истерические причитания. Глядя на все это, навертывались слезы во всех нас, уходящих и остальных прочих.

Но это было не только в Волочанке, так плакала, стонала и

причитала вся Россия, больше того, — половина земного шара.

В ожидании поезда, на станции были песни и причитания, слез, понятно, было больше. Также за уходящим поездом бежали с воплями матери, сестры, невесты. С Феней мы крепко простились час назад в нашем маленьком домике, минут десять простояв в слезах в обнимку. На станции она стояла с девушками в сторонке, украдкой смахивая слезы.

Отца среди провожающих на станции не было, он был сильно болен и окончательно пал духом. Дома теперь оставались за главными работников шестнадцатилетний Антонин и невестка Лаза.

Так нас защищать Веру, Царя и Отечество провожала Воло-
чанка.

В продолжении

2. Военная служба

В волости собралось нас уже человек пятьдесят, а в Хабаровске из всех волостей сгруппировалось не меньше человек пятьсот — шестьсот. Всех нас одним эшелоном отправили во Владивосток. Степан Перминов, Афанасий Кошель и я попали в 8-ю роту 2-го артиллерийского крепостного полка. Рота, четыреста человек с лишним помещалась в одной казарме в семи-восьми верстах от города.

Через время выдали нам обмундирование: две пары нательного белья, шерстяной мундир с двумя рядами больших медных, с двуглавым орлом пуговиц, шерстяные брюки, полотенце, два носовых платка, кожаные сапоги, портянки, ремень и фуражку бескозырку. О бескозырке были анекдоты, якобы какой-то царь за что-то обиделся на артиллеристов, и в наказание приказал снять козырки.

Началась солдатская служба.

Первой наукой была зубрежка семьи и двора Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, царя польского, финляндского, литовского и прочая, прочая. Нужно было знать каждого имя, отчество и полный его титул. Ну наследник Алексей

был один и его можно было запомнить, а дочерей Их Императорских Высочеств было подожини и попробуй не спутать кто из них старше — Анастасия, Мария, Ольга или кто другая.

Много горя и телесных наказаний перенес из-за них Афанасий Кошель, да и добрая половина всех вновь поступивших молодых солдат, долгое время не могли разобраться в именах и титулах их Величеств и Высочеств. Но Афанасий выжидал, а был в нашем отделении один татарин, который совсем не знал русского языка и ничего не понимал по-русски. Его в особенности за эти титулы затуркали, забили, замучили и полуживого с выбитыми зубами и располосованной в кровь ременной пряжкой спиной отправили в госпиталь. Прошел слух, что он в госпитале умер. Впрочем, он в нашу роту больше не вернулся.

Был командиром нашего третьего отделения ефрейтор украинец по-национальности Шейна. Этот Шейна был не командир, а зверь лютый. Он и забил на смерть татарина, именуя его не иначе как грязным малайкой. Грубые оскорбления, издевательства, зуботычины — это его метод воспитания. Афанасий Кошель, отчаянный забияка, драчун и тулиган, которого мы действительно все в Волатевке не столько боялись, как избегали, — здесь Шейной был превращен в тряпку. За гордость, упрямство и несмышленность он десятки раз в день заставлял Афанасия, а с ним и татарина приседать и ползать "по-утиному". Бывали случаи особых издевательств: — мы идem всем отделением за обедом в строю и с котелками в руках, а Афанасий и татарин присевшими ползут по-утиному с котелками в зубах.

Если придет Афанасию письмо, — это для него целый ад. Шейна над ним по полчаса измывался и издевался, заставлял плясать в присядку, десяток раз оползти вокруг него по-утиному, лаять по-собачьи и прочее и, когда Афанасий, изнемогая начинал уже падать, — командовал ему стать смирно и вручал письмо.

Но этим издевательство не кончалось, тут же заставлял читать письмо вслух при этом издеваясь над каждым в письме словом и его авторами. К примеру — Афанасий начинал читать:

"Дорогой ты мой сыночек". Шейна тут же прерывал чтение и изрекал: "Тоже мне, старая дура, навла дорогого сыночка". И так до конца письма.

Каждое утро выходили по взводу на плац на занятия. Занятия проводились по отделениям. Бегать в строю для закалки солдата, понятно, нужно, но Шейна преследовал не это, а снимал ремень с увесистой медной бляхой какие носили все мы артиллеристы и командовал бегом. Сначала бегал он рядом с отделением, потом устав, — становился среди плаца, подбегая к бегущим то с одной, то с другой стороны, выкрикивая — "быстрее", "быстрее", ударяя ремнем чуть отстающих, при чем так напрактиковался, что бляха обязательно ударяла рубя, рассекая тело до крови. И так до изнеможения нас и себя. Если производились прыжки через "кобылу" или упражнения на турнике и брусках, редко кто не отвеловал его ремня. А вот когда проводились занятия рукопашного боя, хотя это и деревянными винтовками, Шейна команду становился поодаль. Говорили старшие солдаты, что когда-то один доведенный им до истерики солдат, на подобие Афанасия Кошеля, так салонул его этой деревяшкой, что он недели две пролежал в госпитале. Явился оттуда он еще лютее, но во время таких занятий, подходить близко к чучелу и практикующим, уже побаивался. Солдата того на всю службу отправили в штрафной батальон.

Был и такой забавный и печальный для меня случай: уезжая из Волочаевки, я не получил полный расчет, работая на железной дороге. Отец в своем письме прислал мне текст доверенности, просил переписать своей рукой заверить ее подписью и печатью командира роты и выслать ему. Аккуратно переписав и улучив момент, я подошел к отделенному Шейне и сказал:

— Разрешите обратиться, господин отделенный.

Он обернулся с минуту сверлил меня глазами, потом спросил:

— По какому делу у тебя?

— Я, господин отделенный, уходя в армию не получил причитающийся мне заработок. Сейчас я написал доверенность отцу,

которую нужно заверить их благородие подписью и печатью.

- Гм, гм. А-ну давай, що ты там накалякав.

Покрутив вверх и вниз ногами, взяв у меня доверенность крикнул:

- Перминов, на носках.

Степан пулей подлетел и стал на вытяжку.

- А-ну на читай, тильки медленно и ясно.

Взяв доверенность, Степан начал читать:

"Начальнику 2-й дистанции Амурской железной дороги. От ремонтного рабочего пути станции Волочаевка Проценко Илья Васильевича. Доверенность. Работая в веренной Вам дистанции на станции Волочаевке, я будучи мобилизован в армию не получал причитающийся мне заработок. Настоящей доверью получить полный расчет моему отцу Проценко Василию Трофимовичу.

К сему Илья Проценко".

- Ты дивись. Вереной вам. Це ты сам писав?

- Так точно, сам, господин отделенный.

- А не брешешь?

- Никак нет, господин отделенный.

Взяв доверенность и ознакомив нас "волью", бодрим, чеканистым шагом ушел в помещение старшины, находящемся тут же при казарме.

Минут через пятнадцать Шейна вышел обратно и так же как Степану крикнул:

- Проценко, на носках. Это означало бегом являться к нему.

Когда мы вошли в помещение старшины, там кроме полпра - порцига - старшины, человека крупного телосложения, сидел наш взводный. Это был среднего роста, лет тридцати старший унтер-офицер. Лицо у него было чуточку конопатое, видимо когда-то раньше было поражено оспой. Это был умный и добрейший человек. Мы солдаты за полтора месяца службы, находясь в его взводе не слышали от него ни одного грубого выкрика, ни одного оскорбления, ни одного пинка. Когда он проводил занятие взводом, чувствовался порядок и какой-то уважительная дисциплина со

стороны самих солдат. Его уважали и вообще о нем хорошо отзывались все старшие солдаты:

- Отец ваш самый, господин старшина, отой верный.

Взводный от этого скорчил лицо как от зубной боли, а старшина пробасил:

- Кто такой, как фамилия?

- Канонир 3-го отделения Проценко Илья.

- Вы их что не учите полного звания, господин отделенный? Ведь он ничего не знает.

- Учю, и вы все знаете, господин старшина. А-ну повество что ты есть.

- Канонир 3-го отделения, 2-го взвода, 8-й роты, 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Проценко Илья Васильевич, господин старшина.

- Молодец. Вот так всегда и отвечай.

- Рад стараться, так отвечать, господин старшина.

- Откуда мобилизован?

- Со станции Волочаевки Амурской железной дороги, господин старшина.

- Крестьянин или рабочий? Кто отец и какая семья? - спросил взводный.

- Я железнодорожный рабочий с четырнадцать лет. Отец-бывший волостной писарь в нашей Тунгусской волости Кабаровского уезда, потом табельщик на постройке Амурской железной дороги, сейчас тяжело больной и не работает. Матери нет уже пять лет. Два старших брата на фронте, я третий вверенном Вам взводу. Дома с больным отцом остались еще пятеро мал-мала меньше, господин взводный.

- Какую имеешь грамотность? - спросил старшина.

- Три класса двухклассного училища, господин старшина.

- Как это получилось, в двух классном и вдруг закончил три?

- Есть такие двухклассные училища с пятилетним обучением. Я сам в таковом учился, - подтвердил взводный.

- Хорошо. Идите. Доверенность получите у отделенного командира.

- Смирно! - скомандовал Шейна. - Кругом! Шагом марш! Ать-два, ать-два! И мы чеканя шаг вышли из комнаты старшины.

У Степана Перминова был красивый почерк и вообще он был парень грамотный и не глупый. Его три дня назад вызывали тоже к старшине роты, где находился и наш взводный, задавали вопросы о нем, о семье, заставляли писать кто он сейчас и в какой ²⁴ части служит. Сегодня у старшины учинили этот допрос мне. Писать меня не заставляли так как написанная мной доверенность была у них. К чему этот допрос, ни Степану, ни мне не сказали.

Дня через два после моего допроса, нас обоих вызвал к себе взводный. Сопровождал нас отделенный Шейна.

Обращаясь к нам взводный сказал:

- Вот что Перминов и Проценко, сейчас идет набор из грамотных солдат в учебную команду. Наши командиры по нашей рекомендации решили из нашего взвода послать вас обоих. Через четыре месяца, если будете прилежно заниматься из вас выйдут хорошие унтер-офицеры, а там и командиры взводов. Какое на этот счет ваше мнение.

- В учебную команду я не желаю, господин взводный, - отчеканил Степан, и тут же сразу, тоже самое повторил и я.

- Но, не желаю, прерываться? Та вы знаете, что з вас...

- Отставить! Господин отделенный. А вы знаете, - обратился к нам взводный, - что за отказ, сразу же после присяги на фронт.

- Не возражаем после присяги сразу на фронт, господин взводный, - ответили мы как-то дружно оба.

- Эх, молодое, зелено. Ну, что и, поговорим еще у ротного. Идите, а Вы, господин отделенный, оставайтесь.

Мы сделал кругом - вышли.

Вечером уже в постели, я вспомнил наставления отца и подумал, не является ли мой отказ тем роком о котором он предупреждал. На завтра, я об этом рассказал Степану, но он твердо настоял, что лучше на фронт, чем в учебную команду и никакого рока он в этом не видит.

У ротного, молодого и красивого поручика разговор был коротким.

- Вас записали в учебную команду. Как вы думаете, - справитесь ли с этой учебой?

- Нет не справимся, Ваше благородие.

- Почему? Какой странный ответ.

- Нет желания в учебную команду, Ваше благородие, - ответили мы оба разом.

- Редкое явление. Такие в учебную и не трабуются. Подберите, господа подпрапорщик, других более подходящих, а их занесите в список первоочередными на фронт.

Как проходила в дальнейшем наша служба все-шесть месяцев вплоть до присяги, описывать не буду, одно скажу, что лично я всю царскую семью и многочисленных царских родственников, их имена и заковыристые титулы, ввучая на зубок, а номер выданный мне японской старого образца винтовки I254840 вбил мне в голову так, что он остался памятным на всю мою жизнь. Даже сейчас, через 55 лет, спросите меня спящего и я вам сонный без ошибки отвечу.

Ну, а какие из нас, едущих на фронт получились артиллеристы, когда за все шесть месяцев нес только всего два раза водили на одну гору в крепость, где неподвижно находились три короткоствольных медных мортиры. Первый раз нам показав мортиры, показали как открываются и закрываются у них замки и как прикрепляются к ним прицельные принадлежности. Эти прицельные принадлежности: - Квадрант и угломер, мы два раза изучали во время учений на плацу или в непогоду в казарме. Но не только основательно изучить эти приборы и твердо знать их применение, даже их правильное название, многие не могли усвоить из-за множества в головах их Величества и Высочества. Показали нам и снаряд с дистанционной трубкой и мешочек с порохом, который закладывался вслед за снарядом с мортиру.

Второй раз в крепости уже произвели стрельбу из этих мортир. Где-то за окопкой поставили мишени, а может быть их там и не было, и мы по два раза каждый расчет туда выпадали. Каждый

номерной делал свое дело. Я, кажется, был пятым номером, вставлял в отверстие мортиры взрыватель, прикреплял к нему шнур и после команды "огонь" дергал за шнур, производя выстрел. Стреляли перекидным огнем через сопку картечью, но результатов своих попаданий не видели. Кто-то стоял на сопке и передавал флажками, что попадания отличные. Сигналов флажками никто из нас солдатом понятно не понимал.

Всего единственный раз мы ходили на полигон на стрельбище из винтовок. Мишени, изображающие половину туловища человека, устанавливали в 150 саженях, выдали нам по обойме японских патронов и мы произвели по два выстрела стоя, по два с колена и по одному лежа. После каждого двух выстрелов побегал из укрытия к мишеням человек и показывал указателем места попадания. Если был промах, указывал через верх мишени. В таких случаях подбегал Шейна и давал здорового пинка под зад. Но время стрельбы у него такой работы хватало. Получил одного пинка под зад и я за промах стоя. Но я ведь имел дело с ружьем и охотой с 13 лет, не плохо понимал и в стрельбе, а другие до службы и ружья не видели за что и получили все пять пинков.

Вот такова у нас была военная учеба, так нас готовили воевать и защищать веру, царя и отечество. Такими с начиненными и Величества и Высочества головами, затурканными и забитыми Шейнами, мы уезжали на фронт.

Трудно поверить, что в дни февральской, тем более Октябрьской революции не был растерзан солдатами этот изверг, осадист Шейна. Если же он этого избежал, то падачем в стана белогвардейских генералов и атаманов или в банде батьки Махно, Петлюри и им подобных не мало пролил еще крови. Из таких Шейн состояли все эти банды.

Глава Вторая
ФРОНТ

В первую империалистическую войну Япония была нашей союзницей. Фронтую в войну с Германией она не вела, но в первые же дни объявления Германией войны России захватила в Китае принадлежащий Германии город Циндао и другие территории. Оккупацией этих территорий она уже являлась таким агрессором Китая как Россия, Англия и другие.

По договору, как наша союзница против Германии Япония продавала и снабжала нашу армию через владивостокский порт оружием, снарядами и другими военными припасами и снаряжением. Железнодорожные эшелоны с военным снаряжением периодически уходили из Владивостока на фронт.

В марте месяце 1916 года с одним из таких эшелонов в нескольких вагонах-теплушках уезжало и владивостокское пополнение солдат на фронт. В одном из вагонов находились и мы с Степаном Перминовым.

Никакими судьбами в те времена не было возможности сообщить в Волочаевку, чтобы вышли на станцию встречать наш эшелон. Не только в Волочаевке, а по всей Тунгусской волости не было тогда почтово-телеграфного отделения, а по линиям железнодорожной связи частные телеграммы не принимали. Да и следовали мы как в последствии выяснилось не через Хабаровск по Амурской железной дороге, а через Харбин по Китайской восточной железной дороге.

Длинная и трудная была эта дорога, везде царил хаос, беспорядок. Питание солдат было не налажено и мы по двое суток не видели горячей пищи, а другой раз и без сухого пайка. Какие имелись денюжки из солдатской 75 копеечной месячной зарплаты, были расходованы когда проезжали Маньчжурию. Там было всего много китайского съестного, дранного, но дешевого.

В одном вагоне из 8-й роты было нас шесть человек, среди нас был один небольшого роста солдат, который как иногда бывает являлся "душой" всего вагона. Он своей веселостью, находчивостью умел поднять бодрое настроение приунывших и загрустивших солдат. Во время дурного настроения спеть веселую и задорную песенку вроде: -"Вспомни Акулька мгновенья, первый намер на любовь", или рассказать смешной и чуточку сальный анекдотик, "выкинуть коленца" под балалайку и прочее в этом духе. Он нашу группу из 8-й роты в основном всю дорогу и подкармливал, то выменяет на что либо у станционных торговек булку хлеба, то стащит кусок сала, миску соевых огурцов или кружку молока. Никогда он пустым без ничего съезного не являлся в вагон во времена стоянок на станциях.

Один раз привез в вагон большого живого петуха и тут же заявил, что петуха он будет дрессировать, поэтому он в рацион котлового питания не подложит. Через неделю или дней десять выдрессированный петух уже пел по его приказанию, а пел петух исключительно красиво. Но не только это, дорогой на приманку горластого петуха, не одна курица попала к нам в котел на приварок.

Солдата этого звали Павел Сиворцов, он и на фронте явился "душой" всей нашей батареи и своей обходительностью, товариществом смягчал и как-то украшал суровую фронтовую жизнь русского солдата.

Фронт встретил нас апрельской распутицей где-то за Ковелем в Полесье. Солдаты буквально хлили в грязи суровых окопов и траншеях, засаженные вшами. Об этом мы и раньше слышали от пришедших из фронта инвалидов. Грязные, не мытые, обросшие бородами, это "христорожливое войнство" представляло неутрадную картину. Уже больше двух месяцев благодаря распутице стояли без наступления на одной линии фронта изрядная вода незначительную пере-

Солдаты ждали с любой стороны наступления лишь бы сменить это гни-
лое место. Возможно в других местах было и суше и чище, но там
куда нас привели было действительно так.

В блиндажах к командиру артиллерийского дивизиона вводили
нас для распределения по батареям небольшими группами. Мы своей
компанией пока не разлучались и попали в блиндаж все вместе. Преж-
де чем войти в блиндаж, нас заставили снять свои ранцы и оставить
тут же рядом в траншее.

В блиндаже куда нас ввели находились майор-командир диви-
зиона и несколько младших офицеров получавших при распределении
пополнения в свои батареи.

Наше знакомство с командиром дивизиона и батареей получилось
очень забавным. Не успели мы войти в блиндаж как петух находивший-
ся в ранце нашего Павлуши предательски загорланил: ку-ка-ре-ку.
Майор и все находившиеся в блиндаже офицеры от неожиданности и
удивления приподнялись с мест.

Что это значит? — обратился в недоумении ко всем присутствую-
щим майор. — Выйдите посмотрите Анатолий Иванович — сказал он
одному из рядом стоявших офицеров.

Не успел офицер выйти как петух красиво и протяжно загорла-
нил вторично.

Видя недоумение всех офицеров, смело выступил вперед Павлуша
и обратился к майору по уставу и по солдатски гаркнул:

— Разрешите обратиться и доложить Вам высокоблагородие?

Все офицеры переглянулись, майор обращаясь к Павлуше спросил

— Как фамилия?

— Павел Сяврович Васе высокоблагородие.

— Докладывай Павел Сяврович.

— Мы Васе высокоблагородие привезли этого петуха из Влади-
востока в подарок фронту. Он у нас ученый и поет по приказанию.

- Вот это новость. В подарок фронту шлют петуха. Нам оружия нужно, снаряды, патроны, сменное белье, продовольствие и медикаменты. А песен на фронте и без петухов хватает. Другой раз заведут песню, земля дрожит.

-То фронтовые песни, страшные убийственные. Ваше высокоблагородие, а это птица домашняя, семейная. Запоем и на душе становится веселее, родителей, жену и детишек вспомнить.

-Воя вы какие владивостокские. Ну чтож, пороха пошекаете, другое запоете. Возвять нужно, защищать родину и свой народ, а не песнями петушиными заниматься.

- Мы возвать и приехали, добровольно отпросились на фронт. Только Вы нас Ваше высокоблагородие шестерых из 8-й роты не разлучайте, мы ребята смелые, отчаянные и гуртом готовы в огонь и воду.

Слыхали господа офицеры какое нам пополнение из отчаянных добровольцев поступило. Лестно, но так ли это? Ну что там Анатолий Иванович, -спросил он воеводского офицера.

- Пресоблаженный петух, господина майор. Из ранца только голова торчит. Я попытался развязать ранец, так он так долбанул меня в руку, вот смотрите до крови.

-Выходит и петух отчаянный, даже на своих офицеров набрасывается. А ну Оксворцов, внесите ранец с петухом в блиндаж, посмотрим что это за артист.

Через минуту ранец был в блиндаже и Пашка спросил разрешения продемонстрировать.

Освобожденный из ранца петух разминаясь важно прошепел по блиндажу, потом захлопав крыльями взлетел на голову присевшему Пашке. Выпрямившись, Пашка командовал: "Петя, три раза", и

петух запел: — Первый раз коротко, отрывисто, второй раз более протяжно, третий раз разноголоса, красиво и с переливами и исключительно протяжно.

После третьего раза Паша чуть встряхнул головой и петух перелетел к майору на стол. Пройдясь по столу он еще раз хлопнул крыльями и еще красивее запел.

Все находившиеся в блиндаже офицеры приподнялись и с интересом смотрели на эту сцену.

— Забавно господа офицеры, очень забавно, — произнес майор. — Выходит вместо солдат нам в пополнение целый цирк приехали. Ну чтож, заберите Анатолий Иванович всю эту семерку циркачей в пополнение своей батареи.

— Какую семерку, господин майор, ведь их только шесть человек?

— А я не говорил человек, — сказал циркачей, а петух основная фигура в этом цирке.

Командир батареи молодой прапорщик Анатолий Иванович Боровик был очень доволен получив сразу шесть человек пополнения. У него в батарее такое как и у других многих не доставало и были больные по болезни чем убитыми и ранеными в боях. Среди пехоты, "серой скотишки" как ее ныне называли, в окопах и грязных окопах, кое-где появлялся сыпняк. Несколько человек увезли в тыл с сыпняком и с артдивизиона. Это беспокоило и пугало больше всего. Вся борьба с сыпняком заключалась в том, что больных увозили в тыл в специальные тифозные лазареты.

Правда, артиллеристы находились в более лучших условиях так как располагались чуть позади пехоты и для маскировки обязательно в леску, саду, на окраине опустевшего села на возвышенном, более сухом месте.

Первым делом наш новый командир уже у себя в блиндаже поинтересовался, откуда мы прибыли, нухали ли фронтовой порох, нет ли среди нас трусов, нет ли больных или вшивых и с каким видом оружия мы знакомы. И когда выяснилось, что никакого оружия кроме домашних дробовиков мы не знаем, он ахнул от удивления и заорал:

- Да на кой дьявол вы мне такое пополнение нужно когда вы даже 3-х дюймового полевого орудия и в глаза не видали. Мне нужны грамотные опытные артиллеристы, а вы с петухами и дробовиками. Нет, сейчас же пойду к командиру дивизиона, пусть заменит.

- Да мы Ваше благородие все прибывшие из Владивостока к Вам в пополнение, никто полевых орудий не видел так, что менять ненакого.

- Из пехотинцев можно подобрать хороших, знающих и боевых ребят взамен вас. Хотя вы и в пехоту не годитесь, коли не видели настоящей русской винтовки.

- Не торопитесь Ваше благородие менять нас на пехоту, - выступил вперед Паша Скворцов. Мы ребята грамотные и смелые. Покажите нам раза два, три эти орудия, растолкуйте как с ними обращаться и мы, ну первым может пальнем и мимо, а вторым обязательно влани немчуре прямо в лоб.

- Да вас прислали воевать, а не заканчивать здесь университеты, потом и профессоров у меня нет для вашего обучения.

- А вы Ваше благородие во время первой перестрелки с немцем дайте их всех мне. Я им прямо на практике все и растолкую. Сразу и узнаем их удаль и кто на что горазд. - предложил находившийся при этом один пожилой артиллерист.

- Хорошо, Митрофанч, сегодня дадим им отдохнуть, познакомиться с нашими хлопцами и вообще с нашей обстановкой, а завтра с утра займем их всех полным расчетом к второму орудию. Ем за старшего и, чтобы уже через пару дней они были настоящими артиллеристами и вторым снарядом влетали немцу в лоб. - Потом обращаясь к нам спросил: - Кто из вас грамотный и хорошо пишет?

- Все мы грамотные Ваше высокоблагородие, - ответил Пашка, - но самый красивый почерк у Степана Парминова. Он и вот этот Илья Проценко из-за своей грамотности и на фронт угодили.

- Как это из-за грамотности на фронт? Объясните подробней Парминов.

- Отказались Ваше благородие пойти в учебную команду, а нам, предложили или учебная или фронт. Мы выбрали фронт.

- Отчаянно, но и учиться военному делу нужно. Сядте Парминов за стол и запишите, в эту тетрадь фамилии, имена и отчество всех вас прибывших. Петуха не записывай, мы его используем в приварок.

- Нет, Ваше благородие, оставьте петуха при нас. Он нам еще сослужит службу верную и возможно выручит ни один раз в военных делах.

- Каким это образом петухи могут участвовать в военных делах? Вот в супе я их участие знаю.

- Мы этот вопрос уже обсуждали Ваше благородие. Говорят очень лакомо до курятины немецкое войнство и как только занимают новую деревню, первым делом прямо под пулями вылавливают всех кур и поросят. Ну мы нашего Петьку и используем как приманку,

выберем удобное местечко между нашими и немецкими окопами, замаскируемся, а Петьку на бугорочек и заставим кукарекнуть. Не выдержит немчур, полезет за курятиной. Ну не будь дураки мы тут языка и спашем. Все это нужно делать перед рассветом еще в темноте.

- А ведь это идея Скворцов, истинная идея. Это нужно согласовать с командованием и хорошенько продумать. У нас есть хорошие, опытные разведчики, потолкуем и с ними.

- Ловко придумано, очень ловко, - промолвил старий артиллерист. - Вот захочет ли петь ваш Петька когда это нужно.

- Об этом не беспокойтесь, Митрофанч. Он у них поет по приказанию. Я уже слышал.

- А зачем Ваше благородие согласовывать с командованием. Мы это и сами обтянаем.

- Нельзя Скворцов самовольничать. А если тебя или кого другого ненароком подстрелят? Кому интересно отвечать за самовольство.

- Ну а пока вы еще ничего не сказали чему же вас учили все шесть месяцев вплоть до самой присяги, если вы не знаете ни орудия ни винтовки?

- Учили многому, Ваше благородие - вмешался в разговор я, - но только не тому, что требуется солдату на войне.

- А подробней. Чему именно?

- Учили бегать по плану до упалу, подгоняя ремнем с медной пряжкой, рассекая ей тело до крови, учили прыгать через кобылу, опять же с помощью той же пряжки, учили за письмо, полученное от матери ползать до изнеможения по утиному, или с котелком в зубах ползти по утиному за кашей, учили еще и.и.и.

- Что заикал? Досказывай.

- Учили, вернее зубрили ежедневно и все шесть месяцев имена и полные титулы всей семьи и придворных их Императорского Величества.

- Больше путали имена дочерей их Императорского Величества, их ведь прак. подчинили, и не могли правильно выговаривать нем... то есть чужестранные фамилии придворных. Вот этому нас больше и дольше всего и учили. - Выпал из моргнул глазом Степан Перминов.

При этих словах пожилой артиллерист как-то резко крикнул, поднялся и не обращая ни к кому произнес: "И когда этому будет конец"? Одел фуражку и вышел с блиндажа.

Из его слов не было понятно к кому они относились или к нашим объяснениям или к той учебе, которую нам преподавали во Владивостоке.

Командир наш батареи с минуту помолчал, внимательно посмотрел на меня, на Степана потом на всех остальных и промолвил:

- Да, если вам верить, все действительно обучали из тому чему нужно, но вы чересчур вольно и откровенно это объясняете. Учтите за вольность имеется в военном кодексе специальная статья, ну понятно и полковой суд. Но здесь на передовой нужно быть настоящими солдатами, а в наших условиях и опытными артиллеристами. В этом поможет Вам наш Митрофанч, а иногда и я. Надеюсь быстро выстрелится вся ваша владивостокская "наука" и вы будете настоящими боевыми орлами. Потом началась у нас новая, настоящая и нужная фронту учеба, учеба убивать и калечить людей.

В тот же день мы увидели трехлинейку, а на завтра Митрофанч уже подробно объяснял все ее части и стрельбу с орудия.

Ничего хитрого в нем не было, но мы знали, чтобы быть настоящим артиллеристом нужно: первое - быть смелым, спокойным во время военных действий, знать до тонкостей свои обязанности, быть быстрым в расчетах и действиях, знать обязанности каждого номера, чтобы в любую минуту встать на место вышедшего. В отдельных случаях временно встать и на место командира батареи продолжая бой. Наводчику или прицельному нужно обладать быстротой и точным глазом, своим особым чутьем и умением быстро и точно поразить врага, и второе, - всем своим существом ненавидеть и уничтожать врага немца. Но вот за что именно ненавидеть и уничтожать, никто по существу не знал. Знали, что Германия объявила войну России, но Россия первая пала на Германию, а вот за что и почему - объяснений не было.

Но война была объявлена, столкнули парод на парод Вильгельм и Николай, а проливать кровь и разрушать народное достояние приходилось нам, для этого и требовалась смелость, точность в прицеле и ненависть к врагу.

Как нас сразу не называли "серьезными", но мы быстро под умелым объяснением Митрофанчика изучили стрельбу из орудия и премудрости ведения боя.

Нечего греха таить, после первой обмороженной, а нам показалось адской артиллерийской перестрелки, кое-кому из нас пришлось и бельца сменить, и впоследствии неделя две было страшно, но потом пообвыклись и стали не хуже "старых" солдат.

На петуха действительно взяли трех или четверых изысков, участвовали в этом два опытных разведчика и Пашка Скорцов. Ловушки строили в разных местах, в конце концов немцы попали хитрость русских и охота за курятиной прекратилась.

Когда убедились, что немцы на курьезную удочку в этом районе фронта больше не клонут, Пашку и двух разведчиков перебросили вместе с петухом куда-то на другой фронт. Получили мы от него всего два письма, сообщал, что удачно немцы клонули на их удочку и там, потом всякая связь с ним прекратилась, не было никакого ответа и на наши письма. Решили мы погиб или взят в плен так как это непроприятно было и рискованным и опасным. Очень скучали без Пашки все ребята батареи, но больше всего мы его старые друзья.

Не только от Пашки, письма стали поступать все реже и реже всем солдатам из домов от родителей и из других частей фронта от товарищей, братьев и других родственников. Возможно здесь сказывались расстояние, безобразная работа связи, частое передвижение воинских частей и перемени места, а скорее всего от полного расстройств железнодорожного транспорта и жесткой цензуры. В последнее время поступали письма все замазанные тушью с оставленными словами, — "кланяется тебе до сырой земли отец Сидор Иванович, мать Прасковья Григорьевна... и далее перечисления всей семьи" или "Маланья родила сына Иванку, а Манька осталась телочкой". Нам с фронта разрешалось писать — "жив, здоров чего и вам желаю". Женам и невестам разрешалось писать и сердечного, любовного содержания.

Отец мне писал коротко о состоянии нашей семьи, о состоянии хозяйства, о поступающих коротеньких письмах от Александра и Владимира и о том, что все еще он похваривает. Брат Владимир писал редко и коротко, "жив, здоров, чего и тебе желаю". Он находился где-то в Белоруссии на передовом фронте. Потом его легко задало осколком и он недели две отлежал в госпитале.

Брат Александр писал чаще и больше, кроме жив здоров писал и о своей службе. Он находился в дивизионной или корпусной канцелярии и участвовал в духовом оркестре. Находилась их часть где-то в Прибалтике. Моя нареченная невеста Феня на письма не скупилась, все они дышали страстью, пылкой любовью и клятвами о верности до гробовой доски.

Был в мае месяц после того, как наш фронт окопавшись простоял без движения, не считая мелких стычек и незначительных перестрелок почти пол зимы, немцы пошли крупным и всем фронтом наступлением. Хотя о готовившемся немецком наступлении знали, ждали его, но все равно получилось как то врасплох и неожиданное. Мы были не готовы не только контратаковать, но организованно, планомерно отступать на заранее организованные, подготовленные и укрепленные рубежи, а получалось, что чуть ли не панически постоянно бежали. Кто был на фронте тот знает, что организовано отступать на ранее подготовленные позиции и в панике бежать, не одно и то же. Тут потери в живой силе и в снаряжении колоссально разные.

Все лето бои шли с переменными успехами, но в общей сложности нам чаще приходилось как тогда выражались, "дранать" и за лето мы немцам оставили большую часть нашей территории.

Наступала осень 1916 года. Много мы хвятили горя за прошедшее лето, кроме Павки выбыл из нашей шестерки еще один наш товарищ. Его зацело осколком в голову и он находился где-то в госпитале".

Однажды рано утром, стряслось у нас большое и небывалое событие, кто-то из наших ребят выйдя из временного нашего блиндажа, быстро вернулся обратно и крикнул: "Ребята, у нас в траншее висит какое-то объявление, пошли посмотрим". И действительно,

на одном бревне траншеи была видимо наспех приклеена листовка. В ней говорилось, "что мы здесь гибнем в сирых окопах, в действительности не зная за что проливая кровь, а дома семьи наши пухнут и мрут от голода и все это якобы в защиту нашей православной веры и нашего православного батюшки царя, а того не знаем, что уже не царь правит нашей страной, не царь командует нашими войсками и не священный синод правит нашей церковью, а всем этим теперь заправляет безграмотный бродяга, расстрига Гришка Распутин. Этот сибирский пьяница, вор и конюград полностью захватил власть в царском дворце, представляя из себя святого, чудотворца, кудесника, предсказывая всякие небывальи, оборонил всю царскую семью, в особенности царю царю и по существу уже не царь, а этот бродяга правит всем царским двором, смещает министров и вмешивается в дела действующей армии, дела фронта. Заканчивалась листовка призывом: - Солдаты и сознательные офицеры, раскройте нам глаза. Пора кончать проливать невинную кровь, нужно идти в Петроград разогнать преступников и отобрать власть у кровопийцы царя и бродяги Распутина, взяв руководство страной в свои руки". Подпись была "РСДРП".

Листовка была отпечатана ротатором и как оказалось она была не только у нас, а у многих траншеях и даже на дверях блиндажа нашего командира артиллерийского.

Когда мы все выскочили и оступились вокруг этой листовки и Степан Перминов начал ее вслух читать, - установилась мертвая тишина. Один только Митрофанчик, стоявший позади нас громогласно кричал и, когда уже Степан прочитал, последнее слово, громко крикнул:

- Оставить! Марш по местам! Вам что делать нечего, что здесь собрались? Запомните твердо, - эту бумажку никто из вас не видел и ничего о ней не слышал. Потом спокойно подошел, аккуратно снял листовку, сложил ее и положил себе в карман, повторился и крикнул: - Разойдитесь!

Такой выкрик от Митрофанчика мы слышали впервые. Он был старшиной нашей батареи и мы ему подчинялись как непосредственному командиру, а уважали и любили как отца родного. Он за все время не общал и не наказал напрасно ни одного солдата. Вот и сейчас, его выкрик был хотя и грозным, но он не был злобным, а скорее предупредительным, предостерегающим. Это его предупреждение мало из нас кто понял, также как мало поняли и листовку.

- Вот и Митрофанчик из-за какой то непонятной бумажки на нас разорался, - сказал один из батарейных, когда мы возвратились в блиндаж. - В Петербурге какой-то Распутин, а у нас тут этот Раздерей. Кто он такой этот Раздерей, что-то о нем до сих пор не было слышно.

- Чудак. Не Раздерей, а РСДНП, и этот надо понимать не человек, а какая-то воинская часть или какая-то другая организация, - сказал Степан Перминов.

В это время зашли в блиндаж командир батареи и Митрофанчик. Все мы подылились.

-Что у вас тут приключилось, что вы до сигнала пацана все повскачали. Сигнала о тревоге вроде не было, - спросил обращаясь ко всем командир.

Мы помня приказание Митрофанчика "не видели и не слышали", стоя на вытяжку молчали.

- Да вот листовка как-то оказалась у нас в траншее, Ваше благородие, - и Митрофанч достав листок из кармана передал его командиру.

Командир видимо уже был с ней знаком потому, что взяв и чуть в нее взглянув спросил:

- Вы что, все ее читали?

- Нет читал один, а слушали все. Когда я подошел и запретил, то листовка была прочитана, - ответил Митрофанч.

- Хорошо. Приведите себя в порядок и поменьше разговорчив, а Вы господин старшина пойдете со мной.

Так официально старшиной, командир Митрофанча называл радио и только при офицерах.

В нашей батарее были хорошие ребята, из которых человек шесть или семь были нашими с Степаном добрыми друзьями, которым можно было доверять все. И вот однажды в разговоре некоторые пожаловались, что их семьи живут бедно, своей земли не имеют и арендуют клочки земли исподу у помещиков и мироедов кулаков. И в одном укромном местечке не спят, а прочитал им наизусть "Вихри враждебные веют над нами" и "Отрочаемся от старого мира"...

- Так в твоей басне оказывается, что "мрут в эти дни с голодухи рабочий", а наши семьи крестьяне и тоже мрут с голодухи не имея своей земли, - сказал один из ребят.

Тогда я им продекламировал "Отпустили крестьянам свободу... Только землю не дали народу..." и сказал, что это не басня, а песня и пообещал когданибудь их ребятам пропеть. И что из: из добрых, закадычных друзей кто-то оказался предатель.

В тот же день вечером меня вызвал в траншею Митрофанч и убеждаясь, что поблизости никого нет спросил:

- Кто тебя научил и откуда ты знаешь запретные революционные песни, которые сегодня читаю ребятам?

Я знал еще дома от отца, который предупреждал нас, что за эти песни сидят в тюрьму, сосылают на каторгу или в ссылку. Поэтому не на шутку отрушил и промывали:

- Никто не учил господина старшина. Этот, это и я замолчал.

- Хорошо, Проценко. Откуда узнал эти песни скажешь после, а сейчас предупреждаю, крепко прикуси язык. Об этом мы поговорим еще разок.

Примерно через неделю или две когда мы после очередного отступления вновь окопались в хорошем сухом лесу, меня отозвал Митрофанч в находящиеся в стороне кусты и приказал, скорее попросил рассказать откуда мне известны революционные песни. Я рассказал, что в 1905 году старший брат учился в гимназии и там от старших студентов научился этим песням, а дома в Волочаевке перенял без всякого заднего смысла у брата песни и я.

Боясь за брата Александра /он ведь тоже находился на фронте/ я не сказал, что он привез из гимназии какие-то брошюры и рукописную тетрадь с революционными песнями, которые я знаю почти все.

Вслушав меня он спросил: - "от какого брата, Александра или Владимира?" Оказывается он уже знал из получаемых мной писем, где находятся мои братья. Потом взял меня за плечо и строго сказал: - "если ты не полностью все соображаешь, не болтай где попало чего не следует, иначе не долго очутиться в дисциплинарном батальоне, а то и поставленному к стенке."

О революционных организациях и революционной деятельности я действительно немного знал и еще меньше понимал, но хорошо знал, что за подобные песни, на воле садыт в тюрьму и сослают в ссылку, а в армии, тем более в военное время по предупреждению Митрофанюча могут поставить и к стенке. Понятно, после этого разговора я порядком струсил и крепко прикусил язык.

А немец все нажимал и нажимал, дела на фронтах шли не в нашу пользу и наш брат солдат переживает все больше и больше лишений. За два с половиной года войны зимой на холоде, летом в сырости он измотался физически и изболел духовно. Но сознательно солдат становился от этих лишений другим, в особенности когда прошел слух, что в одной батарее на другом участке фронта оказались снаряды начиненные смесью пороха песком и немцы зная об этом заранее, взяли всю батарею голыми руками.

Затем постепенно начали просачиваться на фронт и распространяться среди солдат газеты, в которых писалось, что в Петрограде в царском дворце появился святой старец Распутин, который предсказывал и творил чудеса. Описывалось как этот чудотворец Григорий Распутин спас от гибели наследника Алексея, убрав его из спальни, в которой в ту же ночь оборвалась над кроватью наследника многопудовая люстра. Сообщалось о расприх в правительстве, о частой смене министров. Тут же вслед появлялись листовки, в которых сообщалось как этот сибирский бродяга и конокрад сумел пролезть во дворец и под покровительством царшии сменяет бездарных в правительстве министров, и духовно исцеляет и лечит царских фавориток, принцесс, княгинь, графинь и прочую дворцовую челядь. Листовки всегда заканчивались: "далой позорное самодержавие!" "далой кровавую войну!"

Примерно в декабре 1916 года появилась новая листовка, в которой сообщалось, что убит царедворцами бродяга Григорий Распутин и сброшен в прорубь Невы и тут же было помещено большое стихотворение начинавшееся:

Умер от пули сибирский милага,
Пьяница, вор, конокрад.
Этот безграмотный дерзкий бродяга
Взятый в плен Петербург... и т.д.

О том как оплакивалось дворцом, в особенности царшей исчезновения Распутина и как его труп искали подо льдом Невы, открыто сообщалось в газетах.

События следовали одно за другим. Война заняла затяжной позиционный характер. Положение солдат на фронте все тяжелей и тяжелее. Плохо одеты и обуты жили в сырых, а подчас и совсем залитых водой окопах. Пищу получали не регулярно и по существу существовали впроголодь. Врачей и медикаментов не хватало, тысячи солдат гибли не получая медицинской помощи.

Военные поражения, плохое снабжение, нехватка оружия, патронов, снарядов, благодаря чему на десять немецких артиллерийских выстрелов, мы могли послать только один.

Но всему этому бездарное командование, вызывали антивоенные настроения не только среди солдат, но и среди некоторой части офицерства.

Недовольство в русской армии нарастало, такое недовольство чувствовалось и среди немецких солдат. На передовых позициях началось стихийное бегство русских солдат с солдатами противника.

Участвовали случаи дезертирства и отказа прийти подразделениями идти в бой.

Листовки разоблачавших самодержавие и преступное царское правительство с призывом покончить с братоубийственной войной, раздухой и голодом среди населения, появлялось все больше и больше. Кто доставлял на фронт газеты, кто печатал и распространял среди воинских частей листовки многие не знали, но мы с Степаном Перминовым твердо и безошибочно знали, что в нашем арtdивизионе к этому причастен наш старшина Митрофанч. Имелось некоторое подозрение и на командира нашей батареи прапорщика Анатолия Ивановича Боровика, но полных оснований пока не было.

Так продолжалось весь январь и февраль 1917 года. На фронтах установилось какое-то пугливое затишье. В частях заметно наблюдалось снижение воинской дисциплины, но фронт пока стоял нерушимым.

Чувствовалось надвигающееся большое событие, и вот, в первых числах марта это событие свершилось. Командир арtdивизиона приказал собрать в рядом находившемся лесу весь свободный состав солдат и офицеров предварительно усилив наблюдение за неприятелем, хотя со стороны немцев за последние два месяца почти не было ни одного порядочного выстрела. Там бесспорно так же как и мы чего-то ждали, сохраняя гробовую тишину по всему фронту.

Когда мы были выстроены по батарее, к нам подошли командир и все офицеры дивизиона. С ними был и незнакомый нам подполковник. На лицах некоторых офицеров выдалась какая-то растерянность, беспокойство, а у некоторых, даже страх в глазах.

Обращаясь к нам командир арtdивизиона с явным волнением произнес:

- Господа офицеры! Доблестные солдаты - артиллеристы!

Два часа тому, назад поступило из штаба главного командования тревожное сообщение: "3-го марта Их Величество Император Николай второй отрелся от престола в пользу своего брата Великого князя Михаила. Будет ждать присяги новому Императору и дальнейших указаний. Сейчас требую соблюдать строжайшую дисциплину и обязательно наблюдать за произками врага. Будьте всегда готовы оказать достойный отпор и нанести поражения любым его намерениям. Разведите господа офицеры личный состав по батареям, усильте посты наблюдений, не доверяйте затишью со стороны врага. О том, что враг коварен и беспощаден, вы убеждались не однажды. Затем господа офицеры прошу ко мне в блиндаж для получения указаний от бывшего представителя из штаба главного командования.

Неожиданностей и большой сенсации среди солдат от сказанной командиром новости не произошло, так как распространяемые среди солдат по всем блиндажам, траншеям и окопам листовки об этом и к этому призывали уже давно. Но в каждой листовке было не только "долей самодержавие", но и "долей войну", а здесь, один самодержиц передавал царство другому самодержицу, а о прекращении войны ни единого помысла, ни единого слова. Но все равно сердце почему-то сжалось /и видимо не только у одного меня/ от какого-то приятного испуга, от предчувствия ⁶какого-то таинственного чего-то нового, грандиозного.

Принимать присягу новому Императору так и не пришлось, через неделю другую листовки оповестили, что Михаил поняв, что на троне ему не усидеть тут же отказался от трона. В этих листовках кратко говорилось, что в Петрограде с помощью

меньшевиков и эсеров оформлено Временное буржуазное правительство во главе князя Львова, крупного помещика Родзянко, крупных капиталистов Гучкова, Теравенко, Миллюкова и других. От "демократии" вошел в этот правительство красноречивый эсер Керенский.

До Временного правительства уже был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Петроградский Совет хотя и возглавлялся эсерами и меньшевиками, но под влиянием большевиков и широких масс народа проводил революционные и демократические преобразования. Были введены свобода слова, печати, собраний и пр. Рабочие устанавливали 8-часовой рабочий день, устанавливали контроль над производством, создавали и вооружали Красную гвардию.

Отражая требования рабочих и солдат Совет издал приказ отменивший царские порядки в армии, предоставлял гражданские права солдатам, предлагал создавать выборные солдатские Советы в воинских частях, которым давалось право контролировать деятельность офицеров и генералов.

Этот приказ имел очень большой толчок в революционизировании армии.

Так образовалось в стране двоевластие. Не замедлили появиться во всех частях разного рода агитаторы. Одни именовались социал-революционерами, другие — кадетами, третьи — меньшевиками, четвертые — большевиками, пятые — анархистами и пр. Все выступали со своими программами и каждый на свой лад, но все они кроме большевиков, требовали "войну до победного конца". Большевики наоборот требовали: "долой войну, мир всем народам, долой буржуазное правительство. Вся власть Советам, вся земля крестья-

нам, все заводы и фабрики рабочим. Долой помещиков, долой буржуазию.

Трудно все это доходило до сознания простого неграмотного или малограмотного солдата. Слыша всех, он не смог сразу разобраться к кому примкнуть, но признал: "долой войну", "землю крестьянам тем, кто ее обрабатывает, а заводы и фабрики рабочим, кто на них трудится", были ему понятны и "человек с ружьем" постепенно начал понимать кто его друг и за кем ему нужно следовать. Солдат становился уже не тот, не той безропотной оарой скотишкой, а начал понимать, что и он гражданин своей родины и хозяин своего государства.

Избранные Советы в войсках частях на многое раскрыли глаза солдатам, это помимо их защиты, давало право любому солдату выступить в присутствии командира и других офицеров со своим мнением, своим предложением, а на своих войсковых собраниях иметь право решающего голоса.

В наш дивизионный Совет был единодушно избран наш уважаемый старшина Митрофанч. Много хорошего он сделал в защиту нашего брата солдата, но пробыл он председателем нашего Совета недолго, его в скорости как старого большевика отозвали в Совет корпуса.

Шли дни, недели, месяцы, Советы опьяненные успехами революции, на первых порах доверяли соглавительскому руководству и не смогли сразу разобраться в обстановке, и война продолжалась.

В Петрограде - Временное правительство уже под председательством эсера Керенского, овладев властью расстреляло рабочую демонстрацию в июле, упорно не желало вывести страну из войны, мобилизовало и гнало на фронт новые миллионы солдат. Снова поли-

лезь еще обильнее невинная кровь народа, снова было убито и искалечено сотни тысяч солдат. Увеличились во время военных действий и убийства в спину неугодных извергов офицеров.

Так продолжалось на фронте до осени.

Проведши лето и осень 1917 года перемещались то какой-то междуусобицей, то митингами и говорильней, то настоящим адом во времена безвыходных действий. Но все это было большим и настоящим университетом умственно дремавшему солдату для его прозрения.

Если мы во Владивостоке изучали в основном титулы Их Императорских Величеств и Высочеств и всей другой челяди царского двора, подкрепляемые для злобности медной припой тупоголового отдаленного командира господина Цейна, то здесь на фронте за несколько прошедших бурных месяцев, узнали и убедились, что Их Императорское Величество вовсе никакой благоверный и возмилостивый помазанник божий, а величайший преступник Николай кровавый не один раз сотнями и тысячами расстреливавший и осиротивший своих верноподданных, узнали и про темные тайны и заговоры в царском дворе, узнали о махинациях бездарных и преступных министров, помещиков, капиталистов и другой буржуазии "задной толпой стоявшей у трона". Узнали и соглашателей и приклябателей буржуазии, эсеров, меньшевиков, кадетов и других предателей. Поняли, что коммунистическая ~~наш~~ партия единственная пролетарская и народная партия, которую нужно отстаивать, защищать и за которой нужно следовать.

Наконец выстрел "Авроры" оповестил о грядущем неизбежном. Грядущая Великая Октябрьская социалистическая революция. Дело

Временное буржуазное правительство, арестованы его члены. Керенский переодетый в женское платье бежал за границу.

Большой из великих людей мира, вождь пролетариата, создатель коммунистической партии Владимир Ильич Ленин провозгласил:

Великая социалистическая революция в России свершилась. Вся власть Советам. Мир всем народам!

Свершившаяся в Петрограде 25-го Октября Великая Социалистическая революция всколыхнула весь фронт. Никаких указаний о мире еще не было, но фронт стихийно начал разлагаться и распадаться. Дисциплина упала до минимума. Подчиненные офицерам требовавшим войну до победного конца, отсутствовало, марш эсеров и меньшевиков поддерживавших офицеров и требовавших этого же, стаскивали с трибун и под свист, лязжанье и увесистые палки выдворяли вон.

Некоторые части батальонами и целыми полками бросали окопы и порядковыми маршами уходили в тыл. Уходящие выполняли требования войсковых Советов и большевиков не бросали оружия, а уходили при полном боевом вооружении.

В конце декабря с одной уходящей частью ушли из своего наполовину переданного артдивизиона и мы с Степаном Перминовым.

Долгим, трудным и с многими приключениями был наш путь до Волочавки. Приходилось ехать сешеломом с целой воинской частью, на крышах вагонов уходивших на Восток поездов, приходилось десяти верст идти пешком расчищая с боями путь с разными бандами "батьков" и атаманов. Где-то за Вернееудинском мы с Степаном потеряли друг друга, и оказалось, что ему повезло по Амурской ж.д. дороге попасть домой, а меня по многим дорожным обстоятельствам опять через Китайскую ж.д. дорогу забросило во Владивосток.

Уже из Владивостока я только в конце мая или начале июня 1918 года / сумел возвратиться домой в свою семью, в свою родную Волочаевку. Братья Александр и Владимир были уже дома. Владимир явился еще в феврале, а Александр в апреле месяце. Отца в живых уже не было, умер он не более нескольких дней до февральской революции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПИТЬ ВСЕ ДОМА

После коротких приветствий и других семейных разговоров, я к вечеру в сопровождении младших братьев Толи и Гриши отправился за сопку на кладбище навестить и поклониться могилам родителей. На могиле отца был установлен такой же листовичный крест как и на могиле матери, оба их мастерил Василий Алексеевич.

Дома вечером на семейном разговоре выяснилось, что семья последние два года жила впроголодь и сейчас из продуктов имелось немного прошлогоднего картофеля и еще сохранилось половину мешка фасоли, чем в основном и питались. Летом Толя и Гриша ловили руками между кочек карасей и переметами сомов, собирали грибы, ягоды и это было большим подспорьем в питании.

Ловил веilterями и сетями рыбу для продажи и Григорий Павлович Кошель, но не каждый имел десять копеек, чтобы купить у него два фунта рыбы.

Зимой жилось много труднее, рыбу подо льдом ни старшие, ни малые ловить не умели и дары леса отсутствовали. Правда, соленой и вяленой кетой запасались на всю зиму, а картофелем, капустой и другими овощами почти на круглый год все без исключения жители Тунгусской волости.

Брат Антонин которому было уже восемнадцать лет, работал ремонтным рабочим на железной дороге, но его заработка хватало только на пуд муки которую привозили в вагон-лавку и отпускали один раз в месяц каждому работающему на железной дороге и расплатиться за соль, мыло, спички, а иногда и три - пять фунтов чумизы набранные за месяц в лавке Василия Климовича Артеменко.

В хозяйстве все еще оставались два коня "Пузанька" и старый поросистый "Савраска", одна коровенка дивавшая летом два-три, зимой одну бутылку молока, двухлетняя величина с козутелка, с десятков кур и большущий, ленивый и глупый барбос "Бурят".

а в общем "Бурка". Вся эта животина требовала только корма и ухода за ней, не принося никакой пользы семье. Да тогда ни о какой пользе от скота и не помышляли, а придерживались какой то бессмысленного, дедовского понятия: - "чем больше хвостов тем знатней и уважаемей хозяин". На эти "хвосты" круглый год и трудился без всякой пользы этот хозяин, летом заготавливая, а зимой доставляя для них корм.

Сразу же с первого дня по прибытию с фронта, Владимир с головой вклинился в работу этого бесполезного хозяйства, освободив младших братьев и жену Лизу от подвозки дров, сена и уборки навоза.

Александра я дома не застал, он вообще находился в Покровке. Его месяц назад избрали на волостном съезде председателем Тунгусского волостного Совета. Как мне хотелось его видеть, но со слов домашних, он уже целую неделю находится в Хабаровске по вопросам организации кооперативов в Покровке, Николаевке, Волочаевке и в верховьях Тунгуски.

От Владимира я узнал, что в Волочаевку уже возвратилось человек пятнадцать фронтовиков и такое же количество солдат служивших во Владивостоке. Ожидались еще находившиеся в плену Павел Волочаев и один из железнодорожников и Николай Слинько где-то застрявший так как и я в дороге. Не вернулись из фронта погибший второй зять Кошеля Мирный и пропавший без вести старший сын Волочаева Пантелеймон.

Некоторые из фронтовиков, возвратились калеками.

Вечером, в первый же день по прибытии, я отправился навестить своего фронтового друга Степана Перминова. Еще не радостней чем в нашей семье оказалась у него жизнь в доме. Когда мобилизовали Степана, дома оставался с одним конем и одной коровой, одиноким вдовцом старик отец. Коня в последнюю мобилизацию лошадей после мобилизации сына, забрали на войну и старик остал-

ся беспомощным влечить свое существование с одной коровенкой таская на плечах дрова из леса.

Как он жил, знают только голые стены его обветшавшей избушки.

Степан уже устроился на железную дорогу ремонтным рабочим на Поперечке. Казарма для ремонтных рабочих находилась в семи верстах от станции Волочаевки, поэтому волочаевцы домой приходили только по субботам на воскресенье или же вечером за основным продуктом питания — картошкой по мере необходимости.

Сегодня Степан пришел за картофелем и находился дома.

Очень рады были встрече, много разговоров, воспоминаний о фронтовой жизни, о потере друг друга в дороге, о новой революционной жизни, о разрухе в стране которую мы видели собственными глазами проезжая с конца в конец по нашей необъятной и многострадальной родине. Коснулись и жалкого существования нашей Волочаевки.

Уже за полночь Степан ушел на Поперечку, а я домой. Уходя он сообщил, что на Поперечку требуется еще человек пять-шесть рабочих и если я желаю, можно устроиться хоть сегодня. Я ответил, что посоветуюсь с домашними и в следующее воскресенье скажу окончательно.

Дома решили отдохнуть мне недельку, увидеться с Александром, а затем уже устраиваться на работу. Это ведь не только заработок, а начало восстановления разрушенного и второй пуд муки для семьи.

Конечно "восстанавливать разрушенное" было сказано далеко преждевременно, так как разрушать железную дорогу, жечь мосты, спускать под откос поезда, уничтожать телеграфную линию, приходилось самим же еще долгих четыре года.

На следующий день после ужина мы с Антоном вышли со двора. У нас под забором со стороны улицы лежали десятка полтора не толстых листовичных бревен заготовленных еще при

постройке железной дороги. Их почти за четыре года войны так ни на что и не употребили, даже не использовали за наше отсутствие на дрова, а ведь трудно им в зимнее время приходилось с топливом. Всего только одно бревно и расходовали на крест на могилу отца.

Бревна были ошкуренные, но за пятилетнее на них сидение и стариков и молодежи, верхние из них были гладкие и до блеска чистые.

На эти бревна мы с Антонином и уселись.

Я с нетерпением ждал этого момента, чтобы подробно спросить его о Фене Слинько. Все ведь знали о моих с Феней отношениях, но почему то никто из домашних об этом ни единым словом не промолвился, но не удалось спросить и сейчас.

Не успели мы присесть на бревна, как по времянке со стороны деревни показалась ватага ребят. Это были старые мои друзья, а некоторые из них и друзья детства.

Я еще издали узнал Арсения Серых, Бориса Дроздова, Ивана Кучмишака, Михаила и Петра Чернышевых, Василия Новиченко и Сергея Канзалаева. Еще двое или трое парней мне были незнакомы.

Не доходя к нам еще полсотню шагов, ребята вразнобой заорали из чего можно было мало мальски разобрать:

— Слышали, слышали, что еще один фронтовик Илюшка Проценко приехал, но он что-то зазнался и не показывается.

Я поднял кверху руки и в свою очередь заорал:

— Помилуйте ребята, я еще и дома не всем как следует показался. Вчера только прибыл.

Ну чтож. Здорово брат служивый. Давай показывайся и пошли крепкие полатия рук и увесистые тумачи в рабру.

Пока мы так здоровались подошла кучка девушек и остановилась в стороне. Я взглянул на них, но узнал только двоих: Дуню Дроздову и Стешу Зиньковскую. У меня с ними еще до армии были

шаловливые любезности. Остальных шестерых я не знал, да все они были не вполне взрослые девушки, а так себе - девушки лет по пятнадцать - шестнадцать. Я подошел к ним и поздоровался с каждой за руку. Они стеснительно подавали руки, прятались друг за друга.

А теперь айда на мост - командовал Сергей Канзалаев. В разговорах и шутках все повернулись и пошли обратно.

Я сразу понял, что Сергей здесь верховодит, и знал его как бывшего хулигана, мне ~~это~~ не понравилось.

Меня заинтересовала среди девчат, одна девченка и я шедшего рядом со мной Антонина тихонько спросил:

- Чья эта девушка? -

- Какая? -

- Да вон та крайняя краснощекая -

- Что не узнал? Это Марфа Серого.

- Сестра Арсения? Быть не может. неужели это та самая сорванец, дикарка, что бросала нам в окно конку во время нашей читки. -

- Она самая и без подделки.

- Ну и ну. Выходит пока мы защищали царя и отечество успело вырасти из малышек новое поколение.

Оказалась среди пришедших меня навестить ребят и девушек, не было бывших наших соседей по дворку - Фильки и Оришки / как мы их тогда звали / Колесниковых. Филька мне ровесник, а его младшая сестра, года на четыре нас моложе. С Филькой мы как соседи дружили, но он каждое лето уезжал с отцом куда то на заработки. Дома оставались очень грязная и неряшливая, вдобавок криворотая и говорившая в нос мать и ее дочь Оришка. С Оришкой / как ее звали и родители / мы с Феней неоднократно пытались поговорить на тему их неряшливой жизни и как то втянуть ее в наш кружок чток, но ничего не получилось, она нас просто избегала.

Однажды летом 1915 года перед моей мобилизацией в армию,

я вечером попытался залезть к ней на вышку их домика, где обыкновенно она спала, и получил как говорится крепкой и грязной пяткой в лоб. Это заставило меня быстро ретироваться.

На следующий день при встрече, я спросил:

- Ориша! сегодня опять будешь спать на вышке? -
- А то дек. Я все лето сплю на горщи.
- А мне можно вечером к тебе прийти? -
- Приходи когда хочешь.
- А пяткой по вчерашнему в лоб не двинешь? -
- А там побачиш. Усмехнулась и убежала.

Это было хотя и вызывающе, но пахло и каким то общением. Не на шутку взбешенный, а еще больше заинтересованный, я поздно вечером, выбрав удобный момент полез / не без опасения / получить вчерашнее / к ней на вышку.

Она лежала вместо матраца на каком то ватнике укрытая самотканым рядом. Не спала, видимо ожидая меня. Ночь была тихая и лунная какие бывают только на Дальнем Востоке. На маленькой вышке с большими щелями и дырой вместо дверец во фронте, через которые проникал лунный свет, было причудливо и таинственно светло. Лежащая Ориша при этом освещении казалась какой то сказочной, волшебной царицей. Казалось, что она из себя излучает этот волшебный свет. Я как зачарованный смотрел на Принушку и на всю эту световую причуду.

Вдруг Ориша пошевелилась и потянулась, - я сразу очнулся и тут же все видение потеряло свою волшебность. Я подошел к Орише, стянул с нее покрывало, она не сопротивлялась. Я приспособился рядышком. В результате получилось, что я измученный и истерзанный не солоно хлебавши получил от нее тяжелую травму оставшейся памятью на всю мою жизнь.

Тогда ей был всего четырнадцать лет, теперь уже ей семнадцать и мне так хотелось ее видеть, встретиться, теперь уже не по ребячьи, а по взрослому поговорить, вспомнить прошлое, а потом, как я еще на фронте после измены моей суженой Фени от ревности поклялся, что если останусь жив и вернусь домой,

обязательно влюблюсь в Оришу, а потом возможно и женюсь на ней. Она была хотя всегда и грязная, но черноглазая и очень красивая девушка. Вот только смущало меня одно, Оришку я отмов, а вот иметь такую грязную, неряшливую "гундоску" — тещей, от одного воспоминания бросало меня в жар и расстраивался желудок. Но сегодня вот нет Ориши среди девушек. Возможно Колесниковых и в Волочаевске уже нет. Сегодня же дома разузнаю все подробно.

Так я встретился не видавших кого два, кого три года с друзьями и чуточку познакомился с подростками в моем отсутствии девушками. Но они меня мало интересовали, меня интересовали только судьба Фени и Ориши.

Примерно дней через пять после моего прибытия домой, приехал в Волочаевку Александр. Он от кого то в Покровке узнал, что я нахожусь уже дома. Радостям не было предела.

Нас с Александром обближало помимо общего родственного, братского и что то другое, дополнительное, видимо музыка и книги. Мы оба увлекались чтением и любили музыку, чего за другими братьями пока не замечалось. Оба с увлечением играли на струнных инструментах. Александр был по-настоящему настоящим музыкантом, даже уверял нас, что не плохо играет и на рояле, но что это за рояль и пианино, мы и понятия о них не имели, хотя Владимир как то рассказывал, что однажды их воинская часть заняла какое то богатое польское поместье в котором оказался новенький и целенький рояль. Их офицер и один вольноопределяющийся хорошо играли на этом рояле и они под бой и грохот артиллерийской канонады целую неделю наслаждались приятной музыкой. Не верить ему было нельзя, чего только не бывает на войне.

Здесь нужно добавить и то, что если Александр был настоящим музыкантом, я только кое как брэнчал на мандолине, балалайке и гитаре.

После приветствий, воспоминаний и расспросов о моей задержке и что видел и встретил дорогой возвращаясь домой,

Александр вкратцах поведал нам о новостях проходивших в стране, Хабаровске и делах организации кооперативов в Тунгусской волости. Все это он подробно доложит и объяснит на объединенной с железнодорожниками сходке, которую постарается созвать завтра.

Долго личными семейными вопросами нам заниматься не пришлось. Узнав, что приехал из Хабаровска Александр, начали сходиться к нам односельчане и в первую очередь старшие друзья: Василий Алексеенко, Яков и Илья Волочаевы, Лука Кучмишак и другие из молодежи. Вслед за ними начали приходить как и председателю волостного Совета старики и некоторые женщины. Одних интересовали политические вопросы, — других — косы, лопаты, мотыги, — третьих рыболовная нитка, сети, женщины интересовала мука, крупа, мыло, сарпинка и др. Всем Александр старался вкратцах объяснить сегодняшнюю обстановку в стране, Хабаровске и в волости и просил созвать завтра же сходку на которой он подробно доложит и объяснит все их интересующее.

Всеравно народ не расходился и люди толкались у нас во дворе до позднего вечера, а вечером явились к нам на бревна ребята и девушки. Как Александр не отнекивался ссылаясь на усталость все же пришлось уступить просьбам молодежи и выйти с мандолиной к общей компании.

Так за целый день и до половины ночи нам и не удалось остаться наедине в своем семейном кругу.

Сходка была многолюдная. Собрались у ядилья подножья сопки около двора Волочаевых. Явилось почти все население: мужчины, женщины, молодежь и вездесущая детвора. Для ведения собрания избрали председателем Михаила Кузьмича Акимова и секретарем Василия Андреевича Слинько.

Установив примерную тишину Акимов сказал:

— Уважаемые граждане села и железной дороги! Не так давно мы на волостном съезде в Покровке избрали Тунгусский волостной Совет и его председателем нашего односельчанина Александра Васильевича Проценко. Сегодня председатель волостного

Совета прибыл к нам в Волочаевку и просил созвать настоящую сходку. Дадим ему слово и попросим пусть доложит как обстоят дела у нас в Тунгусской волости в частности в организации кооперативов и как вообще мы дальше будем строить нашу Советскую жизнь. Не плохо если он расскажет, что сейчас творится у нас в стране. Прошу Александр Васильевич.

Поднявшись из-за стола установленного для президиума Александр обращаясь к присутствующим произнес:

- Дорогие товарищи одессельчане и железнодорожники! Глубокоуважаемые женщины. Дорогие друзья фронтовики! Три дня назад как прибыл я из Хабаровска. Пробыл я там больше недели занимаясь, в основном, вопросом организации потребительской кооперации в нашей волости. Но об этом я скажу в конце выступления, а сейчас поведаю коротенько какое у нас положение на сегодня в стране.

Презажные дорогие друзья поступают сообщения из Совета Народных Комиссаров в Хабаровский Дальсовнарком. Мировой буржуазии именуемой Антанта в которую до октября прошлого года входила и Россия, не по нутру наша Социалистическая революция и Советская власть. Импералисты Англии, Франции, Соединенных штатов Америки, Японии и других воюющие страны бывшие наши союзники в войне против Германии восстали против нашего Советского государства прекратившего кровавую войну с Германией, ликвидировавшую фронт, распустившую царскую армию и объявившую мир всему миру. Им мало пролитой крови. Они не хотят замечать миллионы калек и сирот, они сити и им нет дела до голода простого народа и вот чтобы снова восстановить в России царский строй, посадить снова нам на шею помещиков, разного рода капиталистов, продажную контрреволюционную свору и снова восстановить фронт и заставить нас воевать против Германии, - эти бывшие союзнички начали угрожать нам вооруженной интервенцией. По имеющимся точным сведениям, английские войска заняли на Севере Архангельск, а французские на юге Одессу. У нас на Дальнем Востоке во Владивостокскую бухту "Золотой Рог", в

самый центр города вошли японские, американские, английские, итальянские и даже китайские военные корабли, которые по всей вероятности высадят военный десант во Владивостоке.

Внутренняя контрреволюция, царские генералы и офицеры в союзе с эсерами и меньшевиками организовав контрреволюционное казачество и обманув некоторую часть солдат фронтовиков, сколачивают добровольческую белую гвардию в походе на Москву, с целью задуть Советскую власть во всей России и снова закабалить народ.

Их щедро вооружают и снабжают иностранные государства Антанты.

От этих белогвардейских армий уже горят города и села нашей родины и снова льется невинная кровь народа...

Товарищи односельчане. Вы сами видите до какой разрухи и опустошения довела эта никому ненужная война наше народное хозяйство. Ужасающий голод царит не только у нас в России, но и во всей воюющей Европе. Это все видели и прекрасно знают прибывшие фронтовики и вернувшиеся наши соотечественники из плена. А что мы прибывшие увидели дома? Нищету, разорение и голод. Мы возвратившиеся с фронта три брата застали дома только мешков пять картошки и полмешка фасоли. Этим, в основном, питалась семья, а другие из Вас возможно и этого не имеют.

Наша земля и наши хозяйства нас не кормят, рыбу ловить стало нечем, побочных заработков ~~из-за войны~~ из-за войны почти не стало. Железная дорога которую лет пять шесть тому назад мы тоже строили, — полуразрушена, а разоренный войной подвижной состав еле влачит свое существование...

Что нам сейчас нужно?

Первое — это мир с Германией, всеми бывшими нашими союзниками и со всеми народами мира.

Второе — рабочим и крестьянам полностью взять власть в свои руки и объединиться вокруг Советов.

Третье - Засучив рукава, немедленно приступить к восстановлению транспорта, заводов фабрик, сельского хозяйства и всего разрушенного за время войны, ну и организовать повсюду общественную торговлю - потребкооперацию.

И четвертое - поскольку иностранные интервенты уже предательски оккупировали окраины нашей родины, а внутренняя контр-революция подняла голову и организует белую армию в походе на нас, - нужно быть исключительно бдительными, хранить и крепко держать в руках принесенное с фронта оружие и в случае опасности по первому зову вступать в красную гвардию в защиту нашей родины.

Что лично нам вот сегодня собравшимся на эту сходку нужно: - это плуги, бороны, косы, лопаты, мотыги, топоры, гвозди, рыболовные снасти, мука, крупа, масло, штаны, сарпинка, керосин, соль, мыло и другие хозяйственные товары.

Никто нам этого сегодня не даст, нужно самим в городах на имеющихся фабриках и заводах в десятки раз увеличить производство этих товаров, для чего необходимы настойчивые усилия и напряженный труд и распределять их через потребкооперацию, а потом дополнительно строить, по мере необходимости, новые фабрики и заводы. Все это наш народ, если ему не мешают, построят с лихвой. В нас, в народе вся сила.

По это дело будущего, а сейчас я в Хабаровске договорился в Центросоюзе для нашей Тунгусской волости несколько десятков кос, лопат, тяпок, топоров, неводной дели и других хозяйственных товаров. Для получения этих товаров, нужно Вам сегодня избрать двоих грамотных уполномоченных и через пару дней направить их в Покровку в волостной Совет. Таких людей выделяют и другие села. Эти уполномоченные помогут получить в Центросоюзе эти товары и доставить их в Покровку, а в волостном Совете мы распределим их по селам.

В отношении продовольственных товаров, - муки, крупы и прочих, договорились, чтобы до открытия сельских кооперативов, продавать нуждающимся многодетным семьям через железнодорожную

вагон-лавку.

Вот пока у меня и все.

— Ну кто имеет Александру Васильевичу вопросы, прошу задавать, — спросил председательствующий Акимов.

— А сколь Александра нам в Волочаевку привезешь ты кос, лопат и тяпок. У меня три добрых косаря, а осталась одна коса и та склепанная в пяти местах, а на четырех баб всего осталось две тяпки. А сенокос уже вот, вот. — Задал первый вопрос Макар Милайлович Дроздов. — Косы, тяпки от как нужно. Без них ни сена заготовить, ни огород обработать. Но хлебушка, хлебушка нужен голодным детям. Гляньте на тех кто еще выжил как они пораспухли от единственной картошки. У них и тела нет, — одна кожа да кости. Они и растут не вверх, а только в живот и больше двух или трех лет не выживают. Александра Василич, хотя пшена, чумизки им на кашницу. Богом Вас просим. — Со слезами на глазах запричитала тетка Паранька.

— Это тетя уже не вопрос, а целое выступление. Прощу задавать вопросы.

Вопросов было много, кому требовались косы, мотыги, кому топоры, гвозди, кому неводная дель и другое. Женщин интересовали: мука, мыло, чугуны, соль, мануфактура и все другое для спасения от голодной смерти детей.

Акимов интересовав вопрос, как решается вопрос о созыве Учредительного собрания.

После ответа на все вопросы, первое слово попросил старик Григорий Маковецкий. Это длинный, худощавый, самый высокий во всей Волочаевке по натуре тихий и добродушный мужик.

Обращаясь к собранию он произнес: — Вы граждане товарищи мужики все знаете, что у мене кроме живни, двух хлопцев, одной дивки и паганой кобыльчини бильш нема ничего. Все мы здорови, всим робить хочеться, а робе на жилизныци тильки один старший хлопец Грышка. Дочка Дунька тоже уже здорова дивка, треба щось би робити, а робить ничего.

- Добре сказав Олександр Василевич: "засучить рукава", та я з васученими ни тильки днем и в ночи сплю, а справлять разрушене щось никто не кличе. А сам я хіба знав що и як.

- Да ты Григорий и так день и ночь в работе. У спирто- носов тоже труд не малий. А ты первый спиртонос в Волочаевке. Сбегать за тридцать верст в Иргу и притащить по болотам на горбу пудовую банку спирта, а потом сделать из нее три банки, не так просто, не всякий сумеет. Ты здесь прекрасно знаешь "що и як"- Прервал его речь Василий Алексеенко.

- Э, сказав спиртонос. Меньше б ты Василь дув оцей спирт и мини роботы було б меньше. Хіба на Вас Настачишь.

- Хватит Вам чепуху молоть. Говорите посерьезней и о деле. Слово имеет железнодорожник мастер гр-н Мельников.

Мельников - это до красна риний мужик, махровый монархист-черносотенец, ярый противник советской власти и явный противник восстановления разрухи, организации кооперативов и улучшения материальной жизни населения, - тряся своей красно- рыжей бородой протолкался к столу президиума и брызгая слюной завопил: - Вот милостивые государи, господа граждане до чего мы дожили. Все мы сейчас слышали, и вы железнодорожники, и вы мужики Волочаевки, прекрасную речь председателя нашего волостного совдепа, уважаемого Александра Васильевича товарища Проценко. Он по совести и полностью перечислил что нам сейчас нужно. Сказывается не только хлеб, крупа, масло, соль, мыло, но еще нужны и плуги, бороны, косы, лопаты и другое. А кто же милостивые государи и государини все это нам сейчас даст.

При царе батюшке и при умных людях которых, вместо того, чтобы кланяться им в ноги, вы разогнали их как буржуев, все это шло из культурной, грамотной и умной заграницы. / Народ на собрании недовольно загудел/. Сами вы знаете, что всех сортов мука, крупа, бобовое масло, сарпинка, даже спички, мыло и многое другое шло из Харбина, - значит Китая. Косы, лопаты, гвозди, кровельное железо, сахар, мануфактура и многие фрукты, шли из Японии. Плуги и другие механизмы, тем более были загра-

ничные. А теперь, что мы имеем. Председатель совдепа нам предлагает засучить рукава и самим взяться за производство. А шить под нос не хочешь. — Народ загудел сильнее и послышались отдельные выкрики: "Долой! Гоните провокатора! — Не обращая внимания на ропот и выкрики в его адрес, Мельников продолжал: — Где на это производство ваши капиталы. Капиталистов ведь сами к стенке ставили и ставите. А за граница, бывшие наши союзники: Англия, Франция, Америка, Япония и даже наш сосед Китай стали нашими врагами и с оружием в руках, сам говоришь окружают нашу совдеповскую, чумацкую Россиюшку. И поделом. Не суй...

— Долой риную собаку, буржуйского холоуя и предателя. Завопили сразу десятки голосов. Долой, долой! Слышалось со всех ~~старых~~ концов.

Сидевший рядом за столом и писавший протокол собрания Василий Слинько схватился с места и с силой оттолкнул оратора от стола. Дальше подхватили его фронтовики и волоком упиравшегося вытащили из круга собрания. Это походило на то, как на некоторых заводах доведенные до отчаяния хозяином или мастером, рабочие вывозили их на тачках с позором под свист и дублюканье на заводскую свалку.

После восстановления порядка слова попросили сразу человек восемь — десять. После некоторых пререканий, первому из них было дано тоже прибывшему с фронта старику Глаголеву.

Несмотря на то, что его жена имела длинный язык и являлась самой болтливой бабой на всю Волочаевку, отчего слово "Глаголиха", было нарицательным словом означавшим все пороки такие как лгун, болтун, трепач и другое в этом роде, сам Глаголев был умным, степенным и уважаемым всеми и взрослыми и детьми в деревне человеком. Он был из мастеровых и часто и на долго уезжал один в Хабаровск, Николаевск или куда то еще на побочные заработки. В Волочаевке он имел дом, огород, займку под картошку. С хозяйства, была кажется, одна коровенка. Всем

этим хозяйством управляла его жена "глаголиха". Было у них двое детей, — сын Костя и дочь Марфа. Костя на один год старше нашего Анатолия был прекрасный парень и уважаемый своими сверстниками. Полунемая и не полностью развитая Марфа была года на два младше Кости.

Последнее время отец и Костю брал с собой на заработки.

Взяв слово, Глаголев сказал: — О том дорогие товарищи Волочаевцы, что железнодорожный мастер Мельников контра и вражина мы все давно знаем, но удивляет одно, почему этого злого и злобного контрреволюционера до сих пор терпят и не уберут в положенное ему место. Вы только вдумайтесь, что он нам тут наговорил. Ему все иностранцы, даже японцы, которых я еще с 1904 года, в войне с ними хорошо помню, что это за друзья, и даже китайцы которых недавно сам обзывал "грязными и вонючими хоями", стали теперь лучшими нашими соседями, бывшими нашими кормильцами, а теперь спасителями России от большевиков и прочей красной заразы.

Я во многих местах побывал на нашем Дальнем Востоке и у многих чужих и чуждых иностранцев, но почему то ставших нашими хозяевами пошел и поработал и знаю на собственной шкуре как они грабили наш труд и нашим же трудом грабили нашу родину. А вот такие предатели и продажные собаки как этот Мельников, были у них помощниками, которые в угоду своим хозяевам издевались над нами, хозяевами своей земли, и вытягивали из нас все жилы в обогащение иностранцев.

Так было и в лесной и в рыбной промышленности, так было и на золотых приисках и везде где бы я не работал.

Бывало и так, проработав как каторжный весь летний или зимний сезон, а домой являлся с пустым карманом.

Но вот пришло возмездие, поднялся и сплотился простой народ в могучую силу и разлетелся в прах все эти иностранцы и их наши русские прихлебатели, но еще остались некоторые из этих Мельниковых и вот путаются у нас под ногами.

Пора друзья - товарищи кончать и с ними. Сейчас мы слышали горькую, но истинную, откровенную правду сказанную Александром Васильевичем. Мы, хотя возможно и не все из нас понимаем, что все бывшие царские министры, помещики, капиталисты, царские генералы и офицеры, никогда добровольно не отдадут нам добровольно рабочим и крестьянам власть и веками награбленное нашим потом и кровью богатство. Вот они и готовят свою белую армию из этих отбросов и таких монархистов как наш Мельников, зовут в помощь иностранные войска о походе на нас, на нашу Советскую власть.

В это тяжелое и опасное время для нашей родины, нам, рабочим и крестьянам нужно быть бдительнее и крепче держать наше оружие в своих руках.

Для получения в Хабаровске товаров о которых говорил Александр Васильевич, я предлагаю избрать Михаила Кузьмича Акимова и Василия Андреевича Слинько.

Хотя Михаилу Кузьмичу и не по душе наша Советская власть и ее порядки, но он мужик грамотный, проворный и для своего общества постарается.

Пока Глаголев выступал, некоторые немного поостыли от яростной злобы на Мельникова, да и самого Мельникова уже не было, он еле унес свои ноги во свояси.

Следующее слово получил, вернее сам его взял Василий Слинько. - Товарищи фронтовики! Вы видимо еще не забыли как мы расправлялись на фронте с такой сволочью как этот Мельников. Он достукается своей вражьей агитацией, что фронтовой метод и самосуд придется применить и здесь. Так ему товарищи железнодорожники и передайте.

Выступая сейчас товарищ Глаголев удивлялся - почему мол до сих пор с ним нянчатся, не уберут и не упрячут его куда следует?. Да по самой простой причине дорогой товарищ. Потому, что в Управлении железной дороги все еще сидят старые царские чиновники и для них такие Мельниковы - хлеб насущный. Чего

доброе, эти провокаторы от этих чинуш и инструкции получают на такие как сегодня его выступления. Много еще врагов и скрытных иностранных разведчиков-шпионов прячутся в наших советских учреждениях. Борьба будет с ними еще большая и длинная.

О предложении поехать в Хабаровск за получением товаров мне и Акимову о которых нам сейчас говорил Александр Васильевич, я не отказываюсь и рад послужить на пользу обществу. Незнаю как на эту поездку смотрит Михаил Кузьмич. Пусть об этом он сам скажет.

— Я граждане односельчане с радостью поеду в Хабаровск и с удовольствием выполню все Ваши поручения. Да и небыло никогда случая, чтобы я отказался от общественных поручений. Наоборот, я всегда старался сделать что то лучшее для общества и предложенное Вами или мной какое либо дело выполнял беспрекословно. То, что мне не по душе Советская власть и ее порядки о которых так красиво сейчас говорил гражданин Глаголев, — одни разговорчики. Вы смотрите не на разговоры, а на дело. Каждый волен иметь свои убеждения, но дело мы должны строить и делать так, чтобы лучше, ситнее и радостней жилось нашему русскому простому народу.

Вот и сейчас, когда мы съедемся в Хабаровск представители всей Тунгусской волости, я первый постараюсь поставить вопрос в Амурском речном пароходстве, чтобы всю заготовку дров по реке Тунгуске сдавали не подрядчикам-богатеям, которые наживаются на эксплуатации ливущего там местного населения, а обществам расположенных там деревень. Как они там организуются в артели заготовок дров — это уже будет зависеть от них самих.

Для нас волочаевцев, мы там общими силами с помощью Александра Васильевича постараемся выхлопотать хотя на один общественный кетовый невод неводной дели. А это уже будет и рыба и хлеб. В Амурской области всегда за кету можно выменять и муку и крупу.

Многие еще выступали и каждый говорил о своих нуждах. Многие говорили и о скорейшей открытии общественной кооперативной лавке. Женщины больше говорили о голодных и голых детях, о горсточке крупы и муки, об аршине — двух Сатинки или ситца им на рубашонки. Да и сами пообносились, что нечем даже прикрыть ~~даже~~ срамное тело. Не забывали возмущаясь и Мельникова. Поносили его на все лады за его злостное и контрреволюционное выступление.

Одна боевая женщина, под общий хохот молодежи, показала и клоч рыжих волос якобы нечаянно вырванных из его бороды при выдворении его с собрания.

По окончании выступлений, представителю последнее слово Александру. Выступая в заключении он сказал:

----- Дорогие товарищи волочаевцы! Как хорошо и правильно вы здесь выступали. Все ваши высказанные здесь нужды понятны и ваши требования справедливы, но самое ценное то, что многие из вас ясно понимают, что изживать и строить новую жизнь нужно нам самим. Манна с неба не упадет, нужно вырастить и сделать ее своими руками. Правда, в нашей Тунгусской волости какую крупу не посеять, она в сегодняшних наших условиях навряд ли вырастит. Но это не говорит о том, что мы должны прекратить всякие посевы. Наоборот, их нужно развивать. Правда и то, что теперь нам ни китайцы, ни японцы тоже этой манны не дадут, значит выход один — нужно не ждать этой подачки, а самим заняться чем то доходным другим обеспечивающим нормальную жизнь наших семейств.

Как правы с своими требованиями выступавшие здесь женщины. Сколько они наши матери, жены и сестры все эти три года без нас отцов, мужей и братьев, перенесли в нужде, голоде и холоде страшного горя, дрожа каждый день и час за жизнь детей здесь, и жизнь кормильца где-то там на войне И, при всем этом сохранить Волочаевску и кое какие свои хозяйства.

Спасибо и низкий поклон Вам женщины.

Теперь давайте разберемся, почему мы при неограниченных плодородных землях, при таких богатствах какие имеются на земле, под землей и в водах нашей необятной родины, при таких трудолюбивых умельцах как наш русский народ, — постоянно жили в нужде, в ужаснейшей нищете, бескультурье и невежества.

Это объясняется тем, что мы русские люди никогда не были хозяевами земли русской и всех ее неисчислимых богатств.

К примеру возьмем наш Дальний Восток.

Разве мы русские люди со всем другим его населением не смогли бы сами разрабатывать и выгодно продавать наш русский лес? Так нет. Его разрабатывают варварским и хищническим образом/ хотя частично и нашими руками/ и вывозят за границу наживая колоссальные средства Японцы и другие иностранцы. Нам же разрешалось рубить лес на свои дачи и рубить на дрова...

Разве мы русские люди не смогли бы сами добывать в наших морях и реках драгоценную рыбу и морского зверя, обеспечивать себя и выгодно излишки продавать за границу, так нет, — все низовье Амура и лиман сданы японцам где они хищнически разоряют и уничтожают наши рыбные угодья.

Давно известно, что вылавливая нашу летнюю кету и горбушу которых мы здесь и в помине не видим, и все это наше добро используют на удобрение своей японской земли...

Разве мы русские и другие населяющие нашу землю люди не смогли бы сами для себя добывать из наших недр золото, платину, серебро и другие драгоценные металлы и этим обогащать нашу родину, так нет, — все это сдано немцам, англичанам и другим иностранцам, которые нашим добром и нашими же руками обогащаются, а нас русских на нашей же земле, за незначительный протест и законные требования сотнями расстреливают, как это было в 1912 году на ленских золотых приисках.

И так веками наши русские цари и их немецкие министры торговли Россией, отдавая иностранцам в эксплуатацию и в полное рабство свой русский народ.

Сейчас всему этому пришел конец. Вся Россия с ее неисчислимым богатством берем в свои собственные руки и если нам не помешают интервенты, мы быстро расправимся с нашими внутренними мельниковыми и сообща с рабочими, крестьянами и нашей интеллигенцией, построим прекрасную, радостную жизнь в России, но борьбы и труда нам предстоит еще много.

Лично я поддерживаю выдвинутые кандидатуры Василия Андреевича Слинько и Михаила Кузьмича Акимова. В Хабаровске мы сообщаем попытаемся получить что либо и дополнительно.

Так бурно и активно прошла первая послевоенная сходка в Волочаевке, не считая предыдущей избравшей делегатов на волостной съезд.

На следующий день после собрания, простившись с нами Александр уехал в Покровку. Последнюю ночь мы почти не уснули за разговорами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СНОВА О ФЕНЕ.

Я уже жил вторую неделю дома, нужно было приниматься и за побочный труд, поэтому сразу же после уезда Александра, я ушел на Поперечку договориться на работу ремонтным рабочим. Там требовались дополнительно четыре человека рабочих и мы договорились, что я выйду на работу в следующий понедельник.

Мысль о Фене меня не покидала, и Оряши Колесниковой на которую я располагал неблизко в Волочаевке. Они оказываются как только мобилизовали их Фильку, сразу же уехали всей семьей из Волочаевки, но куда, — никто не знал.

Из Фениных писем я знал, что все она их писала здесь у нас при Лизе, поэтому и все их содержания Лизе известны. Да и по глазам ее было видно, что она все время хочет мне что-то сказать, но не может уличить время, а при Владимире и других стесняется. Стыдась первым заговорить о Фене, помалкивал переживая и я.

Много горьких переживаний добавляла мне и младшая сестра Фени — Вина. Она полностью заменила Феню и на день по десятку раз прибегала к Лизе находя разные причины, а по вечерам просто поболтать с нами.

Несмотря на то, что ей было уже полностью семнадцать лет, она выглядела и по комплекции и по развитию тринадцатилетней девочкой, хотя уже изрядно была начитана и из книг о жизни и любви знала больше других. Чересчур много и откровенно обо всем болтала, даже намекала, что она влюблена не то в Александра, не то в меня, но вот о Фене и моей с ней любви, до сих пор не заикнулась ни единым словом хотя знала всю нашу большую любовь с Феней.

В следующее воскресенье я подстерег когда Вина прибегала к нам, перехватил ее во дворе и сказал:

- Вот что красавица, ты сейчас к нам не ходи, после завтрака Толя и Гриша уходят на весь день на рыбалку, Антонин уже давно ушел с ружьем поохотиться на селезней, Владимир по делам на лошади уезжает в Дежневку, дома остается Лиза да я, поэтому обязательно прошу тебя прийти к нам через часик. У меня к тебе есть большой и серьезный разговор.

Нина сначала побледнела, потом усмехнувшись спросила:

- Не сватать ли собираешься? Уговаривать с Лизой будете? Смотри Илья, получишь "гарбуз". Она меня тоже звала Илей как звала и Феня, но часто звала и Илюшей.

- Нет Нина, пока с женой повременю. Довольно с меня и того горького "арбуза" которым меня угостила твоя сестрица Феня.

- Ах вот о чем. А я грешным делом уже подумала о новом платье для встречи жениха. Хорошо, приду. Повернулась и убежала.

Зайдя в наш маленький домик в котором мы все братья включая Владимира и Александра спали, я лег на свою постель на общих нарах и предался горьким воспоминаниям.

Чего только я не передумал за час леж на постели: сойка, сугроб снега, мы с Феней вылетаем из своих саночек и чуть не в обнимку барахтаемся в сугробе. Там же первый в моей жизни поцелуй с девушкой породивший большую и страстную любовь между нами. Потом постоянные объяснения в любви, жаркие поцелуи, когда выпроводив ребят после наших читок мы оставались вдвоем на нару. Мы были тогда еще юнцами, все нам тогда казалось светлым, радостным, прекрасным. Мы часами могли сидеть в обнимку молча взирая на большую ясную улыбающую луну.

Когда мы подросли и стали уже настоящими юнцами, любовь наша еще больше укрепилась и превратилась в пылкую страсть. Это позволяло и давало возможность использовать все чего бы мы хотели, но я любил ее, жалел и хотел сохранить целой нетронутой, непорочной до нашего супружеского ложа. Были и такие случаи: когда Владимир был мобилизован, Феня частенько у нас ночевала

на кровати вместе с Лизой. Один раз придя поздно вечером с улицы, я забрался к ним на кровать и пролежал в обнимку с Феней не меньше двух-трех часов. Было очень жарко и несмотря, что все мы были только в нижнем белье, все были от жары мокрые с головы до ног. Лиза нас гнала в соседнюю комнату / зал / где было прохладно и стояла односпальная койка. Феня располагала на все, а я тогда пожалел, и, вот сохранил, но не для себя, а для этого старого отвратительного Васьки Чернышева.

Не будь я тогда пайнкой, а вернее дураком, Феня ни за что не рискнула бы выйти замуж за Василия, скорее убежала бы ко мне на фронт.

Хорош и я был тогда. Феню жалел которой тогда было 17-18 лет, а вот к Орише Колесниковой которой было тогда 13-14 лет на чердак лазил и небыло ее жалко. Но Ориша оказалась молодец, хорошую мне тогда преподнесла фигу. Вот теперь я бы искренно полюбил ее, но нет и ее милой, славной, хорошей.

Сколько еще будучи во Владивостоке я получил писем от Фени. Во всех она писала как скучает, горюет, чистенько плачет и ждет, ждет. Почти во всех клялась, что любить будет до самого гроба только меня. Частенько в письмах награждала любовными стихами такими как:

Я люблю тебя без рассуждений.
Без тоски, без думы роковой.
Без упреков, без пустых сомнений,
Что тут думать, - я твоя, ты мой.
Я любви не вею и не мерю,
Нет любовь есть вся моя душа.
Я люблю, смеюсь, клянусь и верю
Ах, как жизнь с тобой мой милый хороша.

Понятно, мне от таких писем и служить было легче, даже при таком изверге как бывший отделенный командир господин Шейна. Я любил Феню, верил ей так же скучал и ждал скорее отслужить службу и домой, чтобы навеки соединиться супружеской жизнью с моей любимой.

Но шла кровавая война и требовалось пушечное мясо фронту все больше и больше. Она уже проглотила миллионы жизней, но глотала она не только людей, а и целые города разоря и опустошая Европу.

Знал я, знала и Феня, что фронта мне не миновать, а от туда не все возвращаются домой, а если кто до окончания войны приходил, то изуродованным, искалеченным инвалидом.

Наконец и я очутился в горниле этой кровавой войны. Письма стали поступать все реже и реже и сразу кипами двух-трех месячной давности. Где они путешествовали, где скитались, никто из нас толком не знал.

От Фени и на фронте я получал письма и все такие же любовные, страстные с неизменной подписью "Твоя навеки". От таких писем и на фронте хотелось петь, плясать и свершить великий беспримерный подвиг. Но подвиг, только не великий, а беспримерно коварный, предательский совершил не я, а моя любовь-Феня.

Как то весной 1917 года я получил очередную кипу писем. В ней и солдатские треугольники от братьев Владимира и Александра из дому от Антонина и сразу три письма от Фени. Прочитав письма от братьев я принялся за письма моей любимой. Первое ее письмо дышало жаром любви и клятвой ядаты меня до конца войны, а если потребуется, то и до конца века. Второе маленькое и какое то тревожное, а третье большое и страшное. От первых строк в глазах у меня потемнело и я чуть не лишился сознания. Нет, не верю я этому. Быть не может, чтобы "моя навеки" Феня так подло и коварно мне изменила. Возможно я не так понял письмо? Начиная читать снова: "Милый мой и дорогой Иля. Пишу это письмо у Вас в доме при Лизе и заливаюсь до истерики горькими слезами. Когда ты прочтешь это письмо, меня в Волочаевке уже не будет. Меня насильно выдали замуж за Василия Чернишева. Завтра едем в Хабаровск венчаться, а потом через неделю увезет меня Василий в город Екатеринодар. Милый мой дорогой и навеки любимый Иля, с завтрашнего дня я буду телом принадлежать Василию, а тебе навеки душой и сердцем"...

Нет, прочитал и понял я письмо правильно. Измена, коварная измена, предательство. Скомкав все ее письма я выскочил из блиндажа в окоп и выбросил их в сторону немцев.

Боже мой, моя единственная Фени, моя первая любовь, моя нареченная и такое. Да еще за кого? За Ваську Чернышева, которого в Волочаевке все ненавидели, все презирали. Да он в два раза старше Фени. Если Фене 19-20, то Василию не меньше 35 лет.

Постой, а ее ли это почерк? Возможно подлог, издевательство или шутка. Но так зло помутить мог только младший брат Василия — Мишка. Он на год старше Фени и тоже был к ней неравнодушен. Потом Василий был мобилизован в армию раньше меня. Как же он мог очутиться в Волочаевке и успеть жениться на Фене когда еще шла война? Нет тут что то не то. Нужно еще раз проверить, ее ли это почерк. Да и дату не посмотрел, когда именно оно писано. Но как сейчас быть, ведь все ее письма за окопом. Днем могут и подстрелить, а ночью в темноте и не найдешь. Да, что там рассуждать, вылезу из окопа и возьму свои письма. Подстрелят, — туда и дорога. Без Фени мне и жизнь ни к чему.

С такими мыслями я спокойно вылез из окопа, взял свои письма и не спеша вернулся в свой окоп. Со стороны немцев не последовало ни единого выстрела, возможно любовались моей отвагой, а возможно и прохлопали..

Впоследствии я ужаснулся своему отчаянному, а скорее глупому поступку.

Да письма все три были от Фени, ее рука, ее подпись. Измена, коварство. Как ранили они мое сердце. Я неделю ходил как ошалевший, а ночами тихонько плакал накрытый шинелью. Потом успокоившись, собрал все ее письма и больше ни разу не глядя на них, привез их домой. Они и сейчас у меня в ранце, я их намерен показать сегодня Нине. Лиза понятно о них знает.

Сохранил и привез я три письма полученные от Стени Зиньковской в которых она объяснялась в любви. Я еще будучи во Владивостоке ответил ей, что она девушка хорошая и мне она очень нравится, но любить ее не могу, так как уже давно люблю

другую. Она на это ответила, что возможно я стесняюсь, что она полячка, так она может немедленно принять православную веру. Я на это ответил, чтобы она оставалась полячкой, но не рассчитывала на меня. После этого наша перениска прекратилась.

Сейчас не вижу в Волочаевке и Стену.

В этот час моих тяжелых воспоминаний, и раздумий, открылась в домик дверь и вошла Нина.

- Что валяешься? Сам назначил свидание и дрыхнешь в постели. Что тут будешь объясняться в любви или пойдем к Лизе, там начнете сватать. Видишь, я все же тебя не послушала и принарядилась хотя и не в новое, но в чистенькое платье, и тут же крутонулась раза два - три около моей койки.

Что то игривое шелохнулось и во мне. Я вскочил с постели, обнял Нину и с силой прижал, так что хрустнули косточки к себе и влил ей крепкий поцелуй в губы. Когда я отстранился, она как пьяная прислонилась к стене, потом открыв глаза прошептала:

- Илья, ведь это впервые в моей жизни. А я думала в любви объясняются иначе. Ох как слад... и выскочила в дверь.

Через время я вышел из домика и вошел в наш общий дом. Лиза возилась около плиты, а Нина взволнованная, красная как варенный рак сидела за столом. В доме кроме маленького Лизиного синишки Вити, небыло больше никого.

Пройдя через кухню и спальню в зал, я Лизу и Нину позвал за собой. Когда они вошли, сразу обеих спросил:

- Ну что красавицы, долго еще будем играть в молчанку? Ведь наши с Феней бывшие отношения Вам хорошо известны. Почему за две недели моего пребывания дома о Фене никто не заикнулся и словом. Что за гробовое молчание?

- Потому, что оно гробовое и есть. Фени уже три месяца как нет в живых. Три месяца как уже находится она в могиле - со слезами на глазах промолвила Нина. - Умерла она в Екатеринодаре от предвременных родов.

Эта весть громом упала мне на голову и я как ошалевший не мог вымолвить ни единого слова. И дальше из их рассказов я узнал следующее:

Сказывается еще в мае прошлого 1917 года появился в Волочаевке Василий Чернышев. Одет он был франтом, с головы до ног в коже. На плечах кожаная тужурка, ботинки галифе обшиты зад и колени кожей, на ногах кожаные ботинки и кожаные гетры, на голове кожаная фуражка. Даже кожаные рукавицы с широкими до локтей началом напяливал на себя несмотря на теплую погоду.

Когда идет, далеко слышно как рычит его сбруя.

В то время одна из самых видных девушек в Волочаевке была Феня, вот он как коршун и высмотрел свою жертву.

Придя к Слинько вроде бы по делу, он рассказывал, как два года пробыл в немецком плену, как работал военнопленный на заводе "Бенц" выпускавшем автомобили где и получил высокую специальность мастера и шофера. Потом из плена бежал. Сейчас живет в Екатеринодаре, заведует военной механической мастерской и одновременно готовит шоферов для фронта. В волочаевку приехал навестить родителей и кое что сделать для себя.

Следующий раз в воскресенье пришел уже вместе с отцом с выпивкой и подарками и начали сватать Феню. Народ за войну поизносился, пооборвался, а поэтому подарки казались богатыми каких в Волочаевке последнее время и не видели. Отцу новые ботинки и рубашка, матери на кофту и на юбку, Фене на два платья и модные с высокими голенищами на пуговицах полусапожки. Даже Нине и то материал на кофточку.

- Подума? Идя, разве от такого кожаного жениха и таких подарков можно было устоять, я и то бы согласилась выйти за такого если бы меня сватали, а Феня ни в какую. "Скорее лишу себя жизни, повешусь, утоплюсь, брошусь под поезд, чем стану женой этого чудовища". Один раз действительно под сеновалом вынимали ее из петли. Еще минута и была бы готова. Но крутой нрав нашего отца вы понятно знаете. Он и старшую сестру Талю отдал насильно

замуж за недоброго дьяка Плотницкого. Последние дни я от Фени и не отходила боясь за нее. А теперь и за себя боюсь, он и мне присватает какое нибудь чудовище вроде дьяка или Чернышева. Но я тогда к тебе прибегу — примешь Илья?

— Бедная Феня, как она голубка убивалась, сколько она горячих слез пролила на этой койке. Последнее время десятки раз на день прибежит, упадет на койку, зароется головой в подушки и стонет, стонет. Иногда расплачется с причитаниями: "Где ты мой милый Илья, если бы ты был во Владивостоке, сегодня бы к тебе убежала, но ты далеко на фронте. Как мне туда доехать и где тебя там найти". И опять головой в подушки. Я не успевала просушивать свои подушки от ее слез. Бытирая от слез глаза проговорила Лиза.

После мы узнали, что в то время в Хабаровске были курсы сестер милосердия. Два месяца проучат и на фронт. Вот бы знать нам об этом, возможно вместе бы вы и вернулись. Дополнила Нина.

Как в чад, мало что соображая целых полдня слушал я происшедшую трагедию с Феней которой нет уже в живых.

Растерзал, убил старшей изверг девушку зная и ревнуя ее любовь ко мне. Преждевременные роды и смерть — это только предлог скрыть убийство.

С этими мыслями я пролежал до вечера.

К вечеру по одиночке вернулись обратно все домой. Первым пришел с охоты Антонин с одним худощавым кряковым селезнем. Приехал с Дежневки и Владимир, позже всех явились с хорошим уловом рыбаки, но оба какие то растерянные, взволнованные. За ужином они рассказали свои необычные и невероятные приключения в которые трудно было поверить. Рассказывал в основном Толя, Гриша бледнея, то краснея только поддакивал.

— Мы еще вчера договорились с ребятами Хлевною Федькой и Васькой пойти вместе рыбачить на Гольдову протоку — начал рассказ Толя. — Там всегда хорошо берется на удочку крупный лещ, карась. Частенько можно выудить и хорошего сазана. На живца

попадает и крупная щука. Такого крупного сазана какого мы принесли сегодня, не всегда удается вытащить, обязательно порвет или леску или сломает крючок. О щуке и говорить нечего, а у нас такая сегодня снасть, что и на пескаря опасно закидывать.

Перейдя впрод нашу протоку у волочаевых зпимок и обойдя займку мы напрямиком направились к гольдовой /андреевой / протоке. Не доходя пол версты до бывшей андреевой фанзы, мы расположились рыбачить. Место оказалось не удачным и мы передвинулись еще ближе к бывшему стойбищу. Клев сразу начался хороший и мы быстро наловили на уху карасей и касаток, а вы сами знаете, что такое на рыбалке, на костре уха из касаток.

Поев "от пуза" и полежав на траве, Васька и Гриша пошли посмотреть, что осталось от бывшего стойбища Андрея, но не прошло и десять минут как они с криком и искаженными лицами от испуга прибегали обратно. Сразу от испуга они не могли толком объяснить, что с ними произошло, я уже было подумал, не на медведя ли они там напоролась и не без опасения начал поглядывать в ту сторону, но успокоившись рассказали, что против бывшей Андреевой фанзы из отмытого наводнением крутого берега торчит бревно. Когда мы подошли вплотную и посмотрели - это оказалось не бревно, а конец выдолбленной из бревна гольдацкой оморочки накрытой доской. В крышке сверху прогнившая дырка. Когда мы бросили в дырку гальку, в оморочке как захлопает, защелкает, замыкает, - мы с перепугу дальше ничего и не слышали, и еле унесли ноги.

Мы с Федором усомнились, - врут мол ребята, хотя по ним было видно, что действительно перепуганные. Решили проверить, убедиться.

Вооружившись большими палками пошли по берегу к указанному месту. Это было примерно в двух сотнях саженей от нашего расположения. Гриша и Васька поотдаля следовали за нами.

Осторожно подойдя, мы действительно убедились, что из обрывистого, не наносного, а материкового берега торчит кусок величиной с аршин дощатой оморочки накрытой крышкой. Не успел

Федя ударить по оморочке, как в ней захлопает, зафиркает, замяукает. Мы с ужасом отскочили. Не поверите, у меня волосы зашевелились под шапкой и мы обгоняя друг друга, позорно бежали. Гриша и Васька уже смотали свои удочки и галопом неслись дальше вдоль берега. Мы с Федором не мешкая, быстренько смотали свои удочки, засыпали песком костер, собрали свои вещицы и "давай бог ноги" вслед за ребятами. Только пробежав с версту назад, и с большим спором и возражениями со стороны Гриши и Васьки приступили к новой ловле рыбы. Стыдно было, ведь среди белого дня, но факт остается фактом, да и клев там был хорошим хотя и на новом месте мы поймали не плохо.

Потом уже после мы догадались, что это была не оморочка, а кусок гроба, ведь там где Толя Андрей похоронил своего милого сына Мишку.

— Ах вот вы на что намекаете. На живого мертвеца нарвались. Но это уже чересчур. Лично я за три года проведенных на фронте, встречался не с одной тысячей мертвецов. Жил среди них сутками. Спал с ними, но вот чтобы хотя один из них воскрес, таких случаев и не видел и не слышал, а здесь у вас, вдруг через шесть лет воскресают. И глупо и вредно распускать такие небывлицы. Потом Толя тебе уже пятнадцать лет, пора быть взрослым и рассуждать здраво.

Предупреждаю, чтобы дальше нашего двора эта выдумка не просочилась. Стида не оберешься, да и кто этой басне поверит — строго закончил свое предупреждение Владимир.

— Какая выдумка? Одному могли мне и не поверить, но я был не один, а было нас четверо и все слышали и грохот и мяуканье в гробу так же ясно как сейчас всех вас за столом — с обидой запротестовал Толя.

Как я не был расстроен и ошеломлен утренним разговором с Ниной Сливко и Лизой, но настоящий разговор заинтересовал и меня. Обращаясь ко всем я сказал:

— Очень интересный, даже больше чем интересный случай. Конечно насчет мертвеца бесспорно ересь, но что в оморочке или

гробу затрещало и замаякало, — это вполне возможно. Как черт побери жаль, что мне завтра нужно чуть свет уходить на Поперечку. А так бы, ей-богу взял ружьецо и с утра сбегал бы навестить "воскресшего" Мишку, а Андреев Мишка нам всем хорошо знакомый парень. Ну не беда, в следующее воскресенье, если не забуду сбегать и если уговорю, то и приведу его сюда.

— Давай, давай! Если забудешь я напомню — сказала Лиза. Пока будешь бегать, я водички подогрею, чтобы на всякий случай бельецо прополоскать. — А вы — спросила обращаясь к Толе и Грише, — там прополоскали свои штанишки, или домой принесли? —

Все невесело засмеялись, а Гриша засопев носом промолвил:

— Все вы здесь за столом герои. Посмотреть бы на вас в то время с нами на протоке. Но не поздно и сейчас. Сходите, проверте, а водичку мы здесь и сами нагреем.

— Нет Лиза, нагретой водички будет мало. Ты лучше в следующее воскресенье, когда мы уйдем на Гольдову протоку, натопи хорошенько баню, ведь нас пойдет человек семь-восемь и придется много подмываться и отстирывать.

— Ну хватит, насмешили и довольно. А сходить и проверить что там за мяукавшая оморочка, обязательно нужно. — Заключил Владимир.

Вечером дождась спать в нашем домике мы с Антоном договорились, что пока я буду до воскресенья на Поперечке, он здесь договорится с Хлевною ребятами Федькой и Васькой сходить с нами в следующее воскресенье на гольдову протоку. Там и порибачим и проверим это чудо. Разоблачить этот вздор обязательно нужно.

Из предупреждения Владимира, чтобы дальше нашего двора это не распространялось, ничего не получилось. Хлевною ребята сразу же дома рассказали эту историю отцу и братьям и уже на завтра утром знали об этом все станционные рабочие и служащие и половина волочаевских жителей.

С утра говорили, что на гольдовой протоке из вымито-
водой гроба кричал на Хлевного и Прценковых ребят мертвец. К
обеду уже добавилось, что не только кричал, а вылез из гроба
и гонялся за ребятами, а к вечеру уже приходило к нам и Хлев-
ным несколько самих болтливых женщин посмотреть на синих, всех
в синяках искусанных мертвецом ребят.

Почва для женских пересказов, выдумок и сочинений была
самой подходящей. К примеру: бежит по улице глаголиха, навстре-
чу ей идет соседка. Глаголиха к ней:

- Маламка, чи чула ли ти шо случилось с Хливного и Про-
ценковыми хлопцами?

- Та чула, чула.

- Ой господи, як я рада, шо не пустила вчора з ними сво-
его Котю. А як вин просився з ними на рыбалку- и побегала дальше.

Навстречу Пестинья.

- Пыстнна, чи ти чула?

- Та чула Дарья чула.

- Мало чуть, треба бачить. Кажуть лежать хлопцы вси иску-
сани мертвяками и сини як пуп.

Побижу подивлюсь. Бежит обратно, а на встречу кума.

- Кума, чула про чудо, чи ни? Сичас бигала подивляться на
искусанных, та Дизка в хату не пустила, а я и так знаю, шо вони
лежать в хати и замотани в мокри простыни от переляку. Зараз
побижу, побижу поснидаю, а потом сбигаю до Хливного.

За неделю Глаголиха и кумушки сочинили уже целое кладбище
на гольдовой протоке по которому рыскают скелеты мертвецов и
щелкают зубами.

Наступило воскресенье. Я еще в субботу вечером пришел
домой, чтобы организовать поход на гольдову протоку. С большим
трудом удалось уговорить старика Хлевного отпустить на рыбалку
с нами синовей Федора и Василия. Уговорили и Костю Глаголева
втихара от матери пойти с нами на рыбалку.

Все это мною делалось для того, чтобы разоблачить вредные и выдуманные кумушками разговоры и предрассудки. Но что там в действительности произошло, я и сам терялся в догадках. Сочинял я разные предположения, но сам же и отрицал. О происшествии с ребятами я верил, но что получается. Из отмытого материкового берега торчит какой-то предмет сделанный человеком. Тут не замурованная наносным грунтом оморочка, а высохший материковый берег, — значит торчащий предмет был закопан человеком. Где похоронил гольд Андрей своего сына Мишку, Александр знал, он специально ездил на похороны, но не будешь же для этого вызывать Александра из Покровки.

Вот проверим сами, потом будет видно, что делать дальше. И дальше — если это в самом деле гроб, почему в нем хлопает и мяукает когда ближе Болочаевки никакого там и жилья нет и никаких кошек там быть не может. Потом кошка, да и другое животное не кричит когда его пугнешь, а молча убегает, а тут крик, стук, мяуканье. Странная и страшная догадка.

В наступившее воскресенье часов в восемь утра собралось нас уже семь человек с удочками, с закидушками, а мы с Антоном вдобавок с дробовиками заряженными картечью отправились в путь. О том, что мы ушли рыбачить, куда именно и с какой целью, — знали только наши домашние. Даже старика Хлевногo заверили, что идем рыбачить не на гольдovu протоку, а на старую Тунгусску, Алексеенкову заимку.

Не доходя саженой двести до бывшей андреевой фанзы, где по рассказам ребят торчит в берегу гроб, мы расподожились рыбачить. Снарядив и забросив закидушки в надежде поймать касаток на рыбальскую уху, взяв каждый по хорошей дудинке, мы все всемерых отправились к мнимому гробу. Ружья у нас с Антоном понятно на изготовку.

Бодро и геройски мы подошли к действительно торчащему из берега гробу. Остановив ребят сажень в трех от него я ударил по нем имеющейся в руках палкой, и вдруг в нем как захлопает, заурчит, зафиркает и замяукает и так страшно дико, что у меня

зашевелились и поднялись щетиной на голове волосы.

Все в ужасе отскочили на порядочное расстояние.

Чутьочку опомнившись, я поднял рядом лежавший тонкий прут, подсколчил вторично к гробу и воткнул его в имеющуюся в крышке дырку. Вдруг с силой прут у меня дернуло и вырвало из моих рук. Тут уж не только волосы, но и глаза полезли у меня на доб. Вырванный из рук прут завертелся в дырке и его потянуло во внутрь гроба. Тут уж и я не выдержал, и со всем моим солдатским героизмом, дал порядочного деру.

Когда я очнулся и закричал: — стой, хлопцы уже были на добрых сто шагов от происшествия.

Был полдень, светило и радостно отдавало солнице свои теплые лучи в быстрые воды протоки. Не хотелось, да и нельзя было верить в какие то сверхестественные и загробные силы. Я остановил взбудораженных ребят и в приказном порядке распорядился: когда подойдем к гробу шагов на тридцать, я ударю по нем мелкой дробью, а ты Антонин держи ружье на изготовку и в случае чего бей по нем картечью. А он свою шомполку, действительно еще дома зарядил самодельной крупной дробью. А вы братва никуда не смейте убегать. Поднял ружье и выстрелил и в тот же миг из гроба вылетел большой, обыкновенный, наш дальневосточный серый филин. Перелетев через протоку, он слеповато опустился в кусты тальника.

— Сова, сова, в один миг загорланили ребята и все приободрившись подошли к гробу.

— Нашел место прятаться чертов сын, и сколько холода он нам нагнал, — подходя сказал Антонин.

В гробу лежал скелет человека, а в дальнем его углу было гнездо в котором лежало два яйца.

Ребята по очереди заглядывали в гроб, но увидев череп человека, содрогались и отскакивали прочь.

— Это ночная безобидная и даже полезная человеку птица — сказал я, — она употребляет в пищу вредных гризунов. Все это я сказал без всяких фактических доказательств, с единной целью,

убедить ребят, что это не загробный дух и приведение, а настоящая дальневосточная, ночная птица — филин.

— Черт знает что мы гадали и предполагали, а оказалась обыкновенная сова. Теперь будет в Волочаевке среди баб разговоров и больше всех у моей мамуси: — мертвец в сову обернулся, — сказал Костя.

Ну пошли ребята, мы и так с дуру перепугу напугали невинную птицу. Пусть снокойно выводит свое потомство. Правда, избрала не весьма приятное место, но ей виднее, не будем больше ее беспокоить. Но и гроб в таком виде оставлять нельзя, еще одно наводнение, один обвал берега и он рухнет. Его нужно обязательно перезахоронить, но и разорять сейчас гнездо нельзя. Пока повременим, а как быть дальше, я об этом сообщу брату Александру. В случае чего, сами укрепим подпорками.

Пробыв на лову рыбы чуть не до вечера, мы с хорошим уловом возвратились домой.

В дальнейшем, своевременно проверить состояние гроба нам не удалось. Помешала в этом начавшаяся гражданская война, вступление нас с Антоном в отряд Красной Гвардии организованного из хабаровских портовых грузчиков и железнодорожников под командованием Ивана Павловича Шевчука, для борьбы против выступивших во Владивостоке и продвигавшихся на Хабаровск чехов.

После, уже глубокой осенью будучи на гольдовой протоке, мы гроба не обнаружили. На том месте где он торчал, виделось только углубление в берегу. По всей вероятности отец или другие гольды гроб увезли или вновь похоронили где-то здесь.

В дальнейшем разразившаяся на много лет гражданская война на Дальнем Востоке, в частности в нашей Тунгусской волости, выветрила и воспоминание об этом случае.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Иван Павлович
Шевчук

В 12 верстах от Болочевки на высоком таежном берегу Тунгуски находилась небольшая деревушка Архангеловка. Население ее занималось заготовкой дров для Амурского речного пароходства рыболовством и охотой для личного потребления.

С первой группой переселенцев, основателей в 1909-1910 годах Архангеловки, прибыла из Каменец-Подольской губернии большая семья из девяти человек Ивана Павловича Шевчука.

Прокормить, одеть, обусть такую семью заготовкой дров, рыбой и охотой, становалось на под силу и Иван Павлович выходя из положения подавая в город Хабаровск где и устроился грузчиком в речном порту. Там он приобрел настоящих пролетарских друзей, с которыми в дальнейшем во многом определялась его героическая судьба.

Большого роста, сильный, крепкий и выносливый, своим искренним и честным отношением к труду и товарищам, он быстро расположил к себе артель грузчиков и был уважаемым и любимым всеми друзьями.

Обыкновенно грузчики из баржи по сходням выносят по одному пятипудовому, а если соль, семипудовому мешку, а он иногда играючи берет по два и преспокойно поднимается по сходням.

Эта его атлетическая сила, в двойне придавала уважение товарищей.

Не так долго пришлось ему поработать с прекрасными друзьями, настоящими пролетариями. В 1913 году его призвала в царскую армию, а в 1914 году грянула первая империалистическая война и Иван Шевчук как и миллионы других ему подобных, на долгое

четыре года разлучался с друзьями грузинцами, с семьей и со всем Дальним Востоком.

Фронт он встретил патристически и первые два года честно воевал "за веру, царя и отечество", не вполне понимая захватнического, антинародного характера войны. Но безрассудства смелый и отчаянный, он всегда отзывался на крайне опасные для жизни дела, за что был уважаем и среди солдат-освободителей. За смелость и отвагу в разведках и добывании языков, за три года войны, он был награжден четырьмя георгиевскими крестами всех степеней и произведен в прапорщики военного времени.

Аспирав все прелести фронтовой жизни: окопную грязь, нечистоту, постоянного спутника вшей, наголодавшиеся недрамы, не видя горячей пищи, горечь и постоянную нехватку патронов, снарядов и другого снаряжения, прочувствовав на себе бездарность и несовершенство штатного, дворянского сословия офицерства, он стал постепенно осознавать причины неудач и поражений на фронте.

Некоторые из фронтовых друзей, в особенности из потеревших рабочих нового пополнения и посланных на фронт за участие в забастовках, заводя душевные беседы, осторожно и умело касались царского самодержавия, по поводу которого расплодилось не мало немцев и хозяйничает в нем не кто иной как приехавшийся сибирский бродяга, пьяница, вор и конокрад Распутин, о предательстве и шпионаже среди высшего чиновничества и министерств и генеральном штабе фронта. Разоблачая фронтовые порядки, несовершенство офицерства и режим мордобития, подводили итог: кому выгодно и кому нужна такая война.

Помимо этих местных рассказов, стали доходить до фронта слухи о волнениях в тылу, о голоде среди населения, о забастовках рабочих в промышленных центрах, в особенности в Петрограде и Москве.

Все это жадно воспринимал вновь ищущий офицер и полный георгиевский кавалер Иван Шершун и постепенно ненависть и злоба к царскому строю и ^{то} всем тем, по чьей вине страдают и

гибнуть миллионы солдат, а дома, в тылу голодают от недо-
еданий дети, — росла и возбуждала сознание на протяго-
борство.

Чуждое дворянское офицерство с презрением относи-
лось к новым офицерам из мужицкого сословия, и Шерчук сразу
почувствовал отчужденность в их среде. Но он и не старался
облажаться с ними. Солдатская масса была ему ближе, родней
и понятней.

Известие, которое многие уже ждали о свержении ца-
ризма, фронтом было встречено с ликованием, но многое для
"темных", не грамотных солдат, в этом было еще непонятно,
однако приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских де-
путатов об отмене некоторых привилегий офицерству, пользо-
ваться рядовым солдатам вне службы гражданскими правами и
лозунг: — "Долой войну", — были понятны.

Эти политические и моральные ослабления в солдатской
жизни и службе, тем более были понятны Шерчку. Проявляя в
этих вопросах самую широкую и активность, его одного из
первых избрали председателем ротного и членом полкового Со-
вета.

Многое пришлось испытать физически и понять солдату
умственно за те длинные месяцы войны при временном буржуазно-
эсеро-социальном правительстве Керенского. Каких только партий со
своими программами тогда не встречалось, но Шерчук сразу,
внутром, почувствовал свою рабочую партию большевиков к кото-
рой примкнул.

Неожиданное известие получено Иваном Павловичем в
октябре месяце о смерти отца в его родной Архангеловке помо-
гло ему без каких либо затруднений получить отпуск и уехать
домой на Дальний Восток. Трудным был путь по разрушенной за
войну железной дороге. Чего только не пришлось испытать. Сам
голодал, но иной кормил без отказа. В дороге, где то перед
Иркутском, услышал потрясающую весть: свергнуто и арестовано
преступное Временное правительство Керенского. Второй Все-
российский съезд Советов проходивший в Петрограде принял исто-
рическое решение, — вся власть на местах полностью переходит

к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и обеспечивают полный революционный порядок.

Октябрьская социалистическая революция свершилась.

Вот, наконец, и родной Хабаровск. Кончилось многотысячное от самой Риги до Хабаровска путешествие. Уже в сумерках сошел на станционный перрон. "Но куда пойти, — подумал он вслух — остался ли в Хабаровске кто либо из грузчиков бывших его товарищей. Все же плохо я сделал, что не сошел с поезда в Йо-лочанске. Это был бы я уже дома в Архангеловке. А как хочется домашней каты-зуботки с картошкой. Ну уж как нибудь потерплю денек-два, отмечусь в военкомате о прибытии, а там и дома. Но нельзя же не навестить и своих друзей грузчиков. Кажется здесь недалеко жид Старков. Поиду к нему".

Дорогой его останавливали два или три раза патрули для проверки документов. От патрулей он узнал, что в городе не — спокойно. Хотя власть принадлежит а Советам, но везде саботаж и контрреволюция. По ночам шныряют темные личности анархисты. Бывают и грабежи, насилия. Рекомендовали лучше ночь переждать на вокзале, где соблюдается кое какая охрана.

Старков оказался дома, находилось у него и человека три друзей грузчиков. Встреча была сердечная и радостная. Крепко жали руку и тискали в объятиях своими мозолистыми руками, но лица ко всех были хмурые, суровые. Видимо не сладко им жилось в это труднопонятное для них время.

Из разговоров выяснилось, что в городском Совете собран всякий сброд, — эсеры, кадеты, анархисты и каждый тянет свою противорбочую сторону.

—Трудно нам рабочему человеку понять, почему в Совет допускают чужих, не наших людей — проговорил один из присутствующих товарищей. — Дать им под зад пинка, а там и порядок бы наладился.

—Пробовали не допустить, сами как ужи во все дыры лезут. Это вытолкнут в дверь, он в окно лезет, турнут в окно, он в трубу лезет. Придет время и они полетят, но сейчас под зад и

они умеют. Сил у нас мало, хотя сил хоть отбавляй, но нет у нас единой организованности. Непому нас собрать в один мощный кулак. - Горячо, проговаривал Старков. - Да и оружие для этого нужно, а где оно?

Разговор оживился. Согретый товарищеской теплотой и дружеской встречей, Я за три года войны и окопной жизни, впервые ощутил какое то радостное облегчение. - Вспоминает Шенчук. - А как вы рабочие, - спросил он. - Все ли готовы защищать Советскую власть? - Советская власть, наша рабочая власть. Поэтому каждый готов за нее постоять. Да в нас ли дело. Нужны организаторы, командиры. Нужно оружие. Ведь с палками на врага не бросаться.

Я вспомнил как дорогой один солдат рассказывал, что в Питере рабочие прежде создали дружины, проводили с ними военные обучения. Потом уже из них образовали отряды Красной гвардии.

- Знаешь Иван, что я надумал. - Обратился к Шенчуку Старков. - Человек ты военный, да и еще вновь испеченный офицер. Берись организовать из нас Красную гвардию. Завтра об этом и потолкуем с грузчиками. нас ты всех знаешь и тебя мы все добра знаем. Думаю отряд Красной гвардии из нас не плохой выйдет. А домой еще успеешь съездить.

Так и прошла в разговорах с товарищами чуть не вся ночь.

На следующий день вечером, собрали собрание в совете грузчиков. Вопросом основным было о неустойчивом положении в Хабаровске и засорении его Совета чуждым элементом - эсерами, кадетами, анархистами и прочей контрреволюционной швалью. Слово представили мне.

Когда я коротенько рассказал в каком положении находятся Советы не только в Хабаровске, но и на всем Дальнем Востоке. - Вспоминает Шенчук. - Затем подробно рассказал как Питерские рабочие спасая свои Советы, прежде организовались в рабочие дружины при своих фабриках и заводах, после прохождения военного обучения создали отряды Красной гвардии, которые явились грозной силой, разогнавшей контрреволюционное эсеровское правитель -

ство Керенского и стоявшими на страже защиты своих Советов. Такому Красную гвардию необходимо, и в самое ближайшее время создать из рабочих и у нас в Хабаровске.

После одобряющих выступлений в пользу создания дружины Красной гвардии, здесь же на собрании провели запись в дружину, в которую добровольно изъявили согласие вступить чуть не все грузчики артели. Многих, старшего возраста пришлось отговаривать пока остаться на работе в порту.

На этом же собрании командиром дружины красногвардейцев избрали Ивана Павловича Шагчука, недавнего крестьянина бедняка, батрачьиного у помещиков Каменец-Подольских, потом переселенца на Амур, основателя по Тунгуске деревушки Архангеловки, изсоруба, грузчика Хабаровской пристани, солдата царской армии, поляного георгиевского кавалера, прапорщика военного времени, большевика, и теперь вот избранного командиром Хабаровского рабочего отряда - Красной гвардии. Если опередить время и заглянуть вперед его жизненного пути. - Легендарного героя Дальнего Востока и в конце, - генерала майора, командира дивизии Советской армии.

Такой славный жизненный путь этого замечательного человека, нашего земляка по волости, соседа по ряду, расположенной в Волочаевке деревушки Архангеловки Ивана Павловича Шагчука. Все его помощники такие как Старков, Волков (Пушкан), Калыбин, Федор Шепток и да и все мы, Красногвардейцы и партизаны, не говоря уже о таких как Павел Постышев, Сергей Белевев, Александр Проценко, являющимися организаторами партизанского движения в Тунгусской волости - являлись строителями, защитниками и опорой Советской власти.

х х

х

Глава шестая

Свои и чужие

О том, что еще в апреле 1918 года японские войска высадились в Владивостоке свои интервентские войска, а вслед за ними высадились десантные войска англичане, американцы, французы, итальянцы и даже китайцы — мы в Елочаевке уже знали. Знали и то, что в Хабаровске под командованием нашего земляка Шенчука Ивана Павловича, организован пока немногочисленный отряд Красной гвардии, который стоит при ~~всех~~ перипетиях на страже Советской власти. Но вдруг новые сведения: получение телеграфом по всем железнодорожным станциям, что эти интервентские войска под разными провокациями в конце июня 1918 года, разогнали владивостокский Совет, арестовали некоторых его членов и двинули в глубь Приморья части бывших военнопленных чехословацкого корпуса, прибывших во Владивосток якобы для дальнейшего следования морем на родину.

Вместо отправки пленных чехов на родину, бывшие наши союзники, а теперь наши враги интервенты, использовали их для борьбы против Советов. Разрозненные, немногочисленные Красногвардейские отряды под превосходством в численности и вооружении чехов, в упорных боях отступали в сторону Хабаровска.

В Хабаровске где находился исполком дальневосточного Краевого Совета и Дальневосточное бюро партии большевиков, оперативно создавался Краевой штаб Красной армии и шла добровольная запись в Красную гвардию для отпора выступившим белочехов. Эта тревожная весть сразу же облетела всю Елочаевку как только была получена телеграмма на железнодорожной станции.

Чтобы официально довести эту страшную весть до народа, решили в тот же день вечером созвать объединенную с железнодорожниками сходку. Собрались старики, женщины, молодежь и все свободные от работы железнодорожники около пустующего дома Сельсовета, бывшего когда то при постройке железной дороги, продовольственным складом. Собрание открыл Владимир Проценко, а секретарем, писать протокол избрали грамотея Семена Кучмалака.

Первое слово по существу вопроса, предоставляли начальнику станции Волочаевки.

Обращаясь к собравшимся он произнес :

-Товарищи и граждане Волочаевки! Товарищи и граждане железнодорожники! - С этой ночью по прямой железнодорожной телеграфной линии, получена из Хабаровска срочная телеграмма. Читаю ее доподлинно:

"Товарищи Дальневосточники! Товарищи рабочие, железнодорожники и крестьяне! Двадцать девятого июня во Владивостоке выступили чехословацкие, английские и японские войска. С ними заодно выступили вооруженные интервентами белогвардейские войска и разь сброд эсеров, анархистов, меньшевиков. Владивостокскому Совету предъявлен ультиматум: разоружить и распустить Красногвардейские боинские части, после чего самому прекратить свою деятельность. Вслед за ультиматумом последовал арест исполкома и расстрел большевиков. Контрреволюционные чехословацкие и белогвардейские войска выступили из Владивостока и с боями ^{не} многочисленных Красногвардейских войск, продвигаются в направлении Никольск-Уссурийска.

Товарищи! Дальний Восток в опасности. Все за оружие. Организуйте Красногвардейские отряды для отпора врагу".

"Красной штаб обороны края".

По окончании чтки телеграммы, председательствующий Владимир спросил:

-Кто по данному вопросу *желает* сказать, -прошу.

Хотя многие знали еще с утра об этом событии, но телеграммой были буквально ошарашены все. Первым после продолжительного молчания, попросил слово старик Григорий Павлович Кошель.

- Целые четыре года ломали хребты нашим сынам на немском хронте, но то было долече, целых десять тысяч от нас. А теперь какие то таранты чехи появились и у нас. Уже расстреляли людей Владивостока и идут до Хабаровска. Скоро воины будут

и у нас в Волочаевца ломать наша хребты ^{уже} ~~уже~~ у нас дома.

Плуты организовать красны отряды, — а чим стрелять? Чахи будут палить из Пушек, а у нас и дроба чертна. Надоть наперед достать пушки и кулеметы, а потом до их и солдат при ставить.

— Да товарищи. Телеграмма извещает о страшном и грозном преступлении совершившем чужаками иностранцами в нашем родном русском городе, и предупреждает со всею серьезностью отнес — тись к создающемуся положению. — Сказал взявший слово Басалий Сланько. Бывшие наши союзники превратились в наших врагов. Призыв об организации отрядов Красной гвардии для защиты на шей родины, касается всего Советского народа, а значит и нас. Я думаю наши фронтовики и молодежь, сегодня же после этой сходимы соберутся отдельно и решат как быть.

Я прошу слова, — Выступил известный черносотенец, ярый монархист путевой мастер, рыжий Мельников.

— Так вот граждане, мужики Волочаевки. Давно известно, что у страха глаза велики. Так и у этих трусливых голодран — цев большевиков. Союзники желая навести у нашей саботажной рос — силкине настоящий порядок, выступили и находятся где то еще за тридцать земель, а они с перепугу по всей линии такую паническую телеграмму. Нашли сумели, нужно самим и отве — тить, а народ преждевременно баламутить и запугивать нечего.

— Долой рыжую контру! Долой этого предателя! Выдворить его из собрания. — Закрачали десятки голосов.

С большим трудом удалось успокоить разволновавшееся собрание.

Когда окончательно притих шум, слово попросил степенный и рассудительный Михаил Кузьмич Акимов. Он с Мельниковым ви — димо по политическим убеждениям дружил, а теперь видя как зареялся своим контрреволюционным выступлением его рыжий дру — жок, решил его хоть в чем либо, вручить и предупредить, чтобы не болтал лишнего.

-Товарищи! Прошу успокоиться. Гражданин Мельников действительно перехватил через край. Хотя о преждевременной панике он и прав, но так грубо и смело выказываться, тем более в такое грозное и чрезвычайное время, опасно и для самого себя и для семьи. Он неучал одного, - а вдруг действительно победоносно дойдут до нас выступившие союзники и белогвардейцы и ктонибудь из наших болючаевцев будет нами арестован. Понятно, после таких выступлений, все будут считать, что это предатель Мельников, хотя он к этому и сном и духом не причастен. А большевики умеют постоять за себя. Будем надеяться, что Мельников, ради собственного своего благополучия, в дальнейшем это учтет.

Ну насчет телеграммы нужно признать, что надвигается действительно, что то грозное и опасное. Однако очертя голову не следует торопиться без всяких указаний и разъяснений скоропалительно организовывать Красногвардейские или какие другие военные части.

Мое предложение, - давайте сейчас на этом собрании изберем двух представителей от крестьян и рабочих, пусть съезды в Хабаровск, в этот "штаб обороны края", узнают все подробно, а потом будет видно как нам быть дальше.

Предложение Акимова в отношении посланки представителей в Хабаровск было принято. Тут же на собрании были избраны от болючаевцев Лука Кучиняк и от железнодорожников Степан Перминов, которым предложено завтра же выехать в Хабаровск, в штаб обороны края.

На этом решила собрание прервать до возвращения наших посланцев из Хабаровска.

Мы фронтовики и молодежь, прямо из собрания направились к нам во двор в нашу старую будку для дальнейших обсуждений событий.

Собралось нас не меньше пятнадцати человек.

Мне как хозяину будки пришлось взять инициативу ведения собрания.

Первым делом решили переписать несколько экземпляров телеграммы и срочно их передать в ближайшие четыре соседних деревни: Архангеловку, Давыдовку и Нижне-Спаскую, откуда не решают их дальше.

Вторым вопросом выяснили, кто сейчас не ^{же}возражает записаться в отряд Красной гвардии. Пока это пролегло простым голосованием. "За" подняли руки все, за исключением Мишки Чернышева. Даже его младший брат Петька, и тот поднял руку.

Когда его спросили, почему он не желает идти защищать свою родину, — он цинично ответил:

— Пока официальный записки нет, а когда будет, тогда посмотрим.

— Видели защитника? — Вспылил не сдержанный Иван Кучмикаш. — Он не желает преждевременно руку поднять, а когда будет официальная записка, он тогда подумает. Ты что, пособник рыжему мастеру или просто подленький труслик?

— Прикрой буйволка свое хлебало и ищи на поворотах, а то чего доброго и по своей бульенной роже схватишь.

— Ах ты гадина трусливая, он еще угрожает — схватился с латыми кулаками Иван.

Здесь уже пришлось вмешаться и силой уговорить и успокоить обоих.

После этой перепалки, Мишка крикнул брату: "Пойми отсюда" и беззастенчиво удалился. Петька помялся, но остался.

Третьим вопросом решили: пока фронт еще далеко, почти под самим Владивостоком, — в Красногвардейский отряд семейных не записывать. Обойтись пока холостяками, которых в Болочаевке наберется человек пятнадцать — двадцать, а там по ходу дела будет видно.

Для наказ уезжающему в Хабаровск Степану Перминову, обязательно найти там Ивана Шегучука и подробно выяснить все обстоятельства как с организацией Красногвардейского отряда, а так же его вооружения. Оружия у нас понятно нет.

Брату Владимиру, Семену Кучмижану и Василию Слинью поручили выяснить — кто принес оружие с фронта, сколько и какого оружия имеется вообще в Болочаевке.

После этих вопросов поднялся Владимир и сказал:

— На этом товарищи сегодня и закончим. Можно разойтись по домам. Василий, Семен, Степан, Сергей и Ильи, прощу минут на десять остаться. У меня с Василием есть к ним личные вопросы.

Когда все ушло и остались только названные Владимиром, слово предоставил Василию Слинью.

— Надеюсь друзья, все оставшиеся надежные ребята и крепко умеют держать язык за зубами. Начал свою речь Василий. — Оставили мы вас по одному важному вопросу, касающемуся всех нас. Нужно полагать, что высадившиеся иностранные войска во Владивостоке не будут сидеть на месте. А это грозная сила. Там не только одни чехи. Они бесспорно будут наступать и продвигаться в глубь Дальнего Востока. Болочаевка наша на пути, а в ней такой коварный предатель как рыжий Мельников. Кто гарантирован, что выступившие во Владивостоке враги не дойдут до нас. Тогда Мельников выдаст и предаст нас всех. Наше мнение, нужно этого предателя обезоружить заранее. Но как это сделать, — пусть излагание скажут.

Первым поднялся Сергей Канзалаев. Он в Болочаевке пользовался не хорошей слабой, — первого по деревне хулигана, но на счет преданности общего дела, на него можно смело положиться.

— Да случай чего, я ему первый горло перережу.

— Вот в том то и беда, что нельзя допускать до "вслучай чего" — ответил Сергей Владимир. Нужно как то заранее обезопасить себя и наши семьи от предательства.

— А вы знаете товарищи — поторопился со своей мыслью я, — ведь какие хорошие слова сказал сейчас Сергей, если их учесть в дело по иному. Их мы напишем в анонимке и добавим,

что если только в Болочаевке будет при интервентах арестован хотя один человек, то не только тебе предатель будет изрезано горло, а будет уничтожена вся твоя семья и сожжено до основания твое семейное гнездо. И поставлю какую-нибудь страшную подпись. Устрашится собака и прикусит язык.

- Аден. Испытаем и ее. Подкинем таких писем ему побольше. Это бесспорно повлияет на его глупую голову.

Мое предложение было принято и тут же составление письма было поручено мне. Я предложил письмо составить коллективно, примерно так как писали ответ запорожские козаки Сунтану Ахмету третьему.

На этом собрании закончили и разошлись по домам.

На следующий день вечером собрались все, за исключением Сергея Канзалаева для составления письма в нашем маленьком домике. Письмо получилось следующего содержания:

" Ты Мельников рикий предатель и враг Советской власти если хочешь жить на свете, крепко накрепко прикуси свой подлый язык. Заранее предупреждаем, - в случае прихода чехов и белогвардейцев в Хабаровск (чего Советский трудовой народ постарается не допустить) и при их появлении хотя один человек в Болочаевке будет арестован, пусть даже и не тобой предан, - именно твоё в первую очередь горло будет перерезано, вся твоя семья будет уничтожена и семейное твоё гнездо будет обложено нерослином и предано огню.

Завтра из района собственной рукой приказ и вынеси его в станционном зале ^{для} общего обозрения, кого ты из своих путевых рабочих выделяешь в Красногвардейский отряд.

Письмо буквально так:

В связи с выступлением во Владивостоке врагов Советского народа, белочехов и белогвардейцев, - я мастер шестого околотка службы пути станция Болочаевки Мельников, выделяю из выреченных мне ремонтных рабочих и организуемый в Хабаровске отряд Красной гвардии следующих товарищей (перечислять фамилии)

Желаю товарищам больших успехов в борьбе с врагами нашей Советской родины.

"Мастер шестого околка ст. Волочаевки
Мельников".

Если завтра к вечеру такой приказ не будет вывешен в зале ожидания на станции-зди возмездия. Не гадай куда либо пере-
естись или выехать, найдем и на краю света. Это письмо не
уничтожай, потом вернешь нам.

Кто мы такие, тебе знать не обязательно, но если оста-
нешься предателем, "узнаешь увидишь нас когда мы воткнем тебе
нож в горло."

Это письмо писал из нас один, а диктовали все, чуть
ли не так как Запорожцы диктовали ответ Султану Ахмету треть-
ему.

Для большого страха, решили это письмо ночью приколоть
старым самодельным финским ножом к дверям квартиры Мельникова.

Так и сделали. Утром видели как Мельников пробежал к
Акимову, а через час пробежал обратно. Однако приказ на станции
вывешен не был.

Поздно вечером собрались мы обратно в нашем маленьком
домике. Обсудив положение, - решили в тряпку замотать камень и
записку следующего содержания: "вторично требуем и предупреж-
даем, если завтра не будет вывешен приказ-зди тяжелого воз-
мездия". Примерно в два-три часа ночи, этот камень с запиской
пробил стекло в окне, влетел в квартиру Мельникова.

Пока шла такого рода переписка с Мельниковым, приехали
наши посланцы из Хабаровска и сразу же, на следующий день была
создана расширенная оходка жителей деревни и станции Волочае-
вки. С прибывшими прибыл и уполномоченный Дальсоединения который
должен проехать до станции Облучье, мобилизуя по всем большим
станциям добровольцев в Красную гвардию для отпора вражеского
нашествия.

Собрались от мала до велика мужчины, женщины и детвора.
Руководила собранием брат Владимир и Василий Слинью. Первое

слово предоставили уполномоченному.

Оратор умело с простым рабочим и крестьянским подходом сумел до возмутительной чувствительности разъяснить создающуюся опасную обстановку в стране, в частности и у нас на Дальнем Востоке. Алчный замысел империалистических стран и эксплуататорских классов России, — дворян, помещиков, кулаков и их прислужников и прихлебателей — эсеров, меньшевиков и прочих не могущих примириться с фактом существования Советской власти в России. Разоблачил и высмеял лживое "воззвание контр-адмирала японской эскадры Харахуро Като" о высадке десанта японских войск во Владивосток, а вслед за ними высадки войск бывших наших союзников снаряженных и обеспеченных оружием —ное выступление бывших пленников чехов.

Здесь же на сходке уполномоченный зачитал предупредительную телеграмму Председателя Совета Народных комиссаров от 7 апреля В.И. Ленина Дальсовнаркому, о том, что японцы бесспорно будут наступать и к этому нужно готовиться самым серьезным образом.

Слушала выступающего с вниманием и соодушевлением. Многие в Болочаевке о Ленине услышали впервые имя которого в дальнейшем стало символом веры и надежды на светлое будущее, за которое они шли, как и сотни миллионов Советских людей и впоследствии людей всего мира на подвиги, героизм и борьбу презирая личную смерть. Пример этому — преданность партии Ленина, служение своему простому народу и героическая гибель нашего земляка брата первого председателя Тунгусского волостного Совета, волочаевского жителя Александра Васильевича Проценко.

Разъяснив о политике империалистических держав и их жадности захвата чужих территорий обладающими богатыми ископаемыми, оратор призвал всех, кто любит свой народ и свою родину и способен носить и владеть оружием, и в первую очередь бывших фронтовиков и молодежь, — встать на их защиту и вступить в Красную гвардию, отряды которой организуются в Хабаровске под командованием нашего соседа Ивана Шелчука. После уполномоченного слово предоставили Степану Перминову и Луке Кучмажак.

нашим посланцам в Хабаровск.

Рассказав о встрече и разговоре с Швачуком, они особо подчеркнули призыв Ивана Павловича вступить всем молодым и вообще способным носить и владеть оружием болючаевцам и жезлодорожникам в формируемый Красногвардейский отряд и переданный под его командование.

Эту свою просьбу он просил передать в соседние, с Болючаевкой села.

В штабе обороны края им объяснили, что пока военного обмундирования нет, а все добровольцы должны являться в своей одежде, т.е. должны быть одеты и обуты для длительных переходов во время военных действий и иметь на перебе день-два свой сухой паек питания. Оружием, боеприпасами и дальнейшим питанием будут обеспечены военным командованием. Явиться предложено в отряд чем скорее тем лучше.

После их доклада объявили прения.

Первое слово предоставили мне. Выступая обозленный до предела я сказал:

-Товарищи! Целых четыре года нам ломали хребты на Германском фронте, а наши семьи, отцы и матери пухли с голода по домам. Теперь белогвардейская, черная рать зашевелилась и у нас на Дальнем Востоке и пригласила в помощь всех империалистов, бывших наших союзников. Ну поймите, чего хорошего можно ждать от приведшим к нам русским и высадившимся на нашей исконно русской земле, вооруженных до зубов японцев. С пушками и пулеметами, а гости на блины не ходят. Вот они эти союзнички уже науськали бывших наших пленных чехов на нас, за наш русский народ, и началось разорение нашей земли и гибнуть под расстрелом наши лучшие русские люди.

Бесспорно они попытаются пойти и до Хабаровска, а там не далеко и до нас. Плохо тогда и нам будет. Многих не досчитаемся мы и своих людей, а предатели и среди нас найдутся. Никто товарищи в нашем спасении нам не поможет. Нужно самим браться за оружие и преградить путь этой черной оворе. Смерть врагам нашей родины. Мы парне с братом Антоном записи -

наемся в Красную гвардию и признаем всех здоровых последовать этому.

Вторым выступил присутствующий на сходке житель деревни Даниловки, находящийся проездом в Болочаевке:

-Ивана Шенчука мы хорошо знаем. Живем соседями на одной реке, и если в Хабаровске рабочие собирают красные дружины против пришедших к нам иностранцев и еще сохранившихся царских офицеров и генералов - значит страна в опасности, ну и нам есть на защиту родины и самих себя. Заслужено помочь нашему соседу-земляку, которого назначают красным командиром. Завтра же в Даниловке соберем такую сходку, а добровольцы найдутся.

С нетерпением выскочил вперед Мельников и не прося слова зашептал, загопая:

-Граждане Болочаевцы! Дожились мы, что и у нас на самом краю России началась война. Кто в ней виноват, кто прав, судить не нам. Но война еще далеко, под Владивостоком, а мы уже здесь расшумелись, раскричались. Как войну ликвидировать, как ее прекратить, - этим занимаются большие и знающие люди. Но если в самом деле высадили у нас свои войска такие гели - кие и культурные страны как Англия, Франция, Америка и другие, -значить у нас действительно какой то беспорядок, который мы сами устранить не можем.

Да что там говорить, мы вот у себя дома, в Болочаевке не можем наладить порядок. Развели хулиганов, которые бесчинствуют как им вздумается. Начали приходить на деревни и забрасывать в окна записки, обзывая предателем и угрожая смертью не только мне, но и всей семье.

Вчера ночью камнем с запиской выбили в квартире окно и требуют, чтобы я написал и вынес на станцию приказ кого я из своих рабочих направляю в Хабаровск в Красную гвардию. Да разве я их держу - с пехой вору гопа Мельников, - пусть едут хотя все, это ведь дело добровольное и зачем тут приказ?

-Довольно болтать. Заткните ему глотку. Выкрикнул, так

же на бере слохо Дмитрий Калмыков, однофамилец бандита казачьего атамана Калмыкова, вступившего со своим белогвардейским отрядом уссурийских казаков вместе с чехами. — Он не знает кто начал войну и кто в ней виноват. Идет культурные Английские, Французские, американские и японские войска, чтобы наладили у нас в стране порядок и обуздали наших волочаевских "хулиганов". Нет грешь, рыжая твоя борода, ты прекрасно знаешь кто начал войну и кто в этом виноват. Виноват ты и такие предатели и подлежники шкуры как ты, которым не по душе Советская власть. Не она тебе нужно бить, а морду. И на хулиганы, а видимо умные ребята застаивают тебя вынести такой приказ. Тогда и ты подожмишь своей паршивый хвост, так как явисься явным помощником в организация Красногвардейских отрядов.

Правильно действуют ребята и обязательно нужно тебя застаивать такой приказ вынести.

Семья Калмыковых из трех братьев — старшего женатого — Дмитрия, среднего холостяка — Александра и младшего (имя не помню), прибыла в Волочаевку откуда то из низовьев Амура или с золотых приисков или еще откуда то, во время постройки Амурской железной дороги и сразу же поселилась за сопкой, рядом с кладбищем.

Семья эта была какая то загадочная. Ила где бы что урвать и пожить. Взагодно все братья на лето куда то уезжали и возвращались в Волочаевку глубокой осенью с богатыми дарами — или с пушниной, или с бочками и мешками соленой и копченой пересортного лосося. А возможно из приисков и с золотом, но последнее у них сохранялось в тайне.

После Дмитрия Калмыкова слово попросил заносчанин Максим Чернышев. Этот человек презирающий чуть не всех, с подленькой душой, всегда шел против любых мероприятий общества и сейчас осторожно, маскируясь вступил с провокаторской речью.

— Граждане волочаевцы! — Начал он. — Война по существу

еще незакончена с Германией. Не все еще наши люди, наши сыны и братья вернулись домой, а тут новая напасть, новое нашествие и опять вчера пришедшему с фронта, где он страдал и проливал кровь долгие четыре года, — снова предлагают брать винтовку и идти проливать кровь и убивать уже своего же русского брата.

Дайте хотя немного дадим отдохнуть нашим сыновьям, отмыться от грязи и пыли, принесших с германской войны. Потом говорят, что чехи выступили не против русского народа, а выступают только против большевиков. Но мы то ведь не большевики. Чего же нам бояться и лезть на рожон, когда нас никто не трогает. Я и мои сыны не большевики и я запрещаю им связываться с новой войной, тем более бить не немцев, а своих же русских окрещенных большевиками — белогвардейцами.

— Ну Максим, ты оказывается не только вреднейший для нашего волочаевского общества человек, всегда выступающий с подкусаками, ехидством и противоречиями всех наших постановлений, — ты еще оказался изменником и предателем своего народа и своей родины. — Сказал выступая Василий Славко. — Ты прекрасно знаешь, что чехи и твои "русские братья" белогвардейцы жгут наши русские села и убивают в них наших русских людей, так что же, по твоему в наших селах все мужчины, бабы и даже дети, большевики? Нет Максим Сергеевич, ты хуже старорежанца, черно — сотенца Мельникова. Если Мельников безумно режет напрямик, то ты из подтишка, с обходом, из под поля. А это еще хуже и вреднее, потому, что замаскировано и подленько скрывается.

Запомни Максим Сергеевич, если чехи, белогвардейцы, офицеры и казаки дойдут до нас, — добра никому из нас не будет, а тебе не будет это вдвойне, не только от пришельцев, но и от своих. А пострадавшие свои, отомстить сумеют.

Если ты так сильно жалеешь и оберегаешь своих сыновей, — ну чтож, отмывай их от грязи и пыли, настоящие русские люди и без тебя и твоих сыновей сумеют защитить свою родину. А вот насчет агитации Максим, пока воздержись. — Это к добру не придет и первую очередь тебя.

Многие еще выступали, но еще больше было желающих высту-

нить и в основном, в обвинение Мельникова и Чернышева.

Характерным было выступление Впестанья Григорьевна Волочаевой (старшей дочери Григория Павловича Кошеля), у которой муж Пантелеймон Волочаев не вернулся с фронта и официально числившийся пропавшим без вести.

-Вы стояли жеребцы Чернышев и Мельников не нюхали пороха, а когда наши мужья проливая кровь гибли -отъедали свои красивые рожи.

Больше того.Твой Максим старший сын Василий когда еще шла прогоприятная война, приехал за девять тысяч верст в Волочаевку, устроил здесь парашку -свадьбу и уезз после гулянки дочку Сланька. Так не на фронт ли он ее уезз, - значать и сам где то в тылу прячется,- А ты расплакался: - грязные женщины.

Эх Максим, дать он тебе лично в руки винтовку и заставить пойти на передовую против чехов. Так мужики и бабы давайте сдлаем.Пусть сам понижает вражеского пороха.

- А ружью бороду нужно заставить самого идти на фронт против чехов и белых казаков, коли он боится послать на фронт своих ремонтных рабочих.- Выкрикнула Глаголиха - Их перных давайте и записывайте.

-Нельзя им давать оружие в руки. Перебегут с нашим оружием к неприятелю,-Выкрикнул кто то из собравшихся.

При воспоминании Впестанья о женитьбе Василия Чернышева на Фене и везде их из Волочаевки, у меня защекало, заекало сердце, и потребоалось большой силы воли, чтобы не рыдать себя и успокоиться.

С большим трудом пришлось уговорить и успокоить расхотевшихся женщин.

В конце концов собрание решило:

- 1.Мелакшим добровольно вступить в отряд Красной гвардии, не позже завтрашнего дня записаться об этом в сельском совете.
2. Поручить произвести запись добровольцев Степану Перминову

и Илье Проценко.

3. Завтра вечером собраться всем добровольцам в сельском совете для решения срока выезда в Хабаровск в штаб обороны края.

4. Еще раз со всей серьезностью предупредить граждан Мельникова и Чернышева о вредности их агитации и возможных в последствии тяжелых явлений.

На этом собрание было закрыто.

Не успели из собрания разойтись как со стороны станции все услышали громко раздавшийся ружейный выстрел. А утром на дверях квартиры Мельникова висела записка:—"Стреляли по верху окон, если завтра приказ не будет вынесен, несколько выстрелов будет произведено по низу окон и кто либо из троих семьи может лишиться жизни."

Это окончательно на Мельникова воздействовало и на следующий день приказ на всех уходивших железнодорожных рабочих в Красную гвардию был на станцию вывешен. Дополнительно, это в некоторой степени обезоруживало Мельникова от предательства, чего мы и добивались.

Приказ в тот же день был нами снят и припрятан, а Мельников запиской был предупрежден, что в случае с его стороны, или под его воздействием, кто либо изголодавшееся пострадает, его приказ будет передан в стан врагов, выступивших против Советов. Это добра ему не принесет, а в добавок, со своей стороны, чегонибудь прибавим и мы. С этого момента уже зарождалась в Волочаевке подпольная организация.

Записались в тот и на следующий день в Красную гвардию 12 человек:— Илья и Антония Проценко, Степан Перминов, Дмитрий и Александр Каймыков, Борис Дроздов, Иван Кучмикаш, Петр Чернышев, Константин Глаголев, Аким Дмитриев, Григорий Маховенский и Сергей Канзалаев.

Все это были молодежь, холостяки за исключением Дмитрия Каймыкова, у которого было уже два сына.

Набыло никакого отбоя от подростков Анатолия Проценко, Семена Дроздова, Михаила Кучмикаша и Михаила Зиньковского. Они

десятки раз прибегала со слезами на глазах с требованием запечатать их в Красную гвардию, но ведь им не было каждому и отдельности и полных 15 лет.

Если выданный приказ Мальниковым обезоруживал его от возможных предательств, то вступление Петра Чернышева в отряд Красной гвардии, обезоруживая его отца Максима Чернышева, от разных подстрекательств и провокаций.

2 июля все мы 12 человек прибыли в Хабаровск. В это время в Хабаровске проходила профсоюзная конференция и мы прямо с вокзала направлялись на нее. Там нам предложили прежде явиться в штаб обороны края, что мы и сделали.

Вокруг штаба и в самом штабе не сговорот людей. Сюда по призыву Краевого Комитета партии большевиков уже прибыли и вновь прибывали из городов и таежных деревень Приморья, Приамурья и Амурской области группы добровольцев в Красную гвардию.

Когда мы с Степаном с трудом пробрались в штаб обороны, нас там встретили дружелюбно, с рукопожатиями. После приветствий поднялся один седоволосый дядя, еще раз пожал нам руки и сказал:

- Добро, добро товарищи. Приехали во время. Фронт изнемогает от превосходства по численности и вооружения врага и ожидает немедленного пополнения. Вот представитель из Красногвардейского отряда Ивана Павловича Шевчука. Знакомьтесь: - А вы товарищ Колибин, выйдите во двор и примите вооружающихся в свое пополнение и ведите их в свой организуемый отряд. Список прибывших вооружающихся, потом передадите нам.

Ну и бегет же этому Шевчуку, все грузчики прут к нему, а теперь пошла вся Тунгусская волесть.

Колибин лет сорока грузчик Амурского порта так же крепко пожал всем нам руки. В его лице было что то близкое, простое, добродушное, и с первого же взгляда располагающее к себе и внушающее как старшего товарища. Во дворе он тщательно всех нас осмотрел, еще раз пожал всем руки и повел нас в свой

штаб и в казарму своего отряда.

Мы не напутку забеспокоились, так как среда нас не оказалось наших волочаевских добровольцев обоих братьев Калмыковых. Они сразу же куда то со двора штаба обороны оба отлучались.

В казарме отряда мы встретили знакомых ребят из Даниловки, Архангеловки, Пажневки. С некоторыми из них мы сегодня ехали в одном поезде.

Шегучка в казарме не было, он находился на профессиональной конференции и пришел в отряд поздней ночью. Поздоровались и познакомились с нами. Иван Павлович предложил лечь спать, так как завтра же нужно отбыть на фронт, а для этого нужно получить оружие, снаряжение и требуемое питание.

Такая спешка нас озадачила, мы думали с недельку по-заниматься хотя бы изучением винтовки, ведь у нас такие как Гришка Маковецкий, да и кое кто другие, даже никогда не только винтовки, а охотничьего ружья в руках не держали. Но фронт требовал помощи, пополнений и с этим приходилось считаться.

Когда улеглись спать, а мы со Степаном Перминовым улеглись на одну койку, я со злостью спросил:

- Не придумаю, что теперь предпринять с этими бандитами Калмыковыми? Ведь это не только позор для нашей группы добровольцев, но позор и для всей Волочаевки.

- Подождем Илья до утра - ответил Степан, а пока дай не волноваться. Завтра утром с Иваном Павловичем все это продумаем, организуем розыски, а сейчас - покой ночи.

Каково же было наше удивление, когда утром выстроились на плацу перед казармой, мы увидели подходивших к нам, вооруженных с ног до головы обоих братьев Калмыковых. У обоих за плечами трехлинейные винтовки, по два или три патрона в напистоли полно набитыми боевыми патронами. У Дмитрия сбоку висит "Смит-Вессона" (Козья ножка), а у Александра казачий клинок. У обоих у пояса подвешены по две "бутилочные гранаты". При

всем этом у обоих были опухшие от страшного переноя физиономии.

Подойдя к Шегучу, находившемуся перед строем и взяв под козырек, Дмитрий гаркнул:

- Товарищ командир, разрешите остаться в строю!

- В таком виде товарищ Калмыков в строй не становится. Идите окунитесь в Амур, приведите себя в порядок, потом явитесь ко мне в штаб.

- Только что вылезли из Амура товарищ командир. Еще и не просохли. Все у нас в порядке, даже почищено боевое оружие. Вот только физиономии малость помяты, но достать такое оружие и боеприпасы, нельзя было его не обмыть.

- Становитесь в строй. За оружие спасибо, но предупреждаю вас и всех остальных, - являться в строй и вообще находиться в Красногвардейском отряде в таком виде, категорически запрещаю.

Революционная армия должна быть высоко образцовой и дисциплинированной.

Объяснив положение на фронте и задачи которые поставлены перед нами, а они заключались в двух словах: "разгромить врага," Шегуч дальше сказал, что сейчас отряд получит требуемое оружие и снаряжение и сегодня же погрузимся в эшелон и отбудем на фронт.

В отряде преобладали грузчики Хабаровского порта. Разбавив отряд на роти и взводы, мы все воловчатцы попали в роту товарища Калыбина. Один только Александр Калмыков ушел от нас в конную разведку.

В этот же день I-й Хабаровский Красногвардейский отряд, под командованием Ивана Павловича Шегуча отбыл на Уссурийский фронт.

По пути к нам примкнул взвод Красногвардейцев из одного лесопильного завода.

Фронт тогда находился под самым Спасском. Мы сюда заняли в трех верстах от Спасска позиции и окопались на возвышенном и удобном в военном отношении месте.

С этого момента начались наши боевые действия.

Глава седьмая

Уссурийский фронт

Выехали из Хабаровска на Уссурийский фронт по молодому-задористо, с песнями. Правда песни орали только в нашем вагоне, в котором ехали мы волочаевцы и ребята из других деревень и станций. Откуда-то появилась балалайка и на остановках отдирали задорного трепака.

Грузчики были более серьезны и в их вагонах царил тихая и деловая обстановка.

Иногда заходил к нам в вагон Иван Павлович и с удовольствием разделял с нами песни.

К Спасску, в котором находились чехи державшие фронт, мы прибыли 5 Июля и заняли позицию против цементного завода. Правее нас находился интернациональный отряд состоявший в основном из красных чехов и бывших пленных мад"яр.

По прибытии на фронт, наше веселое настроение заметно поубавилось, в особенности у молодежи не бывшей на фронтах и не нюхавшей пороха. Но глядя на стойкость грузчиков и старших товарищей, во всем старались подражать им.

Первые дни мы усиленно укрепляли свои позиции. Белочехи и примкнувшие к ним белогвардейцы атамана Калмыкова, чувствовали сильное укрепление нашего фронта и воздерживались от лобового наступления ведя незначительную перестрелку, но 9 Июля под прикрытием тумана рискнули захватить нас врасплох. Мы их ждали и здорово они поплатились от нашей контратаки, отброшенные назад с большими потерями.

Для некоторых ребят, это было первое боевое крещение, но глядя на нас старших, и особенно, на грузчиков, которые бесстрашно рвались вперед поражая неприятеля, выдерживали и они

боевую марку.

На этом белочехи не успокоились и на следующий день вечером, одной усиленной колонной предприняли наступление на интернациональный отряд красных чехов и мад"яр, второй колонной пытались зайти нам в тыл, но мы их опередили зайдя правым флангом им в тыл и полностью разгромили их обходную колонну.

Несколькими днями позже, новой колонне противника удалось с левого фланга обойти глубинкой наш фронт и в тылу разобрать часть железнодорожного полотна и взорвать один мост. Это создало некоторое замешательство в наших частях, а державший левый фланг нашего фронта Белоногов, боясь очутиться в тылу и быть отрезанным, начал поспешно отступать. Воспользовавшись этим замешательством, чехи захватили передовые позиции.

В эти дни прибыл на фронт, назначенный Дальсознаркомом новый Главком В.В.Сакович. Он быстро организовал и двинул на фронт для ликвидации противника в тылу, прибывающие вооруженные резервы, а политработников для восстановления порядка среди отступающих. Это воздействовало на отступающих, они остановились и повернули оружие, белочехи в панике бежали. Быстро был восстановлен взорванный мост и исправлена разобранный железнодорожная линия. Порядок на всем фронте был восстановлен.

Эссеры и меньшевики не прекращали во Владивостоке и Николаевск-Уссурийске предательски работать. Чехам поступали все новые и новые пополнения, а Калмыкову все новые и новые офицерские и белоказацкие части из бежавших от возмездия народа в Маньчжурию. Сдерживать их натиск на неудобных позициях, нам становилось

не под силу и по приказу Главкома, мы по всему фронту вынуждены были отойти на новые удобные рубежи. Этим явилась река Уссури.

Получив подкрепление из Хабаровска, Николаевска и Амурской области, переформировав войска, нашему отряду, входившему в батальон Флегонтова, отвели оборону левого фланга фронта по реке Уссури. Чехи, опередив нас, уже успели, хорошим паромом переправить через реку батальон войск, и занять хорошо защищенные от нападения утесы на правом берегу Уссури. Нам предстояло выбить их на левый берег, разгромить, самим переправиться на левый берег, занять Шмаковский монастырь и развивать наступление дальше и дальше.

Чтобы продвинуться к скалам занятым белочехами, нам пришлось преодолевать естественные препятствия - густые заросли кустарника и колючего репейника. Уссурийская тайга с одной стороны богата дугами, прекрасными лесными массивами, полезной растительностью, а с другой стороны не приступными болотами, не проходими, вредными зарослями "джунглями".

Мы знали, что чехи укрепили занятые скалы артиллерией и пулеметами, а поэтому их выбить не так то легко, поэтому решили окружить незаметно скалы со всех сторон и поднять шум за целую дивизию.

Первыми чехи заметили специально оставленную для этой цели на большом расстоянии небольшую группу наших войск и открыли по ней ураганный орудейный и пулеметный огонь. Мы, весь батальон, находившиеся рядом под самыми скалами, с громогласным

криком " ура " ,бросились на скалы. Чехи растерялись предполагая, что вся тайга наполнена войсками, и нас действительно, не меньше дивизии, бросились кубарем с утеса ^{утопив} ~~утопив~~ горнушку и оставив нам несколько пулеметов.

Нужно отдать справедливость,грузчики ринулись как львы, карабка~~лись~~ на скалы, опережая нашу молодежь, не опытных еще в боях красногвардейцев.

Много осталось белочехов на суше, но еще больше осталось их в реке пить уссурийскую водичку.

Удирая с правого берега, чехи полностью уничтожили паром через реку, лодки и другие плавсредства. Это затруднило по горячему следу преследовать врага.

Очистив правый берег от неприятеля нам предстояло преследовать его и дальше. О том, что засевшие в Шмаковском монастыре чехи представляют хорошую позицию и крепость защиты левого берега, наше высшее командование знало, поэтому для подкрепления нашего левого фланга, штаб фронта перебросил нам на помощь роту пехоты и эскадрон кавалерии, состоящего из красных казаков.

Чтобы не дать чехам привести себя в боевой порядок и закрепиться на новом рубеже, мы в ту же ночь на собранных в окрестных деревнях лодках и сколоченных наспех плотах, переправились на левый берег. Конники все это проделали, ^{бросив} ~~пустились~~ вплавь через реку. Чтобы достать утопленную горнушки из реки наше командование оставило несколько человек специалистов.

Бой за монастырь был хотя и жестоким но не продолжительным. Основные силы чехов и монахи очистив монастырь от

ценностей ,бежали к Спасску раньше.

Следующая укрепленная на нашем пути была деревня Успенка. Калмиков впомощь чехам успел подбросить несколько сотен белоказов. Сам с основными силами находился по-соседству в других населенных пунктах. Но и это укрепление не дало никаких успехов не белочехам ,не белоказакам. Поведа вечером наступления на их укрепления нам легко и без потерь удалось их сбить и занять деревню.

По донесениям разведки,было ясно, что калмиковцы готовятся к попытке отбить обратно Успенку. Осмотрев местность,наши командиры раз"яснив по разделениям цель предстоящей засады, установили в километре от деревни в густом кустарнике с обеих сторон ложбины пулеметные расчеты. Конники и другие роты были приведены в боевую готовность. Нашей Колыбинской роте, в которой находились все волочаевцы,предстояло после пулеметной атаки броситься на врага рукопашным,штыковым боем.

Я страшно боялся за неопытных, тем более в рукопашных боях , братишку Антонина, Петра Чернышова и Григория Маковецкого. Но обошлось все благополучно. Как только показались в ложине две спешившиеся роты калмиковцев- дружно застрочили наши "Максимы", расстреливая врага в упор.

Не ожидая перед таким ранним рассветом засады, калмиковцы растерялись и были почти полностью уничтожены. Под громкое "Ура" мы дружно бросились в ложбину,но рукопашный бой уже вести было не с кем. Оставшиеся в живых калмиковцы прятались в ближайших кустах и нам пришлось вылавливать их как куропаток.

Тем временем наша кавалерия , сделав глубокий обход пы-

талась отрезать отход остальным частям белоказаков. Калмыков учел угрозу, спешно бежал в Антоновку.

Отдельным единицам из спешившихся двух сотен удалось спастись. Основная масса полегла от пулеметного огня, остальные нашли могилу прятаясь в кустах.

Особый героизм из наших волочаевцев проявили Дмитрий Калмыков и Сергей Канзалаев. Они первыми бросились на оставшихся калмыковцев и последними вышли из кустов, вылавливая неприятеля. В последствии прошел неприятный слухок, что Дмитрий занимается мародерством, обшаривает карманы каждого убитого.

Оказалось, что из уничтоженных в этом бою белогвардейцев, были поголовно офицеры и кадеты.

В Антоновку Калмыков стянул все прибывающие в его распоряжение белогвардейские части. В результате его отряд достигал примерно двух тысяч сабель. Помимо калмыковцев на подступе к Антоновке находился батальон белочехов, и как впоследствии выяснилось, какие то незначительные американские и канадские части.

Вокруг Антоновки, с трех ее сторон расположено не приступное болото, на остальной части суши расположились бежачехи и другие интервентские подразделения.

Зная, что красногвардейцам через болото к Антоновке не пройти, а суша надежно охраняется иностранными дружинами, Калмыков после сытного ужина и изрядной выпивки улегся на ночлег.

При опросе, крестьяне соседних деревень поведали нашим командирам, что есть через болото в двух-трех местах

тропинки, через которые можно провести не одну роту солдат.

Не задерживаясь, одна наша усиленная ручными пулеметами часть направилась с проводниками через болото в обход Антоновки с таким расчетом, чтобы перед рассветом ворваться с тыла в спящую деревню.

Так оно и получилось. Перед рассветом раздалось громкое "Ура" и выстрелы со стороны нашей обходной группы. Это означало, что они ворвались в Антонэвку.

Находившиеся с левого фланга деревни белочехи и американская воинская часть, при первом выстреле оставили свои позиции и ушли, открыв тем самым свободный нам проход по суше. Пока мы пробежали разделяющие нас четыре версты от Антоновки, там было почти все уже покончено. Захваченные врасплох сонные калмыковцы, выскакивали из изб в одном белье и сразу же попадали на мушку наших налетчиков. В таком виде выскочил и огородами ползком по пластунски, удрал избежав пули, сам предводитель белобандитов атаман Калмыков. На нашу долю досталось преследовать убегающего врага и вылавливать из кустов и прятавшихся под печками и по сараям оставшихся. В плен брали только отдельных для допросов.

В Антоновке были почти полностью уничтожены две сотни калмыковцев и взяты большие трофеи: батарея из четырех орудий в полной упряжке и большим количеством снарядов, полторы сотни кавалерийских оседланных лошадей и обоз с другим снаряжением.

Батарею сразу же повернули и пустили в ход по убегающему противнику.

От постоянно сопутствовавших нас военных успехов, мы ликovali, хотя в последствии досталось нам горче горького.

В это время правый фланг нашего общего фронта под командованием отважного и опытного полководца Урбановича, штурмовал по линии железной дороги Каульские высоты. Выбить ни орудийным ни пулеметным огнем засевшего за брусерами каульских высот неприятеля не представлялось возможным, их можно только взять штурмом. Это требовало больших жертв, но другого выхода не было. Тогда Урбанович обращаясь к бойцам произнес:

— "Пусть многие из нас во имя победы погибнут, но высоты, имеющие стратегические значения для всего нашего фронта — нужно взять. Вперед за мной. Ура!"

И жаркий кровавый штурм начался. Чехи в упор картечью и пулеметным огнем поражали штурмующих героев, но на место павших становились новые и новые бойцы и штурм с нарастающим героическим упорством продолжался.

Для штурма Каульских высот были сосредоточены большие силы. Рядом с нашими войсками принимали участие латышская и венгерская роты. Шесть бронепоездов, из которых два были оснащены снятыми с канонерок дальнобойными орудиями, засыпали высоты снарядами, но чехи, продолжали сопротивляться.

— "Убит командир! Убит Урбанович!" — как гром потрясло окрестность.

Это событие удвоило силы штурмующих и они мгновенным броском бросились на вершину гранатами, штыками, поражая неприятеля. Такого натиска враг не выдержал и бежал, бросая оружие и оставляя раненных. Вся обороняющаяся местность была усыпана трупами, больше половины их полегло здесь. Большие и тяжелые потери были и с нашей стороны, но к вечеру Каульские высоты были полностью очищены от неприятеля.

Каульская победа окрылила наших бойцов и придала им уверенность в дальнейших победах. Эта радостная весть разнеслась по всем уголкам Дальнего Востока.

Потерпев поражение на хорошо укрепленных Каульских высотах, понеся большие людские и материальные потери и боясь очутиться в тылу обходных наших отрядов, белочехи начали отступать по всему фронту взрывая за собой мосты, водокачки и железнодорожный путь.

Наши войска продолжали преследовать врага.

Во время Каульских боев батальон Флегонтова и наш отряд Шевчука по гористым, таежным и болотистым местам, выбивая из сел белогвардейские банды Калмыкова обходным путем продвигались в тыл основным силам белочехов в направлении станции Свирино.

Мы уже знали, что главные силы чехов, на Каульских высотах были полностью разгромлены и от тяжелого поражения им уже не легко оправиться. Оказать серьезное сопротивление они уже не могли и недалек тот день когда им будет полный разгром. Сейчас они бросив позиции отступают полным ходом.

Нашей задачей явилось преградить им путь отступления у станции Духовской и раз'езда Краевский, где они сгруппировались под прикрытием своих бронепоездов.

23 августа 1918 года наши части подошли и с хода открыли по Духовской огонь. Флегонтов с кавалеристами попытался обойти их правый фланг и в тылу взорвать железнодорожный мост, захватить бронепоезда и продолжать разгром чехов.

В это время заметили подошедший к станции со стороны Владивостока эшелон, из его теплушек еще на ходу, начали выскакивать впервые виданные нами солдаты в фуражках с красными околышами и рассыпаясь в цепь, бегом шли в наступление. Вслед за первым подошел второй эшелон, из которого также выскакивали солдаты и сразу вступали в бой.

— "Японцы! Японцы!" — раздались вскрики среди грузчиков, и, действительно, японцы силой не меньше полка шли цепями, перебежками и ползком навстречу нашему батальону, открыв ураганный огонь из винтовок и пулеметов.

Не растерявшись наш командир батареи развернул орудия и шрапнелью заснял наступающих японцев. Не выдержав натиска, японцы с большими потерями отступили.

Только на следующий день мы узнали, что наш командир батальона Флегонтов ранен и отправлен в тыл.

24 августа у раз'езда Краевский японцы ввели в бой целую дивизию своих войск. Помимо японцев в бою участвовали чехи и какие то другие, не знакомые нам войска. Бой был особо упорный и кровопролитный, но Красная Гвардия была численностью войск и оружием еще слаба, чтобы противостоять, хорошо оснащенных регулярных войск интервентов, дрогнула и по всему фронту начала отступать обратно за Уссури.

Преградив наступление интервентов на Уссури дня на четыре, наши войска чуть не панически покатались до Хабаровска, а ~~оттуда и дальше по дороге разбегаясь по домам и уходя в тайгу.~~

~~Партизанские отряды об'явились несколькими месяцами позже.~~

На Имане, когда подошел эшелон с нашим отрядом, про-

ходил митинг воинских частей. Присутствовавшие на митинге делегаты пятого краевого съезда сообщили, что воевать фронтом против японских, американских и других интервентских войск нам не под силу, поэтому съезд постановил распустить с оружием в руках все красногвардейские части и в дальнейшем продолжать борьбу партизанским методом: — взрывать железнодорожные мосты и путь, выводить из строя телеграфную линию и водоснабжение, пускать под откос военные эшелоны, нападать на охрану и поджигать склады с военным имуществом и всякими другими способами вредить и тормозить продвижение интервентов в глубь нашей родины.

В Хабаровске мы застали полнейшую панику и неразбериху.

Грузились в эшелоны пароходы и другие мелкие суда, воинские части, советские учреждения. Эвакуировались и отдельные семьи и бежали из города отдельные лица.

Мы, волочанцы и другие тунгусцы уже не группой, как ехали раньше в Хабаровск записываться в Красную Гвардию, а по два-три человека, а то и по одиночке, еле перебрались через Амур и вот мы „герои“ дома.

4 Сентября 1918 года первые эшелоны калмыковцев вошли в Хабаровск. За ними японцы, белочехи, американцы. Их Хабаровская буржуазия, эсеры, кадеты, меньшевики встречали духовым оркестром и цветами.

Началась бандитская кровавая расправа над Хабаровским и окружающим его населением.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОЛОСТНАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА.

Домой в Волочаевку мы с Антонином пришли с Уссурийского фронта с винтовками и патронами штук по тридцать у каждого. С оружием пришли Степан Перминов, братья Калмиковы и Петро Чернышев. Кто еще пришел с оружием, мы пока не знали, но о том, что некоторые бросили его при бегстве, нам хорошо было известно.

При отступлении частей Красной Гвардии и властей из города Хабаровска по их пути самораспускались все волостные и сельские Советы. Самораспустился и наш Тунгусский волостной Совет а его председатель Александр Пропенко возвратился домой в Волочаевку.

Прибыл домой в Волочаевку из какой то воинской части и Николай Слинько.

Не откладывая в долгий ящик, вечером собрались в нашем маленьком домике : братья Василий и Николай Слинько, Семен Кучмижак и нас четыре брата Александр, Владимир, Илья и Антонин.

Открывая собрание Александр сказал :

- " Товарищи ! Воспрял международный империализм и захватил своими вооруженными первоклассным оружием, дивизиями окраины нашей Советской родины. Война из далекой Германии докатилась и до нас. Уже горят наши дальневосточные города и села, обильно льется кровь нашего русского народа и на Западе и на Востоке. Жестокий враг из бывших пленных и бывших наших союзников с помощью внутренней контрреволюции белоказаков кровавого атамана Калмикова, разгромив наши немногочисленные отряды Красногвардейцев уже занял Хабаровск. Завтра - послезавтра он будет и у

нас в Волочаевке. Чуть не вся волочаевская молодежь состояла в Красной Гвардии и с оружием в руках выступала против чехов, японцев и белоказаков Калмыкова. Добра ждать не приходится, а горя может быть много.

Вчера мы на нашем семейном совете решили : Илье и Антону временно убраться из Волочаевки, сам я завтра тоже уйду к Алексеенко на заимку, а в случае угрозы подамся куда либо подалее в тайгу или дальние стойбища к голям.

Чтобы спасти от бедствий Волочаевку, нужно и всем другим участвовавшим в войне с этим черным нашествием, тоже временно скрыться из Волочаевки.

Прошу , товарищи, выступая внести свои предложения.

Поднялся Николай Слинко :

- " Правильно сказал Александр Васильевич. Нужно завтра же всем бывшим красногвардейцам, да и другой всей молодежи выбраться из деревни куда кто может, хотя бы на свои дальние заимки и переждать продвижение через Волочаевку вражеских войск. Сейчас прямо из собрания всех нужно об этом и оповестить.

Возможно они дальше и не пойдут фронтом, а просто будут продвигаться вглубь эшелонами, ведь по близости никакого Красногвардийского фронта уже не существует. "

- " Не может быть , чтобы они не оставляли по станциям свои воинские подразделения, хотя бы для охраны железной дороги и продвигающихся по ней своих эшелонов. А это уже беда , - сказал я. "

- "Но как бы там не было, а себя и Волочаевку нужно обезопасить. Первое, что нужно сейчас сделать - это еще раз крепким письмецом предупредить рыжего мастера Мельникова, чтобы крепко-накрепко прикусил свой язык. Чернышова обезоружил родной сын уйдя в Красную гвардию, так что оттуда опасность миновала. Потом как - то

нужно сообщить в Даниловку, чтобы они крепко припугнули кулака Балаганского. Да и с нашей стороны нужно ему сказать внушительное словечко.

Так и сделали. Тут же не расходясь, написали крепкое предупредительное письмо Мельникову и этой же ночью приклеили к дверям его квартиры. Балаганскому написали коротко: "Держи крепко язык за зубами, иначе нагрянем со всех сторон и от тебя и твоего поместья, останется только пепел.". Это письмо решили передать даниловцам, а они со своим предупреждением должны вручить Балаганскому и наше.

Из собрания сразу же пошли оповестить всех бывших Красногвардейцев о нашем решении, чтобы завтра никого из них не было в деревне.

На завтра Степан Перминов и я вернулись обратно на Поперечку и приступили к своей прежней работе ремонта пути. Антонин, Петька Чернышев и Григорий Маковецкий ушли на разезд Ольгохта и устроились там ремонтными рабочими, остальные разошлись по дальним займкам. Калмыковы Дмитрий и Александр по обыкновению куда-то исчезли из Волочаевки на всю зиму.

Вчера прошел еще один завершающий поезд с эвакуированными из Хабаровска, потом следующие два дня было тихо и спокойно. На третий день во второй половине дня появился со стороны Дежневки сначала дымок, а затем и бронепоезд. Шел он тихо, вкрадчи-во, медленно и настороженный орудиями и пулеметами подошел к станции и остановился. Из него вышли два чека и вошли в станцию. Минут через двадцать бронепоезд также тихо и медленно двинулся в сторону Ольгохты. Поздно вечером, уже из Ина, он с грохотом и на всех парах, без остановки промчался в сторону Хабаровска.

Первая разведка. Мы знали, что отступающие последним эшелонам, сняли в станции аппарат "Морзе", телефон и повредили провода. И так, видимо, на всех станциях и раз'ездах, поэтому нужно ждать завтра ремонтников связи.

Так и оказалось. На следующий день, уже с утра прошел в сторону Ина бронепоезд. Часа через два после бронепоезда подошел к станции паровоз с одним вагоном военных связистов. Через час паровоз с вагоном ушел дальше, оставив на станции человек десять вооруженных ремонтников связи.

Бронепоезд назад не возвратился, значит путь был свободным до Бирь и дальше.

Затем уже в общей сложности на пятый день после занятия Хабаровска, пошли эшелон за эшелонам чехов, и японских войск в сторону Амурской области. Первый из эшелонов прошел под охраной двух бронепоездов. Дней через десять массовое их движение уменьшилось до одного - двух эшелонов в день.

В Волочаевке никакой охраны они не оставили, чехи связисты тоже через двое суток ушли поручив охрану станции рыжему мастеру Мельникову. Значит опасность для нас пока миновала.

Постепенно один за другим начали возвращаться из заимок и тайги укрывавшиеся. Возвратился и брат Александр. Все это время он находился у гольдов в Дзариене. В это время по Тунгуске шел осенний ход кетн и он вместе с гольдами поймал, засолил и вывялил 120 штук рыбнн. Из них он 10 штук порезал на ленты и вывялил гольдским способом. Бочку и соль он позаимствовал у даниловцев.

Братья Волочаевы, Лука Кучмикаш, Василий и Слинко и мой брат Владимир не бывшие в Красной Гвардии, организовали свою ры-

балку и в достатке обеспечили свои семьи рыбой на зиму.

Но спокойная жизнь в Волочаевке оказалась не долгой. В конце сентября высадился на станции взвод, человек сорок американских солдат и занял под жильё железнодорожный полудомик.

Волочаевцы притихли, — эти гости не на шутку нас встревожили. Многие снова разбежались по заимкам, по тайге. Ушел обратно в Джармен и брат Александр.

Вскоре американцы показали свою удаль в пьянстве, курятине, яйцах, молоке и русском сале.

Никаких обысков, преследований и арестов они не производили за культурно, но безоговорочно забираемые /конфискованные/ куры, яйца, сало и другие продукты, платили деньгами.

Водки в Волочаевке вообще не было. Бывший кабак был закрыт царским правительством еще в начале войны с Германией в 1914 году. Контрабандный спирт у волочаевских спиртонов давно уже вышел, а вновь идти за спиртом в Китай в такое смутное время никто и не мыслил.

В Нижнеспасской находящейся в 12 верстах от Волочаевки расположенной на самой границе с Китаем, контрабандный спирт и вонючая китайская ханжина / ханжа или просто хана как ее в народе называли / постоянно и не ограничено имелась.

У американцев была своя водка /виски/, но видимо, отпускалась ограниченной нормой. Эта норма многих пьянчуг не удовлетворяла и они организовали спиртоносов из своих солдат.

Убедившись, что никаких "краснобандитов" /так они называли красногвардейцев / в ближайшем районе вообще нет, /хотя они имелись у них под самым носом, чуть не в каждом доме Волочаевки /, они подрядили верховых лошадей, взяли проводника и три че-

ловека вооруженные с ног до головы, вбежали в Нижнеспасскую.

Волочаевцев предупредили, если случится нападение на них солдат-спиртоносов, - Волочаевка и Нижнеспасская будут сожжены, а жители их от велика до мала расстреляны.

Опасаясь такой угрозы, немедленно ушел в Нижнеспасскую брат Александр для организации благополучного возвращения солдат-спиртоносов. В самом деле, ведь угроза была смертельно опасной и для волочаевцев и для Нижнеспассцев.

По возвращении Александра, собрались вечером под сопкой в домике Кучнижама. У нас собираться стало не безопасно, наш и Слинко дворы находились от полудомика в котором разместились американцы в двухстах саженей не дальше..

Александр рассказал :

- " Я прибыл Нижнеспасскую к вечеру и сразу же попросил созвать сходку на которой об"яснил положение и предложил подальше спрятать имеющееся оружие и принять все меры, чтобы с американцами все обошлось благополучно.

Пусть уж в Волочаевку возвратятся без приключений, иначе они не дрогнув выполнят свои обещания и за троих своих пянчуг, уничтожат две деревни и расстреляют сотни их жителей.

Спирт, который у Вас имеется можете им не продавать, пусть сами едут за границу. ".

На другой день прибыли в Нижнеспасскую с нашим проводником Григорием Маковецким - старшим.

Американцы убедившись, что спирта и никакого вина в деревне нет, узнав что сразу за Амуром на китайской территории находится "Красная лавка", в которой имеется и спирт и разные вина, они тут же подрядили лодку с Нижнеспасским проводником также предупредив на-

селение, что за любое на них нападение деревня будет стерта с лица земли, а все ее население расстреляно и отбьют за границу.

Вернулись они только утром следующего дня опухшие от перепоя и привезли с собой шесть пудовых банок спирта и бутылок тридцать коньяка и разного вина. Погрузив вьючно на лошадей поклажу, через час отбыли в Волочаевку. Обождая часа два, ушел в Волочаевку и я.

Вчера мы были все свидетели какую попойку они учинили в полудомике. Не было бы беды от этой пьянки и нам. Чего доброго перепьются и начнут стрелять по людям. Нужно от этого зла нам как то уберечься.

- " Да, товарищи, положение у нас действительно аховское. Мне кажется, нужно с ними заводить какую то кампанию, знакомство, дружбу. Давайте выберем время когда у них будет более трезвый день, соберемся на мосту временки, сначала не большой компанией ребят и девчат. Споем одну, другую залихватские песни. Под мандолину и балалайку споем и станцуем саратовские частушки. Не удержатся - придут. Я отдеру в присядку хорошего трепака. Заведем игры, пригласим их. Уж коли стоит вопрос оберегать деревню и население - нужно как-то приспособляться," сказал Николай Слинько, - " Предложение не плохое. Я как то перед вечером играл на скрипке в зале своего дома. Окна были в сторону временки открыты. В это время шли по дороге два американца. Один постарше совершенно тверезый, второй молодой под хорошим хмельком. Услышав музыку они остановились, подошли к забору и начали слушать. Когда я прекратил игру, они постучали и попросили провести их к себе. Я немецкий язык хорошо знаю, примерно разбираюсь и в французском,

а вот в английском - профан. Все же понял чего они хотят, вышел и проводил их к себе в дом.

Войдя в комнату, тот молодой пьяненький, сразу завалился на стул и хотел ноги положить на второй стул, но второй американец его предупредил и облокотясь на стул попросил меня играть. Я заиграл вальс "Над волнами". Они прислушались. Молодой, жевавший серу, прекратил щелкать языком. Это меня ободрило, я сыграл второй и третий вальс. Потом сыграл танго и полонез. Они внимательно все прослушали не проронив ни слова. Затем сказав "О^йрайт" пожали мне руку и уходя спросили разрешения заходить еще.

Вот видите, я уже завел знакомство, но ухо ~~держать~~ надо держать остро.

Ну, что-ж, на мосту гулянье устройте, но их не приглашайте, они патрулируя по железной дороге, услышат песни и музыку - зайдут сами.

Я пока на мост не пойду, - сказал Александр - на мандолине сыграет Илья ".

- "Это уже хорошо, - подтвердил Семен Кучмижак, - Знакомство с ними завести обязательно нужно. Но прежде чем устраивать для этой цели гулянку на мосту, не плохо бы было прежде с ними встретиться на твоём концерте у Вас в доме, Александр Васильевич - Ты назначь им время, а мы человек пять-шесть с девушками прийдём на полчаса раньше. Там прощупаем их, посмотрим как будут на компанию реагировать, убедимся чем они дышат. Для этого провальсируем там же в комнате и на мосту будет ясней и безопасней".

Так и сделали. В следующую субботу, ранним вечером пришли к нам трое ребят/ всё те же/ и две девушки. Я стал наблю-

Я стал наблю

дать за дорогой. Вот показались и они приглашенные Александром, но уже не двое, а трое. Все мы степенно расселись в нашем зале. Александр начал играть на скрипке, а мандолину положили на стол с ним рядом. Залааял наш ленивый барбос "Бурка". Я вышел и проводил американцев в дом. Один из них был с "кольтом" на боку.

Как только они вошли, трое ребят вскочили и уступили им стулья. Стульев у нас было всего четыре, привезенные еще из Кубани, а остальные покрашенные табуретки местного производства Василия Алексеенко.

Войдя и увидя ватагу ребят, они насторожились, все мы почтительно поклонились и они уселись.

Александр заиграл вальс "На сопках Маньчжурии". Мы все облокотясь с притворным глубоким вниманием слушали. После двух-трех вальсов, заиграл "Вечерний звон", Владимир я и Семен под музыку запели :

" Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он
Бом , бом , бом..."

Потом , развеселясь , я взял мандолину и ужарил гопака. Николай , как ужаленный схватился , гикнул ~~гопак~~ и пошел выделывать ногами крендели и разные викрутасы.

Американцы сразу насторожились, отодвинулись , а вооруженный и руку положил на рукоятку пистолета. Когда Александр обратно заиграл вальс, а Семен с Христиной Артеменко свальсировали, они успокоились, развеселились и напоследок, что-то забавное пропели свое.

Провожая их, мы кое как им об"яснили, что завтра днем за-
теваем на мосту гулянье и приглашаем их.

На этом распрощались. Знакомство получилось не плохое и
мы убедились, что при них можно действовать смелее.

На завтра собралось нас на мосту ребят и девчат человек
пятнадцать. Пришли и они уже восемь человек. Трое из них были
вооружены карабинами, а остальные только пистолетами. Принесли
они с собой жвачку - серу и какие -то леденцы и начали ними уго-
щать девчат. Началось веселье : игры, танцы, песни. Пускались и они
они танцевать с девчатами наши деревенские польки. Один из них
не плохо об"яснялся по русски и все добивался где Александр со
скрипкой. Ему об"яснили, что болен.

Попросив мандолину и гитару они сыграли и пропели хором
что-то веселое.

Гуляние прошло как и планировали, нормально.

После этого, мы окончательно убедились, что они нас боль-
ше побаиваются, чем мы их, иначе не пришли бы на мост воору-
женными карабинами. В этой связи и наши опасения со стороны их за-
метно уменьшились.

После места мы устраивали гулянья и на сопке. Приходили
и они туда, но так же вооруженными.

Примерно дней через двадцать пять после их прибытия в
Волочаевку, прибыл на станцию большой эшелон японских войск.
Американцы немедленно посетили японцев и сразу же после этого
был усилен патруль железной дороги и прекратилась всякое посе-
щение наших гульбищ, а японские эшелоны с войсками и военным
имуществом и снаряжением ежедневно начали проходить через Воло-
чаевку на запад захватывая наш Великий Сибирский путь все даль-
ше и дальше.

Больно было смотреть и еще больнее и труднее переживать иностранное нашествие на нашу Родину. Но ,что могли мы предпринять в ее защиту ?. Пустить под откос любой вражеский эшелон, мы могли в любое время но без наличия партизанского отряда в нашем районе, на которого легла бы вина - это повлечет к уничтожению интервентами близлежащих деревень и расстрелу всего их населения

Организаторы первого Тунгусского партизанского отряда Павел Петрович Постышев, Иван Павлович Шевчук и Александр Васильевич Проценко об"явились населению Тунгусской волости на несколько месяцев позже.

Пробили американцы в Волочаевке месяца полтора не причинив большого вреда населению ,если не считать опустошением, хотя и за деньги , всех курей и поросят. Затем незаметно ночью куда-то исчезли.

Месяца через два или три после занятия Хабаровска и обоснования в нем царем и богом бандита атамана Калмыкова, было получено всеми селами Тунгусской волости предписание Хабаровской Земской управы, выделить из каждого села три представителя и послать их к такому то числу на волостной с"езд в Покровку, для организации волостной земской управы и выборов ее членов, председателя и секретаря.

Из Волочаевки послали Михаила Акимова, Василия Алексеенко и Николая Сланько.

По возвращении наших представителей из Покровки, мы хотя еще не официально, но уже работающая подпольная организация в Волочаевке , собрались у нас в доме и Николай доложил

ход и результаты организации и выборов земской управы.

- " Собралось нас из 13 деревень 39 человек. Отдаленные деревни по неизвестным причинам своих представителей не прислали. От Хабаровской земской управы был один представитель и один бандит, видимо его телохранитель из банды Калмыкова. Между прочим он вел себя на нашем сборище как хозяин и диктовал свои предложения. К примеру:

- " Не выдвигайте в члены земской управы голытьбу, управа должна быть из порядочных, зажиточных мужиков." и примерно дальше в таком духе.

Но я не сказал еще главного. Ведь тебя, Александр Васильевич избрали председателем волостной земской управы. "

- " Меня ?- изумился Александр, - Ты шутишь, Николай Андреевич ?"

- " Нет, Александр Васильевич, не шучу. Твою кандидатуру председателем управы выдвинул наш Акимов и представь 38 человек голосовали за тебя. Я подумал, что быть у руководства волостью, хотя бы и земской управы, можно творить большие дела и оберегать население от насилий и расправы и ,тоже голосовал за тебя."

- " Да какое вы имели право заочно и без моего согласия избирать меня, да еще куда, в логово самых матерых и злейших наших врагов. Нет, - это неслыхано, да я ни за что и не соглашусь.

Потом меня , как бывшего председателя волостного Совета на другой же день расстреляют."

- " Был разговор и об этом. Один из четырех воздержавшихся, кажется, житель Николаевки , выступая сказал, что заочно, тем более без согласия избираемого, - избрание будет не законное, а потом он может от такого избрания и сам категорически отказаться. "

- " Что ? - заорал калмыковец. Раз мы избираем, значит законно, а насчет " не захочет ", у нас есть хорошие средства. Прикажем " по нашему " и будет работать как миленький ".

- " Проценко ? - спросил представитель Хабаровской Земской управы. Это бывший председатель волостного Совета ? Слышали мы кое-что о нем. Главное, что он пользуется большим авторитетом среди населения волости, достаточно грамотный и дельный человек. Таких нам и нужно. Говорите - честно послужил в Совете ? Ну, что-ж, пусть теперь честно послужит и в Земстве. Я с удовольствием присоединяю свой голос за его избрание. Чтобы его уговорить, я лично поеду с вами в Волочаевку и на месте переговорю с ним о всех деталях. "

- " Понял, Александр Васильевич, как все это происходило ?. Сегодня он вместе с нами приехал в Волочаевку. Остановился он у Акимова. Прежде попытается встретиться с тобой, а завтра созовет сходку, объяснит настоящее положение сложившееся у нас на Дальнем Востоке, затем будет уговаривать тебя и общество за твое избрание и утверждение председателем. ".

- " Крепко и почти предательски сработали. Возможно привезли сюда и бандита телохранителя ? ".

- " Нет, Александр Васильевич. Его, представитель Земской управы уговорил вернуться в Хабаровск, а нам после сказал : что грубостью и запугиванием уговаривать не гоже, нужно изподволь с подходцем. ".

- " Вот , это здорово. Дожил я , как говорится до самой ручки. Какой то холуй бандита Калмыкова будет меня уговаривать с подходцем. Нет, друзья, завтра же чуть свет уйду к гольдам в

самые дальние стойбища.

- " Прав Александр , прав. И пока не поздно , нужно ему скрыться " - заговорили мы оба с братом Владимиром.

- " Нет , нет ! .Ни в коем случае этого делать нельзя. - заговорили на перебой Василий Слинько и Семен Кучмижан. Это сразу же вызовет к нам Калмыковских карателей, а поскольку у нас половина Волочаевки было в Красной Гвардии , - добра ждать нечего. Запылает Волочаевка и в пять раз увеличится наше кладбище.

Послушаем завтра, что скажет нам этот холуй, а потом и решим, что и как. "

- " Ну, что-ж. Подчиняюсь большинству. Послушаем завтра земского краснобая. "

На Этом и разошлись по домам.

После прихода иностранных оккупантов и белогвардийцев атамана Калмыкова, во всех деревнях волости сельские Советы самораспустились. Не было уже около двух месяцев никакой власти и в Волочаевке. Был разговор, что якобы, было какое - то предписание из Хабаровска избрать по деревням старост и понятых, но где это предписание, кто его видел, да и было ли оно вообще, - никто ничего не знает. Возможно, кто либо на подобие нашего Мельникова, умышленно выпустил подобную утку.

На следующий день наши уполномоченные : Акимов, Алексеенко и Николай Слинько созвали сходку. Неохотно, с оглядкой сходилась на нее народ.

Председательствовал на сходке Акимов, секретаря Николай Слинько, которому еще вчера на подпольном кружке вменили не писать в протокол ничего лишнего из выступлений.

Открывая собрание Акимов сказал :

- " Граждане Волочаевцы ! Работу, на которую Вы нас уполномочивали мы выполнили. Для доклада о положении в стране и проделанной нами работе в Покровке, прибыл к нам представитель Хабаровской земской Управы, гражданин Хренов. Прошу. "

- " Уважаемые граждане, жители Волочаевки !. Докладывать о положении в стране я не уполномочен. Да и трудно сейчас об этом говорить. Знаю , что вся наша многострадальная Россия горит в огне захваченном жидами и бездомными большевиками. Знаю и то, что добровольная и доблестная наша армия продвигается на всех фронтах все вперед и вперед в глубь страны, очищая от этого зла территорию нашей родины и ей в этом помогают наши славные союзники.

Я уполномочен создать у Вас в волости Земскую власть. Вместо бывшего Совета, - Земскую Управу. Но, что интересно, все уполномоченные в Покровке выдвинули на должность председателя волостной земской управы, жителя вашей деревни, бывшего до этого председателем волостного Совета, - Александра Проценко. Из этого явствует, что он пользуется большим авторитетом среди населения волости, если его избрали председателем Совета, а теперь выдвинули председателем Земской Управы.

Такие работники и авторитеты везде нужны и мы приветствуем и поддерживаем его избрание.

Я вчера пытался встретиться с избранным председателем волостной земской управы, гражданином Проценко, но мне сказали, что он где-то на рыбалке. Не знаю, присутствует-ли он на этой сходке. А мне с ним обязательно нужно поговорить".

- " Здесь я, здесь. " - выступая вперед произнес Александр.

" Но, законно ли Вы поступили, гражданин уполномоченный представитель, избрав меня заочно и без моего согласия ?. Лично я не собираюсь работать в управе, а прямее сказать, не желаю. Да и умений у меня не хватит справиться с таким большим делом при те-
перешних порядках ".

- " Все сделано законно, уважаемый председатель волостной земс-
кой управы, но прежде разрешите с Вами познакомиться и показать Вам
руку.

Избрал Вас не я, а уполномоченные всей Вашей Тунгусской
волости. Это значит, что они Вас знают как достойного и вполне
Вам доверяют руководство волостью. Вас выдвинули и избрали три-
надцать деревень волости, поэтому думаю у Вас не хватит граждан-
ской совести пойти против всех и отказаться. Что касается Ва-
ших умений, можно быть спокойным, у Вас их достаточно. Ведь прек-
расно справлялись и умно руководили в Волостном Совете. А в слу-
чай чего непонятного, мы об"ясним и поможем."

- " Смотри , с каким подходцем.- подтолкнул я под бок Александ-
ра, - поет соловьем,- заслушаешься, а вороной от него изрядно
пахнет. ".

- " Александра мы знаем давно с самого малства, - вступил в раз-
говор Макар Михайлович Дроздов- Макарец. - Добрый и правильный
хлопец. На учителка вчився. Только одна беда, боимся мы за его.
Не убили бн его там. Вон люди кажут, што в городе всех вченых и
рабочих поубивали, а у саду всех гравших трубачев поубивали и с
кручи побросали в Амур. Вот так. ".

- " То, дедушка военная политика, она нас не касается. А мы с
вами мирные люди избираем свою крестьянскую власть. Пусть большие
люди занимаются политикой, а мы будем заниматься пашней, скотом,

риболовством и другим крестьянским ремеслом. А Александра Васильевича будем просить помочь вам и всему населению вашей волости. "

- " Дайте слово мне - не утерпел брат Владимир.

- Мягко стелет представитель Хабаровского земства, да боюсь жестко будет спать.

Как же мы сможем руководить и хозяйничать у себя, коли мы уже не хозяева себе и не хозяева нашей земли русской. Если верить слухам, да и мы сами видим, что уже полностью овладели нашей родиной, топчут нашу землю и хозяйничают над ней :- чехи, японцы, американцы/ которые уже побывали у нас в Волочаевке /, англичане французы и другие оккупанты, которыми Вы и такие как наш Мельников продали им и всех нас и всю нашу Россию. А наши русские предатели вояки, помогая им чинят произвол, казнят в каких-то вагонах смерти, вывозят в овраги и расстреливают тысячи своих же русских, но лучших из лучших патриотов своей Родины.

Правильно сейчас сказал Макар Михайлович, И я боюсь за своего брата Александра, если он пойдет работать в земскую управу. "

- " Не об этом мы сейчас речь ведем - сказал выступая , председательствующий Акимов.

Не будем вдаваться в большую политику. Мы сейчас избираем свою волостную власть ,для того, чтобы руководить собой, наводить порядок у себя, самим хозяйничать в своей волости и в некоторой степени защищать себя от всяких нападений. Надеюсь ,Александр Васильевич со всем этим вполне справится. А мы должны гордиться , что наш односельчанин будет руководить как и раньше нашей волостью. По существу за его кандидатуру проголосовала своими уполномоченными уже вся волость, нам только остается пригласить его и просить согласиться быть председателем во-

лостной земской управы и хорошо, добросовестно потрудиться на нас. "

- " Давайте гуртом, бабоньки, просить Александра Васильевича поработать еще малость для нас и ребятишек наших. При нем и хлебушка уже было показался и мыло и спички. Обещал и маслица в кооперацию достать. Богом просим, Александр Васильевич, всем обществом, - просим, - потрудись еще. " - с просьбой проговорила Макариха.

- " Что- и говорить. Хорошо развернул работу Александр Васильевич с кооперативом, да вот эти пришедшие чужаки всему помешали " - сказал выступая, степенный Владимир Терентьевич Фролов.

" Конечно, если поверить, что там творят в городе какие-то калмыканы с народом, то страшновато посылать туда нашего человека, но мы ведь посылаем не в город, а в Покровку. Поезжай, Александр Васильевич, а в случай чего, плюнь и возвращайся. "

После Фролова выступили еще несколько человек с просьбами к Александру.

Так, подчиняясь решению нашего подпольного кружка, уполномоченным волости и Волочаевскому обществу, прибывший с фронта большевик Александр Проценко, стал председателем Тунгусской волостной земской Управы.

Глава десятая.Наш богатырский колыхан.

Выстрелы японского солдата в катаныхся на лошади ребят и убийство им сына Мельникова быстро распространились среди сел Тунгусской волости и донесено по железнодорожным станциям. Буквально на второй или третий день, это было известно в волостной земской управе.

Правда, — это была "капля в море" против чинимых преступлений калмыковцами и их союзниками в Хабаровске, где сотнями пытали в тюрьмах и вагонах смерти и также сотнями выводили в овраги на расстрел. Но в Тунгусской волости, после казни калмыковцами в Каменике комиссара просвещения Дальсостаркома твердого Щепетнова, этот роговой выстрел имел особое значение, так как немедленно заставил председателя волостной земской управы Александра Проценко выехать обрат на поселки вверх по Тунгуске.

В Хабаровск после занятия его головорезами атамана Калмыкова, почти никто из жителей волости не ездил, так как мог очутиться жертвой террора. Знали, что палачи никаких оправданий не признают хотя видели и знали, что жертвы ни в чем не виновны, но ради заботы и для острастки других, человека терзали и вели в овраг.

Зная все это, Мельников все же не утерпел и поехал с горы в Хабаровск кому-то жаловаться на своих "покровителей" — японцев за убийство сына.

Пробыл он в Хабаровске с неделю, приехал обратно чернее тучи, весь взъерошенный, с взлохмоченной бородой и пасмурный как день ненастный.

Прошел слухом, что калмыковцы насыпали ему в мягкое место пятьдесят помполазловый не считая и теперь ему ни сестры ни дочки не спину, а японцы будто бы его задобрили и насыпали подарками, в надежде, что он им еще пригодится при их новой стоянке в Волочеевке.

Впрочем, Мельников получил понастью от своих же добродетелей за свою к ним любовь и уважение.

В апреле обратно из верховьев Тунгуски пришел в Волочеевку Александр и еще больше возбужденный, чем в прошлый раз.

В Волочеевке в то время никаких интервентов не было. В тот же день вечером собрались в нашей маленьком домике, — четверо нас братьев Проценко, два брата Славинки и два брата Кучишкины.

Под треск и мигание керосина, Александр рассказал нам разработанный ими план сыгранном в последствии большое значение борьбы против интервентов и белоохранителей не только в Тунгусской волости, но на всем Дальнем Востоке.

Выступая Александр сказал:

- Дорогие мои друзья, братья и товарищи! Наконец-то лед тронулся. ~~Бук~~ прошлым летом, когда мы меня избрали председателем волостного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а солдатами фронтовиками мы тогда были чуть не все; я в Хабаровске по роду службы познакомился с многими работниками бывшего Дальсовнаркомов. Это были стойкие большевики, крупные революционеры, создатели Советской власти, преданные ленинской партии, делу рабочих и крестьян.

Вы знаете, что с приходом в Хабаровск интервентов и белоохранителей, Дальсовнарком прекратил свое существование. Основная часть эвакуировалась на запад, некоторые его комиссары попали в лапы Колычкова и были казнены на Амурском берегу. Верю и надеюсь, что благодарный народ поставит в свое время им величайший памятник на месте их казни с самого дна Амура. Некоторые из товарищей комиссаров ушли в тайгу и находятся в глубоком таинном подполье. Помощь и укрытия им и их семьям, как председатель волости, оказал не малую и я.

Но террор Колычкова и интервентов не прекращается. Каждую ночь в Хабаровске десятки и сотни расстреливаются в бараках совершенно ни в чем невиновных людей. Хабаровские буржуазики, эсеры и меньшевики усердно им помогают. Их шпионы, агенты и предатели, переклюкались уже и на села.

Комиссар просвещения Дальсовнаркомов товарищ Щепетнов с которым я был хорошо знаком, эвакуируясь из Хабаровска вез по реке Тунгуске много оружия, но в Николаевке пуленом и подрывником Колычковым был задержан и все оружие было отобрано. Сам Щепетнов сумел скрыться в тайге оставив семью в Новокаменке. После зимы, когда он вздумал известить семью, его выследил предатель Холкин и сообщил Колычковым. Щепетнов был схвачен, после страшных пыток при семье, еще живым был спущен в прорубь реки.

Предателей подобных ~~Холкину~~ немало и у нас. Хотя бы взять нашего Дележало и Мельникова. Правда, после убийства японцами его сына и полученных помпозов от камикадзе в Хабаровске, это уже не тот Мельников-предатель, но все равно за ним нужно следить и наблюдать неотступно.

Кроме Щепетнова погибшего так неразумно, — скрывается в глубине Тунгуски еще один комиссар Дальсевнаркома, некто "Дядя Терас". Пока будем называть его так, — это его партийная, конспиративная кличка. Я с ним и его семьей уже довольно давно имел связь и кое в чем помогаю в конспирации. Имею связь и с бывшим командиром красогвардейского отряда в котором были и Вы, и другие волочеицы — Иваном Павловичем Шерчуком.

В прошлую мою поездку по Тунгуске, мы встретились; — Терас, Шерчук и я, и обсудили создавшееся положение в стране, в частности, у нас на Дальнем Востоке.

Через своих людей в Хабаровской земской управе, я имел сведения, что вся страна поднялась против врагов народа и взялась за оружие. Созданная Красная Армия громит белогвардейские полчища и интервентов. Пора подниматься друзьям и бороться за оружие и нам. На дворе весна, приближается тепло, нельзя упускать это благоприятное время.

Терас старый большевик, крупный политический стратег и деятель, Шерчук военный специалист и организатор, ну и я по должности "не мелкая шивинка", председатель волостной управы, а значит имею дело с народом, со всем населением волости. Вот мы и решили поговорить с народом волости, с Вами фронтовиками и со всей молодежью и создать у нас в Тунгусской волости крупный один, а то и две партизанский отряд для борьбы с белогвардейцами и интервентами. Это товарищи дело ответственное и большое: — поднять и организовать народ на борьбу; достать оружие, обмундирование, продовольствие не так-то просто в наше время. Правда, просочились свидетельства, хотя это еще в глубокой тайне, что белогвардейские власти готовят объявить мобилизацию нескольких призывных годов в армию вновь назначенного правителя всей Руси белогвардейского адмирала Колчака. Если это произойдет, будет удобный для нас момент повернуть народ против них.

Поработать друзья здесь придется не мало, а пока и предыдущему моему предложению на прошлом собрании хочу добавить следующее:

1. Установите незаметный контроль на станции за телефонными и телеграфными разговорами. У вас там должны быть свои люди.

2. Наблюдайте и ведите статистику за проходящими через Волочанку на Запад военными поездами, с войсками, оружием, имуществом.

3. Эти и другие тревожные данные немедленно сообщайте в Архангеловку товарищу Петру или его помощнику. Для этого имейте постоянного своего связного.

4. Установите подпольную связь с Даниловкой. Помогите из проверенных ребят создать там, подбробнее, подпольную организацию, которая по речке будет иметь связь с Архангеловкой.

Такие подпольные ячейки мы попытаемся создать ^{коря} не во всех, но во многих деревнях волости.

5. И последнее, - выберите председателя Вашей подпольной группы. Полегче, не будет возражений если председателем для этой цели я назначу Николая Андреевича.

Еще раз запомните, что от вас требуется, - готовить народ на борьбу и, оружие, оружие и оружие.

Теперь что из вас имеет по этому вопросу слово - прошу.

После долгого молчания, первым поднялся братишка Антоник и сказал:

- Давно пора. Но как же ты Шура, после всего этого являешься теперь в волость и тем более в Хабаровск? Ведь это страшный риск быть схваченным.

- Правильно братишка, риск большой. Но без риска больших дел не бывает. Разве не было рисков идти мне большевнику председателем волостной земской управы, не было нужно. Потом, о чем я Вам сейчас рассказывал, никто еще ничего не знает. Вас посвятили первым. ~~И~~ в Хабаровск мне крайне нужно, узнать от своих людей последние новости в стане врагов и, главное о готовящейся мобилизации в белую армию. Надеюсь поездка обойдется благополучно.

- Выходит товарищ лед по-настоящему тронулся. Как это все прекрасно, дорогой Александр Васильевич. Пора, действительно пора. Сказал Николай Сливько. - Председательство подпольной группой я принимаю. Спасибо за доверие. Все перечисленные задания бесспорно выполняю.

В отношении связанного, думаю будет самым подходящим Сергей Кензеляев. А вот кому поручить контроль на станции пока и сам не знаю: но ведь для этого нам придется расширять нашу ячейку и увеличить число подпольщиков, а это пока не весьма желательное.

— Ничего нет страшного если мы увеличим нашу подпольную организацию на два-три человека — сказал я, — надо доверять проверенным людям. Ведь нам придется поднять на борьбу в Волочанке всех способных носить оружие. А без доверия этого не сделаешь. О том, что пора браться за оружие — это верно. Не сидеть же от нового иностранного нашествия русскому народу, как когда-то триста лет сидели под татарским игом. Сейчас и времена не те и народ не тот.

Для контроля телефонной и телеграфной связью на станции, будет лучшей кандидатурой Степан Перминов: это наш, достаточно проверенный товарищ, грамотный и кажется разбирается в азбуке морзе.

Хотя он работает в отделе пути, но свой человек среди дежурных на станции.

— Все секретные послания дорогие друзья передаются зашифрованными и мы в них ничего не сможем понять, — сказал Василий Силинко. Я с этим делом сталкивался еще на Германском фронте. Даже снять с ленты шифрованную копию не каждый сумеет. Здесь, как и везде, требуется специалист. Воровать телеграфную ленту, значит сразу выдать себя.

В этом вопросе Александр Васильевич нужно еще что-то подработать.

— Если бы хотя один дежурный телеграфист был наш, свой, Волочанский, — это было бы легко сделать, — сказал Семен Кучмижен, — но все они чужие, прибывшие и мы их мало, почти совсем не знаем. Будем надеяться на Перминова. Степан свой, грамотный и преданный революционному делу парень. Его давно нужно было втянуть в наше подполье.

— Да друзья! Этот вопрос сложный и не отработанный. Ясно, что не один станционный телеграфист не прочтет шифрованную телеграмму. Шифр знает только тот кому он адресуется. Обойдемся пока теми данными которые нам известны.

Степана предупредите, чтобы работал без всяких подозрений. Себя и подпольную организацию выдавать или провалить, ни в коем случае нельзя. Как быть дальше, мы там разберемся.

Я видимо опять скоро буду у Вас.

На этом давайте кончать, мне завтра первым поездом нужно выехать в Покровку, а там в Хабаровск.

Степан и Сергей с радостью и благодарностью за оказанное им доверие согласились работать в нашей подпольной организации. К тому же они оказались исключительно добросовестные в работе ребята. Буквально через неделю Степан передал Николаю подробный перечень проследованных через Волочеву на запад эшелонов с японскими войсками, военным имуществом и платформ с полевыми орудиями. А на первом нашем подпольном собрании заявил следующее:

- Вот что друзья-приятели. Задание я выполнил только на половину. Оказывается телефонные разговоры ведутся только про движение поездов, а в телеграфе ленту включают когда вызывают Волочевку. Все остальное время телеграф работает, но лента выключена.

Чтобы разобраться что он выстукивает, нужно уметь читать по слух. Этому и сожеланию я и не умею.

Один раз сидя в телеграфе, я спросил знакомого дежурного телеграфиста: "Что мой аппарат сейчас выстукивает?". "А шут его знает" - был его ответ. Когда я попросил включить для интереса ленту, он ответил: "Что включить ленту при чужой передаче он не имеет права, да и ничего мы там не разберем, все передается больше на японском и меньше на английском языках и в основном цифрами.

Выходит шифровку разбирает только тот, кому она передается.

- Да, товарищи, этот вопрос мы еще при Александре Васильевиче обсуждали. А вот в какие пункты передаются такие телеграммы? - спросил Николай.

- На Ин, Облучье, Бочкерovo, Свободный. Видно на все те станции где находятся японцы или другие чужаки. Телеграфист говорил, когда стояли у нас японцы, такие телеграммы ежедневно по ступали и сюда. Но у них был свой телеграфист, - ответил Степан.

- Ну что ж, теперь собирайся Сергей в Архангеловку ты и передай данные лично товарищу Шелчуку, а на словах поведай ему все то, что сейчас рассказал нам Степан.

Будь осторожен, чтобы эти сведения не попали в другие руки, за это ты отвечаешь головой.

Вернулся Сергей только через три дня. Весенняя распутица и другие вопросы задержали лишние сутки. Передал спасибо благодарностью Шелчуку за посланные ему данные о движении военных поездов и про-

сил изыскивать и добывать оружие для борьбы с белогвардейцами и интервентами, которое мы сейчас усиленно готовим.

Жизнь становилась невыносимой не только в Волоческе, но также в Тунгусской волости, но и во всех городах и селах Дальнего Востока. Все было до предела напряжено.

О страшных злодеяниях, чинимых белобандитами и интервентами в Хабаровске, мы от знакомых японских машинистов и кондукторов, ходивших поезда через Волоческу, примерно знали, но вот, что уже организовано или организуется, где и когда в настоящее время ведется борьба с этими врагами народа, мы могли знать только от Александра.

Ждали мы его с нетерпением. Сам он ведь сказал, что едет в Хабаровск за большими новостями. В прошлый его приезд намекнул о встрече с каким-то Терасом и Иваном Павловичем Шевчуком с которым обсуждался вопрос о создании здесь у нас крупного партизанского отряда. А нам хотелось нам этого. Теперь уже не Уссурийский, а открытый наш Тунгусский партизанский отряд. Да и бывший наш командир Иван Павлович Шевчук немелся, жив и здоров и находится рядом с нами. Больше того: передал лично нам хранить свое оружие и быть готовым к грядущей борьбе.

С такими мы мыслями пожились, спали и вставали.

- 141 -

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

В РАСПУТЬИ.

С захватом власти атаманом Калмыковым в Хабаровске, прогрессирующая революционная жизнь в деревнях Тунгусской волости заметно ослабла, а в дальнейшем и совсем прекратилась. Кровавый разгул казаков Калмыкова прервал всякую связь крестьян и железнодорожных рабочих с городом. Прекратил в Волочаевке свое многообещающее начинание кооператив, не стала курсировать и железнодорожная вагон-лавка, снабжавшая жителей прилегающих к железной дороге и работавших на ней, размольной мукой, изредка пшеном, бобовым маслом, солью, спичками, иногда и, мылом. Хлебопашенство в Тунгусской волости не было развито, поэтому прекращение снабжения из Хабаровска, обрекало его население на голодное существование. Выручали матушка картошка и рыба.

Трудная, голодная и в вечном страхе жизнь от свирепствовавшего белогвардейского террора и карательных экспедиций была зима 1918 - 1919 года, да и не только зима, а весь период царствования Калмыкова в Хабаровске.

Разброд, бесперспективность вынуждали народ на бездельность. Трудились без всякого энтузиазма и работающие на железной дороге. Заниматься охотой на пушного зверя было опасно, так как всякое оружие было запрещено, да и не было у населения никаких боеприпасов /пороха и дроби/. Рыболовством зимой на махалку /блесну/, занимались только любители. Заготовка дров по реке Тунгуске для Амурского пароходства из-за междоусобицы была прекращена.

19

Приходилось , как говорится , - хоть волком вой. Люди от безделья ходили из угла в угол.

Мы волочаевская молодежь больше читкой отцовской библиотеки не занимались. Повзрослели , и сама библиотека за время войны и нашего отсутствия поубавилась , возможно от не возврата читателями , а возможно от употребления на "козьи ножки". Да и время было не такое , не чеховское и не гоголевское , а другой современной революционной литературы в Волочаевке не было. Газету " Приамурье " на всю Волочаевку выписывал только отец , после его смерти Волочаевка никаких газет не получала.

Вожди и организаторы борьбы с интервентами и белогвардейцами , пока не выявлялись и молодежь от безделья и избытка энергии ударилась в разухабистую жизнь , - каждую субботу и воскресенье - вечеринки чуть -ли не до утра. Заправилой вечеринок был мой бывший закадышный друг Иван Тихонов - саженька , не так давно прибывший из Читинского фронта , где он по достоверным слухам был не у Лазо , а у палача Читинской области кровавого атамана Семенова , работая шофером в какой-то воинской части и забавляя своим "конферансье" белогвардейское офицерство. А на это он был великий мастер.

Пришел он домой в Волочаевку без оружия , но с великолепной гитарой и знанием многих романсов , цыганских песенок , куплетов и разных частушек.

Вечеринки по обыкновению проводили в большом однокомнатном доме Пистиньи Волочаевой , у которой муж Пантелеймон Волочаев не вернулся с германского фронта , или еще большем доме Серых , в семье которого были три взрослых сына парубка и

их уже оформившаяся пятнадцатилетняя сестренка Маша. Дом их был крайним по над сопкой, со стороны Залива.

Чего только не устраивали на этих вечеринках: танцевали до упаду польки, искаженный краковьяк, вальсировали с пристукиванием каблуками, выкидывали коленцы в гопаке и трепаке. Пели веселые и грустные песни, причем пели красиво, больше старинные русские и украинские песни, водили хороводы, играли в фантов и все это с обязательными поцелуями с девушками. Допускались и некоторые вольности некоторыми ребятами и к некоторым девушкам, но не ко всем, и примеру: крепко шлепнуть по заднице или залезть руками за пазуху и все это считалось нормальным и прекрасн~~о~~о сходило с рук хулиганам.

Иногда устраивали на этих вечеринках настоящие концерты. Начинали мы с Иваном Тихоновым своего рода дуэт. Пели на пару старые романсы: "Белой акации", "Ветка сирени", "У камина". Потом Иван пропоеет свои частушки. Я декламирую, что либо из Никитина: "Змея подколотая", или "Эх, приятель, и ты видно горе видал." Чтонибудь споют девушки.

Но душой концертов, да и всех вечеринок был Семен Кучмижак. Он в первые годы основания Волочаевки, служил в Хабаровске в магазине Чурина, сначала на побегушках мальчиком, а затем уже приказчиком. Там за годы службы, он как говорится нахватался от старых пройдох приказчиков такой "культуры", что и сам чуть не достиг ранга пройдохи. Знал кучу разных анекдотов, комичных песенок, фокусов и других приемов.

В общем он был грамотным, умным, прекрасным для всех товарищем и любимцем всей молодежи.

На вечеринках он веселил и смешил всех. Без него и вечеринки были унылыми. А на наших концертах, он подражая грузинскому акценту комично пел.:

Песню про Кавказ, Вам спю сейчас.
Там я много лет, жил не зная бед.
Там едят шашлык, вкусный виноград
Там народ хоть дик, но приезжим рад.
Есть у нас легенды, сказки - Аха!
И обнчай наш кавказский - Аха!
Там течет вино рекою - Аха!
И бывает пир горою - Аха!
Дамочки туда, едут, господа,
Горы посмотреть, чтобы пополнить ... и т.д.

Иногда прямо из вечеринок всей ватагой взбирались на сопку, прихватив с собой большие сани /дровни/, усаживались человек по десять и больше "мала куча" и неслись вниз. В одном из мест сани переворачивались и все кубарем летели кто - куда в сугробы. Крик, смех, стоны от ушибов, будоражили всех деревенских собак.

Понятно, ничего существенного нам эти вечеринки и концерты не давали, если не считать, что на них влюблялись, а некоторые и соединялись супружеством на всю свою жизнь. Постепенно, забывая "свою" Феню, начал осторожно влюбляться и я.

А это получилось так:

Как-то еще осенью собрались ребята и девчата у нашего двора. Рассевшись на бревнах, лежавших уже лет пять или шесть

у нас под забором, затеяли игры, песни. Появились манголина, гитара и тут же на времянке закружили в танцах.

Поздно вечером провожая друг друга, постепенно по одиночке расходились по своим дворам. Двор Серых находился самым крайним под сопкой. Я решил Машу Серых проводить до самого дома. Как-то получилось, что тропинку к ее двору мы прошли мимо и оказались на берегу залива. Ночь была лунная, светлая, но прохладная. Я незаметно обнял Машу, чтобы уберечь от ветерка, дувшего со стороны залива. Она не отстранилась, я спросил:

- "Сколько тебе лет Маша?"

- "А зачем тебе это?"

- "Да, просто, захотелось за тобой поухаживать, но если ты уже старушка, тогда не знаю как и быть."

- "Ну вот, уже и третий ухажер нашелся. Разве тебе повзрослей девушек нет? Мне ведь всего только пятнадцать лет."

- "О, да ты на целых семь лет меня моложе. Совсем еще девчушка, а говоришь о третьем ухажере."

- "Хочешь, не хочешь, а есть такие двое, а ты вот третий сватаешься".

- "Не знал. Выходит не в свои сани сажусь. А ты их обоих любишь?"

- "Ни того, ни другого. Оба про^тивные."

Я с первых дней приезда с фронта и знакомства с молодежью замечал, что около Маши все время юлой вертится Петька Чернышов и грубо, нахально пристает к ней Сергей Канзалов, но она их избегала, пряталась за других девушек и постоянно старалась быть ближе ко мне.

Один раз, идя в кампании, я подошел к ней и на ходу незаметно от других взял ее руку и легонько пожал, рука ее дрог

нула но она ее не отняла. Другой раз я таким же образом пожал руку покрепче, рука опять вздрогнула, но ответила легким пожатием. Меня это почему то обрадовало. Мама была, вообще, симпатичная, краснощекая и дышащая здоровьем девушка, и она мне нравилась больше других остальных девушек.

Сегодня, провожая, я решил проверить ее отношение ко мне.
- " Вот оно что. А третий сейчас сватающийся тоже противный?".
- " Не знаю", - нагнув голову ответила она тихо.

Я в порыве страсти крепко прижал ее к себе и наши уста замкнулись в страстном, горячем и долгом поцелуе. Мое сердце екнуло, загорелось и забилося. Оторвав губы, она не бросилась бежать, как в таких случаях в большинстве бывает, а еще сильнее прижалась и спрятала свою голову у меня на груди. Я понял, значит екнуло и забилося сердечко и у нее.

Поблиз еще с час у залива, признавшись во внезапной любви друг к другу, я проводил ее к дому. У самой калитки уже десятый раз горячо обнялись и с большим трудом расстались.

Идя домой, я вспомнил, неизвестного автора, стихи:

... Пусть наши сердца загорятся, зажгутся,
Возволнуется юная кровь,
И крепко уста поцелуем замкнуты,
Со вздохом раскроются вновь....

Точно так получилось сейчас и у нас с Машей и я почувствовал, что вытравив и забыв Теню, я вновь влюбился в это совсем юное, милое создание.

В дальнейшем, сколько нам не делали препятствий, мы были не разлучны. Сергей от Маши сразу отстал, но Петька

приставал еще долго, но видя безрезультатность, отстал и сн.

Пел суровый, голодами и холодный 1919 год, Одыжда в Феврале в разыгравшуюся пургу явился домой весь в обледененном снегу брат Александр. Торм бил лютн\$ за ^0°, но он был одет в полушубаг, на голове еноты I шапка, на ногах из изгсбрпшях лапок торбоза с двойными чулками из меха косули и с такого же меха охотничьи рукавицы. Скорее при такой одежде был не страшим, но пурга и бездорожье могли обернуться sar*tfpt«-фон.

М он из верховьев Тунгуски, где был по своим волостным делам. Усталый, в мушкетере с чуть опухшим от ветра и мороза лицом, он выпив с соленой. рнбой чая, сразу же завалился спать.

Вал поздний вечер, Вся наша семья была в оборе. На дворе точно по Пушкину : • то как зверь ем завоюет, то заплачет как дитя ". Нам так хотелось услышать от брата последние новости, ведь он побывал и в Хабаровске, а теперь вот обошел и об "ездил всю волость. Но, видя его усталость, оставили, его в покое, перенося все разговора на явтра.

III с Антониной из-за отсутствия хлеба и других продуктов перевелись из Ноперечни и Сльгохтн обратно в Волочаевку I работали у Мельникова ремонтными рабочими, '---'ельников сначала о переводе возражал, но затем одумался и согласился.

На следующий день, а это кстати было воскресенье, узнав о приезде Александра, не замедлили явиться старшие, еавловские его друзья по охоте - Гля Волочтшв и . "ука Кучми ак.

С ними пришел и общий друг всей нашей семьи - Василий Алексеевич. Следом за ними пришел член волостной земской управы - Михаил Акимов. Пришли и наши соседи по двору старики Слинько и Артеменко. После них, вроде бы случайно, зашел Макар Михайлович Дроздов. Одних из пришедших интересовали: - порох, дробь, свинец, других - кордовая нитка для починки неводов, третьих - заготовка дров по реке Тунгуске, - четвертых будет ли снова открыт кооператив, Артеменко - товары для своей лавки, а в общем всех интересовал хлеб насущный.

Хлеба детишкам, хлеба. Хотя бы кусочек сардинки прикрыть голое тело ребенка, плакали, причитали и убивались, ломая руки матери. Но где все это можно было взять, когда сытые палачи вместо хлеба кормили народ нагайкой и свинцом.

Всем и на все их вопросы Александр умудрялся ответить. Обещал хлопотать перед Хабаровским Земством о расширении торговли в нашей волости. Зайти в Амурское пароходство и в Управление Амурской железной дороги и подробно разузнать о заготовках дров по реке Тунгуске и по линии железной дороги. Всеми этими вопросами у него была исписана вся тетрадь. Но его ответы и обещания не были обязательно выполнимы, так как все это зависело не от него, о чем он предупреждал всех жалобщиков и просителей.

Наконец прием посетителей закончился. Вечером собрались у нас в доме все члены нашей зарождающейся подпольной группы: нас четыре брата, Проценко - Александр, Владимир, Илья, и Антонин; Слинько братья - Василий и Николай; Кучмижак - братья - Семен и Иван.

Установив на улице наблюдающими за возможными посетителями Антонина и Ивана, Александр обращаясь к нам сказал :

- " Вот что друзья ! Я побывал за эти два месяца чуть-ли во всех деревнях Тунгусской волости. Не был еще в Верхне и Нижне-спасских. Везде царит страх от кровавого разгула калмыковцев, везде голод, нищета и неизвестность в будущем.

Калмыков и его палачи пока расправляются с населением Хабаровска, всего Приморья и деревень по ту сторону Амура. На очереди у него Приамурье и ближайшая к Хабаровску наша Тунгусская волость. Пока у нас спокойно, он к нам не торопится. Но это "спокойно" не может же быть вечным. Народ везде и всюду недоволен, ропщет и может взорваться в своем гневе в любой день в любую минуту. Но он пока выжидает, чего-то еще ждет. Надо полагать и дождется.

Из истории русских крупнейших восстаний, мы хорошо знаем их великих вождей- Болотникова, Степана Разина, и Емельяна Пугачева. Сейчас в наши дни об"явился величайший из величайших вождь Владимир Ильич Ленин, поднявший весь обездоленный русский народ против царского строя, помещиков, капиталистов, эксплуататоров, генералов и атаманов вроде Калмыкова.

Будучи в Хабаровске в Земской управе, я насмотрелся как эти продажные предатели земли лебезят и выслуживаются перед Калмыковым. Но среди них есть и преданные делу революции. От них я узнал, что Красная Армия созданная и руководимая великим Лениным громит в центре России царских генералов Деникина, Денича, Корнилова и другие белогвардейские армии и банды. Дойдет этот вождь с Красной Армией и к нам на Дальний

Восток.

Конечно, товарищи, сидеть сложа руки и ждать, чтобы кто-то нас избавил от нашествия иностранцев и белобандитов, было бы для нас позором, но об этом мы поговорим в следующий мой приезд.

Что требуется сейчас вам здесь в Волочаевке:

Первое : - Имеющееся у вас оружие, держать в глубочайшей тайне и надежно спрятанными. За оружием, которое вами взято на учет у других, бдительно наблюдайте, чтобы оно из Волочаевки никуда не уплыло. Придет час оно потребуется.

Второе:- По достоверным данным, японцы высаживают по большим станциям свои войска, никто не гарантирован, что они не высадят свои войска и у нас. в Волочаевке. В случай чего вы с ними будьте особо осторожны. Это не американцы, на вечеринку к вам ^{не придут} не пойдут и за границу за спиртом. Пьянствовать тоже же не будут.

Третье :- Не собирайтесь у нас, у Кучмижака и у других кто входит в вашу подпольную группу. Придумайте в этом что либо другое.

Ну и последнее- я буду стараться поддерживать с вами связь.

- " Ты ,Шура, вчера был в Архангеловке, про Шевчука бывшего нашего командира на Уссурийском фронте, что нибудь слышал ?- " спросил вошедший с улицы Антонин. "Ведь его семья и сейчас живет в Архангеловке. "

- " Слышал ,братишка, и про Шевчука и про кое-что другое. Но об этом пока говорить рановато. Обождем немного, а тем временем много прояснится. "

- " Теперь друзья о другом. К вам в декабре прибыла учительница ,кажется , Екатерина Семеновна.

Вы не в курсе ее занятий с ребятами ? ".

- " Я иногда навещаю школу" - сказал Николай. Екатерина Семеновна жалуется , - нет тетрадей, карандашей, ручек и других наглядных пособий. Даже мела нет, пишут на доске куском извести. Да и некоторые учебники, старого, еще дореволюционного издания."

- " Такое явление везде по всем школам. Я, проверяя по деревням школы , все это записал для памяти и постараюсь в Хабаровске в Городском отделе школьного образования добиться улучшения обеспечения школ нужными пособиями.

А как наша школа обеспечена дровами, светом, а учительница продуктами питания ?."

- " Дровами школа обеспечена полностью"- отвечая на вопрос сказал брат Владимир- обязали всех жителей, имеющих лошадей, вывезти к школе по возу сухих дров, но не все имели сухие и навезли много сирья. Некоторые привезли не поленицами , а чурками, пришлось организовать ребят - распилить и расколоть. Керосина вообще нет, дали для каганца барсучьего сала, - трещит коптит и кое как светит, но пока другого выхода нет. Организовали на добровольных началах мешка два - три картофеля, соленой и вяленой рыбой, иногда бывает и свежемороженая щука, караси, ежедневно получает от учащихся одну бутылку свежего или мороженного молока. Поставили сторожиху, она же истопник. Но учительнице и сторожихе нужно платить за их труд. Мы этого сделать не можем.

Пусть об этом позаботится земство.

- " Это ^{уже} хорошо. В других школах похуже. Сейчас пойду в школу и поговорю с учительницей по всем этим вопросам."

- " Да и учительница попалась нам какая-то не требовательная. Никаких претензий не пред"являет"- вставил я словечко.

- " Пойдем вместе , Александр Васильевич, я тоже собирался в школу."

- " Нет, Николай Андреевич, разреши мне сейчас как председателю волости сходить одному, а ты зайдешь следующие разы. Не обижайся, но так требует дело."

Александр ушел, все разошлись по домам.

Когда Александр вернулся из школы и улеглись в постель я сказал :

- Напрасно , Шура, ты отказал Николаю пойти вместе в школу. Он ведь волочитя за учительницей, и тебя бесспорно приревновал."

- " Видел и знаю,но так требовало дело."

На следующий день Александр порожняком товарного поезда уехал в Покровку.

Жизнь в Волочаевке продолжала прозябать по-прежнему.

Вскорости после уезда Александра, при встрече Николай сказал, чтобы вечером мы с Антонином подошли к школе. Будут Семен и Иван Кучмихаки.

Учительница уже зная о нашем приходе, встретила нас приветливо. Когда мы собрались Екатерина Семеновна усадила всех нас пятерых в своей учительской комнате и сразу приступила к делу :

- " Вот , что , дорогие друзья! Я с Вами знакома приблизительно

но мне хотелось бы познакомиться с Вами поближе.

На днях, будучи в Волочаевке, заходил ко мне председатель волостной земской управы, - Александр Васильевич Проценко, а он оказывается Ваш земляк, житель Волочаевки и Ваш Илья и Антонин родной брат. Вот этого, я до его прихода в школу и не знала.

Александр Васильевич в кратцах рассказал про Вас и про ту нездоровую, пустопорожнюю жизнь, которую влечет волочаевская молодежь, устраивая не культурно-просветительные вечера, а разухабистые с похабщиной вечеринки.

Между прочим, лично о Вас, он отзывался положительно, как о грамотных, культурных и уже многое выдавших товарищах.

Я несколько раз намеревалась посетить Вашу вечеринку, но не будучи нисчем близко знакома все откладывала на другой раз. Обращалась по этому вопросу к Николаю Андреевичу, я с ним знакома немного раньше, но и он все также откладывал на другие разы. Спасибо Александру Васильевичу надоумел собрать Вас здесь у себя и сообща обсудить, как быть дальше. Если у кого либо из Вас имеется по этому вопросу предложения, - прошу давайте без стеснений.

- " По этому вопросу мы с Екатериной Семеновной уже имели разговор. И мне, кажется, будет самым верным, если мы соберем вечеринку, постараемся пригласить на нее побольше подростков, которым нужно было-бы сидеть еще за партой, к примеру: Толю Проценко, Мишку Кучмижака, Семена Дроздова, Мишку Зиньковского, Костю Глаголева и других им подобным. Попросим посетить эту вечеринку нашу уважаемую учительницу и провести на ней беседу на

тему : " ученье свет , а не ученье тьма " , а потом пригласить молодежь сесть за парту.

Как провести эту беседу наш педагог знает. "

"Для начала уже это будет хорошо "-сказал Николай.

- " Исключительно правильно, - сказал Семен, но после беседы нужно организовать какой-то вечер, чтобы присутствующие ребятам было не скучно."

На этом решили : Тему беседы подготовит Екатерина Семеновна. Организацию вечера поручить Семену и в помощь привлечь Ивана Тихонова. Антонину обеспечить явку на вечер всех подростков ребят и девушек. Вечер провести в ближайшую субботу в доме Пистиньи Григорьевны Волочаевой.

Вечер - /вечеринка/ удался на славу. Узнав от Пистиньи Григорьевны, что на готовящемся вечере будет проводить беседу учительница, на него явилась не только молодежь, но и ~~буквально~~ ~~не~~ все буквально мамы и папы. В результате получилась не вечеринка, а настоящая сельская сходка с преобладающим большинством пожилого, взрослого населения. Учительнице пришлось проводить не беседу, а сделать доклад о школе и учебе. Сразу же пошли вопросы, выступления и предложения.

Семену и Ивану, вместо руководства вечером и приготовленным концертом, пришлось председательствовать и секретарить на сходке и все это запротоколировать с предложением, - всем родителям в обязательном порядке послать своих детей в возрасте с 8 до 15 лет, в школу . Желающим учиться старшего возраста, зайти к учительнице в любое время, для уточнения времени занятий.

После всех школьных вопросов, Семен объявил, что сейчас начнется подготовленный вечер с рассказами, песнями, музыкой и танцами. Кто хочет спать, пусть уходит домой, желающие послушать, пусть остаются.

Остались на вечере поголовно все. Даже старшие. Ушли домой только две матери с грудными детьми.

Первым на вечере выступил Василий Алексеенко. Он рассказал смешной украинский рассказ про „полицейского урядника, мужика, поповых собак и общественного бугая“. Я рассказал из чтец дикломатора антирелигиозный рассказ „Сакия Муни“, девушки, а к ним присоединились и некоторые женщины, спели две-три песни. Потом начались игры и танцы.

Проводив учительницу в школу, мы договорились в дальнейшем собираться у нее в школьной комнатке.

Через неделю учеников, посещающих школу стало вместо двенадцати — двадцать два. Здесь особая заслуга учительницы Екатерины Семеновны.

Предвидения Александра сбылись. В марте месяце два вагона/ вечером от одного проходящего эшелона, отцепили два вагона, из которых высадились и заняли железнодорожный полудомик человек тридцать японских солдат.

Всю ночь и следующий день, японцы носили из вагона помимо своих монаток, какие то длинные и тонкие, наполненные чем-то мешки. Впоследствии мы узнали, что эти мешки были наполнены сухим песком, которым они обложили внутренние стены домика до подоконников.

На третий день восемь солдат вооруженных винтов-

ками прошли по дороге вдоль деревни, ни к кому не заходя. Потом повернули к заливу и взобрались на сопку. Выстрелив на сопке из винтовок, вроде салюта, - возвратились в полудомик.

Волочаевцы приутихли, даже собак закрыли по сараям, чтобы не таявкнули.

В тот же день вечером, ^{веч} собравшись в школе, ^{веч} обсудили создавшееся положение и решили: всякие вечеринки, гулянья по деревне и по сопке прекратить. От занятий в школе временно воздержаться, до выяснения положения.

Японцы по четыре человека патрулировали по обоим сторонам станции, но отходили от здания станции не далеко. Два часовых постоянно находились в станции, а два ходили день и ночь вокруг полудомика.

По деревне японцы ходили редко, но через два - три дня взби взбираясь на сопку и по несколько часов что - то в бинокли рассматривали.

Вдительно и неотступно наблюдали за ними и мы, но когда они проходили по деревне, все стар и млад прятались в избах, стараясь не показываться им на глаза.

Все - же без инцидента не обошлось. Был ясный и на радость теплый мартовский день. Старуха Кошель выпустила из теплого сарая своих куриц. Куры вышли со двора на дорогу и копошились в навозе. В это время возвращались из сопки в полудомик четыре японских солдата. Увидев курей, схватили кругом валявшиеся камни и подбили две курицы. На крик курей выскочила сварливая старуха из избы выдернула из плетня забора прут и бросилась на японцев. Японцы, держа подбитых курей, хохоча остановились, но когда она одного огрела прутом по голове и с проворством кошки вырвала из рук убитую курицу, - японцы издали какой - то крик

и в одно мгновение все четыре штыка направили на старуху. Та в ужасе с криком, но не бросая курицы бросилась во двор. На крик выскочил из избы со своим костылем старик Кошель. Увидя вбегавших во двор с винтовками на перевес японцев, схватил старуху втолкнул в избу и наглухо закрыл дверь. В это время из под сарая выскочил большой пес "Цай" и без лая впился зубами одному японцу в ногу. Японец от боли завопил, а второй изловчившись успел ткнуть штыком псу в зад. Пес с визгом бросился обратно под сарай, а японцы бросив вторую убитую курицу с криком выскочили со двора, таща одного с разорванной и тянувшейся обмоткой.

Приладив разорванную штанину и обмотку, японцы пригрозив винтовками на двор Кошеля, поспешно удалились.

Еще в ноябре прошлого 1918 года, по предписанию Хабаровской Уездной Земской Управы, был избран волочаевцами старостой Илья Васильевич Артеменко. Не почетная и не спокойная жизнь была в это смутное, междоусобное время для старосты, но жизнь требовала жизни и, приходилось в любых условиях жить.

В тот же день часа через два после инцидента, явились к Кошелю сопровождаемые старостой Артеменко, японский офицер вооруженный чуть кривой саблей и пистолетом и два солдата с винтовками.

В последствии Илья Артеменко и Григорий Кошель рассказывали :

АРТЕМЕНКО : - " Не доходя еще до двора Кошеля, офицер растегнул кабуру, пистолета и положил руку на его рукоятку, солдаты сняли с плеч винтовки и взяли их на изготовку. И все это страшась бабки Кошелихи. К воротам послали меня одного, а сами

остановились саженьях в двадцати на дороге.

Когда на мой стук вышел Григорий Павлович, офицер ковер-
кая и перебирая русские слова, - спросил- "Где бабка и где со-
бака ? " Ему ответили, что бабка испуганная и полуживая лежит на
печи, а собаку солдат заколол и ее закопали в огороде.

- " Хоросе, ходи дома ."

- " Зачем в дом, там лежит больная женщина ."

- " Мой приказаль, надо ходи ! ".

Когда мы входили в дом, в холодных сенцах лежала на меш-
ках куча мороженных карасей и щук. Увидя рыбу, офицер остановил-
ся и произнес : " О,о риб ! ".

Дальше идет рассказ Кошеля.

КОШЕЛЬ : " Мы со старухой знали, что теперь беды нам не
миновать. Так оно и получилось . Но я успел отослать невестку
Пашку с пораненной собакой " Цайом " к ⁴сыновьям на заимку.

/ Заимка Кошеля на которой китайцы сеяли мак для опиума находилась
в девяти верстах от Волочаевки по дороге в Архангеловку /.

Когда я вышел на стук в ворота, на дороге стояли три япон-
ца и наш староста Илья Васильевич. Мне приказали вести япошек
в хату, а в сенцах у меня лежала мерзлая рыба, - караси и щука. Уви-
дев рыбу, один из японцев, видимо старший, потому что без ружья,
а с пистолетом, остановился и заорал : " Риб, риб " .
Старуха заранее залезла на печку и как можно жалобней застонала.
Да, она и в самом деле была сильно перепугана.

Войдя в дом, старший из японцев заорал : " Твой баб по-
зориль селдат Император Государи Японский, твой собак кусаль
солдат японски Император Микадо. Это большая преступлень тре-
бует растрелай ".

- " Ваши японцы, говорю, вот убили камнями дву куриц, старуха
одну отняла, японцы штыками загнали старуху во двор, а всякая

собака охраняет свой двор, ну может чуть и укусила, а японец сразу собаку и заколол".

- "Хоросе, твой даваль риб, мой прости".

Я выскочил в сенцы и принес ему три больших щуки. Бери, говорю".

- "Нету, нету. Мой нужен один пуда, два пуда, три пуда."

- "Ну, бери, говорю, всю, мне все равно ее продавать".

Он что-то гаркнул одному солдату и тот затрусил со двора, а через 20 минут уже явился трое с мешками, забрали всю рыбу и ушли.

Старший дал мне эту бумажку, сказал, что это "большой ен".

Когда они уходили, я подумал: "Жаль, проклятые азиаты, что нет дома моих собак: -"Собиль", "Побиль" и "Цая". Все без штанов бы прибежали к себе в казарму."

Все это Кошель рассказывал свои особым языком, мешая русский, украинский и белорусский.

На другой день наш староста Илья Артеменко получил от японского офицера в письменной форме Приказ, гласящий:

"Я Японский Его Императорского Величества комендант станции Волочаевки, подпоручик Тосио Хато извещаю население станции и деревни Волочаевки, что вчера 23 Марта 1919 года, крестьяне деревни старик и старуха Кошель предприняли бандитский акт напад на японский патруль.

В результате один японский, Его Императорского Величества солдат от натравленных на его собак искусан и имеет тяжелые повреждения.

Приказываю: В дальнейшем, все, в любом случае напавшие или оскорбившие японского солдата, будут на месте расстре-

ляны ;

Старики Кошель считаются преступниками и взяты под особое наблюдение ;

Всех собак на станции и деревне -запереть, взять на цепь или уничтожить. Всякая бродячая собака будет немедленно застреляна , а ее хозяин сурово наказан.

Данный приказ об"явить всему населению Волочаевки.

Комендант станции Волочаевки
Подпоручик . Тосио Хато.

24 Марта 1919 года.

Второй экземпляр этого приказа был вывешен на здании станции.

Примерно за неделю вперед до этого инцидента, Акимов где-то приобрел небольшую ,серой масти, лошадку породы иноходца. Эта лошадь обладала неумоверной быстротой бега. Глядя на ее бег,можно было полагать ,что она пробежит 40 -50 верст в час. Действительной⁷ ее скорости ,понятно, мы не знали, но такую быстроходную лошадь волочаевцы видели впервые.

О дружбе семьи рыжего мастера Мельникова с семьей⁷ Акимова, было известно давно, хотя после того, как волочаевцы на сходке заклеили Мельникова как предателя, а анонимные письма грозили ему смерти, Акимов всячески старался свою дружбу с Мельниковым скрывать. Но шила в мешке не утаить.

У Мельникова старший шестнадцати летний сын учился ,где-то в Хабаровске или на станции Ин. На каникулы он приехал в

Волочаевку к родителям. Кстати это была русская масленица, хотя и без блинов, так как не из чего было их печь, но зато с катанием на лошадях.

Днем масленное воскресенье детвора Акимова, а у него их было семь душ мал-мала меньше -- затеяла катанье на иноходце. С ними был и сын Мельникова. Трое ребят Акимова и сын Мельникова в хорошей кошеве, вихрем пронеслись через всю Волочаевку в сторону Дежневки. В трех верстах от Волочаевки они поворотили лошадь обратно. Чтобы похвастать, сын Мельникова взял вожжи в руки, встал в кошеве во весь рост, и гиком и криком промчались обратно. Пронесаясь мимо станции, вдруг он споткнулся и обливаясь кровью повалился в кошеву. Когда минуты через три лошадь была остановлена, он уже был мертв с простреленной насквозь головой.

Оказывается, услышав шум, дежуривший японский солдат выскочил из станции и увидя мчащиеся сани с людьми, моментально стал по японски на одно колено и успел сделать по бегущим три выстрела.

Впоследствии подпоручик Тосио Хато цинично и издевательски, вроде бы соболезнуя оправдывался, что японский часовой услышал крик и увидя мчавшихся в санях людей испугался, предполагая наступление партизан /которые в Тунгусской волости еще официально не существовало / и открыл стрельбу. Виноваты, понятно, катавшиеся, своевременно не предупредив об этом японского коменданта.

При тщательном осмотре, седелка на лошади была пробита пулей, значит солдат пытался убить и лошадь.

Горе Мельникова и его семьи трудно описать.

У него был единственный сын / не считая младшей дочери /, которого так коварно лишили жизни его благодетели, которых он звал, и ждал, чтобы они навели у нас порядок и спасли Россию от варваров большевиков. Вот и дождался, что эти цивилизованные и культурные благодетели избавили его от собственного сына.

Рассказывали, когда японский подпоручик явился к Мельникову с извинениями и соболезнованием, последний в бешенстве набросился на него с кулаками, и если бы не соседи по казарме, быть - бы новой бедой. Японец защищался и с перепугу выхватил был пистолет, но воспользовавшись вмешательством присутствовавших соседей быстро ретировался во свояси.

Японцы, массово хоронить запретили, да и никто из Волочаевцев на похороны и не собирался, некоторые при процессии похорон, чтобы не снимать шапку прятались за заборы. Возможно это и неправильно, но отец столько нагадил, что люди не ~~желали~~ отдать должное и сыну.

Этот инцидент не прошел мимо нашей подпольной группы.

Собравшись не заметно по одиночке в школе, мы решили в дальнейшем как-то предупредить и оградить население Волочаевки от подобных коварных и кровавых явлений. Хотя это и унижительно, но ради всего населения пришлось перед силой преклониться и послать трех стариков к японскому офицеру выяснить, - как теперь быть волочаевцам после убийства, катавшегося на лошади парня, ведь и они ездят на лошадях мимо станции по дрова и сено и ходят по два - три человека в лес на заготовку дров, жердей и другим надобностям, а железнодорожные рабочие выходят на

ремонт пути группой по шесть - восемь человек.

Уговорили пойти к японцам для этих выяснений Акимов, как члена волостной земской управы, старосту Волочаевки Илью Артеменко и Василия Алексеенко.

После переговоров, староста получил новый приказ подпоручика Тасио Хато :

" Граждане жители Волочаевки ! В прошлое воскресенье , не предупредив меня о предстоящем русском празднике " масленице, молодые люди , нарушив все правила езды , с гиком и криком целой компанией , в бешеной скачке на лошади - неслись в сторону железнодорожной станции.

Стоявший около станции японский часовой, предполагая наступление таежных красных партизан, выполняя государственный долг произвел выстрел. Выстрел оказался роковым.

Во избежании в дальнейшем несчастных случаев - приказываю :

Всем жителям Волочаевки с сего дня ездить на лошадях в лес по дрова и в поле по сено не больше на двух подводах и только шагом ;

Собираться и хождение по селу группой, не больше трех человек ;

О каждом сборе сходов и других собраний, заблаговременно ставить меня в известность ;

Железнодорожным рабочим ,везжая на ремонт пути, толкать впереди вагонетку.

По нарушителям данных правил ,будет производиться выстрел без предупреждения.

Комендант станции Волочаевка
Подпоручик - Тасио Хато.

30 Марта 1919 года.

К счастью японские Тосио Хати на этот раз пробыли не долго, в конце апреля они так же тихо и незаметно, как и американцы убрались из Волочаевки.

Правда, не на долго. Следующий их отряд, более уселенный, пробыл в Волочаевке много дольше, и спасла его от разгрома и уничтожения в январе 1930 года, пурга, помешавшая нашему партизанскому отряду напасть на них из Нижнеспасской.

Но не спасло их и это. Поднявшийся по зову партии, по зову Ленина, российский Великан, сбросил их 25 Октября 1922 года в Японское море и с позором они бежали во свояси.

Глава одинадцатая

Александр проводит сходку в Вологодске.

В Вологодск в начале июня появился Александр. Пришел он из Архангельска грязный, усталый и сразу же попросил нас приготовить баню.

Помывшись и чуть отдохнув, он попросил старосту Илью Артеменко созвать по веселье важному и неизвестному вопросу или можно обширную сходку.

Поне созывали народ на сходку, мы своей подпольной группой собрались у нас в будке и Александр в коротких сообщениях последние новости сказал:

— Вот что дорогие друзья! В предыдущий мой проезд, я Вам рассказывал, что в центре России созданная могучая Рабоче-крестьянская Красная Армия, руководимая великим Лениным громит на всех фронтах белогвардейских генералов и их добровольческих армий. Сейчас будучи в Хабаровске, я узнал, что восседающему в своей столице Омске "верховному правителю всей России" адмиралу Колчаку становится уже трудно и, чтобы спасти положение и пополнить свои армии, он обложил по всей Сибири и Дальнему Востоку мобилизацию нескольких призывных годов в белую армию, конфискацию лошадей, повозок и другой эмуниции.

В повозку пригласил и себе в Омск с оккупационным расселением по всей Сибири и Дальнему Востоку японские, американские и войска других интервентов. У нас здесь мобилизацией занимается атаман Калмыков. Он меня на этот раз вызывал и себе и предупредил, что если в Тунгусской волости не будет полностью проведена объявленная мобилизация людей и лошадей, мне как председателю волости угроза смерти не миновать.

А в общем друзья для нас это благоприятный момент повернуть эту мобилизацию в другую сторону и создать в нашей Тунгусской волости, а там и на всей Сибири и Дальнем Востоке крупные красновардейские отряды и повести борьбу с врагом на фронтовых, а партизанских методов.

Чтобы не упустить этот момент, я прямо из Хабаровска отправился вверх по Тунгуске. В Архангеловке уже в третий раз собирался я, Тарас, о котором я Вам говорил, а это крупнейший партийный работник, бывший член Центросиббири Павел Петрович Постышев и Иван Павлович Шевчук и окончательно решили немедленно приступить к созданию одного или двух партизанских отрядов. Первым Тунгусским партизанским отрядом останется И.П.Шевчук.

Написали приказ, воззвание и население нашей волости, не давая по мобилизации в белую армию ни одного человека, ни единой лошади, ни единой повозки. Там же в Архангеловке сразу созвали сходку населения, зачитали на ней свое воззвание и призвали всех кто еще способен носить оружие и в первую очередь подлежавших призыву идти в организуемый партизанский отряд под командованием Ивана Павловича Шевчука.

Такие сходки, я как председатель волостной земской управы, обязался провести во всех деревнях волости, зачитывать наше воззвание и от себя признавать брать оружие и идти в партизаны к Шевчуку.

В верховьях Тунгуски такие сходки проведут П.П.Постышев и И.П.Шевчук.

Сегодня здесь у нас в Белокаменке на сходке я сделал доклад о положении в стране и призыву всех, в первую очередь Вас призывников и другую молодежь брать оружие и идти к Шевчуку.

Председателем и секретарем на сходке нужно избрать своих ребят. Я предлагаю тебя Николай Андреевич, и тебя Семен Прокофьевич. Все Вы должны крепко выступить и поддержать мой приказ.

- В протоколе будем записывать все выступления или только предложения и постановления? - спросил Семен.

- Можно фиксировать все, но протокол оставлять у старосты нельзя. Это может выйти боком и старосте и всем выступающим. Заберем его с собой, а там пересмотрим.

А сейчас до схода по дому, явиться на сходку нам нужно первыми.

Сходка состоялась в доме Дроздова. Узнав, что приехал председатель волости Александр Проценко, на сходку явились все деревенские жители и железнодорожники. Расположились и во дворе.

Председателем кем и кемечали был избран Николай Сливино, секретарями - Семен Кучинкин, Степан Перминов и Илья Проценко.

Открытое собрание, Николай сказал:

- Товарищи односельчане! К нам прибыл наш председатель волости Александр Васильевич Проценко, которого мы прошлой осенью сами избрали на этот пост. Сейчас он сообщает нам очень большую и серьезную новость, поэтому прошу вести себя тихо и не нарушать порядка.

Слово имеет Александр Васильевич.

- Дорогие граждане Волочанцы! Дорогие товарищи! Я Ваш односельчанин и Вы все хорошо меня знаете. Знаю и я, что вы хорошие и честные люди.

В прошлом году вы избрали меня первым председателем волостного Совета и я старался тем честно служить. С вашей помощью в Волочанке был создан кооператив, в котором вы хотя и не полностью, могли получить муку, для детей ¹хлеб и чумизу не все же крупу, спички, а иногда даже бабье масло и мыло. Для вас железнодорожников, хотя и не все же регулярно, но примерно две раза в месяц курсировала вагонетка с такими же, а в большинстве илучише, чем в кооперативе товарищи. Вы женщины иногда эршик-два могли получить уже и худенькой черпички. Кто из вас товарищи желей, тот уже мог получить в кредит сельско-хозяйственный инвентарь, некоторые получили и ссуду для приобретения лошадей. Да что тем говорить, начали постепенно, но уверенно улучшать разрушенную войной жизнь. Но врагам рабочих и крестьян не по нутру власть без капиталистов и помещиков, у них ^{на}будет сладкой и сытой жизни без эксплуатации и порабощения народа, вот они и создают белогвардейские банды, приглашают иностранные войска для борьбы с нами, для борьбы с восставшим против них народом.

Но времена теперь не те, что когда то были, не тот теперь и безропотный народ. Вы видимо уже слышали, что поднявшийся трудовой народ в центре Советской России организовал свою Красную Армию и громит контрреволюционных генералов, разного рода атаманов и их многочисленные белогвардейские полчища.

Вновь об"явившемуся "Всероссийскому правителю" бывшему царскому адмиралу Колчаку уже трудно удержаться у власти в городе Омске. Вся его ударная белогвардейская армия состоящая из контрреволюционного офицерства, верхушки казачества, кулаков и других деклассированных добровольцев, терпит поражение за поражением и уничтожается частями Красной Армии.

Чтобы восстановить свои разгромленные армии, Колчак через своих головорезов Калмыкова, Семенова, Гамова и других им подобных палачей, об"явил насильственную мобилизацию во всей Сибири и Дальнем Востоке нескольких призывных лет самой цветущей молодежи в свою белую армию и в добавок конфискации лошадей, повозок и другой экипировки. Выходит, мы должны после кровавой войны с немцами, теперь идти сражаться уже против своих братьев рабочих и крестьян, против Красной Армии борющихся за лучшую светлую жизнь всего трудового народа, да еще в добавок отдавать ему своих лошадей и повозки.

Вы меня товарищи волочесцы, да и не только вы, а представители всей Тунгусской волости прошлой осенью вторично избрали руководителем волости, только теперь уже не в Совет рабочих и крестьянских депутатов, а в Земскую управу, руководимую сверху Эсерами и меньшевиками. Я честно вам служил, работал председателем волостного Совета, сейчас решил также честно послужить для своего народа и на посту председателя волостной земской управы. Получив от своих людей подпольщиков нужные мне сведения, я прямо из Хабаровска уже в третий раз отправился вверх по Тунгуске. В архангеловке уже в третий раз встретился с крупным партийным работником, бывшим членом Центросибиря Павлом Петровичем Постышевым и Иваном Павловичем Шевчуком. Обсудив вопрос колчаковской мобилизации, мы решили призвать весь народ Тунгусской волости не давать в белую армию ни одного человека, ни одной лошади, ни повозки, ни комуто. Всем подлежащим мобилизации и другим добровольцам доставить припрятанное оружие и идти в Архангеловку в организуемый там в противовес мобилизации, свой партизанский отряд под командованием уже известного вам хорошего красно-

гвардейского командира Ивана Павловича Шевчука. Отряд организуется для борьбы с головорезами атамана Калмыкова и иностранными прихлебцами разоряющими и грабящими нашу родину и убивающими наших детей, о чем уже имелся случай у нас в Волочаевке.

Граждане и товарищи! Я как бывший председатель волостного Совета, а сейчас как председатель волостной земской управы, еще раз со всей ответственностью призываю: — кто верит в наше светлое будущее, кто хочет счастья себе, своим детям, своему народу — встаньте, берите оружие и добивайтесь это счастье в борьбе. Я лично всегда буду рядом с вами. Только в борьбе обретем мы право свое.

Теперь сразу задавайте вопросы, я запишу и после моих выступлений отвечу на все сразу.

— Имею вопрос — поднялся первым Мелом Чернышов. — А что не останетесь с нами в наших семьях когда наши сыновья уйдут в партизаны и выступят против калмыковцев и японцев? Ведь японцы нас сожгут и расстреляют. Нет я сам в партию лезть не собираюсь и сыновей своих на это дело не отпущу.

— А у меня таковой вопрос: как же ты Александра Василич теперь покажешь на глаза Калмыкову и его страшным клопцам? Замучат ведь и убьют.

У меня два сына, некий и решают как им быть, но идти на службу к калмыковцам нам не сподручно. — Снезед хозяин дома Мелер Михайлович Дроздов.

Вопросов больше не последовало, и я как угоревший спросил первое слово.

— Дорогие наши отцы, братья и друзья! В одной из революционных песен поется: "встанет пора и проснется народ, великий, могучий, свободный". Вот она пора и настала. Какой-то нам неизвестный самозванец адмирал Колчак, ставленный иностранной буржуазии, объявил себя "всероссийским правителем", и когда ему стало туже от Российского же народа, он вознамерился насильственно мобилизовать нас пушечным выстрелом в свою белогвардейскую армию. Наши революционные народные борцы, наоборот, призывают нас организовываться в свои красновардейские партизанские отряды и выступить в борьбу с иностранными ставленниками, их отрядами и их покровителями — иностранной интервенцией.

Сегодня товарищи мы должны решить: или пойти по насильственной мобилизации в белогвардейскую армию и убивать своих братьев рабочих и крестьян, или добровольно по зову сердца идти в организуемые нашими отцами и братьями партизанские отряды и уничтожать наших врагов, врагов рабочих и крестьян.

Ной призывной год попадет под мобилизацию Колчака, но я твердо решил вступить в партизанский отряд организуемый по Тумгуске. Надеюсь многие последуют моему примеру. Да и как иначе поступить, когда сам председатель волостной земской управы нас призывает и этому и требует ^{не} дать ни одного человека из своей волости в белогвардейскую армию Колчака.

Интересный вопрос задал Максим Сергеевич Чернышев: "Что мы станем с нами когда наши сыновья уйдут в партизаны? Придут немцы или японцы, сожгут нас и расстреляют. Нет я своих сыновей ни в какие партизаны не отпущу". Ну а дальше что уважаемый Максим Сергеевич? Ваши оба сына и Михаил, и Петр по возрасту подлежат мобилизации к Колчаку и если они не уйдут в свой партизанский отряд, они неминуемо очутятся в бандитском логове атамана Калмыкова, а там после их обработки, они добровольно или по принуждению придут нарядчиками в Волочаевку жечь и расстреливать наши семьи за то, что мы ушли в партизаны. Подумайте крепко над этим Максим Сергеевич, ведь мы после этого резгрома придем в Волочаевку и, как тогда мы поглядим по головке вес.

По-моему лучше умереть в борьбе за правое дело, чем жить трусом и умереть предателем.

Следующим попросил слово начальник станции Волочаевки. Это прибывший не так давно и мало нам известный чиновник, не принимавший никакого участия в жизни волочаевцев.

Выступая он сказал:

- Удивительное дело, сам председатель волостной земской управы, вместо того, чтобы подчиниться властям и выполнять их приказы о мобилизации, он сам зовет народ на мятеж, призывает на восстание, настраивает на междоусобицу. Но известно ли ему, что Россию окружили и интернировали ее, вооруженные первоклассным оружием многотысячные армии до десяти передовых капиталистических стран. Архангельск и другие северные районы заняты Англичанами, вся Украина - немцами, Одесса и Крым - французами, а наш Дальний Восток и вся

Сибирь — японцами и американцами. Вместе с многомиллионной армией адмирала Колчака, вооруженной иностранным первоклассным оружием и руководимой крупными русскими военными стратегами, составляют несокрушимую силу в мире.

Известно ли все это вам, граждане волоцеевцы и вы уважаемый председатель волостной земской управы? — а вы призываете нас безоружную голытьбу брать вилы и топор и выступать против мирового гиганта. Абсурд, абсурд. Что получится после этого? Запылят наши хижины, запылят наши села, наши города. Прльется невинная кровь нашего русского народа.

Вредный и опасный это призвие граждане волоцеевцы. Вас толкают на смуту.

— Долой провокатора! Долой ставленника кровавого Калмыкова! Долой! Долой! — завопили десятки голосов.

Как ужаленный соскочил со своего места председатель волости Александр Преценко. Заглушая выкрики возмущенных, со злостью заговорил:

— Хорош агитатор и умелый провокатор. Начего против этого не скажешь. Но все это нам известно, господам начальникам станции Волоцеевки.

Нам известно и многое другое, о чем вы умолчали в своем провокационном выступлении.

Нам известно, что многие хваленые вами белогвардейские армии руководимые вашими "крупнейшими стратегами" давно разбиты и прекратили свое существование. Известно ли вам, что Юденич со своей армией был разбит под Петроградом еще в начале 1918 года, Корнилов разбит тоже в 1918 году. Обе эти "крупнейшие стратеги" прекратили свое существование. Терпят поражение за поражением армии Деникина и также находятся на грани гибели. Все остальные армии "воороссийского правителя" адмирала Колчака находятся в таком же положении.

Кто по-вашему учинил и учиняет этот разгром? Безоружная голытьба? Нет, это поднялся русский богатырь и сам своей могучей и мозолистой рукой кует первоклассное оружие и сметает всю эту белогвардейскую и иностранную нечисть с территории своей родины.

Известно ли вам, господин чиновник, что в Одессе, матросы французской эскадры подняли бунт, отказались выступать против Красной Армии под лозунгом: "Руки прочь от Советской России" и потребо-

вали разрешения их эскадры домой. Французское правительство было вынуждено отозвать их во свояси.

Не пытайтесь напрасно. Уговорить и обмануть нас нам не удастся. Нам многое известно.

Не прося слова поднялся председательствующий Николай Андреевич Слинько и с пеной у рта заговорил:

— Правильно Александр Васильевич Вы решили, очень правильно. Пора подниматься и нам.

Не безоружную голытьбу товарищи зовут на борьбу нам председатель волости, а нас именно народного богатыря. А когда мы поднимемся всей Тунгусской волостью, загорится и у вас господин провокатор земля под ногами. Взлетит в воздух наша водоканье снабжающая водой проходящие японские эшелоны, запыляет не один железнодорожный мост, нарушится наша телеграфная и телефонная связь, полетят под откос вражеские эшелоны. Тесно, беспокойно и трудно будет всем японским, американским, калмыковским и другим вражеским частям стоящим по станциям.

Всему этому и вам белоохранительному чиновнику, мы объявим кровную войну, но если вы или кто-либо из ваших помощников передадите в стан Калмыкова все эти наши сегодняшние разговоры, мы вас найдем и на краю света. Запомните, мы не голытьба, а сила.

Вам Максим Сергеевич очень правильно ответил Илья Васильевич, но я хочу еще добавить, что революция и наша борьба, которую мы объявляем Колчану и всем иностранным пришельцам, прекрасно обойдется и без ваших сыновей, но горе вам будет если ваши сыновья очутятся во вражеском нам лагере. Помощи тогда не ждите, а мы будем здесь — вокруг да около.

Для врагов, шпионов, провокаторов и предателей мы создадим свой беспощадный революционный трибунал.

Кто имеет еще слово?

— Прому мне. — Поднялся Семен Прокофьевич Кучинкин. — Пора, дорогие друзья фронтовики! Действительно пора нам самим создавать свою Красную Армию, свои боевые партизанские отряды и дать должный отпор кровавому режиму Калмыкова и всем жуликам-пришельцам. Это касается не только вражеских войск, но и всех кто продает нашу родину. Везде и всюду это касается всей нашей священной молодежи. Не ждите же нам прихода Советской Красной Армии, чтобы она спасла нас и наш Дальний Восток от этого зла, от этой нечести.

Если поднявшийся народ великой России громит и в хвост и в гриву весь этот сброд, чем же мы хуже? Просто засиделись, а силы у нас хоть отбавляй. Трудновато правда у нас будет с оружием, но это в начале, а потом добудем его у неприятеля. Пока обойдемся тем, которое мы имеем у себя в Волочанке. А у него, что и сколько мы точно знаем до последнего дробовика.

Вам Максим Сергеевич уже хорошо ответили Илья и Николай, но я хочу сказать следующее: если вы так дрожите за своих сыновей и, если они с вами согласны пусть пока остаются при вас. У нас не мобилизация, как у Колчака, а добровольное дело, но вот винтовку и патроны принесшие вашим сыном из Уссурийского фронта, вы обязательно и безоговорочно следите в организуемый партизанский отряд.

Ну, а что вам уважаемый господин чиновник станции можно и нужно еще добавить? Вот когда весь народ нашей волости способный носить оружие и защищаться, поднимется, а он обязательно поднимется и без сыновей Чернышевых, тогда вы поймете, что это за безоружная гольтуба. Вы человек грамотный и видимо читали и знаете, что сказал наш древнейший предок Александр Невский: "Кто придет к нам с мечом, тот от меча и погибнет". Это хотя и древняя, но истина.

Вас господин начальник уже предупреждали, не вздумайте сообщать куда не следует о нашей сегодняшней сходке, иначе не миновать и вам знакомства в партизанском отряде с безоружной гольтубой. Это несется и всех других.

- Нет и не было у меня никакой винтовки! Напраслину мелите Семен Прокофьевич. - Выкрикнул Чернышев.

- Не правда ваша, винтовки у вас была и есть. - Возразил братишке Антонин. - С вашим Петькой мы вместе отступали с Уссурийского фронта и оба пришли домой с винтовками и по шести обоим патронов.

- Вот вам явное доказательство о наличии у вас винтовки. Впрочем без вас сдает ее ваш сын, те есть тот кто ее принес. В противном посчитаем, что сплелили ее китайцем за границу, а это уже тяжелое преступление за которым последует и тяжелое наказание. - Предупредил председательствующий Николай Слинько.

После этого выступили еще человек десять с одобрением призыва не дать мобилизации Колчака ни одного человека, ни единой лошади, а всей полодожи организовать на отпор белогвардейщине. Досталось и от них начальнику станции и Чернышеву.

Для голосования резолюции вышли все из дома во двор, т.е. в

доме не смогли вместиться и половина присутствующих. Когда установилась тишина, Председательствующий Николай зачитал заранее приготовленное постановление:

"Мы граждане деревни и станции Волочаевки, искалеченные, уставшие и разоренные многолетней войной с Германией и не прекращающейся войной внутри страны, заслушав доклад председателя волостной земской управы Александра Проценко, категорически протестуем объявленной мобилизации наших сынов в белую армию адмирала Колчака для дальнейшего разорения нашей родины и братоубийства и не дадим ни одного человека на это явное преступление. В связи с тем, что половина деревни у нас безлошадные, мы не можем и не можем дать на эту противонародную и преступную войну ни единой нашей лошади, ни повозки, ни упряжи.

В случае насильственной мобилизации, мы будем вынуждены уйти в тайгу и организоваться в боевые отряды для своей защиты.

Призываем и все другие деревни и станции нашей волости поднять протест и последовать нашему примеру".

За данное постановление голосовали почти все фронтовики, вся молодежь и почти все присутствующие на сходке женщины. Зная как расправляются с народом камикавцы и боясь последствий за свои семьи, некоторые старики, главы семей, от голосования воздержались. Воздержались от голосования начальник станции и два его помощника, дежурных по станции. Не голосовал помянутый Чернышев, а Мельников во время голосования куда-то скрылся.

Против не было поднято не единой руки.

В заключительном слове Александр сказал:

- Дорогие односельчане волочаевцы, друзья и товарищи! Поднялся и все активней поднимается трудовой народ нашей родины на борьбу против прихлебцов, иностранных интервентов, против внутренних врагов - капиталистов, помещиков, кулаков и их кровавых палачей в образе Камикавых, Семеновых и других. Это хорошо видно из сегодняшнего нашего собрания и принятого вами постановления.

Дошла, дорогие друзья, очередь и до нас, до нашей Тунгусской волости. Поднимем на борьбу и ее. Пусть многие из нас погибнут, разорятся и сгорят некоторые наши дома и целые села, но правда за нами! Мы отстоим наш народ, нашу родину. Мы победим.

Спасибо Вам друзья! Родине Вас не забудет!

На этом сходке были закрыты. Народ был воодушевлен и расходился с шумом.

На следующее утро простившись с нами братьями и друзьями Александр ушел в Даниловку и дальше по всем деревням волости проводить подобные волочанской охотки и призывать подлежащих мобилизации не идти к Колчаку, а идти в организуемые в Архангеловке и Голубничном партизанские отряды, прихватив с собой имеющееся оружие.

Кто знал, что с Александром мы прощаемся последний раз и на веки. В страшных муках, в страшнейших пытках погиб этот большой и прекрасный человек. Но об этом позже.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ради спасения Волочаевки.

После ухода Александра из Волочаевки, мы нашей группой приняли особую, усиленную предосторожность. В Волочаевке жил некто Петр Цветинский. Несмотря, что ему было уже лет под сорок, он был холост и его почему то все звали не по имени и отчеству и даже не Петром, а просто Петя Цветинский.

Так его именовали и на сходках и в других официальных местах. Жили они вдвоем с матерью, маленькой, сухонькой, но довольно живой и проворной старушкой.

Это была одна из беднейших семьи в Волочаевке.

Их малюсенький домик "на курьих ножках" стоял за линией железной дороги и не далеко от станции. Примечательно было то, что широкая и неуклюжая дымовая труба торчавшая на крыше домика, была сплетена из прутьев ивы и чуть обмазана глиной, но ни единого раза за ряд лет она не загоралась.

Из хозяйства у них было: поросенок, кот, две курицы дружно жившие под печкой в домике, мотыга, лопата, топор и деревянный скребок - борона, которым вручную они разрыхляли в огороде землю.

Из их домика хорошо просматривались проходящие поезда, вся территория станции и через всю Волочаевку грунтовая дорога - временка. Сам Петя и его мать оказались прекрасными конспираторами, наблюдателями и осведомителями нашего подполья, а впоследствии и связными с партизанским отрядом И.П.Шевчука.

По существу сам Петя предложил сотрудничать с нами, а свой домик для наших конспиративных собраний, а впоследствии и для встреч партизанами.

Все это было сделано так, чтобы не бросалось в глаза посторонним и это было действительно глубоко секретно и удобно для нас. В школе мы после этого прекратили свои собрания. Но вот кто такая учительница и откуда она к нам прибыла, мы сразу не знали. Это было засекречено и от нас, и только после, когда она уехала из Волочаевки, мы узнали, что это была Ксения Семеновна Постоловская, родная сестра жены Павла Петровича Постышева. Она оказывается была устроена конспиративно Александром в школу по заданию Хабаровской подпольной организации. Пробыла она в Волочаевке недолго и также незаметно как и прибыла куда-то исчезла, оставив нашей группе много хорошего, полезного.

После проведенного Александром собрания, в Волочаевке произошли большие события. Буквально на второй день после собрания ушли тайком, без ведома и согласия родителей и нашей подпольной группы в Архангеловку к Шевчуку 15-летние юнцы, - Анатолий Проценко, Михаил Кучиажак, Семен Дроздов и Константин Глаголев. Братиска Толя унес принесший Владимиром с германского фронта большущий револьвер /козью ножку/ "Смит Висона", Костя стянул у отца трехлинейную винтовку, Мишка и Семен унесли тоже какое то оружие.

Дома мы и возмущались и радовались. Возмущались потому, что самый младший, без ведома старших, стащив оружие, убежал в отряд. Радовались тому, что даже юнцы, чуть не дети, без раздумий взяли за оружие и ушли в партизанский отряд кровью защищать Советскую власть и свою Родину.

По предложению Александра, мы, члены подпольной организации, пока не должны уходить в партизанский отряд, а заняться сбором оружия для отряда, наблюдать за продвижением через Волочаевку воинских эшелонов, выполнять другие задания и держать постоянную связь с партизанским отрядом. Все было оговорено ясно и понятно. Но жизнь текла, менялась и требовала своего. Через неделю, другую на очередном на-

шем заседании, наш уважаемый и превосходный связной Сергей Канзалаев заявил:

- Вот что дорогие друзья, я иду связным в Архангеловку последний ^{раз}. Назад я не вернусь, решил остаться в отряде бойцов. Сейчас Шевчук готовит какую-то операцию и я хочу в ней участвовать. Да и немого стыдновато, малыши в отряде, а мы пока связные, так что подыскивайте другого связного.

- Постой, Постой! Что значит не вернусь. А военная и революционная дисциплина. С этим дорогой Сережка не шутят. Потом почему это нам стыдновато. Ведь мы выполняем порученное нам дело находимся там где нужнее. Связной это исключительно отважный, смелый и рискующий боец и такое дело не всякому можно поручить, - сказал Николай Слинко.

- А я разве отказываюсь от борьбы. Просто хочу быть там, где сегодня я нужнее и где мне кажется я принесу больше пользы. Здесь вы и без меня обойдетесь, а связным и Петя Цветинский будет прекрасным. По его намекам видно, что он догадывается о нашей работе, и на мой взгляд, его обязательно нужно привлечь в нашу группу.

- Правильно говорит и поступает Сергей, - сказал Антонин. - Я тоже хочу проситься в отряд. Тут остаются еще два моих брата Владимир и Илья, а в отряде бойцы тоже нужны.

- Я тоже имею намерение уйти в отряд, но не сейчас, а позже. Об этом я твердо решил еще на собрании, которое проводил наш председатель волости у Дроздова, - сказал Степан Перминов. - Но понятно не самовольно, а только с разрешения нашего командования.

- Правильно товарищи. Мы уже являемся бойцами партизанского отряда, но работающие конспиративно, секретно. Поэтому самороспуститься и ликвидировать нашу подпольную группу мы без приказаний командира отряда не имеем права. Будет приказ, мы в тот же день будем все в отряде. Выходит, прежде чем уйти кому либо из нас в отряд, потребуется для

этого распоряжение Ивана Павловича Шевчука.- Заключил Николай.

- Мне кажется, Николай Андреевич, все эти желающие пусть идут в отряд.- Сказал я. Если мы не будем возражать, Шевчук бесспорно даст свое согласие. В отряде ведь люди нужны, и чем их там будет больше, внушительней будет и грознее наша борьба. Здесь мы с помощью Владимира и Василия, наших старших братьев и без ушедших справимся. Только нужно сделать или организовать так, чтобы примеру ушедших последовали многие из молодежи Волочаевки. А это наша прямая задача чтобы больше волочаевцев ушло в отряд. Поэтому и нам здесь долго не усидеть. Соберем оружие, проведем нужную работу и сами в отряд.

-Вполне согласен с Ильей.- Заявил Семен Кучмижак.- Если Пята не откажется быть связным, значит и делу конец. А с агитацией сделаем так: соберем вечеринку, пригласим не только молодежь холостяков, но и молодых женатиков. На эту вечеринку в полном походном сборе и с оружием придут Сергей и Антонин. После гулянья все гурьбой ребята и девчата торжественно проводим их с версту по дороге в Архангеловку. Эти торжественные проводы надо полагать крепко агитнут.

Так и решиди.

Никаких клубов и общественных зданий не только в Волочаевке, но и во всей Тунгусской волости тогда не имелось. От той хлебопекарни, в которой при постройке Амурской железной дороги проводили некоторые мероприятия и постановки, не осталось и следа. Поэтому сходки, другие собрания и молодежные вечеринки проводились в более обширных крестьянских домах с согласия хозяев.

Наибольший однокомнатный дом был тогда у Серых, в семье которых было три парня. Эти веселые ребята всегда предоставляли свой дом под вечеринки, тем более их старики родители жили рядом в отдельном маленьком домишке.

На этот раз вечеринку с проводами партизан собрали именно у них в доме, пригласив на нее всю молодежь, молодых людей и все желающих послушать наш концерт, попеть, потанцевать, повеселиться.

В разгар веселий, явились во всеоружии Сергей и Антонин. Это произвело ошеломляющее впечатление перешедшее в ликующий восторг.

Такая агитация проводов в партизанский отряд, действительно удалась. Тут же на вечеринке некоторые ребята заявили, что с такими проводами согласны уйти хоть завтра. И действительно, в следующую субботу с такой же вечеринки проводили в отряд еще двоих ребят.

Планировали провести еще несколько таких вечеринок с проводами, но вдруг как снег на голову, высадился в Волочаевке на станции отряд японских солдат и обратно занял стационарный полудомик. Это заставило нас в тот же день вечером собраться в домике Пети Цветинского для обсуждения создавшегося положения.

Взяв первое слово, Степан Перминов доложил:
- Плохо друзья дело. Японских солдат высадилось на станции сорок человек, из них два офицера. Все солдаты, кроме офицеров, вооружены винтовками. Из имущества и снаряжения: в двух больших брезентовых чехлах видимо пулеметы, пятнадцать небольших деревянных ящиков не иначе как с патронами и гранатами и другими боеприпасами, десять больших брезентовых мешков видимо с постелью, походная кухня, какие то банки, чаны, боченки, фанерные ящики надо полагать с продуктами. Все это они перенесли в ранее занимаемый ими же полудомик и выставили по три человека караульных на станции и у полудомика.

- Да-а товарищи. Эти незваные чужестранные гости уже второй раз посещают нас, и поселяются у нас без приглашений и ведома наших волочаевских властей, как будто бы в своей вотчине. И видимо на этот раз на долго если

явились с таким большим грузом и оружием. При первой же посещении, они убили у нас без всяких оснований Мельникова парнишку, а теперь уже у них оснований много и достаточно веских оснований: во-первых - открытое собрание всего населения у Дроздова, протест против мобилизации Колчака и открытые проводы в партизанский отряд. Теперь они могут убить уже не одного парнишку, а десятки взрослых и в первую очередь нас выступавших. Нужно принять какие то немедленные меры, но вот какие. - Сказал выступая Николай Слинько.

- Прежде всего нам выступавшим нужно быть осторожными и не показываться японцам на глаза. В случай чего скрыто уходить на Тунгуску к Алексеенко на заимку. - Сказал Семен Кучмижак. - Потом немедленно предупредить всех жителей, чтобы меньше проходили и проезжали мимо станции.

- Не только мимо станции, а чтобы дня три, а то и неделю никто и со двора не выходил. - Сказал ⁷Илья. - Нужно сделать выдержку и проверить чем дышат эти желтолицые пришельцы. И второе, - я слышал, что якобы вчера пришел из Покровки Акимов, а он ведь не только член волостной управы, а член и Хабаровской земскоуправы. Нужно сейчас, прямо отсюда кому то двум из нас сходить к нему и узнать про новости в волости, а возможно он был в Хабаровске, то и про городские и уездные.

- Исключительно правильно. Мы сейчас с Ильей пойдём к Акимову, а вы Семен и Степан зайдите к старосте Илье Артеменко и договоритесь с ним каким либо способом оповестить население, чтобы какое-то время воздержались ходить, а тем более ездить верхом на лошади на сенокосы и на заимки. Чего доброго, эти дьяволы посчитают за партизан и подстрелят. Говорят, что были такие случаи где-то на Хору или на Вяземской.

Завтра попозже вечером соберемся обратно здесь, или лучше в будке у Проценко и обсудим результаты нашего посещения Акимова и Артеменко и суточное поведение япон-

цев. Степану как железнодорожнику организовать работу поближе к станции и осторожно, но зорче наблюдать за ними.

Сейчас давайте по одному осторожно выходить отсюда. На дворе довольно светло, поэтому через линию железной дороги не перебегать, а лучше переползать на животе.

На следующий день поздно вечером по одиночке собрались у нас в будке. При чуть мигающем каганце заправленным барсучьим салом, расселись кто на чем мог. Дополнительно присутствовали брат Владимир и Василий Слинко.

Первым доложил Степан, что японцы за день ничем себя не проявили, все устраивались в полудомике и опять носили в домик мешки наполненные песком. Днем на станцию приходили Акимов и Илья Артеменко. Вслед за ними пришли на станцию оба японских офицера при усиленной охране. Что у них там было — не знаю, но минут через тридцать все они вышли и разошлись.

— Я об этом кое-что знаю, скорее всего догадываюсь. — Сказал Николай. — Вчера вечером мы с Ильей как и договорились, были у Акимова и он нам сообщил весьма неприятную и даже угрожающую для нас возможность: первое — это то, что Калмыков и его головорезы свирепствуют, хватают "виновного" и правого, пытаются в вагоне смерти и расстреливают в оврагах. Второе: — установили розыск и слежку за поимкой Александра Васильевича. А это значит, что послали во все села нашей волости десятки предателей и шпионов. Нужно как то об этом предупредить Александра. Третье: — Александр, якобы, уже провел собрание против мобилизации Колчака, в Дежневке, Орловке, Нижне-Спасской, Верхне-Спасской, Даниловке и понятно у нас в Волочаевке и Архангеловке, о чем мы и без Акимова знали, и на всех собраниях предлагал брать оружие и идти в Архангеловку в партизанский отряд Шевчука. Все это якобы знают в волостной и Хабаровской земских управах, а поэтому их членам грозит тоже дикая расправа. И последнее: — Калмыков, якобы, заявил, что во все села пошлет усиленные карательные экспе-

рации и те села, которые воспротивились мобилизации и не послали своих призывников в Хабаровск, будут снесены с лица земли, а их жители погловно расстреляны.

Мы спросили Акимова, - как же теперь нам быть. Он, правда взволнованно ответил: - если вам жаль Волочаевку и ее жителей, единственный выход призывникам идти в Хабаровск в призывной пункт. Если вы это сделаете, я немедленно сообщу об этом в Хабаровскую земскую управу, те сообщают Калмыкову и Волочаевка будет спасена. Нужно учесть и то, что в Волочаевке уже высадились вторично японцы, а это угроза двойная.

Вот, что нам поведал "уважаемый" Михаил Кузьмич, давайте теперь решать, как нам быть.

- О том, что Михаил Акимов ярый по убеждению эсер, мы все прекрасно знаем, хотя он всячески это и скрывает. И что эсеры злейшие враги большевиков и Советской власти и активнейшие помощники колчакам и всей белогвардейщине, мы тоже прекрасно знаем. Акимов является членом Хабаровской эсеровской уездной земской управы, но он сам волочаевский житель, вот он и боится за Волочаевку, за свой дом и свою семью. - Сказал выступая Семен Кучмижак, - но он сообщил нам важные и исключительно серьезные данные, от которых зависит судьба Волочаевки и всех нас. Видимо не уйти нам от посылки призывников в Хабаровск, но я свое предложение скажу после выступления других.

- Не знаю, врал ли нам Акимов в целях агитации за колчаковскую мобилизацию, искренно ли болел душой за Волочаевку и ее жителей, - трудно было понять, но по его состоянию было видно, что разговаривал с нами серьезно, был сильно возбужден и встревожен. Нужно полагать, что был искренен. Затем, на наше предложение сходить с Ильей Артеменко, а он ведь местная власть - староста Волочаевки к японцам и узнать зачем они здесь и прощупать их намерение, он помялся, но согласился. О том, что они оба ходили на станцию к японцам, - это по нашему предложе-

нию и нужно прямо отсюда мне и Николаю сходить к Акимову, а Семену и Степану к Яртеменко и узнать результаты посещения японцев.

Насчет сообщения и предложения Акимова, всю ночь и весь день до головной боли думал, но ничего путевого так ничего и не придумал. Разве для отвода глаз уйти из Волочаевки в Хабаровск на призывной пункт, а там уже из воинской части через пару недель или месяц - полтора при удобном случае дезертировать в партизанский отряд. Об этом с Владимиром всю ночь толковали. - Сказал свое слово я.

- Идея! Настоящая идея! - Схватился с места Василий Слинько. - Только для отвода глаз не одному тебе Илья нужно идти на призывной пункт, а провести это организованно и уйти группой. Акимову в нападении калмыковских бандитов на села, нужно верить. Теперь подумайте, что уже было бы из Волочаевки если бы вчера вместо японцев прибыло сюда сорок калмыковцев. Правда, мы еще не знаем, что завтра эти азиаты нам преподнесут. Так вот, пока не поздно давайте используем высказанную Ильей мысль. К примеру, соберем надежных призывников и договоримся с ними, чтобы организованно, открыто уехать в Хабаровск на призывные пункты, а там, получив назначение в часть, выбрав удобный момент, обязательно дезертировать в партизанский отряд. Этим мы отведем удар бандитов на Волочаевку, спасем свои семьи и все население. Сами же обязательно должны возвратиться для борьбы с тиранами.

- Хорошо так рассуждать тому кого не призывают, а ты Василий Андреевич кстати не призывник. А вот нам с Ильей и другим призывникам и думать и рассуждать приходится по иному. Потом, хорошо если оставят в какой-либо Хабаровской части, а если сразу в эшелон да в Иркутск, в Омск, а там и фронт. Вот и дезертируй, - сказал Степан Перишинов.

- Бежать при желании можно с любого города, а из эшелона еще лучше, - сказал брат Владимир. - Но дело в основном не в побегах, а о выходе из нашего действительно

трудного положения. Японцы в двух стах саженей от нас, калмыковцем один час езды из Хабаровска. О том, что калмыковцы жгут села и расстреливают тысячи невинных людей мы и без Акимова знаем, но вот как сделать чтобы эта кара недошла до нас, мы и обсуждаем.

Я вполне согласен с предложением Василия, хотя мой год тоже не призывной. Мы с Ильей всю ночь об этом толковали. Он намерен прямо отсюда уйти в отряд. Это легче всего, а что после., как Волочаевка., ее население, наши семьи. В одной нашей семье с Александром и Антонином и Толей, которые по существу уже в отряде - одиннадцать человек. По-моему единственный выход, это четверен, пяти смельчакам с апломбом уехать в Хабаровский призывной пункт, а там, через время вернуться. Как произвести побег, им там на месте будет виднее.

Из эшелона бежать еще лучше. К примеру на нашей Поперечке каждый состав стоит 15-20 минут, набирая в паровоз воду, поблизости никакого жилья, кругом кусты, лес, канавы. Выскакивай и беги, а в десяти верстах и Архангеловка. Рядом разъезды Лумку-Корани и Ольгокта, наниз проходящие поезда дают тихий ход, - выскакивай и беги, кругом тайга. Возвращаясь с германского фронта, я насмотрелся как солдаты выскакивали из вагонов вблизи районов своего жительство.

И второе: завтра, не позже послезавтра нужно договориться с Ильей Артеменко созвать сход волочаевцев, пригласить на него Акимова и пусть он расскажет людям то, что рассказывал вам. Это многим, да и самому Акимову, покажется, что мы идем не радиотвода глаз как договорились, а якобы спасая Волочаевку и ее население.

- Так давайте и решим. Это действительно единственный способ отвлечь от себя бандитский набег карателей.- Сказал Николай. - А завтра пораньше отправим связанного к Шевчуку с нашим решением. Он должен быть в курсе почему мы решили частицу ребят послать на призывной

пункт. Но вот кого именно из ребят будем снаряжать на призыв, — давайте говорите.

— Я имею предложение. Хотя в Волочаевке призывников кажется двенадцать человек, но рекомендую и предлагаю только троих: — Бориса Дроздова, Арсения Серых и Илью Проценко, то-есть себя. За них я ручаюсь, уйдут и в нужное время придут. Четвертый сверхнадежный Степан Перминов, но он штатный железнодорожник, а их кажется не призывают.

— Почему Илья ты не включил в свой список моего брата Ивана и второго Ивана Тихонова. Они вполне надежные ребята и я их лично рекомендую. — Сказал Семен Кучмижак.

— Вот и хорошо, — сказала. — Потому и не включил, чтобы и вы приняли в этом участие. Правду сказать, Тихонов хотя и большой мой друг, но я в таком большом и серьезном деле не вполне ему доверяю. Черезчур уж ветреный. Но пусть будет так.

— Ну хватит. На этих пятерых и остановимся. Ты Семен Прокофьевич, завтра, как стемнеет, явись сюда с братом Иваном и с Тихоновым Иваном, а ты Илья обеспечь явкой Бориса и Арсения. Василий и Владимир договорятся с Ильей Артеменко на счет собрания. А теперь разоидесь, мы с Ильей пойдем к Акимову, а Семен и Степан к Артеменко узнать, что они сегодня разузнали у японцев. Примерно через час, обратно сюда с новостями, — распорядился Николай.

Через час все собрались обратно в будке.

Докладывая о разговоре с Акимовым, Николай сказал:

— Дела дрянь, дорогие товарищи. Вчера днем когда Акимов и Артеменко подошли к станции, японские часовые их в помещение вокзала не впустили пока не вышел вызванный начальник станции. Оказывается японцы уже провели со станции в полудомик полевой телефон и начальник станции очень быстро вызвал на переговоры японских офицеров.

Один из пришедших двух офицеров и видимо младший по чину не плохо говорил по-русски хотя и сильно коверкал слова.

Когда им объяснили кто такие мы и растолковали, что мы интересуемся зачем мол их войска прибыли в мирную и спокойную Волочаевку, и какие их дальнейшие намерения, японцы очень любезно ответили, что они намеревались сами сегодня посетить волочаевские местные власти для некоторых разъяснений и предупреждений, но хорошо, что вы сами проявили любезность и пришли к нам.

Наши объяснения и предупреждения следующие:

Японские императорские войска посланы Его Императорским Величеством Микадо к вам в Россию по просьбе законного русского правительства возглавлявшего Его высокопревосходительством, правителем всея россии адмиралом Колчаком.

Наше по соглашению обязанность охранять от варваров большевиков все ваши железные дороги, их станции, вблизи лежащие города и села, и их население на всем Дальнем Востоке и Сибири, вплоть до Урала. Вот по этому соглашению мы и прибыли в Волочаевку, по существу охранять Вас.

По этому предупреждаем:

Первое: - с сегодняшнего дня, мы на всей Волочаевке вводим военное положение, а это значит всякое хождение, езда на лошади и другие передвижения по станции и деревне с восьми часов вечера до шести часов утра, строго запрещается. Патрулирующие солдаты в часы запрещения будут встречных стрелять без предупреждений.

Второе: - О сходках, свадьбах, похоронах и других сборах, должны заранее предупреждать командование нашего отряда.

Третье: - Днем хождение и езда более трех чело-

век вместе запрещается. Запрещается и быстрая езда и бегание, в особенности за пределами деревни.

Четвертое: - Для посещения сенокосов, и огородов /займок/ за пределами деревни, нашим командованием будут выдаваться пропуска на недельный с продлениями срок.

Для наблюдений за установленный порядок, на сопке будет установлен наблюдательный пост.

После перечисления вводимого "порядка", японцы предложили старосте Артеменко и представителю волостной и уездной земской управы Михаилу Акимову завтра созвать сходку населения Волочаевки, на которой доложить и разъяснить все пункты вводимого военного положения.

Так вот дорогие друзья. Японцы мнят себя не только хозяевами Волочаевки, а всего Дальнего Востока и Сибири.

Ну и что же мы теперь будем делать в этих условиях, давайте говорите. - Заклучая свой рассказ обратился к нам Николай.-

- Что делать. То, что делали, то и будем делать.

- Схватившись с места сказал Семен - не будем же Николай Андреевич, боясь японских и калмыковских угроз, сидеть сложа руки и ждать манны с неба. Мне и Степану Илья Артеменко рассказал тот же самый разговор с японцами. Поскольку завтра предложено созвать сходку для разъяснения населению требований японцев, мы попросим Акимова рассказать на этой сходке об угрозе Калмыкова, а я и еще кто либо из нас выступим и скажем, что не можем допустить разгрома Волочаевки, а с калмыковцами шутки плохи, поэтому нужно кому-то из Волочаевки идти на призывные пункты. Мы мол попробуем с своими призывниками поговорить. Прямо со сходки пригласим сюда в будку Бориса, Арсения, обоих Иванов, будет и Илья. Пригласим и Петю Цветинского. Тут и решим для отвода глаз уехать на призывные пункты, а там при первом удобном случае дезертировать в партизанские отряды, желательно в наш Шевчуковский, "первый Тунгусский".

Отсюда и пошлем нашего связанного с нашим решением в Архангеловку к Шевчуку и Постышеву.

-Вполне согласен с Семеном Прокофьевичем, но об этом нашем решении нужно как-то сообщить и брату Александру. - Сказал Владимир. - Ведь у Дроздова на сходке при нем мы решили не давать Колчаку ни единого человека, ни единой лошади, ни единой повозки, а теперь опять же на сходке боясь угроз Калмыкова, сами же выступаем за свою мобилизацию к Колчаку. Он тоже должен быть в курсе, что это наше решение не больше как отвод глаз Калмыкову. Нужно еще раз его предупредить, что за ним охотятся и установлена усиленная шпионская слежка. Пусть будет осторожным из осторожных.

- Я об этом сам подумывал, но где Александра Васильевича мы теперь разыщем. Ищи ветра в поле. Впрочем давайте узнавать и разыскивать, где он теперь находится все. Авось кому и посчастливится напасть на след.

На этом решении и разошлись по домам.

На завтра сходка состоялась у Акимова. Пришли в основном старики и некоторые из молодежи. Женщин почти не было, три или четыре не больше. Боясь японцев, матери сами не пришли и не отпустили вездесущих ребятишек. Убийство японским солдатом Мельникова парня не забывалось.

Председательствовал на сходке Илья Артеменко, секретарил и писал протокол Арсений Серых.

Во время доклада и разъяснений по пунктам вводимого японцами военного порядка, слышались среди собравшихся возмущения и крепкие нецензурные словечки.

- Вон вонны макаки идут. - Завопила всевидящая и всезнающая Глаголиха, указывая на проходящий у линии железной дороги японский патруль. - Такие обиданы кого хочешь убьют. Вонны и на людей не похожи. Птфу на их проклятушки.

Она бы шумела и разглагольствовала без конца, ес-

ли бы своевременно не одернул ее муж Глаголев. Но роптание и злобные ругательства в толпе в адрес японцев продолжались пока они не скрылись в здании станции.

Слово предоставили Михаилу Акимову. Сообщая об угрозах Калмыкова, он сказал, что такие факты в некоторых деревнях других волостей калмыковцы уже учили и возможно следующая очередь нашей волости.

Во время его сообщения народ притих и установилась мертвая тишина, только одна из старушек всхлипывая кутала заплаканное лицо в платок.

После сообщения Акимова, не прося слова, заговорил старик Кошель:

- Мы мужики казись не кому и зла не робили, а об этих японцах лет пятнадцать назад только и прознали, а теперь вот у нас уже дома эти чужаки японцы и свои калмыки грозят спалить нас и всех до мальцев поуничтожить. Да за что же братцы на нас такие. Подумать только, ~~кто~~ то чужой приехав до нас не званный, не гаданный и заводит тут свои порядки, запрещает нам ходить по нашим улицам, а чтоб сходить на заимок за картошкой, а у них нехрестей должен просить разрешения. Светопредставление мужики, настоящее светопредставление.

Прошу мне слово сказал выступая вперед Шорников - мастер по ремонту грунтового тракта /временки/ находящийся с артелью рабочих в Волочаевке.

- Положение такое старшное и угрожающее не только уважаемые граждане у нас, в Волочаевке, не только в нашей Тутусской волости и даже не только в России, которая обята полумьями войны от края до края, а если послушать доходящие до нас вести, почитать легальные и не легальные газеты, то такое светопредставление, как назвал его сейчас Григорий Павлович Кошель, - творится чуть ли не во всех странах мира. Но это граждане волочаевцы не светопредставление, а кровавая борьба мировых воротил ка-

питалистов за обладание колониями, дешевой рабочей силой, за власть и эксплуатацию народа, за миллионы пушечного мяса, которыми мы являемся для них. А находясь в их руках, они нас не жалеют. Вот ради этих обладаний они, включая и нашего батюшку царя, капиталистов и помещиков, и затеяли эту кровавую, мировую Германскую войну.

Поняв преступность войны наш русский народ, рабочие, крестьяне и солдаты, руководимые умнейшими революционерами-большевиками первыми восстали против братоубийственной войны, ушли с германского фронта и повернули штыки против своих царя, бояр и капиталистов, предложив мир и дружбу всем народам мира.

Такой оборот дела, мировым магнатам мире пришлось не по нутру, и усмотрев в этом угрозу для себя, вчерашние враги между собой: Германия, Англия, Франция, Америка, Япония и другие, объединились между собой и с нашими помещиками и другой буржуазией и напали на нас со всех сторон, стремясь расстрелять наш народ и удушить нашу революцию.

Палачи русского народа, Колчаки, Деникинцы, Врангели и наши, семеновы, гамовы, калмыковы, с помощью эсеров и меньшевиков - приусердно им всем помогают.

Впрочем вам обо всем этом ваш односельчанин, председатель волостной земской управы уважаемый Александр Васильевич Проценко докладывал не так давно на всеобщей, расширенной сходке.

Но как бы там в мире не было, а с угрозами Калмыкова шутить опасно и для спасения Волочаевки кому-то из ребят нужно идти на призывные пункты.

Лучше пожертвовать несколькими парнями, чем лишиться всей Волочаевки.

- Да, дорогие наши отцы, братья и остальные жители нашей прекрасной Волочаевки. Положение наше дей-

ствительно яховское и опасное, но допустить разгрома Волочаевки мы не можем и не имеем права. - Выступая сказал Семен Кучмажак. - Все, что сказал нам сейчас товарищ Шорников, есть истина из истин, нам неоднократно рассказывал об этом и Александр Васильевич, но что поделаешь, сейчас Калимыков сильнее нас, поэтому нам приходится хотя и временно, но все же подчиняться его силе. Сейчас преградить нашей силой его нашествие на Волочаевку тем более на Тунгусскую волость, мы не можем, значит нужно выполнять его волю.

Мы выручая, вернее спасая Волочаеву, согласны пойти на призывные пункты Колчака, но вот кому из нас идти, мы точно не знаем. У нашего старосты нет поименных списков из нашей волости и Хабаровских призывных пунктов кому лично из нас нужно идти, а в каком году кто из нас родился нужно тщательно проверить, для этого потребуется время. Поэтому мы молодежь на днях соберем, проверим и решим кому идти, а там через неделю-другую и направим, своих новобранцев в Хабаровск.

В таком же духе выступили Василий Слинько, Владимир Проценко и некоторые другие.

- Нет дорогие друзья откладывать в длинный ящик этот вопрос не стоит. Если Вы Семен Прокофьевич, Василий Андреевич, Владимир Васильевич и другие выступающие, действительно решили собрать молодежь и выделить призывников, так делайте это сегодня и не позже завтра. Мне долго задерживаться здесь нельзя, я послезавтра должен выехать в Покровку в волость, а там через день и в Хабаровск. Затем, чем раньше я сообщу в волостной и уездной управах о вашем решении идти на призыв, тем это будет безопаснее для вас и Волочаевки.

Теперь мне хочется сказать пару слов уважаемому гражданину Шорникову на его выступление.

Правильно дорогой товарищ Вы изложили и разъяснили грязню между странами мирового капитализма и стремле-

ние их разделить по выгодней для себя мир, отхватив по-жирней и побогаче себе кусочек, но вот о внутренней нашей грязи, вызвавшей настоящий хаос, неразбериху и страшнейшее кровопролитие в стране, Вы неправильно судите и не правильно разъяснили здесь.

Нужно было не рубить сразу все с плеча, не громить все и вся, а начинать постепенно и полюбовно со всем народом, и начинать именно с малого. Умные люди из эсеров и социал-демократов предлагали начать с созыва учредительного собрания, на котором решить о власти и правительстве, затем через какие-то годы, когда народ станет грамотней и будет лучше разбираться в вопросах жизни, постепенно начать вводить социальные порядки, а тем глядишь наши внуки дошли бы без междоусобицы и кровопролитий и до Советской власти, которую сейчас проповедуют и проводят в жизнь большевики-коммунисты. Теперь мы видим к чему это привело, а горе испытываем все мы.

- Не приглашали бы к нам иностранные войска, высадились благодаря вашей любезности, во всех пограничных районах нашей страны, и даже вот сейчас, сегодня при нашей сходке, разгуливают у нас по Волочаевке.

Без них и без их помощи, наши внутренние враги давно бы были выметены за пределы нашей родины и наша страна давно бы была очищена от всей вашей нечести.

Наль не присутствует здесь Александр Васильевич, он бы Вам ответил покрепче на все Ваши вопросы.

- Хорошо, Михаил Кузьмич! Мы завтра Вам скажем, кто из нас пойдет по призыву, а Вы уж сделайте там так, чтобы карательных невзгод Волочаевка миновала. Конечно, не удобно Вас просить, но хотелось бы, чтобы вся Тунгусская волость избежала этой "прелести", - сказал Семен.

На этом сходка была закрыта, а мы по задворкам, незаметно, по одному, с приглашенными Борисом, Арсением, обоих Иванов и Петей Цветинским, прямо со сходки, обратно

собрались у нас в будке.

Когда все расселись, Николай сказал:

-Вот что друзья. Не знаю, догадываетесь вы или нет зачем мы вас сюда пригласили, но дело в следующем. Вы слышали, что Акимов сейчас рассказал нам об угрозах Калмыкова, об этом он нам рассказал еще позавчера. С этим понятно шутить нельзя, этот бандит не замедлит выполнить свою угрозу, сделав из Волочаевки пепелище. Но вот чтобы избежать этой кары Волочаевке и ее жителям, мы посоветовались здесь с Владимиром Васильевичем, с его братом Ильей, с Семеном Прокофьевичем и с моим братом Василием и решили, во имя спасения нашего села, кому то из нас нужно пойти на призывной пункт. Но учтите пойти не верой и правдой служить этой бандитской власти, а пойти из Волочаевки для отвода глаз, а там при первом удобном случае уже из воинской части назначения дезертировать в партизанский отряд, желательно к своим ребятам в наш Тунгусский.

Обмануть и оставить в дураках Калмыкова и его головорезов, дело рискованное, требует большой смелости и отваги. - Это с одной стороны, а с другой требует, - честности, верности и преданности нашему народу и его революционному делу.

Долго мы обсуждали кому из призывников можно это доверить с тем расчетом, чтобы они обратно вернулись, и решили остановиться на вас вот пятерых: Илье, Борисе, Арсении, Иване Кучмижак и Иване Тихонове. Надеемся *вы* не подведете нас, оправдаете наше доверие, выручите Волочаевку и как условие, - обязательно через какое то время будете не белогвардейцами, а красными партизанами.

После рассказа Акимова об угрозах Калмыкова, мы вчера предложили ему и Илье Артеменко сходить к японцам в полудомик и от местных властей узнать зачем они к нам пожаловали и каковы дальнейшие их намерения, а сегодня

созвать сходку и доложить результаты населению. Акимова попросили, на этой сходке рассказать об угрозах Калмыкова. Самими же /что мы и сделали/ выступить и заявить, что мы ради спасения Волочаевки готовы идти по призыву Колчака.

Акимов, убедившись в нашем согласии идти на призывные пункты, доложит и в волости и в Хабаровске кому следует, а это бесспорно дойдет и до Калмыкова, а из этого следует, что и бандитский набег на Волочаеву будет предотвращен.

О том, что мы уйдем ради отвода глаз и одурачиванию Калмыкова, должно быть известно только нам здесь присутствующим. Иначе всем нам, да и семьям будет угрожать вагон смерти.

- Пойти то мы пойдем, это легче всего, а вот как обратно вернуться, - это уже проблема. Ведь мы сейчас не знаем куда и в какие части нас определяют, куда загонят и какие там вообще порядки. А то дезертируешь на свою голову.

- Захочешь вернуться, сумеешь как это сделать, а здесь строго нам приказывают вернуться. Порядки везде военные, но и среди военных есть свои люди, их только нужно суметь найти. Лично я вас сейчас заверяю, что через незначительное время обязательно буду в партизанском отряде и именно в нашем первом Тунгусском, - сказал я.-

-Ну и добро. Так и решили. Пока будем делать вид, что готовимся уходить, а сами будем выполнять порученное нам Александром Васильевичем задание.

Тебе Петя, сегодня, не позже завтра быть в Архангеловке и лично Ивану Павловичу Шевчуку передать устно наше сегодняшнее решение. Пусть твоей передает свое мнение о нашем решении.

Смотри осторожней, явщицы предупредили об установлении своих наблюдателей. Уходи и возвращайся при темноте.-
Заклучил Николай.-

Оттянуть на долго нашу комбинацию с призывом не удалось, примерно дней через десять после нашего решения нас скромненько проводили на станцию к поезду, уходившему в Хабаровск наши друзья и родственники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В белогвардейской армии Колчака

В Хабаровске на призывном пункте было не людно, видимо и другие приходили ради спасения от калмыковской кары свои села и с таким же расчетом обмануть и обратно убежать к своим.

Как нам хотелось попасть всем вместе в одну часть и именно остаться в Хабаровске, но это не удалось, разбили нас на три группы: Бориса и Арсения назначили в пятый полк находившийся в городе Спасске, Приморского края, Ивана Кучмижака в Амурскую область, кажется на станцию Завиная. Меня с Иваном Тихоновым в гор.Никольско-Уссурийский в какой то автодивизион.

Иван действительно знал мотор и как я уже упоминал, или разговоры, что он уже работал шофером в какой то части атамана Семенова, а я в Волочаевке неоднократно беседуя с ним, кое что узнал о моторе, ну и по его рекомендации попал в этот дивизион вместе с ним.

В автодивизионе было не больше двух десятков ребят, но из них видимо ни одного настоящего опытного шофера и специалиста по ремонту машин не было. Весь автопарк состоял из одной старой легковой машины германской фирмы "Бенс", в которой рулевое управление находилось с правой стороны, а рычаг переключения скоростей за бортом машины. Вторым был древнейший грузовик фирмы "Оверланд", у

которого была не карданная, а цепная передача. Он был, как смеялись ребята на "вечном приколе". Правда, уже при нас, с помощью военнопленных мадьяр, один раз удалось его завести и он собственным ходом прогребел версты три по улицам города пугая грохотом прохожих, потом зачихал и умолк на веки. Назад его в чисть уже водворили буксиром.

Кроме "Бенса" и "Оверленда" было еще три американских "Пакарда". Эти три грузовых машины хотя больше находились в ремонте, но числились "на ходу" и изредка громыкали по городу выполняя какую то работу.

Глядя на это хозяйство, я не без оснований думал, что на такой технике далеко не уедешь и много ненавоешь.

На окраине Никольск-Уссурийска находился большой лагерь военнопленных красноармейцев, взятых в плен войсками Колчака. Среди них не мало было людей других национальностей в особенности мадьяр, почему то до сих пор не отправленных на родину. Но кто бы они не были, но среди них были большие специалисты по ремонту моторов и других разных специальностей. Они в основном и производили ремонт машин автодивизиона.

Ремонт машин производился в гараже автодивизиона. Никаких станков и других механизмов в гараже не было. Был верстак, двое-трое тисов, наковальни и разный слесарный инструмент. Поэтому весь ремонт, все слесарные, токарные и другие работы проводились в ручную.

Для ремонта ежедневно приводили из лагеря военнопленных специалистов, в большинстве из них мадьяр, хотя были хорошие специалисты и среди русских. Как впоследствии выяснилось, машины умышленно ремонтировались не капитально, а на специально рассчитанное не долгое время, с тем расчетом, чтобы их нельзя было отправить в помощь терпящему поражения фронту. Этот саботаж оправдывался тем, что неначем и нечем выточить и изготовить настоящую, прочную деталь, а на ручной далеко не уедешь.

Среди специалистов из русских, постоянно приходил небольшого роста, средних лет, с лицом чуть изъеденным оспой, мужчина. Он всегда интересовался вновь прибывшими. Спросил и нас с Иваном, кто мы такие, откуда прибыли, добровольцы или мобилизованные, кто наши родители.

Следующим разом спросил, не в курсе ли мы, что происходит у нас на фронтах и за границей, что творится у нас в стране. Он всегда и видимо умышленно, когда увлечен работой, тихонько распевал революционные песни запрещенные белогвардейцами.

Я первое время, грешным делом думал, что это подсланный шпик, но впоследствии оказалось, что он является главварем подпольщиков среди лагеря военнопленных, которые имеют связь с партизанскими отрядами оперирующими в Приморье.

Однажды, он, посмеиваясь, сказал:

- Вот она доблестная, добровольческая белая гвардия, ломать умеет, а чинить нас, красную гвардию, заставляют.

Меня и других очень сильно злило его ехидные издевательства и я однажды уловив момент, когда мы остались вдвоем, со злостью ему сказал:

- Слушай дядя, если ты не провокатор, не подсланный шпик, так знай, что мы такие же добровольцы как и вы все в лагере военнопленных. Разница только в том, что вас взяли в плен на фронте, а нас в собственных хатах. И прекрати пожалуйста издевательства, а то еще ктонибудь ключом череп расколет.

- Слава Алаху, один заговорил. Ты глупый думаешь, что мы не знаем кто вы. Нет, мы прекрасно знаем. Но нам нужно, чтобы вы заговорили с нами. Я завтра буду ремонтировать вот ту крайнюю машину. Выбери время, осторожно, якобы, за каким либо инструментом подойти ко мне и я тебе кое-что скажу.

На следующий день как он и просил, я к нему подо-

шел осторожно. Он сразу спросил, ктоя, откуда и как сюда попал. Чувствуя, что это прощупывание, я в свою очередь применил ее к нему и в кратцах через десятое-пятое рассказывал о себе. Потом спросил: а кто ты. Обо мне после узнаешь, а вообще я пленный красноармеец, но тот который тебе будет нужен. Затем он спросил кто такой Иван Тихонов. Рассказывая так же в кратцах, я Ивана сильно расхвалил. Выслушав, он сказал, что расхваливать не следует, заметно и так, кто чем дышет. О Тихонове мы поговорим еще разок, а теперь запомни, если ты окажешься болтуном, а тем паче предателем, пощады не жди, у нас закон суровый, за предательство — смерть. О наших встречах и разговорах никто не должен знать кроме нас двоих.

Так осторожно прощупывали мы друг друга недели две.

Изучив и проверив друг друга, я решил рассказать ему истину почему мы с Тихоновым очутились здесь. Рассказал об объявленной мобилизации Колчаком и угрозе Калмыкова стереть с лица земли те села, которые не выставят призывников по мобилизации. Мы знали, что Калмыков свою угрозу кое где в других волостях уже применял, поэтому ради спасения своей Волочаевки и ее жителей решили послать часть проверенных ребят на призывные пункты, но с тем расчетом, чтобы через время уйти обратно.

— Вот это сделано умно и достаточно правильно. С таким народом колчакам и калмыковым не по пути. Но вот насчет Тихонова, вы видимо ошиблись. Не задумай о наших встречах и разговорах сообщать ему. А теперь до завтра, — сказал мой новый друг.

Я и без него знал и видел, что мы в Иване ошиблись. Нет, он не был предатель, изменник или ярый враг Советской власти, а просто был не серьезный слабовольный хлюст и вертопрах. Ему было безразлично где не служить, лишь было бы весело и были девушки и танцульки. Он уже успел познакомиться с девченками, успел с помощью их в офицерский клуб, там брэнча на гитаре распевал частушки и в угаре танцев проводил вечера.

Шофера тогда были в моде и среди офицеров, а такие пройдохи как Иван, тем более.

Специального обмундирования нам не выдали, а из старых вытесанных полотняных палаток пошили военнопленные мадьяры красивые по всей форме костюмы: — "брюки полуклешь и куртки с большим отложным воротником. Вшитые красные погоны были по краям обшиты золотистым галуном.

Иван был интересный парень, а в этой форме не было у него отбоя от девушек. Политикой он вообще не интересовался.

Одно радует, я с помощью Ивана не плохо усвоил мотор и частично управлять автомобилем.

Настал день и моей участи. Мой друг военнопленный / имени и фамилии его не знал и не знаю / как то днем мне сказал:

— Будь завтрашней ночью готов. За тобой придут и отведут в ближайший партизанский отряд. Оружия у тебя нет, возмешь с собой белье и нужные вещи. Объяснил куда выйти ожидать, сообщил пароль и отзыв.

Я был до глубины души взволнован, рад, и в тоже время страшно перепуган. Ведь мне предстоит обязательно показаться в Волочьевке, а потом уйти в свой партизанский отряд. Потом моя винтовка запрятана там где только знаю один я. В письме ни брату, Владимиру, ни друзьям из подполья при сегодняшних властях не напишешь. Да и самому совестно и неудобно, ведь сколько было заверений и обещаний обязательно вернуться назад. В добавок это создает беспокойство и в семье и среди ребят.

Чуть успокоившись, я ответил:

— Спасибо дорогой друг и товарищ за Вашу большую и опасную заботу. Вернее за ту колоссальную и сверхопасную борьбу, которую выведете, но простите, уходить в другой, не свой партизанский отряд мне невозможно. Я Вам уже сказал, что ушли мы по призыву к белым ради спасения свое-

го села и населения, но там же поклялись в скорости вернуться назад и уйти в свой партизанский отряд. Не выполнить обещанного, я не имею права. Если иначе нельзя, я тогда самостоятельно дезертирую, только жаль напрасно так долго потеряного времени.

- Нет, самостоятельно дезертировать запрещаем. Нет никаких гарантий быть схваченным, а там и говорить заставят, а ты уже кое что и про нас знаешь. Тогда обождем еще дня три-четыре и попробуем придумать что либо другое.

И действительно, дня через три, улучив минуту, когда в гараже остались только мы двое, сказал:

- Завтра тебя вызовут в вашу канцелярию и предложат поехать в командировку в Хабаровский арсенал выточить на станках некоторые детали для автомашины. Ты сумеешь будто бы не с большой радостью, но согласиться. Когда договоритесь, ты и спроси разрешения выехать из Хабаровска дня на три в Волочаевку повидаться с родителями. Как получишь командировочные документы и чертежи на выточку деталей, постарайся встретиться со мной.

И действительно, как говорил мой новый друг, так и получилось. На следующий день меня вызвали в канцелярию и предложили выехать в Хабаровский арсенал выполнить задание. Вручая документы, командир автодивизиона сказал, что договоренность с арсеналом уже имеется и о моей командировке там знают. А этот конверт передашь директору арсенала, там просьба о разрешении выехать тебе на три дня в Волочаевку.

Присутствовавший в кабинете командира механик гаража, строго приказал мне ускорить задание и с готовыми деталями вернуться обратно.

Кто из них работал в контакте с моим другом военнопленным я так и не смог узнать. Скорее всего серьезный, требовательный и строгий механик. Хотя и командир многими поступками смахивал на красных.

В тот же день встретился я с моим другом военно-пленным. Он попросил передать привет Постышеву и всем партизанам от приморцев и строго приказал полностью выполнить задание и договорится с администрацией арсенала, сразу же по изготовлению деталей отправить их заказчику. Это в некоторой степени скрасит твоё дезертирство и не вызовет подозрений на состряпанную тебе командировку. На прощанье крепко пожали руки.

В казарме, где мы жили, я сообщил всем шоферам, что еду в Хабаровск изготавливать запасные части, Иван понял мою командировку, знал, что я не вернусь и попросил передать отцу сверток с парой солдатского белья. Ребятам сказать, как только явится удобный случай, он незамедлительно вернуться домой. Тут же спел мне на прощанье баядерку.

Я знал, что его обещание вернуться, — глас вопиющего в пустыне.

На следующий день я с официальными документами и с помощью коменданта вокзала, мне предоставили "купе" в следующем со Владивостока пассажирском поезде "Максимка".

В дороге до Хабаровска никаких происшествий со мной не было если не считать, что в соседнем вагоне весь день и до полуночи пьянствовали и орали белогвардейские офицеры и с перепоя начали пальбу по окнам вагона.

В Хабаровске наш поезд был оцеплен калмыковцами для проверки документов. Десятки людей были арестованы и усиленным конвоем куда то уведены.

Меня и еще двоих гражданских повели к коменданту вокзала. В комендатуре кроме коменданта сидел пожилой седой полковник. Он и проверял документы. Взглянув на гражданских, он вежливо предложил им присесть, просмотрев мои документы, сказал, идите выполняйте задание.

В арсенале я быстро договорился об изготовлении и немедленной отправке готовых деталей заказчику.

Домой в Волочаевку я прибыл первым из ушедших пяти-рых и только в конце октября.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гибель брата Александра

Прибыв домой, я услышал страшную весть. Схвачен банда — ми атамана Калмыкова в деревне Калиновке и зверскими пытками замучен и изрублен на куски мой любимый брат Александр. Свершилось это 20 августа 1919 года, когда я был еще дома, но слух об этом дошел до Волочаевки гораздо позже, когда я был уже в Никольск-Уссурийске.

Слухи о его казни были разные, но одни других страшнее. Выехать в Калиновку и узнать от очевидцев истину, в то время не представлялось возможным, а опасность быть схваченным подстерегала на каждом шагу. Партизанские отряды были еще в процессе организации и не представляли внушительной силы, а калмыковцы и их агенты-шпионы свирепствовали повсюду.

Узнав, что я прибыл домой, немедленно из партизанского отряда пришли братья Антонин и Анатолий.

В семейном кругу, переживая тяжелое горе гибели брата, мы поклялись всей семьей не выпускать оружия из рук, пока не будет уничтожен последний бандит, враг Советской власти белогвардеец и чужестранец-интервент, топчущий своими грязными ногами нашу русскую священную землю.

Лютым врагам Александра еще с постройки Амурской железной дороги, головорезам братьям Пискуновым, участвовавшим предводителями в бандитской экспедиции в Калиновке и в зверской расправе и казни Александра, — обязались и поклялись отомстить: — кровь за кровь !

По существу мы и так уже всей семьей / пять братьев, включая Александра / были включены в борьбу против этих врагов нашего народа и нашей Родины.

Оставались еще безучастными и не включены в борьбу самый младший братишка Гриша 13 лет и сестренка Нина 10 лет.

Брата Владимира жена Лиза и моя молоденькая женушка Маша, вполне были нашими соучастниками, ведь они не только нам

готовили, не только снаряжали в походы, но и оберегали нас. Правда, доставалось и им от белобандитов и интервентов, но об этом после.

Вспоминая о последнем приезде Александра в Волочаевку и проведенных им собраниях, прежде в узком кругу нашей подпольной ячейки, а затем общей сходки жителей деревни и станции, мы восхищались его умением, смелостью, героизмом, революционной преданностью и борьбой за народное дело. В то же время удивлялись его дальнейшей неосторожности и отсутствием бдительности, которые и привели его к гибели.

Из некоторых рассказов о проведенных им сходках в других селах.

Рассказ жителя села Верхне-Спасского Семена Сазоновича Климова, впоследствии активнейшего партизана, командира взвода и командира роты:

— "Поздно вечером, мы уже всей семьей пружинали и собирались ложиться спать, когда к нам в окно кто-то постучал. Я вышел из дома и спросил: кто здесь? В это время подошел ко мне человек и спросил, — разрешите зайти передохнуть. Я ввел его в дом и к нашему удивлению это оказался председатель нашей Тунгусской волости Александр Васильевич Проценко. Он был весь в грязи, но пояс мокрый и весь искушенный комарами и мошкой. Сняв верхнюю рубашку для просушки, он рассказал как напрямик тайгой и болотами пробирался к нам в Верхне-Спасскую из разъезда Лумку-Корани.

В связи с тем, что вопрос, по которому он пришел, очень важный, он попросил меня сходить к старосте и пригласить его сейчас же прийти сюда. Староста жил рядом и через 10-15 минут уже был у нас.

Отдохнув, Проценко сообщил нам новость, что не так давно "Всероссийский верховный правитель" адмирал Колчак объявил мобилизацию в белую армию нескольких годов нашей молодежи. По этому вопросу он как председатель волости и решил лично побывать в каждом селе Тунгусской волости и провести сельские сходки. Старосту попросил завтра днем созвать пообщирней сходку, на которой он сделает доклад на эту тему.

Не объясняя подробностей мобилизации, Александр Васильевич испросив разрешения, забрался на теплую печь и в скорости от усталости заснул.

Я, чувствуя, что мой год рождения призывной, всю ночь ворочаясь не мог заснуть. Да и как уснешь, когда я чуть не три года провел на германском фронте и крепко на своей шкуре понял, почему фунт лиха этой войны. Но там я убивал немцев, как нам внушали, своих врагов, а здесь призывают убивать своих русских, да и кого? Таких же рабочих и крестьян, как я и сам, да и за что? За то, что они встали за свою волю, право и свободу? Так я и сам готов не сегодня, завтра встать на их сторону. А с бандитами калмыковыми и адмиралами колчаками нам труженикам сегодня уже не по пути. Так я и решил завтра на сходке всеуслышано заявить нашему волостному председателю после его доклада и призыва идти на призывные пункты.

С такими тяжелыми мыслями я только под утро забылся в тревожном сне.

Сходка, как и договорились, была созвана днем. Все ждали, что он сразу назовет фамилии призывников и потребует завтра же отправляться на призывной пункт в Покровку или Хабаровск.

Но каково было наше удивление, когда начинал доклад, наш уважаемый председатель сказал: - Граждане деревни Верхне-Спасской, я в прошлом 1918 году приходил сюда к вам по вопросу организации кооператива и помощи сельскохозяйственным и рыболовецким инвентарем, но тогда, дорогие граждане и товарищи, я был председателем Тунгусского волостного Совета и служил своей родной партии большевиков и помогал нашему трудовому народу, в том числе и вам, а теперь я уже председатель волостной земской управы и вынужден выполнять волю эсеров, кадетов, меньшевиков и другой предательской сволочи, и подчиняться бывшим нашим эксплуататорам, выходцам буржуазии и помещиков, разного рода царским чиновникам и закоренелому дворянскому офицерству.

Не так давно наш "верховный правитель Всей Руси", адмирал Колчак объявил мобилизацию в свою белую армию нескольких

годов нашей молодежи, лошадей и повозок. Вот по вопросу этой мобилизации я к вам сюда и пришел. Правда, я пришел к вам по их требованию, но отнюдь не для их воли и желания.

Для полноты вопроса, разрешите прежде коротенько остановиться на внутреннем и политическом вопросе в нашей стране.

Все вы, понятно, знаете, что в настоящее время вся наша великая родина объята пожаром братоубийственной войны. Разного рода враги революции, и иностранцы и наши внутренние из прогнившего царского кровавого самодержавия, которых я перечислил выше, веками эксплуатировавших нашего брата — рабочих и крестьян, свергнутых великим Октябрем и выдворенных за пределы нашей родины, обратно слетелись воедино, поддержанные и вооруженные иностранной буржуазией, объединившись с заклятым кулачеством, обманутым казачеством и продажными предателями разными "батками" и атаманами на подобие наших калмыковых и семеновых, свирепствующих по всей стране, и, развязали эту кровавую войну.

Для борьбы со всей этой бандитской сволочью, наша славная коммунистическая партия, во главе с величайшим революционером, другом и защитником всего эксплуатируемого народа, великим Лениным, создала из рабочих, крестьян и народной интеллигенции могучую Красную Армию и партизанские отряды, которые на всех фронтах и в тылу громят все эти белогвардейские армии, их генералов, адмиралов, атаманов и приглашенных ими интервентов.

Потерпев на всех фронтах поражение, этот ставленник иностранной буржуазии "верховный правитель" Колчак, спасая свое положение и объявил эту мобилизацию, надеясь нашим пушечным мясом заткнуть брешь поражения.

Не так давно вызвал меня как председателя волостной земской управы в себе в Хабаровск, в свое звериное логово, бандит атаман Калмыков и предупредил, что все те села, которые не выставят призывников, будут стерты с лица земли, а их население поголовно расстреляно. Мне после этого как председателю такой мятежной волости не миновать знакомства с его вагоном смерти.

Но и мы не лицом шты.

Такая угроза меня возмутила и я прямо из Хабаровска поехал вверх по Тунгуске. Там в верховьях реки скрывается стар~~ый~~ ^{ый} большевик, член коммунистической партии, бывший комиссар Центросибиря потом Дальсовнаркома Павел Петрович Постышев. С ним я встречался в Дальсовнаркоме, а после разгрома японцами и белочехами нашего Уссурийского фронта и занятия бандами Калмыкова города Хабаровска я помог ему и его семье эвакуироваться и упрятаться в верховьях реки Тунгуски.

Из поселка Шаманки мы с Постышевым вернулись в деревню Архангеловку, где жил и скрывался у своей семьи бывший хабаровский грузчик Амурского речного пароходства и командир одного из красногвардейских отрядов на Уссурийском фронте Иван Павлович Шевчук.

Там у Ивана Павловича мы в троику посоветовавшись, решили: воспользоваться объявленной Колчаком мобилизацией и повернуть всех призывников и призвать других жителей Тунгусской волости на борьбу против колчаковской и всех белогвардейских армий и против приглашенных ими интервентов; организовать в нашей Тунгусской волости один или два крупных партизанских отряда и объявить Калмыкову, его головорезам и всем интервентам смертный приговор.

Так мы написали ко всем гражданам Тунгусской волости не давать по мобилизации Колчаку ни одного солдата, ни единой лошади, ни единой повозки, а брать припрятанное оружие и идти в партизанский отряд, командиром которого назначен Иван Павлович Шевчук. Я, как председатель волости, обязался поднять на борьбу весь народ Тунгуски и провести во всех селах сходки, такие, какую провожу сейчас у вас.

Зная, что вы прибыли сюда к нам на Амур из царской, помещенской и рабской Румынии, где вам жилось горько, бесприсветно как и всей крестьянской голытьбе, надеюсь, что вы не позволите, чтобы и здесь над вами глумились и издевались и вы положительно откликнетесь на наш призыв.

После его такой неожиданной, страшной, пугающей и ошеломляющей и в то же время ободряющей речи, воцарилась мертвая тишина.

Все ожидали, что он назовет фамилии призывников и будет требовать немедленной их явки на призывной пункт, а тут наоборот: — не давать ни одного человека, ни единой лошади, ни единой повозки, а брать припрятанное, даже охотничье, дробовое оружие и идти в партизаны объявив смертный приговор Калмыкову, всей его банде и японским интервентам.

Я как бывший фронтовик, многое повидавший и испытывавший на германском фронте, первым очухался, подбежал к товарищу Проценко, обнял его и крикнул:

— Спасибо тебе, дорогой друг, председатель, что уразумил, подтолкнул и пробудил нас от спячки. Давно пора браться за настоящее дело и наводить здесь у нас порядок. Будь наш предводитель. Я первый иду на ваш призыв, и уверен, что многие способные носить оружие, последуют вашему призыву и моему примеру.

Что потом было, трудно и объяснить. Еле успокоили народ.

Так и записали: не давать Колчаку ничего. А через неделю уже было нас с ниже-спасскими ребятами несколько человек у Шевчука.

От себя в Ниже-Спасскую мы проводили нашего председателя волости с почетом, уже не пешком, а верхом на лошади.

Другой рассказ жителей деревни Николаевки: старика Наволочкина Николая *Алексеевича*, его сына Дмитрия и других жителей и лесозаводских рабочих, и особенно Александры Николаевны Херберг/ вдовы убитого Ивана Карловича Херберга/, с которой у Александра, видимо, были особые близкие отношения. У нее, с ее рассказов, Александр и ночевал последнюю ночь перед уходом из Николаевки в Ново-Каменку и Калиновку, где и по сей день находится его могила.

Степенный и всеми уважаемый старик Николай *Алексеевич* Наволочкин, соболезнуя о гибели Александра, коротко, но обстоятельно рассказывал:

— Как председателя волостного Совета и как вообще хорошего человека, Александра Васильевича все мы жители Николаевки любили и уважали. Немало сделал он хорошего для нас, николаевцев, и в особенности ^{д.и.а} рабочих лесозавода.

Пришел в последний раз он к нам в Николаевку 15 августа 1919 года, а 16 созвал большую, объединенную с лесозаводскими рабочими сходку, на которой сделал умопомрачительный доклад, которым ошеломил и поразили всех нас.

Знали мы его, как хорошего, честного, справедливого, особо трудолюбивого и революционно настроенного человека и раньше, но тогда на сходке, он превзошел себя и казался для нас каким-то большим и великим народным вождем-предводителем.

Многие из нас знали, что среди жителей Николаевки имеются и нехорошие, с черной душой люди наподобие агента Калмыкова, предателя Холкина, поэтому бурно проявлять восторг докладчику воздерживались, но молодежь, в особенности заводская, подхватила Александра Васильевича и начали подбрасывать под крики "ура". Было что-то трудно вообразимое, торжественное, праздничное. А через некоторое время многих в Николаевке не досчитались, ушли к Шевчуку и Кочневу. Ушел в партизанский отряд и мой Дмитрий.

Вдовушка Александра Николаевна Херберг, видимо по-женски любившая Александра, со слезами и причитаниями рассказывала нам:

— Последний раз был у меня Шура 17 августа. Тогда он созвал здесь у нас большую сходку крестьян и рабочих завода на которой со страстным и страшным призывом обратился к народу восстать с оружием в руках против калмыковцев и в ответ на колчаковский призыв в белую армию, брать оружие и идти в формирующиеся партизанские отряды ...

Кто верит в светлое будущее, тот знает, что только в борьбе можно добыть право свое...

Каким в те минуты он казался большим, светлым и великим человеком. Не только я, а все мы, весь присутствующий народ был им очарован...

Как я радовалась, смотря на него, а еще больше боялась

за него, зная местных предателей и извергов калмыковцев. С этой последней ночи, которую он провел со мной, у меня не высыхают глаза от слез, и не знаю, высохнут ли они когда-либо.

Как я содрогаюсь, вспоминая рассказы о страшной, сверхчеловеческой гибели Шуры. Разве можно было так открыто и так смело проводить такие сходки при такой дикой и свирепой власти бандитов атаманов, а он, говорят, провел их почти во всех селах нашей волости. Как не любить такого светлого, милого, душевного человека. Такого героя. Ах, Шура, Шура !".

Правда, в рассказе Александры Николаевны чувствовалась материнская любовь, любовь женщины.

Рассказывали о проведенных Александром сходках и еще многие другие.

Такие сходки Александр успел провести в Архангеловке вместе с Постышевым и Шевчуком, и самостоятельно — в Волочаевке, Даниловке, Верхне-Спасской, Нижне-Спасской, Самаро-Орловке, Дешневке, Владимировке, Николаевке, Новокаменске и Калиновке. Из Калиновки он намеревался пройти в Голубичное, Марковку и голыщанское стойбище Дзарман, а потом уже на постоянно уйти в Архангеловку к Постышеву и Шевчуку. Однако враги успели прервать его маршрут и изменить весь ход событий.

Видимо еще во время сходки в Николаевке, кулак и предатель Холкин, а возможно и кто другие, успели сообщить в Хабаровск Калмыкову о проводимых Александром сходках, его организационных действиях, где он в настоящее время находится и куда намеревается продвинуться дальше.

Шел нехороший слух и о жителе Самаро-Орловки подкулачнике старике Орле, якобы исподтишка работавшего доносчиком-шпионом у Калмыкова. Возможно, он еще во время сходки в своем селе успел сообщить о работе Александра. О фактах шпионства Орла я в точности не знаю, так как он был расстрелян партизанами в мое отсутствие.

Трудно понять, почему так бесечно, смело и открыто

действовал Александр. Ведь он знал, что во многих селах из числа зажиточных имеются противники Советской власти наподобие бывших волочанских Мельникова и Чернишова, а отсюда и скрытых доносчиков. Знал он, да и сам говорил о том, что за ним уже давно охотятся калыковцы и в то же время почти под носом, в двадцати верстах от Хабаровска, тогдашнего кровавого логова Калыкова с его вагоном и оврагами смерти, проводил эти крестьянские и рабочие сходки.

Возможно, презирая грядущую смерть, торопился подняться на борьбу с произволом весь народ Тунгусской волости. Понятно, что хотя и для светлого будущего, но такая беспечная смелость граничит с безумием.

Проведя очередную сходку в Новокаменне, Александр 19го августа отправился полком в Калыновку. 12 верст не большое расстояние, тем более как для такого охотника-следопыта как он, но сходку в Калыновке по каким-то обстоятельствам сразу созвать не представилось возможным и она состоялась только к вечеру. Идти на ночь 18 верст до Голубичной в самую летнюю комариную пору, но весьма завидно и его уговорили остаться переночевать.

Собрав после сходки вечеринку молодежи, Александр в период между танцами еще раз рассказал хлопцам и девушкам о положении в стране и о героической борьбе Красной Армии состоящей во множестве из молодежи громицей на всех фронтах "и в хвост и в гриву" все белогвардейские армии и непроходимые припольцев — английских, французских, американских, японских и прочих интервентов. Рассказал и о восставших в Одессе — французских матросах, бросивших клич: "Руки прочь от Советской России!" и еще раз призывал не ждать прихода Красной Армии, а самим браться за оружие и освободить свой родной Дальний Восток от предателей белокозаков, японских интервентов и обманутих белочехов.

В тот же день к вечеру подошла из Хабаровска к Ново-Каменке большая баржа, полностью загруженная ворховыми

лошадьми и калмыковцами. Спешно выгрузившись, казаки карательного отряда под водительством есаула Пискунова быстро, на рысях пустились в сторону Калиновки. Въехав в деревню, каратели встретили поздно загулявшего парня Конева. Окружив его и врезав для острастки вдоль и поперек плетью, приступили к допросу. Тот с перепугу не сообразил последствий, рассказал о сходке, недавней вечеринке и указал дом, в котором остался ночевать председатель волости Александр Проценко.

Много было впоследствии разговоров о выдаче Коневым Александра, а как легко он мог навести калмыковцев на ложный путь, сказав им, что после сходки поздно вечером Проценко ушел пешком в Голубичное и если напать на лошадей, его легко захватить еще в дороге. Но, как говорят, — "у страха глаза велики" и факт остался фактом.

Как нам, братьям, хотелось встретить в жизни Конева и узнать от первоисточника очевидца всю истину, но встретиться так и не пришлось. Во время гражданской войны не представилось возможным, а потом и его не стало. Исчез, скрываясь.

Окружив указанный Коневым дом, каратели захватили Александра спящим в одном нижнем белье, и там же в доме, глубокой ночью при стариках, женщинах и детях перепуганных на смерть učinили ему допрос и излюбленную ими экзекуцию.

Вот что нам рассказала хозяйка дома, в котором схватили Александра, и другие калиновские жители, присутствовавшие при его пытках и казни :

" Вскочивший в дом вслед за казаками есаул Пискунов и увидя стоявшего у постели раздетого Александра, злорадно улыбнулся и сразу приказал одному из казаков : — иди и распорядись поднять шум и стрельбу на улице, выбить в некоторых домах окна. Нечего им дрыгнуть, когда православное воинство трудится".

Затем, повернувшись к Александру, с усмешкой произнес :

— Ну, вот и встретились, уважаемый бывший председатель Тунгусского волостного Совета, а теперь мнимый председатель волостной земской управы "товарищ" Проценко. Сейчас мы с вами поговорим и надеюсь разговор будет откровенным, ведь мы давнишние знакомые, кажется еще с постройки Амурской железной дороги. Да и гонялись мы за вами долго, чтобы как то встретиться.

— Нечего мне с вами, господин есаул, разговаривать. Вам и без разговоров, надеюсь, видна моя работа и откровенничать нечего, вам и так все ясно.

О том, что не я за вами, а вы за мной гоняетесь, так ведь ваша сейчас временная бандитская власть, ваша и сила, но придет время, а оно не за горами, обратно восстановится народная власть, восстановится и его могучая народная сила, погонятся тогда и за вами.

— Ну, вот и заговорил, даже разоткровенничался, а сказал толковать не о чем. Обыскать его, — бросил он казакам.

В миг Александр был обшарен с ног до головы, вывернуты рядом лежащие его брюки и гимнастерка, полетела на пол вся постель. Перевернули вверх дном все в доме.

У Александра никакого оружия не было и обыск не дал никаких результатов. Это обозлило Пискунова до истерики и он приказал раскричавшихся перепуганных девок выбросить на двор.

В это время раздалась стрельба, гром битых окон и вой выгнанных из домов жителей деревни. Успокоившись и подойдя к Александру, Пискунов притворно улыбаясь спросил :

— Ну как тебе нравится этот концерт, поднятый артистами будущей народной власти и народной силы ?

— А чего лучшего можно ожидать от таких варваров, зверей и садистов как вы, господин есаул ?

— Вон как заговорил. Но героев мы видели и похлепай тебя.

Погоди, заговоришь и завянешь по иному. А сейчас нам требуются от тебя данные:

1. Где, сколько и в каких селах ты провел разлагающие народ сходы?
 2. Сколько и кого ты в каждом селе завербовал в партизанские отряды. Назови фамилии сельских активистов, помогавших тебе в этом преступном деле?
 3. Где находятся эти партизанские отряды, кто у них командиры, кто комиссары?
 4. Численность бойцов в отрядах, род войск и чем вооружены?
 5. Где достаете и какое оружие?
- Отвечай в порядке заданных вопросов.

— Многого, господин есаул, захотел. Ничего этого вы от меня не получите. Знаю, что вы меня умертвите и замучите самыми жестокими, нечеловеческими, а звериными приемами. Трудно будет умирать физически, зато светло и легко душевно, в сознании того, что я сделал большое и благородное дело. Облегчит страдание и то, что умирая, я за ~~всю~~ свою жизнь не загубил ни единой души, если не считать что на германском фронте стрелял в немцев.

Вам, господин есаул, тоже придет время умирать, но умирать вам придется и физически и душевно трудно, страшно и мучительно, в сознании того, что вы лично за свою людоедскую жизнь загубили тысячи ни в чем неповинных людей, стариков, женщин и детей. Страшный вы изувер. Вас не примет ни земля, ни небо, а если крошечный ад, то и там в самом страшном и смрадном уголке.

— А ну, Степан, заткни ему рот, но только умеренно.

Стоявший рядом верзила повернулся и наотмашь ударил Александра в лицо. Александр, охнув, мячом отлетел и ударился об стенку. Падая потерял сознание.

— Не переборщил, Степа?

— Нет, господин есаул, я выполнил, через десять-пятнадцать минут очнется.

Когда Александр очнулся и поднялся, Пискунов и два его бандита телохранителя сидели за столом с флягами в руках и распивали спирт, закусывая яйцами и салом.

— А-а, очнулся, ну подходи, выпей с нами стаканчик, товарищ комиссар партизанских отрядов.

Александр шатаясь подошел к столу и неожиданно для всех выплюнул с кровью выбитый зуб в лицо Пискунову.

Сидевший рядом верзилка выхватил наган, но Пискунов быстро схватил его за руку и заорал: — " Не смей ! " и указывая на Александра добавил: " Связать ".

Пока Пискунов умывался, привели избитого и перепуганного старосту деревни.

Приказав старосте и конвоирам привести сюда человек семь-восемь самых старых мужчин и женщин, и всех ребят деревни, в первую очередь подлежащих призыву, сам обратно уселся за трапезу и спиртное. У связанного и лежащего на полу Александра установил с клинками наголо двух головорезов.

Через некоторое время в дом втолкнули четырех престарелых стариков и старух и двух юнцов во главе с избитым Коневым. Подлежавшая призыву вся остальная молодежь во время стрельбы и шума успела скрыться.

Потомев на казаков за скрывающуюся молодежь, Пискунов приказал позвать Фильку.

— Я здесь, господин есаул, — произнес показавшийся в дверях худой, жилистый и длинный, лет сорока казак с винтовкой на плечах и большой сумкой в руках.

— Пятьдесят, левую не считая. — Приказал Пискунов.

В доме, как и во всех крестьянских избах вместо стульев и табуреток были длинные скамьи. Те, которые предназначались к столу, делались примерно длиной в два аршина и они по мере необходимости передвигались с места на место, те, которые

стояли навечно вдоль стен, делались из более широких досок и дех доходили смотря длины стенки до четырех-пяти аршин. Во многих семьях они служили и для сна вместо кровати.

Услышав приказ своего есаула, Филька и его подручный утримый коренастый казак, с большим проворством и умением установили среди дома одну из передних скамеек и уложили на нее вверх спиной Александра, связав под ней ему руки и ноги, стянули почти до колен его подштаники, а рубаху завернули на голову, полностью обнажив его тело, и встали по обеим сторонам с вынутыми из винтовок шомполами.

Филька с правой стороны, подручный с левой.

Когда все приготовления были готовы, Пискунов оглянув всех присутствующих, произнес:

— Ну-с, товарищ комиссар, ты, видимо, убедился, что мы не шутим и в бирюльки с тобой играть не собираемся. Отвечай на первый заданный мной вопрос/ Александр отвернул голову /. — Хорошо, отвечай на второй, третий, четвертый, пятый. Молчишь, тогда получай — и кивнул Фильке.

Господи благослови, гаркнул Филька, и со свистом опустил шомпол на тело жертвы. Началось с двух сторон истязание. Били со страшной силой, с какой-то молниеносной протяжкой шомполов по телу, от чего ~~тело~~ тело уже от первых ударов превращалось в клочья. От каждого удара тело Александра вместе со скамьей подпрыгивало от пола на целую четверть.

Вдруг воцарившуюся в доме тишину, не считая свиста шомполов, прорвал дикий вопль и одна из старух с проворством кошки подскочила к Фильке с намерением схватить его за руку, но еще с большим проворством, даже не повернув головы, ^{он} наотмашь левой рукой ударил ее по лицу и она охнув упала на пол. Поднялся страшный крик среди присутствующих, но два рядом стоявших казака выхватили из ножен клинки, кого то огрели плашми и вой сразу прекратился.

После пятидесяти ударов общего счета, Пискунов приказал прекратить и проконсервировать. Филька достал из своей сумки горсть соли и густо посыпал изрубленные места тела. Затем из отдельного мешочка достал какой-то порошок и посыпал им поверх соли. Александр застонал и все его тело забилося в конвульсиях.

Пискунов налил в стаканы спирт и предложил Фильке и его подручному выпить, а старосте приказал взять у Фильки помпол и продолжать истязания.

Подтолкнутый казаками к столу староста, грохнулся на колени и весь в слезах с дрожащими губами не мог выговорить ни единого слова.

Брезгливо скорчив року, Пискунов с силой ударил его ногой в грудь и отлетел он на прежнее место. Среди женщин снова поднялся истерический вой, вынудивший бандитов вытолкать их из дома.

Задав вопрос полуживой жертве и не получив ответа, каратели снова приступили к избиению. Били свирепо с куными роками, но зверскими, садистскими приемами.

Закончив назначенное есаулом истязание, Александра подняли и усадили на скамью. Он был в полубезсознательном состоянии и только мычал, не в силах вымолвить слова. Ему влили в горло глоток спирта и он очнулся.

На новый вопрос Пискунова ответил двумя словами: — "садист" и "палач" и в плеснул на поддерживавшего его Фильку кровью сгусток. Филька отскочил, Пискунов ударом сбил Александра на пол.

Переговорив между собой, Филька извлек из своей сумки какую-то лампу и обыкновенные щипцы и начал раскалить над фитилем зажженной лампы закатые в щипцах иголки. Пока он возился с иголками, Александру забили в рот кляп и обратно лицом к столу усадили на скамье, поддерживая с обеих сторон.

Раскалив добела иглу и схватив руку Александра, специалист-палач быстро и ловко воткнул ее под ноготь пальца. Пытаемый вздрогнул, замылчал и опустил голову на грудь. Кляп в горле не давал возможности даже заорать от нетерпимой и мучительной боли.

Воткнув на одной руке под ноготь каждого пальца раскаленные иглы, Филька начал раскалывать щипцы. Когда они накалились докрасна, он схватил другую руку своей жертвы и приложил их к ногтю большого пальца. Когда показался дымок и в воздухе запахло жареным мясом, он быстро схватил за обгоревший ноготь щипцами и с силой дернул на себя. Поджаренный ноготь был живьем сорван с пальца. Александр охнул, дернулся всем телом и потерял сознание.

— Ша! — Крикнул кровавый палач Пискунов. — Господин урядник, немедленно связать эту падаль, в бросить в хлев и установить усиленную охрану. Оцепить деревню, чтобы не было в нее ни входа, ни выхода. Всем зрителям, приглашенным на наше представление, не взирая на возраст высыпать плетей и отпустить по домам. Остальным, свободным от караульной службы, разрешаю два часа на ужин и отдых. Действуйте.

Александра выволокли и бросили в находившийся во дворе сарай. Голое и располосованное тело сразу было облеплено комами.

Во всех дворах запылали костры. "Христолюбивое воинство" ужинало и отдыхало.

Пока полупьяные бандиты трапезничали и отдыхали, на дворе рассвело. Как только взошло солнце, разбудили валявшегося одетым на хозяйской постели своего пьяного предводителя, командира карательного отряда есаула Пискунова.

Заказав завтрак, командир приказал уряднику согнать все население деревни от стара до мала сюда во двор в одно место. Но к великому его удивлению задуманного им большого зрелища над дальнейшими пытками и казнью комиссара, большевика Проценко, учинить не удалось. Деревня опустела. За ночь разбежалось и скрылось почти все население, не стало и старосты. Осталось

десятка полтора дряхлых стариков, старух и некоторые дети.

Оцепить, как приказал есаул всю деревню было невозможно, так как рядом с каждым двором начиналась глухая тайга. Пошумев на нерасторопность урядника, Пискунов приказал приступить к делу.

Первым делом выволокли из сарая Александра, он был полуголый и в совершенно изорванном белье, весь в ранах, в одних местах засохшейся в других местах сочившейся кровью, с посиневшими и распухшими от иголок пальцами, босой и от ран^и потерянной крови еле держался на ногах.

Выйдя из дома и увидя Александра, Пискунов с восхищением вскрикнул: "Каков красавец!" Ну и подлец этот Филька так разукрасить человека".

Затем обращаясь к Александру, спросил:

— Ну как, товарищ комиссар, самочувствие? Одумался ли после таких любезных наших приемов? Будешь ли говорить ради спасения своей жизни?

— Я уже вам говорил, что трудно, тяжело и мучительно умирать от таких зверских, не человеческих, а людоедских пыток, но придает бодрости то, что переносу эти муки за то большее и благородное дело, которое я делал для народа и для борьбы с вашим бандитским строем.

Выдать палачам чего вы требуете прекраснейших и честнейших товарищей и этим предать великое народное дело было бы самым гнуснейшим злодейством и преступлением. Этого вы от меня любыми злодеяниями не дождетесь. На это злодейство способны такие как вы и окружающие вас обманутые из закиточных казаки, потерявшие совесть и лицо человека.

Неужели вы, обогранные народной кровью, не видите, что простой народ — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция за вами не идут, наоборот, организуются против вас в боевые отряды. Вы страшные временщики. Не помогут вам ни приглашенные интервенты, ни их оружие.

Знаю, смертный приговор мне вынесен и утвержден, но если у вас, презренного садиста, палача и убийцы осталась

десяток полтора дряхлых стариков, старух и некоторые дети.

Оцепить, как приказал есаул всю деревню было невозможно, так как рядом с каждым двором начиналась глухая тайга. Пошумев на нерасторопность урядника, Пискунов приказал приступить к делу.

Первым делом выволокли из сарая Александра, он был голый и в совершенно изорванном белье, весь в ранах, в одних местах засохшейся в других местах сочившейся кровью, с посиневшими и распухшими от иголок пальцами, босой и от ран^и потерянной крови еле держался на ногах.

Выйдя из дома и увидя Александра, Пискунов с восхищением вскрикнул: "Каков красавец!" Ну и подлец этот Филька так разукрасить человека".

Затем обращаясь к Александру, спросил:

— Ну как, товарищ комиссар, самочувствие? Одумался ли после таких любезных наших приемов? Будешь ли говорить ради спасения своей жизни?

— Я уже вам говорил, что трудно, тяжело и мучительно умирать от таких зверских, не человеческих, а людоедских пыток, но придает бодрости то, что переношу эти муки за то большее и благородное дело, которое я делал для народа и для борьбы с вашим бандитским строем.

Выдать палачам чего вы требуете прекраснейших и честнейших товарищей и этим предать великое народное дело было бы самым гнуснейшим злодейством и преступлением. Этого вы от меня любыми злодеяниями не дождетесь. На это злодейство способны такие как вы и окружающие вас обманутые из зажиточных казаки, потерявшие совесть и лицо человека.

Неужели вы, обогранные народной кровью, не видите, что простой народ — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция за вами не идут, наоборот, организуются против вас в боевые отряды. Вы страшные временщики. Не помогут вам ни приглашенные интервенты, ни их оружие.

Знаю, смертный приговор мне вынесен и утвержден, но если у вас, презренного садиста, палача и убийцы осталась

еще в душе хотя бы капелька человеческого достоинства, прекратите пытки, издевательства / тем более при детях / и пристрелите сразу.

— Легкой смерти захотел, но у нас про запас есть кое-что и потруднее. Нет у меня для большевиков-комиссаров ничего другого, кроме мести. А с тобой перед смертью поговорим еще по-иному. Тратить на тебя пулю дорого будет стоить, для этого у нас имеются клинки и найдется кусок веревки.

— Верю, что все это у вас есть, но я спрашивал о человеческом достоинстве и у кого? У начальника и палача Хабаровского вагона смерти. Запомните, этого вашего преступления народ не забудет и не простит не только вам, но настоящему и будущему вашему поколению.

— Хватит болтовни: Урядник, немедленно двоих проворных верховых. — Приказал Пискунов.

Когда явились верховые, Александру серединой веревки обвязали шею, а концы ее покорооче привязали в седлам. Получилось так, что жертва, головой наравне с седлами находилась между двух спаренных верховых. Когда работа была закончена, палач приказал прогнать рысцой в таком виде из конца в конец всю деревню, строго наказав не задавить до смерти.

Верховые лихо тронулись рысью по улице, но чтобы мученик не упал и не тянулся по земле, веревку держали в натянутом виде. Через небольшое время пытаемый обессилел, повис горлом на веревке и задыхаясь захрипел. Это заставило мучителей остановиться, снять с шеи веревку и подвязать ее под мышки рук. В таком виде избитого, всего в ранах, полуживого прогнали полувисящего, полубегущего из края в край чуть не двухверстной деревни.

Александр уже не мог ни говорить, ни двигаться, только лежал со стоном вздыхая. Все дальнейшие у нему вопросы Пискунова были бесполезны.

Узнав, что комиссар больше висел на веревке, чем бежал, Пискунов с злорадством проговорил:

— Ничего, сейчас будет подпрыгивать, — Филька, подковать.

Стоявший рядом и видимо ждавший этого распоряжения Филька достал из кармана два небольших гвоздя и забил их

в обе голые пятки Александра. Александр вздрогнул, вскрикнул и затих.

В одной версте с лишним от деревни по дороге в сторону села Голубичное находятся небольшие сопочки. У последней крайней из них и разыгралась последняя кровавая трагедия.

Отобрав двадцать человек лучших рубак-джигитов, Пискунов приказал набросить один конец аркана на шею Александра, второй конец привязать к седлу переднего верхового. Второй веревкой так же обвить под руками, а ее концы коротко привязать к седлам двух позади спаренных верховых с таким расчетом, чтобы притащенный доставал ногами до земли.

По окончании всей этой бесчеловечной издевательской процедуры, Александра в полубезсознательном состоянии поставили с вбитыми в пятки гвоздями на ноги. Когда все было готово, Пискунов оседлал свою лошадь приказав шагом трогаться в путь в сторону сопки. Всею дорогу в течение получаса спаренные верховые казаки хлестали плетью по иссеченной шомполами спине висевшего на веревках и еле передвигавшегося ноги Александра.

Сзади этой варварской и преступной процессии гнали нескольких стариков селян с целью напугать увиденной ими казнью в назидание другим.

Против крайней сопки, примерно в 150-200 шагах с правой стороны дороги, идущей в село Голубичное, стоит большая, старая ветвистая лиственница. К этой лиственнице и приказал привязать свою жертву кровавый палач Пискунов.

Построив своих добровольцев в двадцати шагах от дерева с привязанным к нему Александром, а стариков селян поставив чуть в стороне, Пискунов крикнул: " Последний раз обращаюсь, будешь говорить ?!. Александр отрицательно, тоже в последний раз покачал головой.

Есаул подал какую то команду, загарцевали под ними лошади и в миг отделился от них урядник и с гиком поскакал к жертве. Блеснул клинок и одна рука Александра с иголками под ногтями отлетела в сторону. Следом помчался второй бандит и вторая рука отлетела в сторону. Третьим с криком " Смерть врагам комиссарам",

помчался сам эсаул и поникшая голова Александра слетела с плеч и упала в траву. Подскочивший четвертый верзила-телохранитель рассек уже безжизненное тело нацвое. Пока проскакали все двадцать, от Александра остались одни отдельные куски изрубленного тела.

Приказав оставшимся старикам селянам под страхом смерти не хоронить куски комиссара, каратели галопом умчались обратно. Когда вернулись старики, в деревне бандитов уже не было.

Через три дня пришли из Голубичной партизаны Кочнева и вместе с жителями Калиночки похоронили на месте казни под той же лиственницей куски своего уважаемого и любимого председателя волостного Совета Александра Васильевича Проценко.

Так погиб в борьбе за народное дело, "За светлое будущее", о котором он всегда и всем говорил, — этот большой и благородный человек, один из организаторов партизанского движения в Тунгусской волости. Его дело завершили мы, его братья, односельчане Волочаевки, крестьяне и рабочие Тунгусской волости и весь частный народ Дальнего Востока.

В свое время Кур-Урмийский райисполком поставил на могиле Александра памятник-обелиск, надгробную плиту и мемориальную доску с надписью: "Здесь в конце 1919 года похоронен замученный бандитами атамана Калмыкова первый председатель Тунгусского волостного Совета АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПРОЦЕНКО".

В глубокой тайге стоит обелиск, но он не забыт.
Народ помнит о своем сыне.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Первый Тунгусский партизанский отряд.

Обсудив тяжелое положение в семье, положение в Волочаевке и успешное действие партизанского отряда, братья Антонин и Анатолий ушли обратно в Архангеловку в свой партизанский отряд. Я по решению нашей подпольной группы временно остался в Волочаевке. Ядвали приезда в Волочаевку с оружием собранным по селам товарища Апачия, чтобы потом присоединив нами собранное, всей нашей группой: мне, Николаю Слинко и Семену Кучмишаку уйти в партизанский отряд. Василию Слинко и брату Владимиру, решили пока в отряд не уходить.

По многим причинам и обстоятельствам, приезд с оружием тов. Апачия задерживался, а провезти его в Архангеловку и дальше на базу отряда, можно было только через Волочаевку, но и тут была заминка, стоявшие на станции Волочаевке японцы и днем и ночью патрулировали по деревне и по линии железной дороги. Иногда днем забирались на сопку и устанавливали наблюдательный пункт.

Наконец, только в средние числа декабря удалось тов. Апачию добраться в Волочаевку. Запрятали мы его с оружием под сопкой у мало приметного жителя Волочаевки Зиньковского.

Организуясь в крупное соединение, отряд к этому времени насчитывал в своем составе до ^{сорока} ~~сорока~~ человек бойцов, почти всех вооруженных винтовками и достаточным количеством патронов.

Добывая оружие, снаряжение и продовольствие, отряд провел несколько удачных мероприятий и вооруженных нападений. Виз летом он конфисковал в лесу несколько тысяч пудов овса, муки и других продуктов у крупных подрядчиков лесозаготовок Сидальского и Холкина и на конфискованном катере "Сатурн" перевез все эти продукты из продовольственных складов поселка Улино, вверх по Тунгуске на свои партизанские базы. Второй крупной удачей давший больше двенадцати винтовок, столько же сабель, несколько тысяч патронов, пять лошадей, два воза мануфактуры и войсковой коши

и около двадцати пяти тысяч деньгами, даю разоружение в пограничном селе Верхне-Стасское белогвардейской таможенной заставы.

Уходя с добытым оружием из Верхне-Спасской, партизаны по пути сожгли несколько железнодорожных мостов, разрушили в двух-трех местах телеграфную линию и забрали на опытном поле находившемся между Волочаевкой и Демневкой несколько лошадей для будущей кавалерии.

Всем было хорошо известно, что разрез одного убитого японца, можно тепло одеть трех-четырех партизан. Зима 1919 года пасмурная, снежная и на редкость холодная, а одежда у партизан как тогда говорили, — "на рыбьем меху". У большинства брезентовые штаны надеты на подбитники, а не редко и на голое тело, на плечах брезентовый пиджак. Обувки почти у всех самодельные ичижи из войлочной или сыромятной кожи.

Узнав, что на станции Ин стоит в казарме большой отряд японских войск, Шевчук решил позаимствовать у них часть обмундирования, а если удастся, то и пулеметов.

Проведя тщательную разведку, отряд напал на спящих японцев. Шевчук и еще двое вскочили в казарму и началась рубка клинками. Залегшие вокруг партизаны открыли стрельбу по окнам казармы, это угрожало находившимся в казарме и Шевчук с товарищами выскочили наружу.

Разработанный план поджечь казарму не удался, самодельная зажигательная бомба дала осечку и не взорвалась. В завязавшей перестрелке японцы были почти все уничтожены. Из семидесяти человек, шестьдесят были убиты, но об этом узнали гораздо позже, когда отступили.

В этом бою отряд потерял трех убитыми и одного тяжело раненого.

Все эти участвовавшие вооруженные налеты партизан и разрушения на транспорте, значительно дезорганизовали калмыковские тылы.

Беснуясь от злости, Калмыков решил разделаться с Тунгусским отрядом и для его подавления послал по реке Большой, из отборных войск нарательный отряд.

Шестнадцатого декабря когда в маленьком доме И. П. Шевчуна было совещание с командиром Второго Тунгусского партизанского отряда Алексеем Кочневим, прибывшим с двумя партизанами к Шевчуку за озером, на Архангеловку неожиданно напали казаки.

Это передовой отряд казачьей экспедиции — сотня конных головорезов под командованием генерала Суходольского.

В домике на совещании находилось несколько партизан и Павел Петрович Постышев.

Увидя окружающих деревню казаков, Шевчук, Постышев и партизаны выскочили из домов, ~~и другие партизаны~~, а их в то время находилось в деревне до двадцати человек. Остальные человек пятьдесят находились в четырех верстах от деревни в специально построенных в тайге бараках.

От первых метких выстрелов партизан свалились с лошадей несколько казаков, остальные трусливо отступили.

Улучив момент, Шевчук вскачил на стоявшего рядом в сарае своего рысистого коня, и с обнаженным клинком прорвался сквозь строй растерявшихся казаков, умчался в тайгу и баракам. Погоня не дала никаких результатов. В бараках услышав стрельбу в деревне, все партизаны уже были в боевом состоянии.

Построившись в цепь, партизаны перебежками двинулись на Архангеловку, отрезая казакам путь для их отступления.

Стоявшему на колокольне рядом находившегося монастыря наблюдателю и увидевшему редкую Партизанскую цепь, с перепугу показалось, что деревню окружают тысячи красных и он с криком "нас окружают" помчался к генералу.

Растерявшийся генерал со всей своей сотней бросился на реку по дороге на Болочаску, но меткие пули партизан нагоняли их, и десятки казаков и их лошадей, остались лежать в деревне

и на реке неподвижными.

Пока генерал Суходольский в панике отступал за реку, теряя свое доблестное войско, партизаны узнали от захваченного в плен казака, что на некотором расстоянии от их передовой сотни, движется по реке восемьсот человек пехоты сильно вооруженной пулеметами, а из Волочаевки ожидается еще небольшой отряд конной разведки.

Шевчук и Постышев принимают правильное решение: если не приняв бой уйти в глубь тайги, значит все села по Тунгуске будут уничтожены, а их население расстреляно. Выход один, встретить многосотенную карательную экспедицию боем и стоять на смерть.

Как произошел этот страшный разгром большой экспедиции окончательно скомпрометированного и опозорившего Калмыкова и весь его звериний строй, рассказал нам брат Антонин когда отряд передвигался по-над Амуром в Воехне-Спасскую, а он по пути зашел к нам в Волочаевку. - "Дело было так: Когда наш наблюдатель стоявший на колокольне монастыря сообщил, что в двух-трех верстах от нас движется несметная колонна войск, мы уже все были в засаде над самым берегом занятым нами.

Я со Степаном Перминовым находился в центральной группе в которой растянувшись на расстояние находилось тридцать пять человек. Впереди и позади нас находилось еще по группе в одной пятнадцать в другой двадцать человек.

Был дан приказ, патронов не жалеть, без команды не отступать и начинать бой пока ^{крайняя наша группа} последняя наша граната не даст залп по голове колонны. Так и получилось. Как только голова колонны белогвардейцев подошла к крайней группе, то дали по врагу дружный залп. В ту же секунду последовал залп и других наших групп.

И начался не бой, а побоище. Расстреливали в упор, поэтому промахов не было. Дрогнули беляки и заметались по реке в зад и в перед усеивая ледяное поле трупами. С их стороны не последовало и выстрела, а их били и в хвост и в гриву.

Стались только те, которые успели перебежать на противоположный ^{на} берег реки.

Убитых мы не считали, но надо полагать, что добрая их половина была уничтожена.

В этом бою нам досталось много винтовок, патронов, одежды, продовольствия и один пулемет.

В числе трофеев были пленные и раненные. Всем раненым была оказана медицинская помощь, все были накормлены и с запиской Шевчука и Калмыкову были отпущены обратно в Хабаровск.

В записке кратко говорилось: "Больниц у нас нет, лечить раненных твоих орлов нигде, поэтому возвращаем их обратно. К нам посылай здоровых, встретим их достойно с почетом". Пленных предупредили: "Если пойдете обратно к Калмыкову и вторично попадете к нам, пощады не ждите".

Все это нам рассказал очевидец, участник разгрома карательной экспедиции, хотя из ^{данного} рассказа, мы многое уже сами знали, да и не только мы, об этом шумела вся Тунгусская волость.

В то время когда в Архангеловке происходил разгром передовой сотни генерала Суходольского, а потом и всей его карательной экспедиции, мы в Волочаевке своей подпольной группой в домике Пети Цветинского решали задачу, как провезти в Архангеловку привезенное товарищем Апачием и наше оружие. Решив сегодня же ночью провести эту операцию, спокойно разошлись по домам.

Через небольшое время мы дома услышали шум в соседнем дворе. Вскочив из дома мы увидели как несколько человек калмыковцев выволокли из дома и избивали Николая Слинька. Отца его рвавшегося из рук крепко держали другие калмыковцы.

- Быстро беги на сеновал и прячься в сено - шепнул Владимир - Одежду принесем позже.

Я быстро ретировался и поглубже зарылся в сено. Показываться дезертиру на глаза калмыковцам, - значит быть немедленно растрелянным. Это я знал точно.

Оказывается это была конная разведка следовавшая через Волочаевку в Архангеловку в помощь карательной экспедиции. О Николае они видимо, что-то знали и избивая брали его в проводники чтобы где-то дорогой расстрелять.

Для провоза в Архангеловку, в деревне мобилизовали несколько подвод в том числе и брата Владимира. В сани и Владимиру бросили избитого и связанного Николая, сажив на конвоира и тронули в путь.

Около самой Тунгуски встретили бежавшего генерала Суходольского и его "доблестную" армию.

Спешившись в леску недалеко от реки и о чем-то посоветовавшись расположились на "отдых", видимо в ожидании подхода основной экспедиции, чтобы при разгроме ей Архангеловки и партизанского отряда, ударить и оказать помощь отсюда.

Результаты мы уже знаем. Услыша дружные залпы и увидя в панике бежавших на эту сторону реки на смерть перепуганных и бросивших оружие сербов "дикой дивизии" наши воики вскочив на коней, бросив мобилизованные подводы галопом уже без проводников умчались в Волочаевку.

Воспользовавшись случаем Владимир подхватил брошенные два ящика макарон и две цинки патронов, ударил по лошади и с Николаем и трофеями умчался на дальнюю заимку к Алексеенко. Ночью сходил в Волочаевку узнать обстановку, а утром следующего дня отъезжал Николай в Дежневку к фельдшеру Иванову и только к вечеру вернулся домой.

Душа радовалась на бегство разгромленных войск, хотелось кричать и хохотать во все горло, но напряженное состояние всего населения Волочаевки не позволяло даже пискнуть. Все притихло, все затаилось, собаки и те попрятались. Знали, что это еще не все, этим кровавое дело не закончилось. Белотелиные интервенты рядом и расползаются все в том же железнодорожном полудоме в триста саженях от наших дворов и кровавый атаман недалеко, от Хабаровска до Волочаевки всего один час поездом. Не в силах победить и разгромить партизан, они за свой позорный разгром сумеют

сумел жестоко отомстить и мирному населению.

Уйти нам сейчас в партизанский отряд не представлялось возможным, он снялся и ушел из Архангеловки в тайгу в неизвестном направлении. Нужно было переждать и мы в тройке: Николай Слинко, я и Семан Кутиняк вынуждены были временно скрываться на дальних заимках. Мы знали, что за нами кто-либо из своих из отряда придет, об этом была заранее договоренность.

Чего люди предчувствием ждали, то и получилось. Дня через три после Архангеловской катастрофы, тихо среди ночи выгрузились из вагонов на станции батальон японцев с артиллерией и около тысячи калмыковцев и еще тысяча прямо со станции, ~~по дороге на Архангеловку~~, минуя Волочаевку, скорым маршем двинулись по дороге на Архангеловку. Перед утром перебравшись через реку, с ору-
дийным боем заняли пустое село.

От злобы особо мстила "дикая дивизия" Калмыкова, все дома партизан были сожжены, скот угнан, имущество разгромлено. Оставшихся стариков и мужиков, не пожелавших уйти с отрядом страшными пытками казнили: некоторым выкололи глаза, некоторым вспороли животы и натолкали в них мерзлую рыбу, одному отпили пилкой по колену ноги. После пыток заперли их всех в доме пулеметчика отряда Сергея Демина, обложили его сеном и сожгли. Изнасилованных женщин погнали с детьми пешком в Волочаевку.

Предатели кулаки выдали продовольственные партизанские базы и все скопленные с таким трудом и риском запасы карателями были разграблены и увезены.

Отступая из Архангеловки партизанский отряд по пути заскочил в Николаевку и конфисковал на лесопильном заводе продовольственные склады, переходя железную дорогу сжег несколько мостов и разрушил телеграфную линию.

Во время перехода из районов реки Тунгуски в пограничные районы Амура, в отряд влились из проходивших деревень сотни новых бойцов в большинстве без оружия. Хотя в отряде после Архангеловского разгрома оружия было много, но с таким массовым наплывом новых истителей, его все равно не хватало. С продуктами питания было еще хуже.

Это тяжелое обстоятельство и заставило И.П. ... счастья за границей, у соседей китайцев и он одделал вез...
нику китайского округа в город Иргу.

В это самое время Антонин из Нижне-Спасской и зашел в Волочаевку за нами.

Дав денек отдохнуть, мы в четверых: Николай, Семен, Антонин и я, забрав в почтовом отделении револьвер /козью ножку/ и клинок, распрощались с Волочаевкой и ушли по старой тропинке /Арестанской колесухе/ в догонку отряда. Между полустанками Поперечной и Луговой встретили почтальона нашего Волочаевского кителя Рожкова возившего почту, отобрали у него кавалерийскую винтовку а всю везшую им почту адресованную в Хабаровск сложили вместе с мешками. Ему строго приказали, чтобы в Волочаевке распространял слух, что встретил партизанскую конную разведку человек сорок, которая и отобрала винтовку и сложила всю почту.

С головной частью отряда мы встретились уже в Верхне-Спасской. В тот же день прибыл из китайского города Ирга и Иван Павлович Павчук со своими сопровождающими, а их было человек десять. Рассказа было много, но больше Павчука рассказывали со всеми подробностями бывшие с ним хлопцы. Все они были, начиная от командира в хорошем настроении. Оказывается начальник китайского Иргинского округа встретил и принял их очень любезно. Даже устроил для них великолепный банкет. На банкете присутствовали знатные купцы и доверенные начальника большие чиновники.

Столы ломились от избытка разных закусок деликатесов и вин.

Начальник от избытка любезности провозгласил тосты за дружбу русского и китайского народов, за добрососедство наших стран, за русскую народно-революционную, Дальневосточную армию и за одного из ее командиров господина Павчука. Пожелал быстрой ему победы.

Один из наших парламентаров хорошо знал Китайский язык и сразу его переводил на русский.

С ответной речью выступил Иван Павлович: Поблагодарив начальника округа, его купцов и чиновников за любезный прием и угощения, он заверил их о большой дружбе Советского народа и китайскому народу. Если раньше царское самодержавное правительство издевалось над Китаем и его народом, то теперь народно-революционное Советское правительство протягивает руку дружбы, братства и уважения всему народу Китая.

Затем попросил начальника предупредить все население его округа, что в случае вынужденного перехода наших воинских частей через границу на их территорию, пусть они не беспокоятся, никаких нарушений Ваших законов и порядков не будет — и никаких бесчинств со стороны наших бойцов не последует. Да и сам переход на Вашу сторону, может произойти как крайность.

Еще один вопрос уважаемый господин начальник, у нас сейчас идет большая кровавая борьба с интервентами японцами и нашими бандитами белогвардейцами, при чем война партизанская, поэтому мы постоянно в переходах, в движении. Но как и у каждой армии у нас тоже есть больные, раненные и обмороженные. Лечить их в походе и на морозе не только трудно, но по существу не возможно. Поэтому обращаясь к Вам с большой просьбой разрешите на вашей территории создать нам небольшой госпиталь. Врач у нас товарищ Иванов, который присутствует здесь, большой специалист, с ним будет еще один фельдшер и одна сестра. Все они по-существу не военные, а гражданские лица. Есть у нас немного и своих медикаментов, да и больных требуемых госпитализации, не больше десяти человек. Уважаемых Ваших купцов, просим продать нам пудов сто муки и хотя бы пудов пятьдесят крупы.

Хочу еще заверить Вас господин начальник округа, что наша победа не за горами, а очень и очень близка. Тогда мы отблагодарим Вас за все.

Начальник округа так расчувствовался, так был любезен, что тут же заявил, что в знак уважения и дружбы он дарит взамен сто пятьдесят пудов муки и около ста пудов чумизы. Чиновникам своим приказал в стороне, за городом подыскать подходящую фанзу под госпиталь.

Все это по приезду из-за границы рассказывал сам Иван Павлович, но его рассказы были деловыми и сопровождались с единой целью помощи отряду. А вот сопровождавшая его братва рассказывала вроде то же самое, но в их рассказах больше упоминался банкет и то как они там от пуза нахрались, но вот выпить почти не пришлось хотя все столы были обставлены водкой, коньяками и разными винами которых хватило бы на целую роту добрых собутыльников.

Иван Павлович сразу из во всеуслышание объявил, что все мы непьющие /и как только у него язык повернулся/ и он якобы отобрал для визита в гостеприимный Китай самых трезвых парламентариев. Понятно, ради приличия, уважения и благодарности, разрешив хотя и в ущерб своему здоровью по одному бокалу выпить. А вот нашему лучшему и всеми уважаемому воину товарищу Семихатову нельзя и этого, у него старый, хронический катар желудка и каждая капля спиртного смертельно опасна. Тот от злости весь позеленел, и мы все в недоумении, ведь этому борцу старому спиртопосу-контрбандисту для одного ведра мало, но Иван Павлович легонько стукнул кулаком по столу и нам стало все понятно.

Все это была правда, но рассказывала ее братва в шутках прибаутках.

Нас прибывших из Волочаевки встретил Иван Павлович как и полагается встречать старых знакомых и соседей по селам, по дружески и с уважением. Расспросив и выслушав наши последние новости, в особенности о находившихся в Волочаевке японцах, их численности, расположении и патрулировании, он вызвал командира взвода Ивана Никитича Романенко и распорядился всех нас четырех зачислить в свой взвод и выдать оружие.

У Антонина винтовка была с которой он пришел в отряд, мне досталась кавалерийская, которую мы по пути в отряд отобрали у почтальона Рожкова, а Николаю Слинько и Семену Кучмихаку, Романенко выдал по винтовке и по шести обойм патронов.

С этого времени мы остались бойцами в партизанском отряде.

В отряде уже была не одна сотня бойцов, а люди все прибывали и прибывали. Поднялась вся Тунгусская волость. Сназались агитация и призывы погибшего председателя волости Александра Проценко, написанный Павлом Постышевым, Иваном Шевчуком и А. Проценко протест против мобилизации Колчака и убедительный разгром "Дикой дивизии" под Архангеловкой.

Нестало хватать оружия, нужно было предпринимать какие-то меры. Китайцы могли устроить банкет, подарить муку и чумизу, но об оружии у них не могло быть и речи. Оружие нам нужно было достать у неприятеля в бою или другим способом, но только силой.

Командование отряда решает напасть и разоружить большую казачью станицу Казакевичево. Это была богатая реакционная станция Уссурийских казаков, вооруженных с ног до головы и верноподданных преданных бандиту Калмыкову. Все ее жители подлежащие военной службе находились в Хабаровске у Калмыкова и в своих карательных экспедициях жестоко расправлялись с невинным народом.

Атаман Казакевичев Перотятко был крупным мажором Хабаровска, а его два сына офицера находились верными и жестокими палачами у Калмыкова.

Окружив среди ночи все входы и выходы станицы, Шевчук и партизаны сразу заняли дом правления в котором оказалось много оружия и больше двадцати тысяч боевых патронов. Сразу же был вызван в правление атаман.

Это была ночь с 24 на 25 декабря 1919 года по старому стилю. Религиозные станичники встречали рождество Христово и в каждой избе было нахарано, напечено и напарено на все три дня беспросветного пьянства и гулянья. А в это время их сынки /тоже религиозные/ мучили и ломали кости в Хабаровском "вагоне смерти" и выводили свои полуживые жертвы на расстрел в овраги.

Атаман по вызову явился немедленно и узнал, что вся станция оцеплена партизанами, а перед ним командир Тунгусского партизанского отряда Иван Шевчук, остолбенел и с перепугу сразу не мог вымолвить и слова, но когда до него дошло, что от него требуют немедленно собрать всех станичников на сходку, рванул:

- Слушаюсь господин-товарищ красный командир, и вылетел пулей наружу.

Через 15-20 минут начали боязливо сходитья во двор правления козани. Когда все собралось в оцепленном партизанами дворе, вышедший из правления Иван Павлович обращаясь к ним сказал: " Вот что станичники. Я командир Тунгусского партизанского отряда и вам видимо уже известно как мы своим отрядом любезно встретили в районе Архангеловке генерала Сухобальского пожаловавшего с вашими сыновьями к нам в гости. Проводили мы его еще с большим почетом и попросили некоторых из ваших сыновей остаться у нас похлебать Тунгусской водички. Тогда же, чуть позже разгромили и оставили навсегда на льду реки добрую половину "Дичей дивизии" вздумавшей к нам прогуляться.

Сейчас я со своим тысячным отрядом /нас в действительности было двести пятьдесят человек/ привел к вам на рождество Христова встречать, а пополнить за счет вас свой отряд, поэтому приказываю - через тридцать минут снасти сюда во двор все находящееся у вас в станице огнестрельное и холодное оружие. Дополнительно привезите сюда для наших кавалеристов двадцать пять лучших молодых оседланных коней. Своим хозяевам прикажите накрыть столы своими рождественскими приготовлениями, примерно человек на десять в каждом дворе, мы после приема оружия зайдем поужинаем.

С вашего атамана Перетятко за все его, и его сыновей злодеяния причиненные ими народу требую контрибуции наличными в один миллион рублей для помощи разоренным ими селам и ограбленному ими населению. Все вы остальные станичники за злодеяния ваших сыновей, приготовьте три миллиона рублей, за ними мы заведем чуть позже.

Если все, что я сейчас приказал через полчаса не будет сделано, от вашей станицы останется одно пепелище.

Не пытайтесь куда-либо сообщить о нашем присутствии, все входы и выходы вашей станицы закрыты, а телефонные провода обрезаны.

- Выполняйте.

Вмиг станичники очистили двор, а через полчаса трусливо начали сносить и складывать во дворе винтовки, охотничьи берданки, клинки и патроны. Видимо, чтобы задобрить, атаман и станичники сами догадались привезти во двор правления сто пятьдесят пудов хорошей белой муки.

Когда приемка была закончена, прибежавший атаман упал на колени и взмолился:

- Прости меня господин-шошарин красный командир. Сейчас наличных у меня нет и сотня. Повремени пока, я съезду к сыновьям соберу, и полностью привезу тебе деньги сам.

- Хорошо. Тогда мы сделаем так, тебя атаман мы возьмем заложником, а привезут сыновья деньги - отпустим.

Вся эта операция без единого выстрела дала нам кроме указанного оружия, муки и оседланных коней, еще тридцать тысяч патронов и двадцать тысяч наличными деньгами взятых с разными документами в таможенном управлении.

С приходом отряда из Казакевичево в Верхне-Спасскую, наш отряд вырос численностью уже за четыреста человек. Сформировалась и китайская рота. Следует сказать, что китайцы были к нам преданными друзьями, хорошими товарищами, дисциплинированными и отличными бойцами.

В это время посланные в Архангеловку наши разведчики задержали в деревне Улика и привели в Верхне-Спасскую кулаков предателей: Коростилева, Бондаренко и Бухарева указавших и лично водивших проводниками Калмыковцев на наши таежные продовольственные базы.

Шевчук после короткого допроса, дал распоряжение немедленно их расстрелять.

Этому единоличному решению командира отряда снова запротестовали т.т. Постышев, Вележав и некоторые партизаны.

Сергей Георгиевич Вележав бывший офицер царской армии, коммунист и крупный партийный работник пришел в отряд еще в Архангеловке и числился помощником комиссара отряда товарища Постышева и начальником штаба отряда.

Дискуссия о единовластном суде и расстреле между Постышевым и Шевчуком началась еще в Архангеловке, когда Шевчук приказал расстрелять шпионов, мужчину и женщину менявших нитки на продукты.

После расстрела этих шпионов в разговоре один на один, Постышев сказал:

- На ладно у нас получится Иван Павлович. Судить и расстреливать может только Советская власть, за которую истати мы сейчас и боремся.

- Но Советской власти у нас пока нет, а преступников нельзя оставлять не наказанными.

- Если нет, нужно создать. На общем собрании партизан нужно избрать Ревком, он и будет в отряде представлять Советскую власть.

- Значит в отряде будет хозяином ревком, что не будет делать тогда командир?

- Командир будет командовать отрядом. Потом и командир отряда может быть избран председателем ревкома.

Шевчук был мрачен и молчал. У него твердые были убеждения: Отряд - это я. И если я хорошо команду и меня в отряде любят, уважают, значит я являюсь хозяином отряда и никакие ревкомы не требуются.

- Пойми Иван Павлович - продолжал Постышев - тебе не будет легче, и население будет знать, что предателей, врагов, изменников расстреливает не Шевчук, а искореняет их Советская власть.

- Подумаю, вопрос новый и серьезный.

Такие дискуссии вал Постышев с Шевчуком не часто, но настойчиво и упорно.

В скорости среди партизан прошел слух: Шевчука снимают, и отрядом будет командовать не командир, а какой-то ревком.

Такой оборот обстоятельств мог отрицательно отразиться на ход событий и разлагать воздействие на дисциплину в отряде, поэтому Постышев при встрече с Вележским сказал:

- Выборы ревкома придется Сергей Георгиевич на некоторое время отложить и вообще снять этот вопрос пока с обсуждения.

С настроением командира и партизан нужно считаться. Большая еще воспитательная работа предстоит нам с Вами. Нужно изыскивать и готовить актив. Без него мы бессильны. А равком все же будет создан, если не сейчас то позже.

После очередного расстрела в Самаро-Орловке явного предателя и доносчика Калмыкову старика Орла, выдавшего своего деревенского партизана калмыковцам, которого замучили в вагоне смерти, Шевчуку вторично напомнили и объяснили, что если бы Орла судил ревтрибунал, назначенный равкомом и судил показательно в присутствии всего населения Самаро-Орловки, было бы много убедительней и народ бы чувствовал, что Советская власть еще существует. Но Иван Павлович снова отмахнулся.

Теперь в Верхне-Спасской уже многие из партизан были сторонниками выбора равкома. Видимо подбор и воспитание актива из партизан у Павла Петровича и Сергея Георгиевича увенчались успехом. А дело обстояло так:

Когда Иван Павлович как командир отряда дал распоряжения предателей Бухарова, Коростылева и Бондаренко расстрелять, Постышев предложил перед расстрелом провести следующие мероприятия и объясняя их сказал:

- У нас Иван Павлович в отряде люди почти все новые и четыре пятых не знают ничего о наших тайных базах, не знают с каким трудом и риском они создавались и в какое в дальнейшем бедственное, а возможно и окончательно голодное положение они своим предательством поставили нас теперь уже многосотенный отряд.

Для этого предлагаю построить во фронт весь личный состав отряда, перед ним поставим этих троих предателей. Можно пригласить и население деревни. Ты Иван Павлович как командир отряда и как создатель этих баз, выступишь и подробно все это объяснишь партизанам. Потом слово выступить как комиссару и участнику создания партизанских баз, предоставишь мне.

- Вижу Павел Петрович куда клонешь, но что поделаешь - согласен.

В выстроенном вдоль улицы среди деревни отряде наш батальон командира Калыбина находился в центре строя. Мы: Николай, Семен, Антонин и я стояли в строю рядом. Почти против нас стояли связанные преступники, а позади их гарцевал на коне конвоиром татарин /не помню его фамилию/. Он всегда сам направлялся палачом для выполнения расстрелов.

Иван Павлович верхом на лошади тихо проезжая вдоль строя громкогласно объяснял партизанам с каким трудом достались эти базы, как конфискованные у крупного лесопромышленника Сидальского у его компаньена Холкина овес, мука и другие продукты находившиеся на складах в деревне Улике были перевезены на конфискованном катере и дальше на лодках в глубинки тайги, в построение там нами базы. Людей тогда было всего десятка два и каждому довелось сотни пудов перенести этого груза. Я лично сам на своих плечах не одну сотню пудов пудов овса и муки перевозил по тазким тропам. Но я грузчик, мне вроде это по привычке, а возьмите нашего Мишу Хоха. Молодой парнишка, а сколько он вынес этих тинестей. Вышлю же по-сушеству мальчишки: Сеня Дроздов, Толя Цроценко, Мила Зинковский, Костя Глаголев и другие, сколько они перенесли неважно в организации нашего отряда, и вот эти изверги, предатели и враги народа, после нашего разгрома экспедиции генерала Суходольского под Архангеловской, и ухода нас с района Тунгуски, — предали нас, показали наши базы калмыковцам и сами были их проводниками. Базы были разгромлены, грузы расхищены и вывезены. Спрашивается, чего достойны эти "выродки" нет меры наказания этим подлоцам. — Мало расстрела. Я их вздерну на сухую ветку. Это будет куда краше. Красуясь на коне произнес татарин.

— А ты кто такой? Что за судья, чтобы выносить такой приговор? Громко выкрикнул Николай Слинко.

— Татарин важно, шаком подъехал к нам, нагнулся и Николаю в пол голоса произнес:

— Без соп.... обойдемся.

— Ах ты гад! Весь затрясся, закричал Николай, и выскочил из строя ^{целился} затвором винтовки. В тот же миг стоявший рядом комбат батальона тов. Калыбин, схватил его за руки и предотвратил выстрел.

Где-то еще в строю зашелкали затворы.

Неожиданный такого поворота, трусливый татарин прилег к седлу, мигом пролетел по над строем и скрылся за деревней.

На мгновение нарушился строй партизан, во многих местах задвигались, зашумели, но громкий окрик командира: - Смирно. Быстро восстановил всему строю порядок.

Чуть не галопом подскочил к нам Иван Павлович Шевчук и обращаясь к Калыбину приказал:

- Товарищ комбат, отберите у нарушителя оружие.

Николай еще с трясущимися губами хотел что-то ответить, но незаметно сунул кулаком ему под бок и он молча передал комбату винтовку. Подбежавший командир взвода Романенко, приняв винтовку из рук комбата, также незаметно сунул кулак под нос Николаю и ушел в строй на свое место.

Между прочим, мы своего взводного Ивана Пикитича Романенко любили все искренне и душевно. Это был человек "душа". Простой, искренний, благородный. В любую минуту готов поделиться с любим и каждым всем тем, чем он мог обладать. Распорядительный и заботливый. Пока все бойцы его взвода хотя и впроголодь, равномерно не будут удовлетворены всем тем, что мы имеем сегодня из питания и пока все бойцы в момент затишья не будут устроены на отдых, он не успокоится. В бою стратегически рассудительный и смелый командир.

Наведя порядок в строю Иван Павлович, предоставил слово комиссару отряда Постышеву. Стоя во весь рост на выкатанной из соседнего двора телеге, Павел Петрович громко произнес:

- Товарищи бойцы нашего партизанского ~~отряда~~ ^{этого революционного отряда!}

За настоящий конфликт произошедший несколько минут назад, полностью ответственен и если говорить прямо, виновен с начала до конца я, как комиссар и не в меньшей мере виновно все командование нашего отряда, но только понятно не вы.

Конечно не следовало доходить до крайностей и шелкать затворами, но уж так получилось.

Этого неприятного инцидента могло и не быть, если бы в нашем отряде своевременно был избран ревком и утвержден ревтрибунал который бы от имени ревкома, а это значит от имени Советской власти и судил бы этих потерявших человеческий облик преступников. Без ревкома и ревтрибунала все эти заботы и ложились на плечи одного командира отряда Ивана Павловича.

Лично я этих врагов народа, предателей и изменников не запишаю, они подлежат высшей мере наказания — расстрелу, но их должен судить ревтрибунал и обязательно судить показательно, чтобы все население видело и знало как органы Советской власти борются за права народа и искореняют своих врагов.

Вы сейчас слышали от командира отряда с каким трудом и для каких целей создавались эти базы. Я также как и командир принимал участие в создании этих баз и знаю чего это стоит, а эти изверги предатели, выдали и обрели целый отряд и людей и лошадей на будущее недосядание, на голодный паек.

Командир отряда за их злодеяние дал распоряжение их расстрелять, я тоже голосом за расстрел, но чтобы это узаконить до избрания ревкома и ревтрибунала, прошу вас проголосовать всех. Слушай мою команду: — Кто этим злодеям за высшую меру наказания, — прошу шаг вперед.

Хотя и не четко, но весь строй шагнул вперед.

— Ну вот теперь всем отрядом мы осудили и вынесли смертельный приговор этим злодеям. И это уже законно.

Но чтобы в дальнейшем для подобных случаев не ставить весь отряд в строй, я предлагаю из каждой роты избрать по пять лучших представителей делегатов, они на своем форуме выберут ревком и утвердят ревтрибунал. Это и будет наша законная Советская власть. На все это дал согласие наш командир отряда Иван Павлович Шевчук.

Поручать расстрел одному и тому же человеку нельзя, при Советской власти палачей быть не должно. Ревтрибунал после вынесения приговора будет поручать одному из командиров взвода,

которые своими людьми и будут приводить суд в исполнение.

Депутатов излательно избрать сегодня, примерно по пять человек от роты, чтобы завтра на их форуме избрать нашу законнодетальную власть — равком отряда.

Равком был избран точно не помню, кажется из девяти человек, в него вошли: командир отряда тов. Шевчук, комиссар отряда т. Постышев, начальник штаба тов. Волынов и другие. Тогда же был избран и ревтрибунал. Его председателем избрали Николая Слинью, а членом ревтрибунала избрали и меня, здесь видимо Николай проявил инициативу, хотя обо мне был хорошего отношения, и Шевчук и Калинин, и наш взводный Романенко.

Между прочим, мы с Николаем всю партизанскую жизнь были неразлучны, и в строю, и в бою, и в разведке, и в других заданиях, мы всегда и везде были вместе. Даже на отдыхе, в крестьянской избе мы находили местечко, чтобы прикурнуть и уснуть рядышком. Спать нам приходилось везде и на жарких печках и под печками в соседстве и в обнимку с телятами, супоросными свиньями и поросятами. Не только в тайге, но и в селах приходилось спать при сорокаградусном морозе без костра в холодном сарае или просто на сеновале зарывшись в сено. И все шло лучшим образом, ни жалоб, ни претензий. Правда, не только с Николаем двое, а мы все четверо прибывшие из Волочаевского подполья, были всегда неразлучны.

В это самое время наши разведчики привели в рядом и ходившую небольшую казачью / Амурское казачество / станицу Забелово целый батальон человек около четырехсот колчаковских солдат перешедших к нам в партизанский отряд.

А получилось это следующим образом:

Захватив, сжег и разгромив оставшихся стариков и не ушедших в отряд некоторых трусов мужиков, разгромив и расхитив видянные предателями наши продовольственные базы, Калинин на этом не успокоился, а вслад за этим снарядил новую экспедицию предать огню и мечу все села и все живое по реке Тунгусска.

Боязь очередного разгрома, без участия и помощи японцев на этот раз своих хвастливых в городе, но трусливых в тайге казаков, он не послал, а снарядил экспедицию в основном из бывших пленных красноармейцев и мобилизованных солдат.

Из них многие не нравились белогвардейский строй и кровавые порядки Калмыкова, и всем своим существом сочувствовали красным. Много из них знали то, что партизаны перешедших и пленных не расстреливают, а желающих вести борьбу против белых, оставляют у себя, не желающих отпускают возвращаясь, но только не обратно к белым. Между прочим об этом знали не только калмыковцы, а и вся белогвардейская рать.

Командовал батальоном лютый враг красных капитан Пляскин, при нем было еще человек пять молодых офицеров. Вооружен он был винтовками, пулеметом и трехдюймовой японской горюшкой.

Дойдя поздно вечером в глубь Тунгуски до большой по тем временам деревни Восторговки, батальон убавившись, что поблизости нет партизан, расположился на ночлег, в надежде, расправиться с ней и с населением поутру. Но заговор и план восстания был разработан заранее и группа заговорщиков во главе унтер-офицера Раскина не дремала, а расставила во всех дворах и улицах своих людей, и в полночь подняла восстание.

Большого шума и стрельбы не было, двух офицеров пристрелили, а капитана Пляскина в нижнем белье выволокли на реку и спустили в прорубь.

Все же получилась досадная неприятность, благодаря недостаточной конспиративности и бдительности, двум офицерам и примерно десятку солдат удалось бежать.

Молодой прапорщик, командир орудийного расчета остался и был все время в отряде пока находилось у него орудие.

Наведя спокойствие и порядок в батальоне, главарь восстания попросили старосту деревни пораньше утром созвать сельский сход на который пригласить всех мужчин и женщин. Сход собрался более смелее так как уже знали о ночном восстании.

На собравшейся сходке главарь восстания товарищ Юонин обращаясь к населению сказал: — Граждане деревни Восторговки! Наша экспедиция посланная бандитом и кровопийцем атаманом Калмыковым предать огню и мечу все села по реке Тунгуске и уничтожить всех их жителей. Нам бывший командир батальона капитан Пласки, которого прошлой ночью мы спустили живьем в прорубь реки, намеревался сегодня утром сделать погром и сжечь всю вашу деревню, а вас большинство расстрелять и спустить в прорубь. Мы постарались его опередить и самого заставили клебать веничку.

Все мы племине бывшие красноармейцы, но когда им стало туго они мобилизовали к себе и нас. Мы желаем бороться вместе с партизанами против врагов народа белогвардейцев, поэтому просим вас указать место нахождения отряда Шевчука и дайте нам своего проводника провести нас к его отряду".

Тут и повернулись наши разведчики, которые и привели восставший батальон в Забелово. После переговоров в с вновь прибывшими, перегруппировки их бойцов с нашими, создания — пехоты, кавалерии, артиллерийского и пулеметного взводов и других подразделений, наш отряд уже стал большим, грозным, боевым соединением насчитавшим около 300 человек.

Зная, что на большой деповской станции Ин находится большое соединение японских войск, наше командование приняло решение произвести второй разлет всем отрядом на станцию Ин.

Для этого мы всем отрядом перешли в большую казачью станцию Дугсову.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Второй набег на японцев на ст. И. Н.

31 декабря, канун 1919 года. Мороз больше 40 градусов. Мы готовы к выступлению. Чтобы пред рассветом быть на Ине, нужно выйти из Луговой примерно в полдень, ведь по чуть заметно зимней дороге до Ины ни кем не меряных верст пять верст.

Одеяния на нас не по морозу, но мы молоды, энергичны, а главное манит убить японца и сразу тепло одеться ~~про/~~пройм. Не меньше манит и предвкушение завтра утром 1-го января, после боя и занятия Ины в теплой избе встретить новый год. Ведь нас там не ждут и в каждом доме приготовлено съестного по новогодиному.

Уморительным и холодным был наш поход, но вот перед рассветом засверкали огни Ины. Это придало бодрости и силы. Были посланы две группы, — одна в сторону Волочевки, другая в сторону Тихонькой разобрать железнодорожный путь, сжечь несколько мостов и прервать телеграфное сообщение.

Группы со стороны Тихонькой справились полностью по заданию и уложились по времени, а со стороны Волочевки замешкались, зевая в какую то даль и до открытия боя ничего не успевая сделать. Японцы успели сообщить и в Волочевку и в Хабаровск о нашем нашествии.

Наш батальон Калыбина был в центре наступления и находился против сильно укрепленной окопами и колючей проволокой японской казармы.

Впереди нас на пути стояли вагоны, но не успели мы к ним подойти и занять выгодную позицию, как со стороны депо послышались частые выстрелы. Это батальон Волкова-Пушкина не дождав условленного сигнала напал на японскую охрану в депо, а после и на охрану станции.

Услышав стрельбу в депо, японцы начали высканывать из казармы в окопы. При перебежке, они были для нас хорошей мишенью и мы их немало уложили под казармой, но в окопах они были

уже не достигаемы. В свою очередь они из окопов начали нас поливать из нескольких пулеметов. Наш пулемет работал тоже безостановочно, но стоявшие впереди вагоны мешали и давали возможность бить только по окнам казармы не задев оконных.

Но вот раздался громовой раскат нашего орудия, первый снаряд перелет, второй насквозь пронзил казарму. Третий — пятый — десятый прямо в окна.

В казарме дугурзварающие крики и стоны. Дело, станция и весь поселок Ина уже заняты партизанами, а их японская охрана вся перебита. Кое кто в теплой избе уже успел насних приобщиться и к новому 1920 году.

По заранее принятому уговору занявшие дело, разогрели на все пары паровоз и разогнав его пустили в сторону Волочаевки-Хабаровска, где находились японские и калмыковские бронепоезда, но железнодорожники на дело ветки или в тупик, туда была переведена и стрелка. С разбега паровоз разбил тупиковую преграду и свалился с насыпи тут же на Ина.

Орудийных снарядов по японской казарме было выпущено уже десятка две, и вся она была изрешечена, но не загорелась. Как впоследствии выяснилось, вся она была внутри обита асбестом и обложена мешками с песком. Живых в ней уже не оставалось японцев ни единого человека, но находящиеся человек десять — двенадцать в окопах продолжали поливать нас икзальным пулеметным огнем не давая поднять из снега голову.

Видя безвыходное положение Иван Павлович поднялся во весь рост и крикнул:

— Вперед! За мной в атаку! Ура! и побежал к вагонам.

Мы с криком Ура-а-а, все вскопали и побежали за командиром к окопам.

Вдруг Везчук повзвизнул и упал.

— Командир убит! Как гром раздалось по цепи.

Это нас всех ошеломило, но мы все без остановки продолжали бежать к окопам зная, что командира подберут и унесут в безопасное место.

Второй не менее ошеломляющий крик:

— Бронепоезд со стороны Волочаевки!

Вмиг все остановилось как запаренные, потом пралет к снегу пополами назад.

Еще далеко, но уже хорошо были видны клубы перевозного дыма, а когда раздался далекий орудийный залп бронепоезда, мы подхватили командира и других раненых спешно отступали не доведя дела до конца.

В этом бою мы потеряли девять человек убитыми и больше десяти ранеными. Трофеи были незначительными, всего десятка три или четыре винтовок и несколько гранат. А могли иметь три или четыре пулемета, сотни винтовок, тысячи к ним патронов, теплого обмундирования человек на двести и японских продуктов питания на многие дни. Правда, человек пятьдесят одолись за счет убитых в день и станицы японцев, но ждали мы большего.

Конечно, против уничтоженной сотни японских солдат наши потери незначительны, но нам до глубины души было жаль каждого нашего товарища. Тем более было обидно, что кто-то, какие-то косоглазые и желтолицые пришельцы, явились не званые к нам и не же в наших домах убивают.

Исключительно тяжелым был наш обратный путь в Луговую. Выйдя полуголодными вчера из Луговой и пройдя 45 верст по целинному снегу при 40-45 градусном морозе в надежде отогреться и что-то встретить новый год на Ине, не увенчались большинству из нас успехом, и теперь голодные, холодные, не надевшие даже таежного костра двое суток мы брели по снегу еле передвигая ноги. Страшно мучил мороз, голод, усталость и сон. Под конец уже многие не могли идти и валялись в снег. Тогда организовали поезда санный обоз, который подбавал полусамерзших бойцов.

Остальные еще двигающиеся, чтобы не упасть брались человеком по десять плотнее друг друга под рука, группой или, засыпав, но поддерживаемые друг друга санные не падали и в группе чуть согревались.

Здесь уже задымистого ухарства и поесс не было. Очень выручала и поддерживала наши силы высленная настрочу из Луговой подвода с боченком соленой кеты и мешком сырой смерзшейся чумизы, разрывая кету и разбивая куски чумизы, мы с аппетитом их проглатывали запивая наши блюда снегом.

Подбодрившись и поддержав силы, мы перкуреными вошли

в Луговую. Там нас уже ждало хотя и редкое, но основное наше партизанское питание, — мясные галушки и глубокий в тепле сон.

Командара и других тяжело раненых и обмороженных увезли в наш госпиталь, находившийся за городом Иргой в Китае.

Рана у Ивана Павловича была не тяжелой, прострелена нога выше колена, но кость не задета. Но как бы там ни было, с командаром на несколько дней выбыл из строя.

В связи с тем, что заместитель командара отряда по боевой части Федор Шептик был командирован узнать, что осталось от Архангеловки и где находится её население и их личные семьи, командование отрядом после ранения Шепчука перешло к передислокации к нам главари восставшего батальона унтер-офицеру Ряскаму.

Установка командования и приказ Шепчука ясно говорили: — после суточного отдыха в Луговой всем отрядом двигаться дальше в глубь Амурской области в большую, богатую казачью станицу Петровскую и, в случае возможной новой японской экспедиции, не вступать с ними в бой.

Морозы стояли лютые. Ряскаин боясь дальше морозить людей, не выполнил данного приказа и бесечно продолжал отдыхать в Луговой не предприняв никаких предосторожностей, не обеспечив надлежащей охраны.

Взбешенные вторым налетом на Инский гарнизон, японцы срочно двинули из Хабаровска две сильные экспедиции в общей численности до тысячи человек, одну из них со станицей ИИ по проторенной нами дороге на Луговую, вторую из Волочаевки через Верхне-Спасскую мобилизовав для этого все подводы у населения и двигались быстро.

Когда Ряскаину доложили, что приближаются японцы, он еще мог поднять отряд, привести его в боевую готовность, устроить засады и встретить японцев по боевому, по партизански. Или подчинившись приказу не приняв боя своевременно отойти в Петровскую, но он боясь морозить бойцов всё выжидал, пока по Луговой внезапно, хотя тоже с опаской не ударили с двух сторон японцы.

Принятый на слух неорганизованный бой, так как японцы по вине Ряскаина захватили нас полурасдетыми, потеряв больше пятнадцати человек убитыми, отряд в беспорядке отступал: Два батальона, кавалерия, артиллерийский завод и хозяйственная часть в Петровскую, а наш казачий батальон через границу на китайско-

кую территорию.

Если бы японцы сами не трусили, а смело полезли на нас, они бесспорно могли бы нас пореволюционизировать, но потеряв своих людей ^{а так же} они имели какой-то урон.

Из нашего взвода был убит уважаемый всеми старик Предаников. Он из золотозубых рабочих по ремонту шоссе-ных дорог (арестантской колесушки). Это был следопыт и мастер "на все руки". Всегда первым в тайге умело разведет костер, со снега вскипятит ведро чая, заварит его какой то корой или травкой. Одному починит лопнувший обуток, другому не снимая заштопает разошедшиеся штаны, третьему что-то смастерит и вечно он в деле. В теплой, но тесной крестьянской избе не успокоится пока не уложит последнего партизана, потом уже сам за наименьшим свободным местом, сидя ^{2-ое} _у либо прикурнет у порога.

За эту его заботу, все искренне его любили, а теперь нет этого прекрасного, душевного человека и весь взвод лишился заботливой "няньки".

Заняв позицию у обрывистого берега Амура и постреляв у невидимых японцев, мы помня решение командования не вступать в бой с японцами, всем батальоном спустились на торосистый лед реки и благополучно перешли чуть ли не трехверстную ее ширину в Китай, потеряв из нашего батальона одного Преданикова.

Как и где разместились весь наш батальон сейчас я уже не помню, но наш взвод разместился в двух небольших, почти рядом стоявших гольдяцких фанзах. Оказивается, гольды рыбаки и охотники жили по Амуру и в Китае.

Эти фанзы находились примерно в десяти верстах выше города Ирты, в котором находился с десятью кавалеристами раненый наш командир отряда И.П. Шелчук. При нем находился лечащий его наш врач Иванов.

Проникнув, что Шелчук с малой охраной раненый находится в Ирты, а отступивший за границу батальон разбросан по фанзам на большом расстоянии и в таком виде большой угрозы не представлял, японцы до трехсот человек сделали попытку вернуться в Ирты и захватить живого или мертвого страшного для них врага - партизанского командира.

Узнав намерения японцев начальник Ирганского Округа быстро привел в боевую готовность весь свой военный гарнизон и занял позиции по берегу Амура. Японцы не рискнули перейти границу и отступили уйдя обратно на ИИ в Хабаровск, оставив часть своих войск в Верхне-Спасской.

Трое суток в гольдяцких фензах мы с болезнями переживали настоящий голод. Продуктов у нас было никаких, ни одного фунта. Обоев отrade со скудными продуктами отступили с другими батальонами в Петровское. Это большая и богатая станица, они там хотя и не едят, но не страдают и не болеют так, как здесь мы. Мы же выходя из Лугавой оле успела захватить оружие.

У голдей никакого запаса продуктов небыло, кроме дневного для себя рыбы. Что сегодня поймал, то сегодня и ел, а теперь с нашим пребыванием у них, а японцев там у нас, ловля рыбы совсем прекратилась и их семья ушла куда то в глубь китайской территории.

За одной из занимаемой нами фенз в снежном сугробе находилась большая куча мерзлой кормовой тыквы, видимо для корма свиней. Мы с голода приспособились к этой тыкве. Разрубали её топором, распаривали в гольдяцких котлах, и с отвращением, еле не оступив глотали, но тут же через несколько минут высклевывали из фензы и рвотой всё вылетало назад. Была бы хоть щепотка соли, возможно подсоленную желудок воспринимал бы лучше, но соли на горсти. На следующий день от тыквы не только рвоты, но начал мучить понос, а потом и вовсе мы все слегли от истощения и дезинтерии.

У Николая Сливина была шапка из шкурок колриха с длинными до пояса ушами, он со теплотой не один раз хвостался перед нами и всем взводом уверяя нас, что вынесливее всех нас, только благодаря своей шапке. Но на третий день пребывания в фензе не выдержал и он, не помогав ому и шапке. Тыква вывернула наизнанку желудок а ому, а он больной по нашему настоянию и с разрешением взводного товарища Романенко отправился ранним утром в Ирту к своему врачу Иванову, доложить о нашем бедственном и болезненном состоянии.

К полудню того же дня вернулся чуть похорошевший, но хотя

и в новой, но уже не в своей знаменитой, а в другой какой-то неизвестной шляпе и сразу приступил к рассказу:

— Пощастливалося мне, друзья, почти сразу встретить в городе одного из охраны Кевчука казакерста и он быстро провёл меня к нашему врачу Иванову. Рассказав ему о нашем положении, о тифе и наших болезнях, он обещал, что сегодня же договорится подобрать, что либо из питания и сам с лекарствами приедет к нам.

Во время нашего разговора пришел к нам наш начштаба товарищ Вележов и узнав о нашем голодном и бедственном положении сказал, что с тов. Ивановым приедет и он и с собой они привезут продукты.

— Ежели они сегодня не приедут, мы до утра уже уже поумрем, а я видно и до вечера не дотягну — сказал дед Дониц и тут же застонав выскочил из фанзы вместо штанов обмотанный какой — то дерюгой. Штаны его из овчины высекал третья сутка на дворе для выморозивания на лютном морозе из их меха паразитов.

Когда он вернулся обратно в фанзу, поддерживая в руках дерюгу, Николай продолжал:

— Я деду это самое, что навряд ли мы выживем до утра, сам сказал нашему начальнику штаба, но он твердо ответил, что настоящие партизаны ни от каких болезней не умирают, другое дело если его заденет вальная пуля, а так просто умереть он даже не имеет права. Рассказав я им и о Вених штанах. Видимо с горькой из сердца болью они оба усмехнулись и тут же тов. Иванов распорядился лично для Вас деду выделывать пару больничного белья, а начштаба тов. Вележов обещал купить Вам китайские ватные штаны и сегодня же это обмундирование привезти сюда.

Я хотел увидеть командира отряда Ивано Павловича, но мне сказали, что его сейчас нет в Ирте, а дня через три он сам явится в отряд, который нужно привести в боевой порядок и к тому времени собрать всех в одно место.

Впрочем сегодня по приезде все это доложат нам начальник штаба.

Мне там дали лекарство, накормили, но не сильно, с голода сразу наедаться сказали нельзя, и предлагали немедленно вернуться во взвод.

Уходя, я все же не вытерпел, продал китайцам свою банку для поуху, взял в харчевню и съел две десятка китайских пельменей, а на оставшуюся выручку кое что вот купил и для вас — развязал свою "сидорку" (котомку) и доставая из нее он продолжал, — это две десятка китайских пампушек, а это похожая на хозяйственное мыло бобовая туфа, это две фунта соли, а это пять пачек махорки и десять коробочек серных китайских свечек. Мы почти все курали, при случае, если угостят в деревне, а своего табака мы уже давно не имели, а это баночек спирта. Одни говорят, что спирт крепит, а другие говорят — наоборот, расслабляет желудок, тогда даже если его оставим до приезда врача тов. Иванова, он лучше знает нас.

— Нет!, нет! Заскричали многие, пусть всё это возьмет взводный и разделит вместе со спиртом сейчас между нами.

Как было разделено принесенное Николаем между нами трудно сейчас вспомнить, но помню, что ели все по-разному, каждый по своему. Одни сразу чуть не проглотили свой паёк, другие отщипывали по крошечке и со смехом пережевывали.

У каждого из нас была своя деревянная ложка, в большинстве самодельная, выструганная из дерева, но по величине разная. У нашего взводного была фабричная и средних размеров, он и начал делить спирт своей ложкой. Была почти у каждого и своя кружка в основном жестяные, но спирт ровно кружкой не делишь, да больше одной ложкой большим, лощеным нельзя было и доесть.

Все это ничуть не утомило нашей команды, а наоборот, больше возбуждало аппетит. Некоторые от ложки спирта задремнули и сон, хотя на время избавил их от страданий.

Через две после прихода Николая пришло из Ярги целых три санных подводы. С ними прибыли начальник штаба товарищ Воложен, наш командир батальона товарищ Калыбин и врач отряда — товарищ Иванов. С собой привезли мешок белой муки, чуть не полтуна свежемороженого мяса и две небольших бачки, укрытых одеялами еще горячей, мясной, вкуснейшей заправки.

Собрав нас всех в большой фанзе и прежде чем дать нам лапшу, врач дал каждому из нас проглотить какой то противной минеральной воды. Лапша тоже была с чем то лечебным, поэтому нам дали ее всего

по пол-порции. Это усилило наш аппетит, но потом постепенно успокоилось.

После всей этой процедуры, когда все мы, а нас было во взводе человек тридцать, разместились где омет, товарищ Вележов сказал:

-Тяжело смотреть на Вас, дорогие товарищи, истощенные, голодные, больные и грязные, не мытые, но что поделать, война, навязанная нам внутренними врагами народа и иностранной буржуазией. Тем более война партизанская. При ней всякие лишения, прощай день и всяких бед наберешься.

Правда, такого положения, какое сегодня сложилось у Вас, могло и не быть. Все эти невзгоды и неприятности мы несем благодаря невыполнению приказа командования отряда и преступной беспечности выполнявшего обязанности командира отряда тов. Рюкина. О том, что он, молодой и совсем не имеет опыта партизанской борьбы, мы примерно знаем, но надеялись, что ему подскажут и помогут наши старшие опытные товарищи. Он и к этому не прислушался.

В результате— семнадцать человек погибли и вот эти сегодняшние наши бедствия.

Виконати в этом и все мы, весь штаб и всё его командование. Незная близко человека и его способностей, сразу вручили ему такой большой отряд.

Теперь о Вашем здесь бедствии. Ведь этого тоже могло не быть, если бы Вы сами и в первую очередь Ваш командир взвода, опытный и уважаемый товарищ Романенко проявили о себе настоящую заботу. Послать нужно было в первый же день к нам в Иргу своего человека, сообщившего бы о себе, где Вы находитесь и в каком положении, бесспорно, в тот же день получали бы и муку и крупу, мясо и другие продукты. А Вы сразу навалились на мерзлую, гнилую тыкву и вот результаты.

Виконати в этом Вашем бедствии не в меньшей мере и мы, что со своей стороны не проявили к Вам никакой заботы, но этому помешали чрезвычайные важные обстоятельства. В первый же день боя в Луговой, нам достоверно стало известно, что японцы узнав,

где находится раненый командир и наш штаб, намеревается большим отрядом внезапно напасть на Иргу и захватить всех нас там живыми или мертвыми.

Не имея необходимых войск для встречи японцев мы решили немедленно эвакуировать командира и других товарищей в глубь Китая и наш лазарет. В суматохе и в спешке мы и выпустили Вас из вида.

Предотвратил вторжение японцев в Иргу начальник Иргинского Округа приведя весь свой военный гарнизон в боевую готовность и заняв позиции на берегу Амура. Помог в этом и комбат тов. Камыбин своими ротами, вот только без Вас. Японцы отступили и ушли обратно на Я и в Хабаровск, оставив часть своих войск в Верхне-Спасской.

Сейчас наша задача собрать весь отряд вместе и действовать по намеченному плану. А план и задачи наши. Вы товарищи хорошо знаете, — это не давать ^{полюса} всем нашим врагам разгромить всех атаманов, разогнать воевод и всю их белогвардейскую свору, изгнать из нашей родины всех иностранных интервентов и построить на Дальнем Востоке свою рабочекрестьянскую Советскую Власть.

Теперь вопрос лично о Вас. Мы приехали с собой три санных подводы. На одной сегодня мы увезли в Иргу пятерых ваших больных, там их обработают наши медики и отправят дальше в наш госпиталь. В пяти верстах отсюда находятся китайская баня, мы договорились ее истопить. На остальных двух подводах Вы в две приемы сегодня же съезжаете в эту баню, вымыетесь, выпаритесь, перед хорошим ужином примете еще раз укрепляющее лекарство, а завтра с уверенностью будете здоровыми и готовыми в бой.

До завтрашнего дня у Вас останется наш уважаемый врач товарищ Иванев. Он постарается быстро Вас поставить на ноги.

Сегодня с тяжело больными мы увезли с собой и нашего уважаемого дедушку Дюча. Ему мы привезли ^{пару} чистого белья и новые ватные штаны. Его ватные штаны мы постараемся сохранить и если после нашей окончательной победы создадутся музей революции, мы эти штаны и его вантовку "Марусю" отдадим в этот музей (~~даже~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~эти~~ ~~штаны~~ ~~и~~ ~~его~~ ~~вантовку~~) как экспонаты партизанской борьбы, борьбой народа за власть Советов.

И это не хвастовство, это истина, и в это все мы искренне верали.

У него были и своеобразные штаны, сшитые из овечьей шубы. Нижнего белья как и у многих партизан у него не было и штаны он одевал на голое тело мехом во внутрь. Так было тепло, но в меху заводилась тысяча паразитов. Иногда от нетерпения он выворачивал штаны мехом наружу. При сильном морозе паразиты вымерзали, но долго ходить или лежать в снегу при таких условиях было не возможно, быстро замерзало тело и он обратно выворачивал их мехом во внутрь.

На стоянках в селлах, он снимал штаны и вывернутыми выбрасывал их на всю ночь во двор на снег, а сам обматывался грязной дерюгой, которую все время носил в своей котомке.

Таким был наш дедушка Дониц.

После приезда к нам в фанзы товарища Вележана и врачей тов. Иванова и после организованной ими жаркой бани, мы уже все, кроме двоих, которые еще чуть охали, были в полном здравии и мясные галушки уминали за обе щеки.

Следующей ночью подошли к нам остальные части нашего батальона, а перед рассветом все мы благополучно перешли Амур на свою территорию.

Это было между Забелово и Луговой. По берегу Амура стояло несколько стогов сена. Прииспособившись под стогами, мы ждали из Забелово и Луговой своих разведчиков. Выходило большое красное солнце. Трещал мороз. У кого то был термометр, который показывал 52⁰ мороза.

По прибытии обеих разведок, мы через пару часов уже были в Луговой, оставив в Забелово надежную разведку.

Через день прибыл из заграницы наш штаб. Со штабом прибыли, еще хромающий и упиравшийся на костыли командир отряда товарищ Евчук, комиссар отряда товарищ Постышев, начальник штаба товарищ Вележен, другие штабные и охрана штаба.

Много было рассказов о катейдах, их парадных, о жене его нашей станицы Казекевичево мяснике Перетяткино, которая приезжала к Евчуку в Иргу и привозила за выкуп мужа четыреста тысяч рублей. Но Перетяткино не отпустила, пока не привезли все требуемое.

дензги. Потом в дальнейшем и сам Перетятко не ушел из отряда, пока сыновья не бежали за границу боясь, чтобы они сами не расстреляли отца за выплаченную партизанам такую большую сумму денег.

Еще через день прибыли из Петровской в Луговую все войска отряда.

После похорон погибших в Луговой наших товарищей, с их оказалось убитыми пятнадцать человек и двоих дополнительно привезших из лазарета умерших от ран, мы отдав честь салютом, были готовы к новому походу.

Узнав о нашем возвращении из Китая обратно в Луговую, японцы из Верхне-Спасской как ветром одуло. Спешно бежали в Хабаровск.

Собрав весь отряд вместе командование решило: не давать японцам покоя и немедленно ударить по их гарнизону, стоявшему в Волочаевке, взорвать железнодорожный мост через речушку Панерочку и рядом находившуюся водокачку. Разрушить телеграфную линию, чем надолго прервет железнодорожное сообщение между Хабаровском и Амурской областью.

Удар планировался произвести из Нижне-Спасской, находившейся в двенадцати километрах от Волочаевки. Чтобы попасть в Нижне-Спасскую, нужно пройти через Забелово и Верхне-Спасскую, а поэтому план нападения на Волочаевку пока держался в строжайшем секрете. Еще не выступая из Луговой, мы провели два заседания ревтрибунала, на первом заседании разобрала персональное дело охранника командира и штаба партизана Семикстова. За хулиганские поступки и постоянное пьянство в Ирге- вынесли решение исключить его из отряда. Командир отряда тов. Пелчук не утвердил это решение, предлагая на первый раз ограничиться выговором. На втором заседании ревсовета и ревтрибунала утвердили приказ командира отряда об отстранении тов. Рюканина от должности заместителя командира отряда и переводе его в рядовые бойцы за преступную беспечность в Луговой, приведшую к большим жертвам.

Трудно сейчас вспомнить дословно устав и инструкции нашего ревтрибунала, но помнится, что за мерзостное и грубое хулиганство среди населения, вынесал мере наказания - смертная казнь. За предательство, измену, разоблачение военной тайны, - смертная

казнь, за умышленный, напрасный расстрел патронов, тоже вплоть до высшей меры наказания. За пьянство — изгнание из отряда, за более незначительные проступки переводили в обоз, и эта мера наказания была чувствительной, укрепляла дисциплину, тем более суд производился от имени Советской власти.

Решительные и гласные суды и у населения вызвали уважение и преданность партизанскому движению. Многие из молодых вернулись в партизанский отряд, а старики беспрестанно отдавали своего коня, корову на мясо и находили припрятанное оружие.

Правда в Верхне-Спасскую, насильственно целую кучу рассказов о бесчинствах японцев. За три дня пребывания в деревне они извели салоуан нескольких женщин и девушек, съели всех кур, свиней, телят, нескольких коров и разграбили все остальные продукты оставив население на явную голодовку. Тут и новому ротмистру было бы над чем поработать.

А Нижне-Спасскую прошли в первые часы января и в ту же ночь выступили всем отрядом в Волочаевку. Еще с вечера начался пурга, но никто не предполагал, что она разразится в страшной силы ураган. Не пройдя и половины пути по двухшершавым сугробам, как слез головной жеребец из упряжки трех артиллерийских лошадей, тащущих наше горное орудие. Он был ранен в янском бою и еще не совсем окреп, а без него остальным двоим горюшку не дотянуть. Это обстоятельство помимо пурги сорвало наше дальнейшее продвижение и весь смысл наступления на Волочаевку.

К этому времени пурга разугралась в страшной силы ураган. Ветер был встречным, снег застилал глаза, и нельзя было различить рядом идущего человека. Наконец все выбились из сил и начали валиться в снег. Поступило распоряжение прекратить выступление и вернуться назад. Последние части с артиллерией прибыли обратно в Нижне-Спасскую только к утру. Много было обмороженных. Да и не удивительно, ведь мы были одеты кто во что горазд. На многих были старые потрёпанные пальто, полушубки, шинели, на некоторых были просто брезентовые плащи, но у всех валтовки за плечами и подпоясанные патронташем.

Мало мы походили на военных, скорее на каких то босых, но у каждого военный дух, патриотизм и дисциплина в десятки раз

сильнее чем у любого каминовца, белогвардейца.

Когда отряд получил распоряжение вернуться назад, Вележеву нужно было сообщить какие-то данные Хабаровским подполковником. Решили попытаться это сделать через волочанское почтовое отделение. Николай и мне как волочанцам поручали его сопровождать, и проехать в Волочанске полную разведку о японцах, как и кем охраняется водоканал на Поперечке и еще раз проверить как теперь, после убийства сына, ведет себя рыжий мастер-Мельников и как действует в Хабаровской земской управе эсер — Михаил Акимов, а в Волочанске неизвестники партизанского движения и вообще темной крестьянской бедноты — Мелам Чернышев.

У уходящих артиллеристов, мы попросили кусок веревки и чтобы в эту непогоду не потеряться, связались ею армяна на три друг от друга и двинулись дальше. Зная, по памяти, что далее, примерно с версту отсюда начинается по коверчаному ручью большой березовый лес и окупью, полком часа через два мы уже были в нем. Здесь пурга не так свирепствовала, было много талого, но все равно уставшие, по глубокому снегу, мы еле передвигались.

До Волочанки оставалось еще верст семь, а до рассвета часов пять. Мы тяжело уставшие знали, что по темноте нам не пройти, поэтому не торопились и часто отдыхали.

К Волочанке подошли уже днем, но из-за пурги было видно ни зги, а мы свободно, даже не встретив деревенской собаки вошли в наш двор и осторожно постучали в окно дома.

Дверь открыл брат Владимир и увидя нас таких страшных и связанных веревкой друг и другу, с перепугу поблиднел и еле выговорил:

— Вы ли это Илья и Николай?

Мы были так застывшие, что не могли пошевелить губами и ввалившись в теплую избу сразу упали на пол, перепугав всех домочадцев. Пока нас развязывали и разували, мы немного отошли и могли ответить на вопросы.

У Вележева был старенький и плохенький полушубок и он больше нас пострадал от мороза, но всё обошлось благополучно, опасных обморожений ни у кого не было, а обмороженные носы и щеки смазали нам гусиным жиром и этим лечение закончилось.

В этот день мы не смогли выйти накуде, пурга не прекратилась а наоборот, разразилась в адскую ураган. К вечеру позвали к нам

Андрея Седоровича — отца Николая. После разговоров, расспросов и получения от него последних новостей, он увел Николая домой.

Между казармой ремонтных рабочих, пути в которой большую половину занимал под свое жилище железнодорожный рыжий мастер Мельников и зданием станции Волочаевка, было не застроенным, расстояние саженей в двести. Все это расстояние было занято штабелями кедровых бревен, накатанных в пять-шесть рядов и длиной в шестьдесят саженей.

Все эти десятки тысяч бревен предназначались через Владивосток вывезти в Японию. Интервенты грабили Россию и вывозили в Японию всё, что попадало им в руки.

Отрядом планировалось, когда ударим по Волочаевке, все эти бревна сжечь. Отряд не дошел, а нам разрешения поджечь бревна по каким-то стратегическим соображениям не дали. Как мы об этом жалели. Бревна были сухие, возмужали бы как порох и при таком урагане все было бы кончено в две — три часа. Не уцелели бы от пожара ни станция, ни Мельникова казарма.

Очень жалели и о том, что нас всего три человека, а будь нас с гранатами пятнадцать, смело можно было в этой снежной мгле подойти к самому полудомуку, в котором находились японцы и забросать их гранатами. Через тридцать минут не осталось бы от огня ни полудомика ни японцев. Но у нас задания были другие.

Через день ураган значительно утих и мы выполнив задания возвратились в Нижне-Спасскую.

Начали поступать не совсем проверенные сведения, что японцы уйдя из Сибиря и Читинской области, начали эвакуировать Амурскую область и эшелонами продвигаются в Хабаровск и дальше, оседая по городам и станциям Приморского края. Из Хабаровска сведения более точные: восстанут не только мобилизованные в белую армию, но и бегут от Колымова и более преданные ему войска. В связи с приближающимся крахом белогвардейщины и постепенным уходом интервентов, было решено отряду приблизиться к Хабаровску. В тот же день мы передвинулись в Самаро-Орловку, находящуюся в сороке верстах от Хабаровска в верх по реке Амуру.

В Самаро-Орловке почти все население бывшие спартоносцы, из них половина деревни дружка Семяхатова по профессии контрабанды,

и Семихатов не выдержал, уже на третий день учинил развеселую попойку. Это выходившая пьянчуга была сверхвызывающей и командир отряда товарищ Певчук ^{распорядился Семихатова и двух его пьянчуж} ~~распорядился Семихатова и двух его пьянчуж~~ ^{улучшить арестовать и запереть до утра в холодный сарай.} ~~улучшить арестовать и запереть до утра в холодный сарай.~~ ^{Утром на заседании ревтрибунала вынесено решение:} ~~улучшить арестовать и запереть до утра в холодный сарай.~~ У Семихатова отобрать оружие и изгнать его из отряда, у двух жителей деревни участвовавших в пьянстве с Семихатовым и проявивших хулиганские проступки в деревне, конфисковать для отряда их лошадей, на которых они занимались контрабандой, возя спирт из заграницы. Лошадей возвратить им или их семьям, только по окончании гражданской войны на Дальнем Востоке.

После уже второго решения о выдворении за пьянство из отряда, Семихатов понял всю серьезность своего положения, тем более, что командир отряда первый раз его защитил, а сейчас сам продержал арестованного всю ночь в холодном сарае, встал и чуть ли не со слезами на глазах сказал:

- Если можете, не изгоняйте меня из отряда, это может оказаться моей гибелью. Я готов выполнить любое, даже с большим риском для жизни задание, чтобы покупить свою вину. Дайте мне это задание. Не выполню, тогда судите, хотя и высшей мерой наказания. Я виноват, но еще раз прошу поверить, что это последняя пьянка не только в отряде, но и во всей моей жизни.

Когда уведи арестованных Иван Павлович Певчук сказал:

- Нам сейчас от самих японцев, от их большого начальства нужно узнать почему они бегут из Амурской области и их дальнейшие намерения. Дайте это Семихатову и поручим. Это рискованное и опасное задание, но он наверняка его выполнит.

- Почему японцы бегут нам понятно. Мы только на одном Ине за два набега уничтожили их до двух сот человек. Каль помешал ураган, а то бы и в Волоцке все семьдесят растались с жизнью. А что делалось в Сибири, Читинской области, у нас в Приморье, в Амурской и Нижне-Амурской областях и сейчас делается в Приморье? Земля у них горела и горит под ногами. Не хотел бы, чтобы побежишь. - Сказал Павел Петрович Постышев. - А предложение Ивана Павловича дальное. Дайте же сегодня, прямо сейчас и поручим ему это дело. Ну в расчет последней его пьянки, что то трудно верится.

В тот же день с Семихатовым ушел и один из его дружков.

На следующий день к вечеру возвратилась в отряд оба в каком то довольном и возмущенном настроении.

Когда в штабе (бывшей школе) собралась кроме командира отряда, комиссаре, начальника штаба, членов ревкома и некоторых командиров батальонов и рот, пригласили Сомажкова и его друзей. Когда они вошли, Шенчук обратился к ним сказал:

- Что то вы друзья быстро возвратились, мы полагали, что вы и до Хабаровска еще не добрались, а вы уже дома. Ну, выкладывайте, что там у вас?

- А зачем нам хабаровск, мы и здесь обтянули дело, что *сказал Сомажков.* - Потом достал из кармана какой то документ и подавая его командиру с гордостью произнес: - Не читай Иван Павлович.

- На официальном японском бланке было по русски написано: "Японское командование объявляет полный нейтралитет. Всякая наша *делов.* помощь *у* армии прекращена. Сейчас японские войска освободили всю русскую территорию вплоть до Хабаровска. Затем постепенно до Владивостока и домой в Японию".

‡ Генерал майор= Подпись.

- Да, документ хороший, но подвох и лацмерие японцев мы тоже хорошо знаем. - Прочитав в слух сказал Шенчук. - А теперь расскажите где и как вы достали этот документ, а какой разговор был у вас с этим генералом?

- Мы решили не идти в Хабаровск, а между Волочаевкой и Дежневкой остановить японский эшелон и добыть нужные нам сведения. Достали кусок кумача, соорудили одно большое знамя и среднего размера флаг. В Дежневке от железнодорожных ремонтных рабочих узнали, когда идет японский эшелон с войсками, обязательно на целую версту впереди его идет один без вагонов(резерв)резервный паровоз. Этого нам было достаточно.

Договариваясь, я ухожу от Дежневки в сторону Волочаевки на две версты, мой компаньон на одну и прячусь в кустах. Товарные поезда пропускаем, а как только покажется паровоз, а позади эшелон, я пропустив паровоз останавливаю в ста саженях от себя эшелон, он так же не допустив до себя паровоз останавливает его. Так и получилось.

Сегодня утром пропустив в обе стороны два или три товарных

поезда, показався со стороны Восточного паровоз, а следом за ним эшелон. Пропустив паровоз, я саженой за двести до эшелона выскочил из середины пути и развернул свое большое красное знамя.

Нашелся для тревожного гудка и сразу эшелону, но эшелон прошел еще некоторое расстояние и примерно в пятидесяти саженях от меня остановился. В миг из вагонов выскочили сотни японских солдат и заперли затворы вагонов.

Я поднял выше знамя оно пошел к эшелону. В это время вышли на путь два их офицера и человек десять солдат с винтовками на изготовку и пошли мне навстречу. Я остановился, поставив знамя рядом с собой. Не дойдя до меня саженой на пять остановились. Впереди ведущий офицер потянулся к моему "козырьку" и гранате, а я их нарочно повесил впереди себя, а часто по русски спросил: — кто вы такой? и зачем остановили среди перегона японский военный поезд?

Я щелкнул своими личными "наблюдателями" вниз под "козырек" и по wirelessу отреагировал:

— Я командир артиллерийского батальона Первого Тунгусского партизанского отряда Иване Павловича Бевчука. Мне нужно лично видеть Вашего генерала или главного командира войск этого эшелона.

— Как вы рискуете своей жизнью. Стоит мне повести пальцем и от Вас останется одно мокрое место.

— Не горячитесь господа офицер, скорее вы рискуете своей жизнью. Посмотрите вперед, где стоит ваш остановившийся впереди ведущий паровоз, там стоит и наш наблюдатель. Единственный с Вашей стороны выстрел или поданный мной условленный сигнал, как весь Ваш эшелон взлетит на воздух. Вой здесь заманировано, и вокруг Вашего эшелона находятся в засаде девяносто человек партизан и мой артиллерийский батальон. Японцы сразу осеклись и переменили разговор.

— Говорите, что Вам нужно, я передам генералу.

— Нет, я должен лично сам видеть и говорить с генералом.

— Тогда обождите, я доложу генералу.

Через восемьдесят минут как угорелый пробежал ко мне офицер, козырнул и сказал:

- Снимите оружие, оставьте здесь и следуйте за мной!

Я как условившись два раза махнул знаменем товарищу, воткнул его между шпал, а это означало, что всё в порядке, снял ремень с револьвером и гранатами, положил их рядом со знаменем и сказал:

- Прикажете к знамени и оружию никому не прикасаться и пошел за офицером.

Перед штабным вагоном офицер меня обыскал, я не сопротивлялся и вошел в вагон.

В салоне вагона было человек пять офицеров, за столом сидел наземный, коротышка старик генерал. Все с вниманием и видимо с испугом уперлись взглядом на меня.

Я щелкнул "наблудкама" приложил руку к "козырьку" и гаркнул:

- Разрешите, Ваше Превосходительство обратиться.

Генерал поднялся и коверкая русские слова спросил:

- Кто Вы такой и что Вам угодно?

Я повторил то, что сейчас только говорил на пути офицеру. Не отнимая руку от лба я отвыртовал:

- Я командир батареи Первого Тунгусского партизанского отряда Ивана Павловича Шевчука, уполномочен получать лично от Вас, Ваше Превосходительство, официальный документ о причине спешного ухода японских войск из Амурской области и дальнейшие Ваши намерения, чтобы быстро получать эти сведения мы были вынуждены заминировать этот участок железной дороги, остановить Ваш эшелон и окружить его засадой в девятьсот человек партизан. На чеку стоит и моя батарея.

Офицер хорошо говоривший по русски быстро все мое сказанное перевел генералу.

Генерал побагровел, вскочил из-за стола, подбежал ко мне и тыча пальцем мне в живот, что-то зашептал брызгая слюной, потом обратно сел и забарабанил по столу пальцами.

- Его Превосходительство возмущен Вашим вызывающим поведением. Это оскорбляет не только наши императорские вооруженные силы, но и всю японскую империю. - Обращаясь ко мне, произнес переводчик.

- Передайте генералу, что Вы нас оскорбили уже тем, что топчете нашу землю своими ногами. Убирайтесь восвояси, ведь мы Вас к себе не звали, а тем дома мы оскорблять Вас не будем. Потом предупреждаю - останется в Вашем распоряжении всего пятнадцать минут. Торопитесь с выдачей мне официального документа. После пятнадцати минут будет уже поздно, может произойти катастрофа.

Когда это перовали генералу, он подскочил как на пружинах. Я показал на часы, стоявшие на столе. Тогда генерал достал со стола этот бланк, передал офицеру и с краком начал диктовать.

Получив и прочтя этот документ я сказал:

- Вообще препятствовать и мешать Вашему отступлению мы не будем, скорее только уезжайте от нас, а сейчас пойдете, господин офицер со мной на перовоз, я проведу Вас эшелон через опасную зону, а потом сойду. Не вздумайте меня задерживать, иначе следующие Ваши эшелоны будут взлетать на воздух.

На перовозе я проводил эшелон до Демневки, держа красное знамя в руках, потом на таком ходу выпрыгнул.

Ваше поручение, товарищи, я выполняю, прому возвратить мне мое оружие, и заодно принять в отряд моего приятеля, выполняющего вместе со мной настоящее задание.

- Молодцы ребята! - сказал Шевчук, но если еще хотя раз наплететесь, все эти Ваши заслуги пометят на смерть.

- Постарайся, товарищ командир, всегда быть передовым бойцом.

Нейтралитет, объявленный японским командованием хотя и сомнительный, но он уже доказывал, что является не дружеским, не добровольным, а именно вынужденным.

Развернул могучие плечи русский богатырь, руководимый славной коммунистической партией и ее вождем Великим Лениным, и все адмиралы, генералы, батальоны и все войска четырнадцати оккупировавших нашу страну государств, полетели вверх тормашками.

Японские войска самые коварные из всех оккупантов, поэтому к ним было уделено и больше нашего внимания, от которого у них жарче, чем у других интервентов горят земля под

ногами. Много еще ограблений, горя и несчастий приносят они нашей Родине, и нашему народу, но многих и очень многих своих войск они не досчитаются и у себя.

От перебежчиков к нам, мы узнали, что Калмыков пока еще секретно отбирает особо преданных ему головорезов и готовится с ними улизнуть в Манчжурию. Эти обстоятельства и нейтралитет японских войск давали нам возможность приближаться к Хабаровску и мы всем отрядом перешли во Владимировку, находящуюся в двенадцати верстах от Хабаровска по реке Амуру.

В тот же день были посланы гонимы в партизанские отряды: Бойко-Павлова, Кочнева, Седотенко-Вредного, Соколова и другие с предложением ближе окружить Хабаровск и не дать благополучно уйти Калмыкову за границу.

В Хабаровске полнейшая паника. Восстание за восстанием и не только в Колчаковских частях из мобилизованных и пленных бывших красноармейцев, но группами восстают и бегут бандиты из "дикой дивизии" Калмыкова и добровольцы из Уссурийских казаков. Многие из преступников, стравясь спасти свою шкуру пытаются бежать за границу, но большинство повстанцев бежали в окружающие Хабаровск партизанские отряды.

К нам в отряд за последние дни перебежало из Хабаровска человек двести и мы не успевали их проверять, кто они, бывшие и почему оказались у белых и Калмыкова. Хватало возни с ними на допросах и нашему ревтрибуналу, а тут как не грех облагали и некоторые наши партизаны случайно попавшие в отряд.

Два брата Куцелы и Прокофий Мельников уже не один месяц находившиеся в партизанском отряде задумали заниматься мордерством, грабежом и самовольной расправой над жителями.

Посланные из Владимировки в разведку на железнодорожную станцию Покровку проследить количество проходящих в Хабаровск поездов с японскими войсками и другим военным имуществом они вместо выполнения поручений занялись у своих староверов-киржаков пьянством и под предлогом борьбы с контрреволюцией, арестовали начальника станции Покровка, учинили ему самосуд и

тут же его расстреляли. Потом изнасиловали его жену, забрали в квартале ценные вещи, убили и унесли их домашних русей.

Хотя этот погром учинился поздним вечером, о нем через полчаса уже знала вся Покровка, а через два часа знала о нем и мы во Владимировке.

Немедленно в Покровку было направлено на санях подводах отдельные вооруженных партизан, а к утру все три преступника связанные уже были во Владимировке.

После допроса решили судить их показательным судом с присутствием большого количества населения для чего в Покровку и Самаро-Орловку послали по несколько своих подвод с приглашением желающих присутствовать на суде.

На посланных подводах прибыло из Покровка и Самарки человек сорок а Владимировцы собрались чуть не все, поэтому заседание ревтрибунала открыли прямо на морозе во дворе сельского старосты.

Описывать ход суда и выступления на нем присутствующих нет надобности, приговор о высшей мере наказания — расстрелу был одобрен всем населением, утвержден командиром отряда и в тот же день приведен в исполнение.

Ясный, солнечный, но очень морозный день, настроение у всех партизан бодрое, боевое. Продуктами отряд пока обеспечен и мы хотя не весьма сыты, но голода не ощущаем. К отпущенной взаимнообразно катейским начальником Иргинского Округа мука и чумизы, дополнительно подкупили у катейских купцов на привезенные мной заложники Перетятко деньги несколько сот пудов муки, крупы и несколько туш мороженого свиного и говяжьего мяса. Меню у нас всегда состояло из одного блюда, или галушек чуть пахнувших мясом, или жиденькой каша из чумизы, чуть поджаренной бобовым маслом. Ну и кружка кипятка иногда заваренного кирпичным чаем.

Хлеб — редкое явление, зависящее от угощения деревенских женщин, которые и сами его ели не каждый день.

В такой ясный и морозный день, мы чуть ли не всем отрядом находились на берегу Амура, ждали вестовых из других

партизанских отрядов. Да и сидеть в избах не хотелось, хотя мы в них и не вмещались. Вдруг, километров в пяти на ледяной дороге Амура со стороны Хабаровска, что-то ярко засверкало, заблестело. Многие намеревались уже занять позиции и залечь в цепь, но наблюдатели в бинокли успели разглядеть, что это мчится к нам духовой оркестр какой-то воинской части и на их медных трубах отражается отблеск солнца.

Не добежав до нас совсем пятдесят, оркестр остановился, быстро построился и в тридцать труб грянул: "Смело, товарищи, в ногу!..." В тот же миг сначала несколько, затем все больше и больше голосов запела эту песню, скопившиеся партизаны. Сразу так неожиданно, появилось большое, торжественное и возбуждающе-светлое явление. У многих из нас навернулись на глаза слезы.

Перебежавшие к нам музыканты сообщали, что Калмыков, отобрав тысячу двести человек самых отъявленных бандитов, ограбив баню, забрав больше тридцати пудов золота, затрешней ночью намеревается оставить Хабаровск и по реке Уссури бежать в свои казачьи районы, с тем расчетом, что рядом китайская граница и в случае затруднений улизнуть в Маньчжурию.

О беге Калмыкова и намерении его бежать из Хабаровска, для нас было уже не новостью, но вот когда и куда, явилось большим и ценным сообщением.

В тот же день тринадцатого февраля батальон Колыбине, в котором находился я и мои братья, был послан в казацкий поселок Ново-Троицкое, находившийся в двадцати четырех верстах по реке Уссури.

Там мы планировали перехватить бегущего со своими головорезами бандита Калмыкова.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1. Бой под Ново-Троицкой

Коварство и обман Калмыкова, нам были известны давно и сейчас якобы только для своих и то при строжайшей тайности, он объявил, что намерен уйти из Хабаровска только по реке Уссури в свои родные и преданные ему станицы. Чтобы не быть обманутыми, ведь пустив слух по Уссури, а сам мог уйти по Амуру где контрреволюционное Амурское казачество с успехом приютит его в своих станицах, а в случае неустойки, рядом по всему Амуру Китайская граница, можно перебежать и туда. Наше командование решает срочно отправить вверх по Уссури до станицы Ново-Троицкой один наш батальон Калибина и там слившись с отрядом вставших против Калмыкова местных казаков руководимых урядником Козулиным, устроить засаду и встретить бандитов по нашему, по партизански. Другим батальонам остаться во Владимировке на случай ухода его по Амуру.

В ту же ночь 13 февраля перейдя Амур, мы по Уссури двинулись вверх. В Ново-Троицкую прибыли перед утром.

В проходимых станицах Карсаково и Ново-Троицком, казачество встретило нас с большой радостью. Когда Хабаровск был окружен со всех сторон партизанами, пути казацкого населения с Калмыковым разошлись. Многие служившие верой и правдой, разгадав его авантюру, отказались с ним бежать, восставали с оружием и присоединялись к партизанам.

По прибытии в Ново-Троицкое, отряд Козулина с двумя сотнями хорошо вооруженных казаков сразу присоединился к нам. У них было достаточно оружия и боевых припасов. Население боясь нашествия Калмыкова, бросив имущество и живность, спешно ушло в тайгу.

Следующей ночью Калмыков с ордой в 1200 человек исключительно верховых бандитов, с десятками орудий и пулеметов, с большим обозом продовольствия и награбленного имущества, ценностей и золота, украдкой выступил из Хабаровска и с большой осторожностью двинулся по реке Уссури. Он уже знал, что и его казачество ему изменило, поэтому вдвойне был осторожен.

Ночью наша разведка сообщила, что головная колонна с усиленной артиллерией подходит к станице Корсаковой, а это значило, что к утру возможен ее подход и к Ново-Троицкой.

Оставив в селе из двадцати человек охрану, перед утром батальон и примкнувшие к нам казаки, расположились в километре впереди станицы на высоком утесе берега реки. Чтобы не выдать местонахождение засады, строго настрого было объяснено каждому бойцу партизану и казаку, что положительный исход боя будет зависеть от тщательной маскировки строжайшей дисциплины.

Расположились мы сплошной цепью на протяжении полуверсты, с единой целью захватить под растрел^с больше двигавшихся сотен удиравших преступников.

В цепи около меня лежали в глубоком снегу два моих младших брата — Антонин и Анатолий. Их винтовки были направлены в сторону дороги, находившейся в двадцати — тридцати саженях от нас проходившей по льду реки. По ней сейчас должны проходить убийцы нашего старшего брата Александра. В их кошачьих глазах можно было прочесть многое и, конечно, жажду мести за родного брата, за которого мы еще дома поклялись отомстить "кровь за кровь" и за тысячи братьев по классу замученных этими бандитами, царствовавшими и злодействовавшими с помощью интервентов в нашем крае уже полтора года.

Стало светать, вот показались исключительно верховные и наши враги, тесными сотнями тихо продвигавшиеся по льду реки. Они проходили чутко прислушиваясь, в двадцати-тридцати саженях от утеса на котором мы лежали. Чтобы себя не выдать, мы затаили даже дыхание.

Мороз был лютый, не меньше сорока градусов, но от возбуждений он мало чувствовался.

Пропустив разведку, мы с нетерпением ждали когда с нами сравняются головные сотни. И вот настал момент, когда калмыковцы вытянулись вдоль нашей цепи — раздался по всем нашим ротам клич: "По золотопогонникам, белогвардейцам пли!" Как гром раздался грозный и страшный залп одновременно из четырехсот винтовок. Нервы у всех были напряжены до предела, пальцы на взводе, глаза на мушке поймавшей всадника. В этот первый выстрел была вложена вся наша злость, месть и страшная ненависть к вырождакам в образе человека.

От первого залпа половина карателей свалились с лошадей в снег, лошади без всадников смешались, потом начали падать и они. Теперь мы били наверняка. Многие бросились убежать на противоположную сторону реки, но пули наши их настигали.

Некоторые оставшиеся на бегу пытались отстреливаться, но валились с лошадей и они.

Разгоревшийся бой был целиком в нашу пользу. Калмыковцынесли большой урок, в то время как у нас ни одного убитого, ни одного раненого. Мы были недосыгаемы.

Бой подходил уже к концу, когда мы услышали у себя в тылу ружейную и пулеметную стрельбу и одновременно орудийный залп по Ново-Троицкой. Оказалось нас окружала с тыла большая вторая группа Калмыковцев. Нужно было уходить, но отступить в Ново-Троицкую было нельзя, туда летели артиллерийские снаряды. Оставался один выход, уходить в сопки путь к которым знали местные казаки из примкнувшего к нам отряда. Они обходным путем вывели нас к станице Казакевичево.

Отступая в сопки, пальной пулей был убит в затылок из нашего отряда партизан Басий, бывший китель деревни Дожневки. Он был единственным нашим убитым, в то время как по достоверным данным, в бою под Ново-Троицкой, калмыковцы потеряли больше двухсот человек. Но главное заключалось в том, что Калмыкову не удалось обмануть наших командиров и уйти тихо-мирно в свою вотчину. С пути он нами был сбит сразу же после выхода из Хабаровска и дальше, в конце концов был полностью уничтожен уже на китайской территории. Сам Калмыков при интернировании пытался бежать, и был убит китайским солдатом.

Придя в Казакевичево, мы увидели одну и ту же картину: станица была полупустая, и здесь население ушло в тайгу, боясь нашествия и мести Калмыкова за измену ему некоторой части казачества.

Здесь к нам примкнули еще небольшие части партизан и мы ~~xxxxxxxx~~ продвинулись в селение Чирки и сделали новую засаду белобандитам.

В Чирках бой был не весьма значительным, враг был уже много учен и продвигался с оглядкой в дали от правого берега по-над самой границей Китая.

В это время другие батальоны нашего отряда перешли из Владимировки на Красную Речку, погрузились в вагоны и двинулись на станцию Верино в надежде обогнать и в Аргунской встретить бежавших

Калмыковцев.

Прижатый у Чирков к китайской границе и боясь следующих засад и наступлений партизан, Калмыков, чтобы быстрее бежать, начал облегчать свой изрядно потрепанный отряд: сжигать свои обозы, топить в реке артиллерию, военное снаряжение, продовольственные запасы и расправляться в своей орде с недовольными, ранеными и обмороженными. И чем он больше расправлялся расстреливая своих, тем больше его бандиты деморализовались, разлагались, и отряд внутри распадался.

Проскочив станицу Аргунскую за несколько часов до прихода туда отряда Шевчука, Калмыков бежал на китайскую территорию. Шевчук с отрядом пустился в догонку по его пятам.

Китайское население зная бандитские приемы калмыковцев, бросали свои фанзы и в панике бежали вглубь Китая.

В нескольких верстах от границы Калмыков был настигнут и Шевчук захватил в плен больше двадцати человек его тыловой, самой бандитской охраны. В числе пленных оказался один из самых близких и преданных Калмыкову, нерднократно занимавший должность начальника Хабаровского "вагона смерти", летный наш враг Дмитрий Пискунов. Это самый старший из трех уже нам знакомых братьев Пискуновых.

Дальнейшее преследование бандитов было прекращено. Китайские власти предложили немедленно прекратить военные действия на их территории и убрать войска из пределов Китая.

На предъявленный протест, что Калмыков является уголовным преступником, убийцей тысяч невинных мужчин, женщин и детей, ограбивший Хабаровских жителей, забравший в государственном банке тридцать пудов золота и другие ценности и по пути бежавши сюда, расстрелял сотни жителей в селах: Ново-Троицкой, Казакевичеве, Невильской и Аргунской, поэтому подлежит аресту и преданию суду.

Китайские власти обещали его выдать, но это была лишь отговорка. А потом возможно из-за обладания золотом, сами его и убили.

Узнав, что наш Тунгусский отряд прекратил преследование Калмыкова и возвращается из-за границы, наш батальон поспешил в Невельскую, затем в Трехсвятитязскую, где мы и встретились с отрядом. По пути мы арестовали в Невельской пона бежавшего с

Калмыковым из Хабаровска, но от своей чрезмерной полноты приставший и боясь за свою немощь и вообще как лишняя обуза расстрелял Калмыковым, спрятался в крестьянском погребе. С нашим приходом, население станицы, сразу его нам выдало. Вместе с попом был там же арестован и молоденький кадет отставший от Калмыкова.

Шевчук привал из-за границы двадцать одного человека пленных. Все они ждали гласного суда нашего ревтрибунала. Чуть отдохнув от переходов, трибунал приступил к работе.

Дело обвиняемых слушали в два заседания, прежде пленных, затем попа с кадетом.

Разместив, связанных по рукам и один к другому и охраняемых усиленным конвоем пленных, председатель ревтрибунала Николай Сливко, приступил к чтке наспех составленного обвинительного акта.

Присутствовали чуть не весь тысячный состав отряда и несколько сотен жителей станицы. В обвинительном акте говорилось: что все обвиняемые являются самими страшными врагами всего нашего народа. Все они залиты и пропитаны не только мужской и женской, но и детокой кровью. Каждый из них за полтора года своего людоедского владычества замучил страшными пытками, убил и уничтожил не десятки, а сотни невинных человеческих жизней.

Мы сами свидетели когда они после их разгрома в открытом бою под Архангеловкой, пришли вторично с помощью японских интрвентов и заняв уже пустую деревню с десятком престарелых и больных жителей, учинили над ними зверские пытки, отрезая пилой у живых людей руки и ноги, распарывая животы и заталкивая внутрь мерзлую рыбу. Затем замученных, но еще живых бросили в сарай, обложили его сеном и сожгли. Оставшихся в деревне женщин и несовершеннолетних девушек изнасиловали и полураздетыми погнали при сорокаградусном морозе в Волочаевку. И это не только в Архангеловке, так они учиняли и во многих других деревнях.

Среди этой волчьей стаи присутствует и их предводитель Дмитрий Пискунов. У этого изверга говорят не обыкновенное волчье сердце, а сердце бешеного волка. Он когда замешал начальника Хабаровского "вагона смерти" рассказывали уцелевшие из расстреливаемых в оврагах и выбравшихся из под груды трупов свидетели, своими зубами перегрызал горло у своих жертв и пил человеческую кровь. Трудно, даже жутко этому поверить, но очевидцы утверждают, что это истинная правда. Здесь среди наших партизан находятся

свидетели, какими страшными пытками он казнил нашего глубокоуважаемого, и друга всего населения Тунгусской волости бывшего председателя волостного Совета Александра Васильевича Проценко. Сознавал ли этот выродок рода человеческого какого он загубил человека?

Садистскими приемами он загонял ему под ногти раскаленные иголки, забил в голые пятки большие гвозди и привязанного веревкой за шею к седлу верхового, гонял с гвоздями в пятках галопом по деревне, и в конце полуживого изрубили клинками на мелкие куски.

Вот и сейчас, убегая от народной мести из Хабаровска, они ограбили не только банки, забрав все золото и драгоценности, но ограбили магазины и многих Хабаровчан забрав у них ценности, продукты и дорогую одежду.

По пути своего ^{бегства} ~~бегства~~, они жестоко расправились расстреляв много жителей в станицах: Казаневичи, Невильской, Аргунской, а Новотроицкую ~~сожгли~~ и превратили в руины. В ней и сейчас валяются груды не захороненных обгорелых партизан из оставленной нами во время боя охраны и жителей местного населения. Захоронения погибших ждет нашего возвращения.

Но всего не перескажешь. Чтобы перечислить все их злодеяния, потребовалось бы написать десяток больших книг, а пока нам не до этого, мы в постоянном движении, в постоянном походе, в постоянном бою.

Перечисляя вышеизложенное наш ревтрибунал принял решение: от имени Советской власти и наших партизанских законов, всех врагов народа, убийц, садистов и уголовных преступников в количестве двадцать одного человека, предать высшей мере наказания через повешение. Но учитывая, что постройкой виселиц нам заниматься некогда, не найти нам на петли столько я веравок, повешение заменить расстрелом.

- Теперь прочтав обвинительный акт, обращаю к вам товарищи партизаны и к вам присутствующие граждане села: какое будет Ваше мнение о приговоре суда?

- Казнить, повесить, расстрелять, спустить живьем под лед. Нет пощады злодеям. - Раздалось сотни голосов.

- Тихо. Я имею слово. - Поднялся и подняв руку произнес командир отряда товарищ Шевчук - обращаюсь к вам товарищи партизаны

и к Вам присутствующим гражданам села, что мы в своей практике пленных и подобранных раненых после боя, не судили не расстреливали, наоборот, оказывали им медицинскую помощь, кормили и отпускали их на все четыре стороны, снабдив на дорогу продуктами, как это было в Архангеловке и других местах. Многие сотни перешедших к нам бывших наших врагов, мы приняли в свой партизанский отряд. Пришедшим без оружия, выдали винтовки. Но те были враги по неволе или не допониманию, а в общем они были простые, обыкновенные солдаты. А эти подсудимые тоже наши враги, но враги не простые, не обыкновенные, а враги страшные, лютые, всем своим звериным нутром ненавидящие не только нас партизан, но и всех Вас мирных граждан проживающих в селах. Если их не уничтожить, они натворят еще много горя и бед. Они сегодня же начнут уничтожать всех попавших под их руку мужчин, насиловать женщин и убивать детей. Да, что там говорить, попробуйте сейчас их развязать, и, они безоружные, сразу же вцепятся зубами в наши горла.

В^н слышали сейчас обвинительный акт. Они все пропитаны человеческой кровью, у них у каждой сотни замученных страшными пытками человеческих жизней.

Конечно сухих сучков на деревьях хватит и веревки для петель каждому мы найдем, но нам некогда этим заниматься, поэтому пользуясь правами командира отряда, решение ревтрибунала предать всех обвиняемых высшей мере наказания расстрелу - утверждаю.

Уведите осужденных и выполняйте решение суда. Главари банды Пискунова передайте братьям Проценко, они за казнь их брата, поговорят с ним особо.

После увода осужденных, приступили к слушанию дела обвиняемых попа и кадета. /фамилии их не помню/.

Из обвинительных материалов следовало, что поп работал в одном из приходов Хабаровска, являлся главным шпионом и доносчиком Калмыкова. Облачаясь в "святые" ризы, он с евангелией в руках приходил в тюрьмы и "вагон смерти" и у замученных и истерзанных жертв выпытывал и выпрашивал, где скрываются их сообщники комиссары и коммунисты обещая за это выпросить у властей им свободу и вечно молиться за них. Все выпитанное сообщал за коньяком и шампанским Калмыкову и его агентам.

Во время расстрелов, он в таком же обличии являлся к оврагам и умолял казненных покаяться, и если кто смалодушничает, при-

казивал отвести его обратно в камеру, а там после го "раскаяния" и выдачи других, его или оставляли у себя для дальнейших предательств или расстреливали. Такими раскаявшимися предателями оказались Лапта, Заборзин и другие.

Кадеты, — сынки высшего офицерства и знатного дворянства, тоже являлись палачами на расстрелы к оврагам и после расстрелов спускались в овраги добивали еще шевелившиеся жертвы.

Решение ревтрибунала такое же как и двадцать одному бандиту; обоим высшая мера наказания — расстрел. Как истерически плакал и умолял его попасть молодой кадет. Клялся, что знает где в Хабаровске пряча от Калмыкова закопали его родственники и другие чиновники золото, деньги и другие драгоценности, и если с ним пойдём в город, он все это укажет нам. Но все это было пустомельством ради спасения своей шкуры.

Пискунова мы допрашивали в стороне от села в небольшом леску в двоём с Антоном. Братишку Толю с собой не взяли. Нам было — одному уже 24, а второму 21 год, а ему не было полных и 16 лет. Пусть борется и убивает врагов в открытом бою, а не приобщается с малолетства к карательным мерам.

Допрашивая Пискунова, нам хотелось от самого карателя узнать всю истину казни и какой героизм, стойкость и мужество проявил Александр при таких жестоких пытках.

Мы задали ему следующие вопросы:

1. В 1913 году при постройке Амурской железной дороги, когда ваш дядя подрядчиком строил мосты, а брат Александр был государственным контролером. Вы часто со своими братьями приезжали в Болочаевку, дружили с Александром и слушали его музыку на скрипке. Что вас заставило преследовать и так жестоко казнить бывшего старого друга?

2. Что Вас заставило быть таким садистом и главным палачем у Калмыкова, и когда и за что у вас проявилась такая злость и ненависть к народу и жажда его крови?

3. Правда ли, что Вы загоняли Александру раскаленные иголки и под ногти рук и забивали в голые пятки ног большие гвозди, гоняя с ними галопом по деревне привязанного веревкой к седлу верхового".

4. Кто Вам сообщал кроме предателя Холкина о действиях Александра против мобилизации Колчана и участия в организации партизанских отрядов?

5. Как вел себя Александр при Ваших пытках, и правда ли, что он вам сказал, что таких идолов как Вы, не примет ни земля, ни небо, а если существует ад, то и тот примет в самом смрадном месте.

6. Где сейчас находится Ваш сподручный холоп и помощник по пыткам и злодеяниям Филька?

Ни на один задаваемый вопрос Пискунов нам не ответил. После каждого вопроса он только мычал, скрежетал зубами и опускал голову.

Понятно, мы его добросили быстро, по всем правилам и без особых излишеств.

Когда об этом мы рассказали нашему врачу Иванову, он сказал, что еще во время процесса в ревтрибунале, при чтке обвинительного акта, он заметил по глазам, что Пискунов и некоторые другие потеряли рассудок, а когда он после суда решил убедиться в этом, то установил, что Пискунов лишился речи, или как говорят в народе: присох язык. Так оно в действительности и было. За тяжкое обвинение, за тяжчайшие преступления, его парализовало умственно и речи.

Из Черняевой начали продвигаться к Хабаровску. Одна часть отряда ушла на станцию Верино, другая часть походом по льду реки Уссури. По пути похоронили погибших в бою в Ново-Троицкой нашу охрану и жителей станиц расстрелянных Калмыков.

На Красной речке отряд объединился.

Еще не вступили партизанские отряды в Хабаровск, в городе создавалась Чрезвычайная Комиссия /ЧК/. Для этого требовалось не мало проверенных людей. С Красной речки для работы в ЧК из нашего отряда направили пять человек: Николая Слинько, братьев Илью и Антонина Проценко и двух братьев Николаевых. Увел нас в покрове ночи в Хабаровск призванный из ЧК товарищ.

2. Работа в ЧК

Авантюра Колчака потерпела полнейший крах. "Верховный правитель" разбит и уничтожен Семенов прижат к границе, его в Читинская пробка окружена и находится в кольце. Калмыков тоже разбит и с остатками убийц бежал за границу. Японцы объявили нейтралитет и

эвакуируют Амурскую область. Казалось бы и войне конец.

Но все это было не так. Эта передышка была обманчивой, злойшей и не гарантировала длительного мира. Ведь основной зверь остается, объявив нейтралитет японцы и не думают уезжать к себе в Японию, а освободив Сибирь, Забайкалье и освобождая Амурскую область оседают в городах Приамурья и Приморья, Бикине, Имане, Спасске, Никольск-Уссурийске, Владивостоке и по всем крупным станциям железной дороги. Только в Хабаровске их остается целая дивизия. А японцев, их коварство, мы хорошо знаем, им нельзя доверять не на одну минуту.

Хотя в основном и разбита белогвардейская гадина, полностью она еще не уничтожена. Их переодетых, замаскированных, не одна сотня под крылышком интервентов осталась и в Хабаровске. Вступить в город партизанам, значит влезть в западню и попасть в зубы аркодилу.

В этой обстановке, соблюдая предосторожность, и решено прежде создать во всех городах ЧК, для вылавливания своих врагов белогвардейцев и предателей и наблюдением за главным врагом, интервентами.

Комиссаром Хабаровской ЧК был назначен Г. Сократ его помощником, начальником контрразведки тов. _____

Нас прибывших в распоряжение распределили следующим образом: братишку Antonina и обоих братьев Николаевых передали в контрразведку. Там уже было несколько ребят из других отрядов, и из отряда Коннова нам уже знакомый Иван Семикоровкин. Николая Слинко и меня Илью Проценко назначили во вновь организуемый пропускной пункт при Хабаровском железнодорожном вокзале.

Пропускного пункта еще не было, но помещение для него уже было присмотрено. В сто саженях в стороне от вокзала находился новый не большой деревянный одноэтажный домик. В этот домик и привел нас Сократ. Там нас встретил молодой, здоровенный детина Иванов. /Имени его уже не помню/. В помещении домика стояло пять голых деревянных топчанов, стол грубо сбитый с досок и такие же две табуретки. Рассадив нас на топчанах товарищ Сократ сказал:

- Здесь в этом домике, мы создадим из пяти-шести человек Хабаровский железнодорожный пропускной пункт. Начальником пункта назначается Николай Андреевич Слинко. Его уже в обязанности пункта коротенько информировали, но я Вам сейчас объясню поподроб-

Броцекко
робней. Вы товарищи и Иванов назначаетесь агентами этого пункта. Здесь в этом домике Вы будете и жить и работать.

Сегодня Вам привезут матрацы и постельную принадлежность, хороший стол и стулья. Завтра придете в ЧК и получите военное обмундирование. Свою партизанскую обрुю не бросайте, еще придется по работе не один раз в нее одеваться.

Пока будете получать сухой паек, но мы выдадим и небольшую сумму денег для завтраков и ужинов в вокзальном ресторане и ^{для} встречи там с нужными людьми нашими тайными агентами.

Винтовки у вас имеются, но для Вашей работы Вам больше подойдут наганы и хотя бы по парочке гранат. Товарищу Иванову будет к лицу и хорошая офицерская сабля. Но об оружии Вы позаботитесь сами.

Вам предстоит следующая работа:

1. Японцы сейчас, как вам известно, эвакуируют свои войска из Амурской области. В каждом их эшелоне прячется удирая за границу ни одна, а десятки белогвардейской, офицерской сволочи, меньшевиков, эсеров, шпиев и других врагов, изменников и предателей нашей родины. Наша цель не выпустить их за пределы страны, иначе они принесут нам еще много бед и горя, а изолировать или уничтожить их у нас дома. А ваша обязанность выуживать их из вагонов, вырывая из рук японцев.

2. В Хабаровске после бегства Калмыкова осталось немало таких же предателей и шпионов. Все они сейчас скрываются, прячутся и стараются улизнуть во Владивосток или за границу. Но мы некоторых с помощью населения находим и изолируем. Вам тоже вменяется в обязанность их вылавливать и изолировать.

3. Здесь Вам будут помогать строго засекреченные наши люди это: один из телеграфистов вокзала числящийся японским агентом, но работающий на нас второй старичек официант в ресторане вокзала. Сегодня вечером мы Вам обоих покажем.

Ровно в 9 часов вечера я буду сидеть в ресторане с двумя товарищами за столиком у окна с левой стороны буфета. Вы все трое, понятно без оружия сидите в том же ряду через один столик от нас. К вам сразу подойдет официант, старик с бородкой. Заказывая ужин, Вы хорошенько к нему присмотритесь. Это тот наш человек который будет передавать Вам нужные данные получаемые от телеграфиста.

Через пять минут зайдет молодой человек и сядет за одинокий столик с правой стороны буфета. У него из грудного карманчика костя-
ма будет чуть виден кончик белого платочка. Как только он сядет, сразу крикнет: Эй официант! Обслуживающий Вас старичек, быстро по-
бежит к нему. Вы незаметно присмотритесь, — это тот телеграфист
"японский агент", работающий на нас.

Есть еще тут наши люди, но они пока Вам ненужны. Связь вы будете
иметь только со стариком официантом. Он будет вам сообщать кратко,
примерно: "В таком то эшелоне, в таком то вагоне едет убегающий русский
офицер, он в японских брках, в японском кителе, но все японцы в
ботинках и обмотках, он в сапогах." Или: "трое хабаровских предате-
лей там то прячутся, поджидая японский проходящий эшелон, чтобы с
ним ударить во Владивосток. Их примети". Или в таком виде, что-либо
другое. Вы обязаны и того офицера и тех троих предателей задержать
и передать нашему патрулю при вокзале или в депо рабочей дружине,
а то их отконвоируют на Корфовскую, в партизанский отряд Соколова.

Вот пожалуй на сегодня и все.

Людей мы Вам человека два-три дадим. При задержании будете
осторожны, все убегающие враги хорошо вооружены.

Все, что объяснял нам товарищ Сократ, мы крепко запомнили,
вечером хотя и не гласно, познакомились в ресторане с официантом
и телеграфистом, а дальше началась наша хотя и опасная, но и инте-
ресная работа.

О некоторых отдельных из множества случаев в нашей работе и
хочется рассказать.

Первый день мы присматривались к обстановке на вокзале и его
рабочим и служащим. Были в депо, познакомились там с некоторыми
товарищами из рабочей дружины, устроившись в своем домике. В новой
военной форме мы выглядели франтами и даже трудно узнавали друг
друга.

На следующий день утром мы сели в ресторане за вчерашний сто-
лик. В скорости подошел к нам старик официант и стал записывать наш
заказ. В принесенном чае у Николая под стаканом оказалась небольшая
записка. Незаметно положив в карман, мы уже в домике прочли: "Се-
годня ничего нет. Следующий раз садитесь сразу у входа на лево за
крайний столик у окна. Вечером в восемь так же под стаканом".

Вечером ничего не было. На следующий день за завтраком в запис-
ке: "На кладбище мужчина средних лет в сером пальто и шапке ушанке

и женщина таких же лет в желтоватой рубке и черной шали ждут проходящего японского эшелона. У мужчины небольшой чемодан, у женщины сумка. Брать в гражданской форме, к вокзалу не вести".

- Ну, что будем делать ребята? Ведь с винтовками в нашей партизанской одежде не пойдешь. Всех там скорбящих перепугаешь, а убегающих врагов испугнешь и могут скрыться. Револьверов и гранат у нас пока ни одного. - Обращаясь к нам, сказал Николай. Я просто не знаю как и быть.

- Да очень просто, - сказал я. - Давай сходим сейчас депо, через дружинников, найдем их командира, предъявим свои мандаты и на эту операцию попросим у него на время пару наганов. Надеюсь у него они найдутся.

- Идея. Сейчас же пошли в депо, а товарищ Иванов нас здесь обождет.

В депо быстро нашли командира рабочей дружины. Предъявив свои мандаты и объяснив суть дела, попросили у него два револьвера. Сверив подпись Сократа в своем и наших мандатах, сказал:

- Ну, чтож, один наган на время этой операции я Вам дам, а с другим пойду с Вами сам. Так и договорились.

На кладбище среди редких посетителей сразу же их обнаружили, и без лишних сопротивлений быстро взяли. Документы были у женщины в сумке, но чемодана у них не оказалось.

Выходя из кладбища, нас у ворот встретили три вооруженных дружинника. Это на всякий случай позаботился их командир. Передал их дружинникам, с наказом усиленной охраны, Николай и командир дружинников ушли с отобранными документами в ЧК. Я ушел к себе в пропускной пункт.

Чемодан в тот же день был обнаружен в одном из могильных ~~от-~~склепов. В нем оказались золотые и серебряные монеты, кольца, броши, серьги с драгоценными камнями, золотые портсигары и другие ценности.

В ЧК договорились, что дружина будет иметь постоянную с нами связь, а в нужных случаях оказывать нам вооруженную помощь. Полученный от командира деповской дружины наган, временно, пока не добудем своих, остается у Николая. Патронов к нему, ему дали десятка два в ЧК. После допросов, арестованных увезли в отряд Соколова.

Следующий интересный из многих случаев нашей работы:

Под стаканом записка: "Из Бирь выходит проходной японский эшелон. В пятом вагоне от хвоста в теплушке, вместе с японскими

солдатами, одет переодетый в японское обмундирование, полковник Амурского казачьего округа. Единственная примета, — на голове небольшой рыжий чуб".

Вагоны в те времена у нас в России делились на пассажирские — классные, пассажирские-простые, прозванные народом "максимки", и вагоны товарные-теплушки. Теплушками названы потому, что помимо грузов в них возили весь простой народ: переселенцев, скот и все воинские части, отапливая их зимой печурками. Надаром у них на откатных дверях было крупно написано: "40 человек или 8 коней". В них с двух сторон от дверей, а двери были с обеих сторон вагона, были двухэтажные нары, а посредине вагона стояла небольшая, круглая, чугунная печь. Из этих теплушек и составляли японские эшелоны. Этих вагонов и паровозов становилось все меньше и меньше. Их за время первой германской, и в особенности гражданской войны, тысячи спустили под откос, а восполнять было негде и некому.

На стоянках в городках и на крупных станциях, японцы раскалив печурки, отдвигали двери вагонов и в перегонки бежали за кипятком или за специально приготовляемой для них рисовой кашей.

Как то, не помню на какой станции полакомились этой кашей и наши ребята из отряда. Правда, это было один раз, но разговоров было очень много. Не успев указанный в записке эшелон остановиться, как из открытых дверей вагоном роем выскочили японцы и побежали к будке за кипятком и кашей. Мы выждав время, по одному, на некотором расстоянии друг от друга, прошли мимо пятого вагона. Все мы видели, что на средней полке в полупустевшем вагоне сидит одетый в японское солдатское обмундирование с рыжеватым чубом лет сорока человек.

Подойдя к стоявшим поодаль от вагона к депозовским дружинникам, договорились, как только мы вытащим полковника из вагона, к нам немедленно подбегут на помощь вооруженные дружинники.

Так и получилось. Полковник сидел одной рукой держась за нары, другой подперев щеку о чем то думая. В самих дверях сидело четыре японских солдата свесив вниз к перону ноги. Они закрывали собой дверь и мешали Иванову плотнее приблизиться к двери. Улучив момент Иванов все же подскочил, схватил сидевшего за ногу и с силой дернул его на себя. Полковник от неожиданности вскрикнул и схватился обеими руками за нары. Сидевшие рядом с ним японцы схватили его за руки и потянули его к себе. Завязалась борьба. Мы с Николаем

пока ничем помочь Иванову не могли. Но он схватив уже и другой рукой его за ногу, с медвежьей силой рванул вторично так, что полковник, оба японца удерживавшие его за руки и четверо сидевших в дверях, вылетели из вагона наружу.

Все это произошло в считанные секунды, но полковник в дверях вагона все же сумел свободной ногой обутой в японский кованный ботинок, с силой ударить Иванова в лицо, разбив в кровь ему нос и губы, а уже наружу, на пероне выхватить освобожденной рукой из кармана наган. Я кошкой схватил его за руку и заломил ему за спину, а Николай дукояткой своего нагана ударил его по рукам и наган полковника полетел на перрон, не произведя выстрела. Я быстро его подхватил и ткнул им полковнику в затылок.

Окружившие нас японцы, увидя у Николая и у меня в руках наганы, отступили, но в вагоне защелкали затворы винтовок. В это время подбежали к нам на помощь вооруженные дружинники и мы быстро волоком утащили все время отбивавшегося полковника за здания, а потом и в депо.

Это оказался матерой враг, палач загубивший и замучивший не одну сотню невинных жертв, мужчин, женщин и детей.

Подобных явлений за нашу непродолжительную работу на пропускном пункте были десятки: брали из вагонов переодетых японцами с тормозных площадок, "кочегаров" из паровозов, в ресторане ожидавших проходных эшелонов и прогуливавших в стороне от вокзала.

Как было не опасно, но вступить в Хабаровск партизанским отрядом все же пришлось при наличии в городе целой японской дивизии. Где то совещались и договаривались, и не без прехвателъства о вступлении партизан в города.

Первыми вступили в Хабаровск прибывшие из Приморья так называемые "зеленые" войска состоящие исключительно мобилизованные Колчаком и частично из бывших пленных Красноармейцев. С этими "зелеными" прибыли в Хабаровск и два наших Волочаевца: Арсений Серых и Иван Тихонов, из пятерки ушедших к Колчаку по решению нашей Волочаевской подпольной организации, но не сумевших сразу дезертировать как было обусловлено и как это сделал я. Иван Кучмихак и Борис Дроздов, тоже из пятерки не попали в Приморье, а куда-то в Читинскую область. Но эти ребята сумели сразу дезертировать в существующие там местные партизанские отряды, но не в один, а в разные.

Сразу по прибытии "зеленых" войск, прибыл в Хабаровск предатель Булгаков-Бельский назначенный Владивостокской партийной организацией засоренной в то время чужим элементом, - эсерами и меньшевиками, командующим всеми войсками Приамурья.

В след за "зелеными" марта вступили в Хабаровск все партизанские отряды. Вступали торжественным маршем, с красными знаменами с надписями: "Вся власть Советам!" "Смерть врагам народа!" Партизаны четко отбивали свой победный шаг, впереди верховыми ехали с большими красными бантами на груди, командиры партизанских отрядов. Впереди нашего Тунгусского отряда шел перебежавший к нам во Владимировку духовой оркестр и звуки: "Смело товарищи в ногу"... победоносно гремели по центральным улицам города.

Население Хабаровска десятками тысяч встречало партизан. Многие с радостными слезами на глазах стояли на коленях с обнаженными головами. В разных местах слышались революционные песни и громогласное "ура".

И снова забилась пульс общественной и политической жизни народа. На всем Дальнем Востоке снова начала восстанавливаться народно-революционная власть. Свободно и без боязни начали жители селений посещать Хабаровск для встреч с партизанскими отрядами с своими отцами, мужьями, братьями и другими родственниками жители Тунгусской и других волостей расположенных вокруг Хабаровска и других городов. Но за эту пролитую кровь, дорого своей кровью заплатили и партизаны, и приезжавшие навестить их родственники в основном большинство жители городов, тысячами усеявшими своими трупами улицы от очередного предательства и коварства японских войск.

3. Кровавое 5 апреля

В те времена кроме японских эшелонов, курсировали по Амурской железной дороге, пассажирские поезда четвертого класса, почему то прозванные народом "максимками". Это поезда, хотя и пассажирские, но вагоны у них были холодные, жесткие и при движении трясушие и гремучие. К ним и паровозы полагались не иначе как "О^В", или по народному "свечки". Они предназначались для самого простого, "тоже четвертого класса" - народа.

На таком "экспрессе" приезжала из Волочаевки ко мне в Хабаровск раза три и моя молоденькая женушка Маша. Не было еще года,

как мы с ней поженились. Я ей заказал у хорошего сапожника на нижнем базаре пошить тогда модные с длинными голенищами густо усеянными круглыми пуговицами ботинки. Третьим приездом попала и она к событиям 5-го апреля.

Со входом партизанских отрядов в Хабаровск, руководство ЧК нашло возможность выделить к нам в пополнение еще двоих хороших ребят. Один из них *Александр* Мефодьевич Малярчук, прекраснейший человек и работник, назначался заместителем нашего начальника Николая Слинко. Он был командирован в ЧК из партизанского отряда Федотенко-Вредного. Правда, он у нас пробыл несколько дней, но мы успели с ним крепко подружиться.

Японское командование все время уверяло нас в своем миролюбии и расписалось о своем нейтралитете, но все это был коварный обман и делалось с целью усыпить нашу бдительность. Вся эта их болтовня оказалась недолгой и злобшей. Говоря о миролюбии, они изо дня в день нагнали, за городом устраивали стрельбища, в городе иногда окружали казармы партизан, явно провоцируя, чтобы мы первыми открыли по ним стрельбу. Но все протесты нашего командования против их провокационных действий, их штаб отвергал, что это не больше как "тактические занятия".

Несмотря на то, что из Владивостока поступали тревожные вести о наглости японцев, которые заняв выгодные позиции, устанавливали пулеметы на чердаках и на крышах домов, наш командующий войсками Булгаков-Бельский не предпринимал никаких мер предосторожности грозящей опасности. Больше того, зная время выступления японцев, он 4 апреля распорядился, чтобы ни одного партизана не выпускали из казарм, а 5 апреля в день выступления японцев, предательски созвал к 9 часам утра всех командиров партизанских отрядов и командиров "зеленых" полков к себе в штаб на совещание. Как только все командиры собрались у Булгакова-Бельского, ровно в 10 часов загремела орудийная канонада и по всему Хабаровску застрочили пулеметные очереди и ружейные раскаты. Это японцы били по партизанским казармам в какие были собраны все партизаны.

Выскочив от Булгакова-Бельского, командиры убедились, что им путь к своим отрядам везде отрезан. Только хорошее знание Хабаровска, его улицы, дворы и задворки, помогли Шевчуку и другим командирам с большим риском добраться до своих отрядов.

Первыми орудийными снарядами по казарме, осколком в висок был тяжело ранен мой младший братишка Анатолий.

Добравшись в казарму Шевчук быстро организовал отряд в боевую готовность и повел его на вокзал, но вокзал уже был занят японцами.

Обойдя его, отряд занял кладбище и целый день вел бой с японцами не отступив ни на шаг. Левее кладбища вел бой отряд Вредного и он каждым своим залпом, десятками уничтожал врага.

Не мало жертв в этом бою понесли наши отряды, но непрощенных самураев осталось навечно в Хабаровской земле в три-четыре раза больше чем партизан.

К вечеру иссякли боеприпасы, а без них гибель и наш отряд оставив Хабаровск 6 апреля утром перешел на левый берег Амура на станцию Покровска.

В этот предательски коварный, грозный и страшный день, 5 апреля 1920 года, рано утром приехала из Волочаевки ко мне в Хабаровск на "Максимке" моя женоушка Маша на примерку шитых ей ботинок. Подзакусив скудным моим завтраком и привезенными ей яблоком и молоком. Я оделся в свою аккуратно перешитую шинель, подпоясавшись ремнем с наганом в кобуре и ничего не подозревая, примерно в 9 часов утра отправился на нижний базар к сапожнику.

Никакого транспорта кроме частных извозчиков /легковых и лошадей/ в Хабаровске тогда не было, и мы немая на извозчика, отправились в город пешком. Да ни за что на извозчика Маша и не села бы. Где это видано, деревенская девка в опарках и на извозчике. Сраму не оберешься. На них тогда ездили только бирини.

От вокзала до нижнего базара около трех верст. Дойдя до Муравьев-Амурской улицы до собора, мы по ныне Тургеневской улице /не помню как она тогда называлась/ начали спускаться к базару. Видимо день был праздничный, потому что народа и на базар и с базара шло много.

Не пройдя и половины спуска, как вздрогнула земля и раздался раскатистый орудийный пулеметный и ружейный гром по всему городу. Схватив друг друга за руку, мы с Машей бросились бегом к рынку, но вдруг из-за Плюсинки залп. Впереди бежавшие нас женщины с криком упали. Мы поняли, что назад, затем повернулись и побежали обратно вверх к собору.

Не успев пробегать и половины улицы, как с колокольной собора застрочили пулеметы, а впереди бежавшие нас люди начали падать. Народ заметался. Мы с Машей обратно повернули и побежали вниз.

С нашей стороны улицы не было никакой подворотни, а через дорогу на левой стороне в одном доме была ~~арка~~ арка, в которой бежавшие люди скрывались. Поровнявшись с аркой, я оторвал руку Маши от себя и крикнул, беги туда. Она трепещась и вся в слезах схватила меня обеими руками и потянула за собой. Я с силой ее оттолкнул, она оторвалась, перебежала дорогу и скрылась под аркой.

В тот самый миг из-под арки выскочили два японских солдата с винтовками на плечах и поддерживая под руки низенького, толстого офицера потянули его вверх к собору. Я боясь, что они убили под аркой Машу выхватил наган, но бегущие люди по тротуарам и по среди улицы мешали через дорогу в него выстрелить.

Улучив момент, когда люди немного рассеялись, я на бегу выстрелил в офицера, он упал, я не оглядываясь побежал вниз к базару. Пули вокруг свистели и люди спотыкаясь падали.

Внизу на углу улиц Тургеневой и Плюсишки, была небольшая одноэтажная школа. Ворота во двор школы были открыты, а в них во двор забежали пробежавшие мимо люди. Вскочил во двор и я, а затем через черный ход, вскочил и в школу. В здании школы уже было десятка три-четыре спасающихся мужчин и женщин. Некоторые из них были ранены и разрывали какую-то простынь, перевязывали раны. Две или три женщины сидели на полу и отчаянно в голос плакали с какими-то причитаниями, другие женщины их уговаривали, и это надрывало всем душу. Старик сторож школы бегая всех уговаривал, чтобы не шумели, иначе на шум прибегут японцы и нам с их приходом не одобрить никому. Его уговоры чуточку действовали и шум на время прекращался.

Часа через два на улицах стрельба утихла и только изредка слышались одиночные выстрелы, но на вокзале и еще в трех-пяти местах канонада не утихала, это партизаны вели бой у своих казарм, а Шевчука отряд на кладбище. Малая лучше прислушаться, что происходит в городе, нас трое мужчин и две женщины вышли на крыльцо черного хода выходящего во двор школы. Среди нас один высокий, в длинной шинели солдат видимо из "зеленых" войск чуть продвиг-

нулся вперед и спустился с крыльца. В тот же миг раздался откуда то сверху палчок выстрела и солдат с криком упал на крыльцо. Все мы стоявшие с ним вплотную, быстро его подхватили и втащили обратно в школу. Он стонал в полусознании, но когда его раздели, страшно было смотреть. У него, видимо, разрывной пулей, был разорван живот и куски рваных кишок от натуги истонов вываливались из живота. «Все более смелые женщины кое как вправили кишки обратно в живот и туго перевязали рану куском оставшейся простыни.

Во время этой процедуры, среди присутствующих воцарилась какая то страшная тишина, даже голосившие женщины и те притихли. Примерно через час притихли стоны раненого и он скончался. Все обнажили головы. Вдруг одна из причитавших женщин схватилась с пола и с каким-то диким воплем выскочила в двери, пробежала с таким же криком двор и скрылась за воротами на улице. Схватилась в истерике с пола и вторая женщина пыталась выскочить в двери, но ее удержали.

Дальнейшую судьбу убежавшей женщины установить тогда не представлялось возможным, трупов по всем улицам были сотни.

К вечеру стрельба в городе почти прекратилась, дольше других она слышалась на кладбище. Кое-кто из нас попытался выглянуть за ворота школы, но выйти за них ~~не~~ было опасно. Японцами группами патрулировали по улицам города. Ночью все из несколько мужчин и женщин видимо городских жителей через двор, заборы и задворками куда то ушли. Осталось ночевать нас в школе не больше десяти человек.

Еще днем после убийства солдата я снял наган и попросил старика сторожа его спрятать, предупредив, что я за ним потом приду. Чуть позже Снял и шинель попросив за нее какой-либо старенький пиджак.

На другой день только к обеду показались на улицах подводы, ломовых извозчиков и с ними мужчин с черными траурными повязками на левой руке подпиравших и укладывавших на подводы трупы убитых людей. Это еще раньше согласованная с японцами и организованная эсеровско-черносотенная власть мобилизовала жителей города на уборку и вывозку на кладбища убитых. Эта же предательская власть разрешила жителям города опознавать своих родственников и забирать их для захоронения.

В школе в учительской на одном столе была черная скатерть. С разрешением сторожа, мы ее разорвали на ленты, повязали на левые руки, взяли убитого солдата, вынесли на улицу и положили на подоседшую подводу. Какие были при солдате документы и письма, попросили сторожа школы сохранить до прихода в город нашей Советской законной власти.

Я беспокоюсь за судьбу Мани, улучив время, перешел дорогу и добрался до дома в арке которого она скрылась. Этот дом оказался в основном заселен китайцами, а в одном его конце находилась их харчевня с знаменитыми китайскими пельменями и вонючей китайской водкой — "ханой".

Мани в доме не оказалось, а из рассказов китайцев, к ним вчера во время стрельбы набилось в подвалы и в харчевню сотни полторы людей. Из них больше половины ушли вчера поздно вечером, как только прекратилась стрельба в городе. Остальные разошлись в разное время сегодня. Сообщили и о том, что от ранений за вчерашний день и предыдущую ночь умерли семь человек, из них пять женщин. Я окончательно на духом боясь за Маню, хотя и сам все еще находился в постоянном объятии смерти.

Позже к вечеру я спросил хозяев харчевни: почему из их двора через арку в доме вчера в момент предательского нападения японцев на мирных жителей города, выскочили три вооруженных японца. Китайцы ответили, что японский офицер постоянный завсегдатай их харчевни и любитель их пельменей и вонючей водки. К этому он привик живя много лет в Китае. Он видимо сильно захмелел и засиделся. Прибежавшие за ним два солдата не успели до восстания его увести.

Из рассказов китайцев получалось, что я стрелял в сильно пьяного и падающего от опьянения японского офицера, но известно и другое ^{с.4} опасавшиеся вчера здесь граждане говорили, что из бежавших против них трех японцев среднего толстого, кто-то подстрелил, значит не исключена возможность, что это я его смертельно ранил.

Японские солдаты патрулировали город, производили обыски и аресты в квартарах, очищали с помощью мобилизованных горожан от трупов улицы города и изредка постреливали в перебегавших по льду Амура людей, поэтому перебегать среди бела дня, было связано с большим риском.

Прождав до вечера и убедившись, что японские патрули отошли

с Нижнего базара, нас несколько человек пробрались на берег и на-
гибаясь побежали лавируя между торосом льда на левую сторону Амура
по направлению Владимировки. Сразу послышалась пулеметная стрель-
ба. Стреляли видимо с колокольни собора, но это было далеко от
нас, что в основном нас и спасало.

Когда прибежала на берег базара японская патрульная команда
и открыла ружейную стрельбу, мы уже были далеко и почти недосыгаемы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Во Владимировку мы пришли очень поздно, почти ночью. В ней уже были сотни военных и гражданских беженцев. Там я встретил брата моей Маши Арсения Серых. Ему только сейчас удалось бежать от "зеленых" вместе августа прошлого года, о чем мы договаривались в подпольной организации в Волочаевке. Он сообщил, что видел здесь Машу, она еще утром ушла в Покровку, чтобы оттуда попытаться поездом добратся до Волочаевки.

Я успокоился и переночевал во Владимировке, утром ушел в Покровку в надежде кого либо там встретить из ЧК или Волочаевки.

В Покровке беженцев было не меньше чем во Владимировке, но здесь наводили какой то порядок. Нас военных отделили от гражданских и формировали сразу в особые отряды, а потом в полки Красной Армии. Гражданских садили в формирующие поезда и увозили подальше от фронта. Из Примерья минуя Хабаровск прибывали через Владимировку и Самаро-Орловку, а позже и через Воронежское целые отряды красных партизан. Здесь их также реорганизовали в полки Красной Армии, и, создавали из них по "Бешеной протске" Амура и у Амурского моста регулярный фронт.

Через день-два я узнал, что штаб фронта находится в вагонах, на разъезде Николаевка и при штабе находится некоторые товарищи из Управления ЧК. Надеюсь, что я там встречу Николая Слинько или брата Антонина если он еще жив после Хабаровской бойни, я начал проситься у моего моего командира отпустить меня на денек в штаб. Сначала меня не пускали, но когда выяснили, что я действительно работник Сократа, это подействовало и меня сразу отпустили с передачей конверта в штаб.

При штабе находился тов. Сократ и некоторые другие из начальства и рядовых сотрудников ЧК, но Николай и Антонина среди них не было. Где они были, никто не знал, возможно и знали, но не говорили. Я боялся что они погибли в Хабаровске.

Уже после, когда я был по особому заданию в Волочаевке, я узнал, что они оба и другие товарищи находилась на станции Бира для расчистки и подготовки зданий переезжающего туда штаба фронта.

На состоявшемся при штабе съезде командиров большевиков был избран новый главнокомандующий фронтом Степан Михайлович Сершев. Это бывший офицер царской армии, активный коммунист преданный Советской власти, опытный полководец и организатор еще в 1918 году первым организовал в Чите полки Красной гвардии для борьбы с белогвардейщиной.

Комиссаром фронта на съезде был избран Павел Петрович Постышев, начальником штаба фронта Сергей Вележев.

Булганов-Бельский как эсер, меньшевик, имевший подозрение о предательстве и умышленной сдачей Хабаровска японцам, потерял всякое доверие и был съездом от всякого командования отстранен.

Штабом было решено снова окружить и взять Хабаровск. С этой целью было предложено отряду Шевчука и другим воинским частям перебраться на правый берег Амура в район Красная речка.

Толку из за разногласий о взятии Хабаровска не получилось. Шевчук на совещании на Красной речке настаивал прежде взять Базу флотилии с ее канонерками, другие настаивали прежде напасть и взять Хабаровск. Японцы тем временем пошли в наступление, сожгли село Ильинку где находилось много боеприпасов, сожгли и другие села. Все это дезорганизовало партизанские подразделения на правом берегу и они разрозненные начали перебираться обратно на левый берег Амура. Там из них штабом фронта создавались полки Красной Армии. слова

После долгих скитаний перебрался через Уссури и Амур в село Самаро-Орловку и отряд Шевчука. У него было шесть или семь орудий и это значительно усилило оборону фронта.

Отряд Шевчука был переименован в 8-й Народно-революционный полк, а в последствии 8-й Тулгусский и отправлен на станцию Ин на отдых.

Японцы заняли все Приморье, но самураи этим не удовлетворились, им хотелось полностью расправиться с партизанскими отрядами и организуемыми полками Красной Армии. 18-го мая они предприняли крупную десантную операцию через "Бешеную протоку" Амура с целью создать плацдарм на левом берегу Амура, но наш фронт был уже настолько силен, что весь японский десант

быстро и полностью был уничтожен.

Через пару дней по прибытию меня в штаб фронта, я был откомандирован органами ЧК с особым специальным заданием в Волочаевку в распоряжение коменданта Волочаевки тов. Гнатенко

Задание заключалось в следующем: Было указание высших инстанций конфисковать все золото и другие драгоценности у подозреваемых беженцев. А беженцев из Хабаровска и в особенности из городов Приморья проходивших через Волочаевку в первые недели после японского выступления было много. Те беженцы которые шли через Владимировку и Покровку, продвигались дальше в Амурскую область в поездах из Покровки, те которые бежали через Самаро-Орловку, шли дальше пешком через Дехневку в Волочаевку.

Мне было поручено организовать в Волочаевке с комендантом Гнатенко контрольно-пропускной пункт по проверке беженцев и изъятию у них золота и золотых предметов. Для этой цели в казарме путевых рабочих находившейся в трех верстах от станции Волочаевки в сторону Дехневки, мы установили из трех человек с круглосуточным дежурством пост проверявший беженцев идущих из Самаро-Орловки. Для проверки в поездах, пункт был установлен на станции.

При проверке проходивших и проезжавших, строго на строго было наказано пропускать и выявлять изменников Родины, вражеских разведчиков. Обнаруженных с огнестрельным оружием арестовывать и доставлять в штаб фронта.

Судить о правильности изъятия золота я не берусь, но выявлять вражеских разведчиков, было своевременным проявлением бдительности.

В те дни основные Красноармейские полки формировались в Волочаевке. Их оформлением занимались лично Серышев и Постышев, и они частенько уставшие ночевали в нашей доме.

Кроме всех этих заданий Чрезвычайной Комиссии, комендант тов. Гнатенко сделал меня своим помощником по хозяйственной части. Основная хозяйственная работа заключалась в выпечке для работников комендатуры, а их было человек тридцать, а иногда и для целой воинской части хлеба. Комендатура занимала железно-

дорожный полудомик который в 1919 году дважды занимали японские интервенты. В нем кроме отопительных печей и обыкновенной кухонной плиты, небыло ничего другого для выпечки хлеба.

Я как местный житель знал всех волочаевских женщин и чисто плотных и нерях, но кроме этого нужно еще уметь печь хороший и вкусный хлеб, нужна понятность и честность чтобы получался требуемый припек.

С женщинами я сработался и у меня получилось неплохо. Выручало с выпечкой хлеба и то, что мы получали и выпекали только половину полагаемой нам нормы хлеба, другую половину мы отдавали мукой голодающим Поволжья. Так поступали все воинские части Дальнего Востока.

После реорганизации партизанских отрядов и других частей в полк^И Красной Армии и укрепления фронта по "Бешенной протоке" и берегу Амура вблизи Хабаровска, штаб фронта переехал из разъезда Николаевки на станцию Бирю.

Получив полный разгром десанта на "Бешенной протоке", японцы почувствовали силу реорганизации наших войск и замечательно присмирев прекратили дальнейшие выступления и начали укрепляться в Хабаровске и на базе флотилии.

Идет не весьма официальный разговор, но исходит он от самих японцев и их пособников, что они присмирели и объявляют нейтралитет, чуть ли не мир потому, что наше Советское правительство уже давно ведет переговоры с Японским командованием благодаря которым они и ушли из Сибири, Забайкалья и Амурской области и сейчас мол идут завершающие переговоры. Но если это так, зачем же они в эти дни переговоров, 4 и 5-го апреля предательски напали и расстреляли в Хабаровске, Владивостоке и других городах Приморья десятки тысяч мирных, невинных жителей. Зачем же они уже в середине мая попытались на "Бешеной протоке" высадить крупнейший десант, зачем сейчас укрепляются в Хабаровске и других городах Приморья.

Нет. Хорошо мы знаем предательские повадки самураев и на опыте познали их нейтралитет.

Они с улыбкой говорят одно, а держа камень за пазухой, делают другое. И с Сибири, Забайкалья и Амурской области они ушли не только ради любезного договора, а почувствовали силу Красной Армии которая разгромила "верховного правителя" Колчана и многочисленных генералов, атаманов и других воевод успешно продвигалась в Сибирь, Забайкалье и дальше. Знали, что и с Приамурья они по добру не уйдут, а поэтому нам нужна большая выдержка и крепкая ударная сила которую на ряду и попутно с проводимыми переговорами и создает из нас наша Советская власть. И на "Беженной" они это крепко почувствовали.

И действительно, полнейший штиль и полнейшее затишье уже длится несколько дней.

Нас с самого начала организации в отряде Шевчука было из волочаевской молодежи 20 человек, — это: братьев Проценко-5, Александр, Владимир, Илья, Антонин и Анатолий, братьев Сливко-2, Василий и Николай, братьев Дроздовых - 2, Борис и Семен, Периных - 4, Степан, Глаголов - 1 Константин, Маковецкий 1-Григорий, Канзалаев - 1 Сергей, Зиньковский - 1 Михаил, Серых - 1 Арсений, Тихонов - 1 Иван. Это был основной костяк партизан волочаевцев. Но с выступлением 5-го апреля в Хабаровске японцев, уже 7-го апреля пришли из Волочаевки в Покровку еще 15 человек. Их организовали и привели - Василий Сливко, Владимир Проценко и Лука Кучиняк. Они были не все вооружены, да и по возрасту такие как Тихонов Дмитрий, Алексеевич Василий, Власов, Сленчук, Рожков и другие которым было уже каждому за 60 лет, не подходили к создаваемому фронту и являлись бы для него только помехой.

В то время в староверческой/кержацкой как ее тогда называли/Покровке, было большое скопление войск и разного рода беженцев. Не было еще и должного порядка, а неразбериха было целая куча. Поэтому вновь прибывшее воинство попросили вернуться в Дежневку или обратно в Волочаевку и ждать дальнейших распоряжений.

В то время японцы заняв базу флотилии и боясь, чтобы по мосту не ворвался к ним красный бронепоезд и партизаны, в пороже почи, облили керосином деревянный настил на крайней правой фирме моста, набросали сверху поленьев дров и подожгли.

Игли они настил и дальше чтобы по мосту небыло пешего прохода.

Наше еще не организованное в едино военное командование увидя огонь на мосту и повидимому боясь нового подвоха японцев, тем более что у них остались и наши бронепоезда решили со своей стороны сделать преграду и взорвать часть Амурского моста.

Конечно, можно было взорвать левую безфирменную часть моста, и это ~~было~~ на постоянно прекратило по нем движение, а в случае восстановления, имело бы незначительные затраты. Но случилось непредвиденное и не разумное. Взрыв произвели чуть ли не на середине моста и взорвали не одну, а сразу две фирмы. История видимо знает как это произошло, возможно так было нужно, а возможно и умышлено, чтобы больше разрушить и навредить нашей Родине, а от таких как главноком Булганов-Бельский можно было ждать чего угодно и много худшего. Есть и третье возможное, — это страх, а у страха как говорят глаза велики.

Взрыв настолько помнится произвели подрывники Певзнера.

Находясь в Демневке группа военизированных волочаевских стариков, вдруг услышала потрясающий силы взрыв от которого на расстоянии двадцати верст загудела и затряслась земля. Это рухнули подорванные фирмы моста. Незная в чем дело, первым с перепугу бросился бежать в Волочасвку старик Тихонов, за ним Алексеенко, Рознов и остальные. Откуда только и пруть взялась, но за считанные минуты от нового винства остались только Василий Сланько, Владимир Проценко, Лука Кучиник и Дмитрий Калинин.

Укрепляя погранвойсками согласно нового Советского положения, через некоторое время органы ЧК всех их четверых направало на постоянную службу в Самаро-Орловку, где они пробыли до ноября 1921 года.

Военное затишье продолжалось. Избегая официальной войны с Японией, так как по повятым причинам она нам в настоящее время была непосильна, наше правительство с согласия В.И. Ленина было вынуждено пойти на создание буферного государства так называемой "Дальневосточной республики"/ДВР/ с центром в Чите. Опять переорганизация Красной Армии в Народно-революционную армию Дальневосточной республики. Форма обмундирования остается таже самая, но на левом рукаве должен нашит ромб с буквами ДВР.

Согласно подписанному соглашению, японцы освобождали города Хабаровск и Иман и уходили за реку Уссури которая становилась новой границей или фронтом между нами и японцами. По этому же соглашению в "пограничный" город Иман находившийся в так называемой нейтральной зоне, не имели права входить войска народно-революционной армии, а должна его занять для поддержания порядка вновь испеченная милиция ДВР.

За все мирное лето привыкли мы почти беззаботно жить в Волочаевке, и видимо приятней всех было мне. Как же, на военной службе и в то время дома у жены под боком...

Но докатилось время и до нас.

Уже глубокой осенью того же 1920 года, предложили нашей комендантской команде спешно погрузиться в вагоны и двигаться к Амурскому мосту. Выгрузившись из вагонов мы продвинулись вправо от моста по берегу Амура. Там нас ждали лодки. Был страшный холод и большой на Амуре шторм.

Среди ночи на этих лодках мы с приключениями переправились на правый берег Усури и к утру заняли окраину Хабаровска. Наша разведка и проводники действовали четко и все проходило тихо и благополучно. Город еще кем то был не очищен и нам пришлось прождать целые сутки на окраине.

Наконец в город вступили и мы заняли какой то большой дом около верхнего базара.

Кроме передовой нашей разведки, и нашей команды в городе еще не было ни одного военного.

Пробыли мы в Хабаровске с неделю почти не общаясь с народом, потом, не помню как нас приодели, но объявили, что мы не не солдаты, а милиция и следуем на "новую границу" в город Иман.

И началась снова новая жизнь пока без Советской власти. Потом начала зарождаться и наша власть, но без всяких пародностей, тихо и мирно. Мы несли какую то охранную службу и бдительно наблюдали за границей. Японцы вели себя мирно без наскоков, без нарушений.

Нас волочаевцев в этой милиции было три человека: Я, Иван Тихонов и Павел Волочаев.

Как то кажется уже в декабре приехал к нам из Хабаровска один человек и через некоторое время разговоров с нашим командиром, вызвали к себе Ивана Тихонова.

Не прошло и часа как прибегает ко мне Иван Светлый, радостный и шумливый и во все горло орет:

- Илья немедленно к командиру! А я все еще ведал хозяйственной частью нашей команды и все так же считался помощником командира хотя командир у нас был другой не Гнатенко.

- Что там такое у него стряслось, что ты так разорался? - спросил я у Ивана.

- Не у него, а у этого приезжего. Понимаешь ли, этот человек приехал специально за мной. Как только я вошел к командиру, он сразу ко мне с вопросом: Ты что, спрашивает, в самом деле шофер или только хвастаешь? Я ему в ответ: чего мне хвастаться, давай автомобиль и я покажу тебе свое хвастовство. Потом он сообщил, что военное и командование решило создать в Хабаровске автомобильный взвод, но взвод это только начало, а потом он вырастет в автороту и в конечном счете в автодивизию и, вот для этого нужно много людей знающих моторное дело.

- А как он узнал, что ты шофер - моторист?

- Да у меня в личном деле значится, что я шофер, но не в этом дело. Я ему и командиру сказал, что и ты прекрасный моторист, даже был командиром автокоманды среди пленных мадьяров.

- Ну и дурак. Кто тебя просил выдумывать и врать.

- И ничего не врать. Ты же знаешь, что такое мотор и хорошо разбираешься в его деталях. Сколько в Волочаевке я потратил с тобой вечеров по изучению мотора и ты теоретически знаешь мотор лучше меня. Правда, практики у тебя никакой ты все заглядывал в мой учебник который так до сих пор мне и не возвратил, а я в учебнике мало что соображал, а больше на практике. Потом, на какой дьявол прозябать нам в этом дранном городишке Имане и в этой окучной ничего не дающей милиции. А там Хабаровск, автодивизион, автомобили, мотоциклы, езда и прочее. А сидеть и крутить баранку я тебя научу в два счета. Потом и Волочаевка и дом и Мама рядом.

- Ну ладно, ладно. Заболтался. Пошли коли так.

Когда мы вошли, командир и приезжий сидели молча. По их лицам было видно, что между ними что то произошло и они были возбуждены. Как только мы вошли, командир сразу же обратился ко мне с вопросом:

- Скажи товарищ Проценко, какая у тебя гражданская специальность.

- Да никакой товарищ командир. Просто обыкновенный рабочий по ремонту железнодорожного пути.

- А почему же час тому назад Тихонов здесь нам заявил, что ты обладаешь специальностью шофера.

- Тихонов видимо напутал. Шофером я никогда не был, хотя все время мечтал и мечтаю овладеть этой специальностью.

- Как небыли. А ну как товарищ Тихонов объясните Ваше поведение? - Вскочил и заговорил приезжий.

- Да чего тут объяснять. Товарищ Проценко изучал и лучше меня теоретически знает мотор.

- Да, мотор внутреннего сгорания я изучал и неплохо его знаю, но вот за рулем/баранкой/ еще не сидел, значит и не шофер.

- Ну, что. Ведь я Вам говорил- произнес чуть обрадованный командир.

- Да что Вы там говорили. Нам именно такие люди знающие мотор и нужны. А сесть за руль и научиться управлять машиной, - это пустое, всего двух-трех дней науки. Сейчас я Вам товарищ командир дам предписание на откомандировку товарищей Тихонова и Проценко в распоряжение штаба фронта, а Вы со своей стороны пишите об этом свой приказ по части. Вы товарищи мотористы Тихонов и Проценко будьте готовы, возможно завтра и уедете.

- Завтра. Какой Вы товарищ уполномоченный штаба быстрый. Я уже Вам сказал, что тов. Проценко я отпустить не могу. Он является моим заместителем по хозяйственной части. Да в случае чего и передача хозяйственных дел затянется на месяц. Потом спросите товарища Проценко, желает ли он сам ехать.

- Я товарищ командир солдат нашей Народно-революционной армии и для меня приказ командования закон.

- Уважаемый товарищ командир. Я уже Вас просил, давайте, прекратим спор. Вы побивали в этой минимой, вернее временной милиции, действительно потеряли чувство ответственности и военной дисциплины. Знаю лично, что Вы хотя чуточку знаете мотор, я бы завтра и Вас увез с собой в Хабаровск. Там вы мои полномочия. Да вы ведь их знаете. А Вам товарищ Проценко, сколько понадобится времени для передачи другому вверенное Вам хозяйство?

- Да было бы кону, за час и передам.

- Вот и отлично. Идите готовьтесь, будет приказ и человек для приски хозяйства. Возможно завтра пассажирским и уедем.

И вот мы в Хабаровске в штабе фронта. Там нас проэкзаменовали, составили на нас новые личные дела. Меня особо протудировали и назначили старшиной автозавода Хабаровского гарнизона экононого корпуса ИРА. Я пометнул, что я бывший работник ЧК и хотел бы обратно работать в органах. Мне вежливо ответили, что мы это излостно, но требуется еще некоторые подтверждения и если это действительно так, то эта обязанность от Вас не уйдет где бы и кем бы Вы не работали. Идите указаний.

Повели нас со штаба в Кадетский корпус, где в боковой его пристройке было отведено помещенное для автозавода. Казарма оказалась большущая воон на оорон-пятьдесят, но стояло в ней всего две железные солдатские койки, три деревянных топчана, стол и пять стульев. На одной койке лежала чья то сумка и сверток. Потом выяснилось, что уже пятые сутки здесь обитает один из первых прибывших поферов.

Началась новая совсем незнакомая для меня жизнь.

Через неделю нас было уже человек десять. Видимо уполномоченный приезжавший за нами в Иван поплохо работал. Мне как старшине завода работы в большинстве для меня непонятной вполне хватало.

Начался сбор автомашин. В первую неделю нашего пребывания в автозаводе пришло на мое имя распоряжение, выделить двух опытных поферов для поездки в город Благовещенск принять две автомашины грузовую и легковую и один мотоцикл.

В командировку для этой цели я назначил Ивана Тихонова и еще одного, под стать Ивану шустрого и веселого паренька. Ребята получив командировочные документы уехали.

На базе флотилии осталась почему то не увезенная и не разрушенная японцами грузовая машина американской марки "Паккард". Ее приволокли к нам во двор и приступили к незначительному ремонту. Кстати. Во дворе нашего автозавода были мастерские и гаражи кем то раньше приспособленные из бывших конюшен.

На задво^рках завода "Арсенал" стоял большой и ноулиный грузовик марки "Оверланд". У него вместо карданного вала была еще первобытная цепная передача. Он был почти разрушен, но имел мотора и не представлял никакой ценности, но^{го} его притащали во двор. Ему лучше бы как диковинке стоять во дворе исторического музея.

Когда прибыл из Благовещенска Тихонов с двумя грузовыми машинами "Паккард", одной легковой и мотоциклом с коляской, нас во заводе было уже человек пятнадцать.

Все машины прибывшие из Благовещенска считались на ходу, но были старые и постоянно ремонтировались. Кроме этих, машины прибавлялись еще и еще, но их по требованию штаба все равно не хватало.

Жизнь, работа и порядок налаживались, нам выдали хорошее общежитие, постельные принадлежности, нужное оборудование помещений.

Ребята сами достали тут же в Кадетском корпусе железные койки, тумбочки и стулья, рядом в небольшой комнате оборудовали канцелярию, появился пизарь с которым в канцелярии мы и устроились на жизнь.

В Кадетском корпусе помещалось несколько разных военных организаций. Была и большая общая кухня из которой, по заявкам мы в ведрах получали продовольствие и хлеб на наличный состав автозавода.

Постепенно наше подразделение пополнялось новыми людьми, но командира автозавода все еще не было. Мне приходилось *Бвсгк* и старшиной и командиром. Но всеравно мы и при этих условиях успели с Иваном Тихоновым разик и два / на час другой / съездить домой в Волочаевку. К нам и другим приезжали родственники и друзья много чаще и чем мы к ним. Но это и понятно, ведь мы на военной службе.

Зима была в разгаре. Тропали лютые морозы. Старым автомобилистам трудно было справляться с морозами и снегом. Чтобы не замерзала вода в радиаторах, нам выдали полезную, двенадцати ведерную бочку натурального спирта. Но чтобы его не употребляли на другие цели в бочку со спиртом влили стакан керосина и бросили горсть охры. Эта совсем малая доля посторонней примеси не влияла на порчу радиаторов, но спирт становился противно пахнущим и из-за этого неприятного запаха совершенно непригодным, даже не возможным к питью.

Для более надежного сохранения этот уже изрядно отравленный спирт, мы ввели в нашу канцелярию которая закрывалась на замок. Спирт по-прежнему выдавал строго по норме масарь и только с моего разрешения. Но братва на изобретение была богата, не прошло и недели как научились очищать спирт так, что он становился кристально чистым и только чуть припахивал керосином.

Когда мы вызвали изобретателя со своим переносным аппаратом в канцелярию, а он оказался заводующий гаражом и мастерскими, то дело оказалось простым из простых. Никакого аппарата не было. Просто перекинули в уголь хлеб, этот уголь толкли в порошок, в обыкновенную, большую поровку положили слой ваты, засыпали ее слоем хлебного угля, потом снова вата и уголь и, так три слоя. Сверху над воронкой приспособлялась посудина со спиртом из которой спирт капал в воронку. Из воронки тоже капал, но уже чистый, чуть припахивающий спирт. Но если этот спирт перекинуть вторично через такую же воронку, уже получался настоящий "автоконьяк" как его окрестили.

Оказывалось хлебный уголь впитывал керосин, а вата очищала от охры, причем крепость спирта не терялась. Удивляло одно, что часть полученной порции спирта все же уходило на "автоконьяк" и в то же время не было случаев, чтобы хотя один раз в такие лютые морозы у кого либо замерз в машине радиатор. Не было ни одного случая и пьянства в нашей автозаводе.

Как бы там не было тихо и мирно, но "автоконьяк" получил огласку которая вскоре дошла и до штабных работников и до работников ЧК. Кое кто из них приходил проверить и попробовать, но никаких мер не было принято, так как сильные морозы значительно снизились, выдача на радиаторы уже не требовалась

и бочка с остатком спирта была опечатана, а потом через время куда то увезена. Получилось, что природа помогла избавиться от возможной неприятности.

Когда уже хорошо потеплело, в одно из воскресений приехала из Волочаевки ко мне моя Мама и привезла с собой как мы и уговорились несколько кружков мороженого молока и одну целую вяленую киту/икало/. Я в свою очередь к привезенным ей продуктам достал через ребят фунта два пшена, а у своего завгаражем бутылку "автоконьяка" и мы отправились к нижнему базару в школу, где я в прошлом году в роковой день японского выступления оставил у сторожа свой наган и шинель. Сохранилось или не сохранилось мной оставленное, но старика сторожа отблагодарить нужно, ведь в такое грозное и опасное время он рискуя жизнью выручил тогда многих.

Идем и оассуждаем, жив ли старик и работает ли в школе?

На наш стук закрипелй внутренняя задвижка и за дверями старческим голосом спросили:

- Кого Вам нужно? Сегодня воскресный день и никого учителей нету.

- Да мы дедушка не к учителям, а лично к Вам, сказал я.

Дверь открылась и на пороге появился тот самый старик сторож школы.

- Здравствуйте дедушка.- сказал я- А ну посмотрите хорошенько, не узнаете ли меня?

Дед долго и пристально смотрел на меня, затем с какой -то радостью хлопнул себя обоими руками по бедрам и крикнул:

- Боже милосердный, да неужель это тот самый.

- Тот дедушка, тот самый, кто оставил у Вас свой револьвер и шинель.

- Ой боже! Да заходите же внутрь.

Как только мы вошли в небольшое помещение которое служило по всей вероятности его сторожкой, я взял его за руку и сказал:

- Мы бабушка зашли сюда чтобы узнать тут ли Вы, живы ли, здоровы, ну и поблагодарить Вас за Вашу доброту. Ведь тогда Вы многим помогли, многих выручили, а многим и спасли жизнь. Сохранилось или не сохранилось то, что я у Вас оставил, это зависло от обстоятельств. Ведь время Вы тут пережили страшное, опасное и можно было ожидать чего угодно.

- Ох сынок, все сохранилось и целое и исправное. А я со старухой все ждали и боялись, что и тебя сынок уже нету в живых. А сколь тогда побили. Тыся. Поди скоро год, а тебя все нету и нету. Ну слава богу- и старик перекрестился.

- Та вы тута посидите, а я скоренько сбегаю и все принесу. Вон у мене все дома, а живу я тут рядом. И дед быстренько ушел.

Ждали его недолго, но минут через двадцать пришло уже их двое- дед и старуха.

Как только они вошли, бабушка сразу запричитала:

- Ой господи, ой слава богу. Чужло мое серденько, што кивохенький и придет. А мой старый уже в милицейскую хотив поести.

Принесли они мою винель чистую и разглаженую, как будто только из пошивочной мастерской и тряпочный сверток. В свертке был ремень, на нем набор с наганом. Когда я раскрыл наган, в его барабане были все шесть патронов и седьмая пустая гильза которую я разрядил на японского офицера.

Я снял с себя свой новый ремень и отдал его в подарок деду, а старым с наганом тут же подпоясался.

Сколькo было радостей когда мы передали старикам привезенной нашей молоку, рыбу и мое пиво. Бабушка от избытка чувств даже прослезилась. На прощанье выпили по стопке "авто-коньяка", еще раз обоюдно поблагодарили мы за сохранность они за подарки и трогательно распрощались. В дальнейшем остались хорошими знакомыми и приезжая в город останавливались у них.

Когда этот случай дошел до штаба и ГПО/ к этому времени Чрезвычайную Комиссию - ЧК переименовали в Государственную Политическую Охрану / ГПО/, а еще позже в Государственное Политическое Управление/ ГПУ/. Постышев и Сократ пригласили меня в штаб и предложили в присутствии большого начальства рассказать все как это было.

Я в кратцах рассказал, почему я в этот злополучный день 5 апреля примерно в десять часов утра оуутился с женой около нижнего базара, как мы метались от Плюсники до соборной площади и обратно к Плюснике. Как от японских залпов и пулеметных очередей бивших из колокольни собора по метавшемуся народу который сотнями своих трупов устилал улицу. Как я стрелял в японского офицера после чего толкнул жену в какой то подъезд а сам через время вскочил в школу. Как выстрелом видимо снайпера из какого то укрытия был убит на крыльце школы неизвестный мне солдат. Как я передал сторожу школы на сохранение свои наган и шинель. Как на следующий день с красными повязками на руках, мы подбирали трупы убитых, как потом бежали через Амур во Владимировку. И как сейчас, чуть ли не через год возвратил мне сторож школы в полной исправности, даже смазанный мой наган с шестью патронами/ седьмой я разрядил в японца/ и мой чистую, чуть не проглаженную шинель. Рассказал как-то этого прекрасного человека -патриота и его старушку мы бедно отблагодарили, но лучшего мы дать не могли, потому, что и сами его не имели. Точно не могу сказать, что именно интересовало Постышева и Сократа в моем рассказе, но после мне говорили, что во многих воинских частях на политзанятиях когда речь шла о патриотизме, приводили пример старика сторожа школы, который спас от гибели японских интервентов десятки если не сотни городских жителей укрывая их днем в этот грозный час в здании школы, а ночью препровождая их через дворы и заборы в безопасные места и хранившего чуть не целый год, рискуя своей жизнью от постоянных ищек, облав и обысков, оставленное у него оружие попавших в беду красноармейцев.

Ну чтож, настоящий русский человек всегда был настоящим патриотом своей родины, своего народа. Так было до Сусанина, так было после, такой русский человек сегодня и таким он будет во веки веков.

Жизнь в Хабаровске и во всей стране налаживалась, бурно восстанавливалась разрушенная многолетней войной и особенно интервентами наша промышленность. Специалистов не хватало, поэтому наших мотористов механиков, электриков и других специалистов частенько командировали на восстановление завода Арсенал и мастерских на базе флотилии.

В постройке бронепоезда на заводе Арсенал, я и Иван Тихонов принимали самое непосредственное и активное участие.

В самые лютые морозы начали наращивать лед и прокладывать через Амур железнодорожный путь. Это мероприятие хотя ненадолго, но беспереывало обеспечивало транспортировку грузов. Потом пользуясь крепким льдом на реке, приступили к разборке двух взорванных фирм Амурского моста.

И в постройке через Амур железнодорожного пути и в разборке фирм моста, принимали участие воинские части, поэтому ежедневно для этих работ в обязательном порядке выделялись люди и из нашего автозвода.

Лично у меня с Амурским мостом целая легенда, в 1914-1915 годах я принимал участие в его постройке, в 1920 г. находился на службе в армии и был почти рядом с подрывниками производившими взрыв, а в 1921 году, будучи уже в автозводе принимал участие для его восстановления.

Приближалась весна 1921 года. Некоторым из нашего Дальневосточного Читинского правительства казалось, что с войной уже совсем покончено. Последний бандит атаман Семенов разбит окончательно и остатки его разбойничьей армии бежали за границу в Маньчжурию. Японцы находятся за нейтральной зоной и ведут себя мирно изытвенно заверяя о своем нейтралитете. Фронтов больше нигде нет, наступило полное затишье, поэтому не требуется и большая армия.

Разные суждения по этому вопросу были у народа, солдат и партизан. Ведь основной враг интервенты хотя и притихли, но все еще находятся на нашей территории и оккупируют нашу жемчужину Приморье.

Притихли, но доной то они не собираются. Значит чего то выжидают.

Все эти разговоры и суждения были не учтены и по приказу правительства ДВР, приступили к сокращению армии. В первую очередь были демобилизованы и распущены по домам бывшие партизанские отряды.

Партизаны отряда И.П.Шевчука стоявшего тогда на Лие прощались с командиром и друг с другом, одни с радостью к семьям

другие с горечью и предчувствием недоброго с сомнением, разъезжались по домам.

Еще раньше один из батальонов Шевчука был отправлен в Анучино в помощь приморцам и находился он там под начальством Гавриила Шевченко. В том батальоне находился мой младший братишка Анатолий Проценко. Приказ ДВР о сокращении армии, на Приморских партизан не распространялся.

Не распространялся приказ и на органы ГПО в которых находились мои братья, младший Антонин и старший Владимир. Не коснулся он и нашего автозвода и из четырех нас братьев никто не был демобилизован и не пришел домой. Николай Слинько куда-то то был избран и выбыл из Кабаровска и я за войну растерял не только своих братьев, но и верных друзей. Двое нас из волочаевцев пока вместе, Иван Тихонов и я.

Как не хорошо быть в армии в мирное время и трудиться без грохота орудий и треска пулеметов, но на душе все равно был камень, ведь полного мира нет, враг под самым носом и мы все четверо братьев пока еще в армии.

Уже почти летом переименовали наш автозвод в автороту и тут же прислали к нам нового командира, а я по прежнему оставался старшиной, но уже автороты и заместителем командира. Но все это ничего не изменяло. Все оставалось по прежнему. Мы так же работали на разных военных объектах и в государственной стратегической промышленности и своими людьми и автопарком, а вот политическая атмосфера менялась быстро создавая угрожающее положение всему Дальнему Востоку. Все чаще в прессе начали появляться заметки, что японские представители ведя с нашими представителями переговоры об эвакуации и мире, а их военное командование в то же самое время скликает все оставшиеся воронье от разбитых и бежавших в Китай и Маньчжурию Семеновских, колчаковских и напполевских орд, скликают всех начиная от генералов, офицеров и обманутых рядовых белогвардейцев, обещая им деньги, оружие и легкий победоносный путь до самой Москвы.

Не замедлили на этот роковой для них клич явится уже не раз битые генералы: Молчанов, Литерикс, Сахаров и сотни таких же битых офицеров не считая рядовых.

Не долго продолжалось затишье, уже в конце мая 1921 года владивостокская буржуазия с помощью японских интервентов совершила контрреволюционный переворот и избрала правительство во главе с крупнейшими фабрикантами и спекулянтами братьями — Меркуловыми.

Загремели оркестры во всех ресторанах Владивостока, Пирь, балы, банкеты. Началась закулисная распродажа, сначала для личных нужд, пароходов добровольного флота, а потом и по частям нашей многострадальной матушки России. Сначала были запродааны Приморье и Амурская область. Но самураев это неудовлетворило. В море вина и любезностей была обещана и Читинская область. Но и этого было мало, "стране восходящего солнца" правилась вся наша богатейшая Сибирь вплоть до Урала.

— Не жаль, берите! — В пьяном угаре твердили Меркуловы. — Помогите только нам одолеть Москву.

Чтобы вольготней было пировать и продолжать затеяную авантюру, в первую очередь нужно было задавить рабочих, разгромить все их рабочие союзы, организации. И снова пошли облавы, обыски, аресты. Заполнялись тюрьмы, снова полилась народная кровь.

Было ясно, даже больше чем ясно, что готовится новая кровавая авантюра безрассудного похода на Москву. Было видно и ощутимо, что из сбегавшихся во Владивосток всех рангов белогвардейцев скалчивалась во всеоружии добровольческая "белополюстанская" армия. Японцы для ее создания в надежде, что это в сто крат окупится, ничего не жалели.

Удивляло одно: почему же зная и видя, что начиная с мая месяца во Владивостоке, да и во всем Приморье, японское командование сколачивает вражеские нам батальоны, полки и дивизии, наше Читинское правительство вместо того, чтобы серьезно взглянуть правде в глаза и со всей силой готовиться к отпору грозящего выступления, держалось за свою соглашательскую комиссию и продолжало вести с японцами бесполезные переговоры.

Не демобилизовать, не распускать поголовно вместе с их командирами партизанские отряды как это получилось с Шавчуком и его отрядом, а наоборот, пока "потомки самураев" все еще топчут нашу землю, стойко сколачивать крепкий ударный кулак и постоянно держать его наготове.

Получилось совсем по другому. В Чите, да видимо и в Хабаровске многие видные работники naïвно думали, что все же с японцами договорятся и они уйдут на свои острова, а вся их Владивостокская белогвардейская затея рассеется сама по себе как дым по ветру.

Действительно naïвные мечты, если бы мечтой они и остались, но вслед за ними последовал приказ о демобилизации еще нескольких старших годов из Народно-революционной армии.

Мой возраст подходил под эту демобилизацию и мы с старшим братом Владимиром уже в конце ноября были дома в Волочаевке.

Отслужились, отвоевались. В действительности, оказалось, что всего только на несколько дней. Первого декабря "белоповстанческая" армия перешла границу на реки Уссури и на-напала на молодые малочисленные наши роты и стремительным маршем, встречая незначительное сопротивление покатилась к Хабаровску. Опять большая кровавая заваруха, теперь вновь коснувшаяся не только нас с Владимиром, но всей нашей семьи, всей Волочаевки, Тунгусской области и всего Дальнего Востока.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Волочаевские дни

Организуя новый поход на Москву из выгнанных за пределы нашей родины старых царских и колчаковских генералов, офицеров и остатков когда то грозных дивизий Каппеля, Унгерна, Семенова, Калмыкова и прочих врагов Советской власти временное Меркуловское правительство и его вновь испеченный главнокомандующий генерал Молчанов, на этот раз твердо надеялись завоевать симпатии населения Приморья, Амурской области и всего Дальнего Востока за счет кого увеличивать и пополнять свои армии. Этот вопрос был для них вопросом жизни или смерти.

Для обмана своих солдат и населения, они провозгласили лозунг, что их цель "вызволить поработенный большевиками народ и об"единить его в единой, могучей, неделимой и свободной России".

Наглость лозунга была очевидна. Народ на Дальнем Востоке как в городе, так и в деревне, уже был не раз крепко учен и во многом разбирался, различая правду от лжи.

Вся их тактика зигрирования и обмана населения на этот раз дала полную осечку. Народ был уже не "Уфимска стрелка", каким он был раньше и на обманный призыв генерала Каппеля вагом шел в его полки. Сейчас не только Приморское крестьянство, но даже более зажиточные уссурийские казаки, бывшие не так давно почти поголовно преданными "бандиту Калмыкову, не дали Меркулову и Молчанову ни единого солдата, исключая отдельных предателей.

Народ видел и знал, что все это создается японскими интервентами и на их японские нены, поэтому ненавидя и создателя и создавших, брал оружие и уходил в партизаны для борьбы с ними.

Учитывая это, Молчанов решил прежде очистить и обеспечить себе тыл и в средних числах ноября послал крупную экспедицию в Анучино и Яковлевку, где находились основные базы приморских партизан. Партизаны очутились в тяжелом положении. Вести открытую борьбу против превосходящих сил противника они не могли, к тому же лишились всяких возможностей выйти из Приморья и соединиться с частями Красной Армии, поэтому вынуждены были разбиться на мелкие отряды и уйти в сопки, в тайгу.

Впоследствии они наносили ощутимые удары по коммуникациям белых, железнодорожные мосты ежедневно взлетали в воздух, эшелоны валялись под откос. Они первыми входили в очищенный от белогвардейцев и интервентов Владивосток.

Очистив на большое расстояние тыл, Молчанов, зная о незначительных силах народно-революционной армии оставшейся после демобилизации из нее старых возрастов, смело повел свои дивизии на Хабаровск, надеясь схода занять Амурскую область и попытаться привлечь на свою сторону Амурских казаков и кулаков из молоканов ~~сти~~/одесятинников занимавших лучшие плодородные земли в области.

Но это был пока план на который усиленно торопили и толкали его японцы.

Разбитые, разрозненные народно-революционные части не выдерживали напора во многом превосходящих сил противника, в панике отступали. Опережая и окружая отступающих, Молчанов уже 22 декабря занял освобожденный красными город Хабаровск.

Контрреволюция торжествовала. Во Владивостоке продолжались пиры и восхваления победителей. Во всех церквях служили молебны о "даровании победы православному воинству". Самураи требовали быстрее двигаться в богатую Амурскую область щедро помогая оружием прославляемое ими воинство.

В связи с критически тяжелым положением, создавшимся на фронте, Коммунистическая партия Дальнего Востока подняла тревогу, призвала всех преданных Советской власти к оружию, мобилизовала всех коммунистов и все лучшее, что имелось в ее распоряжении и организовав регулярные части, бросила их на фронт.

Степан Михайлович Серышев, вновь был назначен командующим фронтом. Из своего длительного отпуска был отозван Иван Павлович Шевчук, которому было предложено срочно созвать свою Красную Гвардию и создать крупный партизанский отряд, дислоцирующийся на Тунгуске.

На призыв: "К оружию, товарищи! Республика в опасности!" Сотнями потянулись в Архангеловку со всех деревень Тунгусской волости бывшие красногвардейцы и красные партизаны. Создавался тот увесистый кулак, который в то время нужно было постоянно держать наготове. В Волочаевке и Дежневке все улицы, дома и сараи были забиты отступающими голодными, холодными, обморожен-

ними и уставшими от панического бегства войсками. Все они как-давали пищу, тепла и сна. Здесь их приводили в порядок, в батальоны, полки и в каком-то уже порядке отправляли дальше на станцию Ин.

Еще за два дня до занятия белоповстанцами города Хабаровска, 20 декабря генерал Сахаров одел своей кавалерией глубокий обход по Китайской территории и вышел между Самаро-Орловской и Нижнеспасской на Волочаевку в целях перехватить и уничтожить отступающие войска из Хабаровска. Нападение на Волочаевку было ошеломляюще неожиданным.

В то время мы с братом Владимиром были еще дома. Услышав почти рядом ружейную и пулеметную стрельбу, мы схватили винтовки и бросились на станцию откуда слышались залпы находившихся там красноармейцев. Прибежав на станцию мы сразу присоединились к цепи, отбивавшей атаки белых на станцию.

Чем бы все это кончилось неизвестно, так как белая козачья конница, идя по железнодзорожному мосту, начали с восточной стороны обходить сопку Ионь-Корани и деревню Волочаевку. Но в этот момент со стороны Ольгохты на полных парах влетел наш бронепоезд и начал из пулеметов поливать прорывавшуюся кавалерию генерала Сахарова. В один момент сахаровцы были разбиты и отогнаны.

Как впоследствии выяснилось этим чудо-бронепоездом командовал вскочивший в него Петров-Тетерин.

Будучи в тот роковой период с братом Владимиром дома в Волочаевке, мы многих из отступающих, но имевших при себе оружие, организовывали в группы и направляли в Архангеловку к Шевчуку в отряд. Многие из отступающих бежали и на Ин и в Архангеловку не организовано, самостоятельно, но там и там их встречали и приводили в организованные боевые роты, батальоны, полки.

Кроме бывших красногвардейцев, красных партизан, населения Тунгусской волости и Хабаровских грузчиков в отряд Шевчука пришли и многие подразделения из других воинских частей, поэтому он представлял уже большую, сильную боевую единицу.

С одной подготовленной партией из отступающих, ушел в Архангеловку брат Владимир и больше не вернулся из отряда до полного разгрома белогвардейцев в Волочаевке и полного изгнания из Тунгусской волости и Хабаровска. Я временно на день-

два остался, чтобы вывести семью из Волочаевки за Балаганск³²⁰ сопку Дня-Корани. Там были земляки и в них можно было переждать события.

Когда я вторично вернулся 24 декабря вечером за остальными членами семьи, в Волочаевке уже почти никого не было из народно-революционных войск. От страшной усталости, я забрался в погреб находящийся в нашем огороде, улегся на картошку и уснул глубоким сном. В эту ночь на 25 декабря Волочаевка без боя была занята белыми и я еще ничего не зная уже оказался в ловушке.

Рано утром проснулся от страшного шума в нашем дворе, я высунулся из погреба и увидел во дворе костер из нашей поленицы дров и вокруг костра солдат в погонах.

Как бы ты не храбрился, но сердце екнуло.

Правда мы слышали, что белаяки занимая станции, села и пленных, никого не репрессировали, не расстреливали, наоборот, даже заигрывали с населением желая задобрить и привлечь его на свою сторону, в то же время упраздняя Советы и назначая старшин и старост.

Слышали и то, что разбив сводный коммунистический отряд в станице Казакевичево, они захваченных в плен 28 коммунистов зверски казнили.

Как бы то не было, но я местный житель и у меня с собой винтовка. Это уже грозило вдвойне. Я поглубже зарыл в картошку винтовку и стал ждать свою участь, зная, что в любую минуту они начнут рыскать за с³²¹едобным, найдут погреб и обнаружат меня как мышь в мышелочке.

Не выдержав переживаний, я вновь часа через два приподнял крышку погреба и выглянул наружу. На этот раз я увидел во дворе среди белогвардейцев нашего односельчанина Михаила Кузьмича Акимова, мирно беседовавшего с ними. Акимов состоял в партии эсеров, но он горой стоял за крестьян, тем более своих волочаевцев.

В бытность брата Александра Проценко председателем Тунгусского волостного совета и после, председателем волостной земской управы, он часто спорил с Акимовым на политические темы и о партийности, но враждебных отношений между нашими семьями не возникало.

Набравшись смелости, я окликнул Акимова, он оглянулся и сразу подбежал ко мне, и подмигнув крикнул.

- Батюшки! Илья Васильевич! Чего это ты туда забрался. Немедленно вылезай. Кто там еще с тобой? Пусть вылезает и они. - Затем обращаясь к белым сказал: - Это наш деревенский, хороший семянин.

Беляки смерили меня с головы до ног подозрительными взглядами и направились в наш большой дом, который до этого занимал мастер грунтовых дорог Шорников с артелью рабочих. Дом был сейчас пустой, я знал, что часть рабочих ушла в Архангеловку в партизанский отряд И.П.Шевчука, а вот куда девались Шорников с семьей и другая часть его рабочих, мне не было тогда известно, но у Шевчука и в организуемых полках на Ине, их не было.

Много позже, десятка через два лет, будучи в командировке в городе Николаевск-на-Амуре, я встретил там Шорникова. Он там был большим авторитетным человеком, председателем горисполкома и членом горкома партии.

Почему Шорников во время гражданской войны держал себя в такой тайности и так скрыто, мне так и осталось не известно.

Второй наш меньший домик из которого я позавчера вывез семью тоже уже был занят белогвардейцами.

Выбравшись из погреба, я пошел с Акимовым к нему домой. Семья его еще находилась дома. Домина у него был огромный, один на всю Волочаевку из чистых *лиственничных* бревен. Половину его дома занимала какая-то воинская часть.

Когда мы пришли к нему и остались вдвоем, я тихо сказал:

- Знаешь что, Михаил Кузьмич, мне нужно немедленно из Волочаевки скрыться. Иначе мне не сдобровать.

- Знаю и понимаю твое положение, но сейчас после того как я заверил, что ты наш волочаевский нельзя. Черт их знает, могут подумать, что обманул и укрыл разведчика партизан и чего доброго, поставят к стенке не только меня, но уничтожат и наши семьи. Пока обождем, ни сегодня, завтра они обязательно уйдут дальше к Ину, тогда что-либо и придумаем.

- Это так, Михаил Кузьмич, но у меня в погребе в картонке запрятана винтовка и 30 штук патронов. Беляки обязательно начнут рыскать за с"едобным, заберутся в погреб за картошкой и что тогда?

- Да, загадал ты задачу, и я вмешался в эту историю. А чем обложены внутри стены погреба, нельзя ли затолкать ее подальше за стенку?

- Можно, но для этого потребуется лом, топор и лопата, так как в погребе обыкновенный осиновый сруб и его венца два нужно поднять, а беляки в десяти шагах от погреба. Возможно они уже и картошку варят.

В это время раздался большой шум на улице. Все находившиеся в другой половине дома белогвардейцы выскочили во двор и окружили соскочивших со взмыленных коней полковника и нескольких офицеров.

Сказывается: заняв ночью без боя освобожденную Волочаевку, и зная, что на правом его фланге по реке Тунгуске, находится в 12 километра от Волочаевки, в деревне Архангеловке крупный Партизанский отряд под командованием И.П.Шевчука, генерал Молчанов принимает излюбленный метод, "очистить тыл" и дает распоряжение сразу, рано утром после занятия Волочаевки одному кавполку выступить в Архангеловку и разгромить, разогнать, находившихся там партизан.

В восьми верстах от Волочаевки и в четырех верстах от Архангеловки по дороге между ними находится так называемая заимка Кошеля. Там в устьях речушки Поперечки и Тунгуски когда-то китайцы в большом дубовом лесу, разработали две десятины земли и сеяли мак для сбора опиума. Для Григория Павловича Кошеля, жителя Волочаевки, считавшегося хозяином заимки, они садили картошки и другие овощи, чем и рассчитывались.

Опиум китайцы увозили за границу в Китай и находились на заимке только летом во время полевых работ, после сбора урожая, до самой весны куда-то исчезали!

На заимке была большая с теплыми китайскими нарами фанза, в которой прекрасно можно жить и зимой.

Такие заимки с эксплуатацией за землю чужого труда были и у других четырех-пяти волочаевцев, но на них жили не холостые китайцы, а семейные корейцы. Жили они оседло и занимались посевом кукурузы, бобов, чумизы, картошки и других овощей. Сеяли и мак для сбора опиума для своего личного употребления. Никто их не притеснял, никто не преследовал, возможно и они сплавляли опиум за границу к себе в Корею.

В этой фанзе на конеловой заимке, Шевчук установил постоянный наблюдательный пункт и разведку и строго вел наблюдение за действиями белых. Зная, что с занятием Волочаевки, белогвардейцы сразу же пошлют экспедицию для их разгрома, шевчуковцы устроили за заимкой вблизи Тунгуски хорошо организованную большую засаду.

Проявив беспечность от постоянного панического бегства красных, белогвардейцы открыто при дневном свете двигались по дороге в сторону Архангеловки. В группе офицеров шел оживленный разговор о их быстром, почти без потерь продвижении. А один молоденький офицерик, видимо из энкеров, бахвелялся, выкрикивал:

- Вот увидите господа, как только завидят нас, бросят оружие и как мыши разбегутся по тайге. Видели с перепугу сколько оставили нам исправных орудий и пулеметов на станции Покровке, уверяю и здесь трофеи будут не меньше.

Одно удивляет, зачем нам на этих голодранцев идет целый полк, моего одного взвода было бы достаточно чтобы...

И, вдруг: - Пулеметы, по золотогоонникам пли! И как громовой раскат раздался залп и с обеих сторон застрочили пулеметы.

От неожиданности все смешалось, беляки заметались из стороны в сторону. Первым как снап слетел с лошади минуту назад хваставший офицерик.

Пока бородатый полковник, командир полка очнулся и подал команду: - Ложились к обороне! его воинов уже не один десяток лежал в снегу скошенные залпами партизан.

Не выдержав побоища, белые бросились на утек теряя свое воинство. В бегстве, опережая всех их командир полка бородатый полковник.

Это было первое с большими потерями поражение белогвардейцев с дня их выступления.

Неплохие трофеи в живых и убитых лошадях и оружии достались партизанам.

Поднятый на улице шум когда мы с Анимовым беседовали у него в доме и был поднят прибежавшими из-под Архангеловки. Это поражение насторожило белых. Правда, они не досчитались десятка три-четыре своих людей, но все равно это было поражение

с бегством. Они прекратили шарить в домах по горшкам, и начали усиленно готовиться к выступлениям.

Воспользовавшись замешательством и суматохой белогвардейцев, мы с Акимовым пошли в наш двор. Костер, горевший во дворе был потушен и никого во дворе не было. Из домов слышался заглушенный разговор. Уходя от Акимова мы взяли мешок в который я должен был набрать для себя картофеля из своего погреба. Это на всякий случай, для отвода глаз.

Я залез в погреб, Акимов остался около. Оказывается беляки уже здесь побывали и картофеля много не доставало. Я быстренько разгреб угол в котором находилась винтовка. Она была на месте. Цабрав в мешок картофеля, я поднял его наверх и быстро волоча по снегу винтовку бросился в конец огорода, где у плетня надудло ветром большой сугроб. Заталкав поглубже в снежный сугроб винтовку и патронетам, я вернулся к погребу с полной уверенностью, что мои следы в снегу к следующему утру будут занесены полностью. С облегченным сердцем мы вернулись обратно домой к Акимову.

Беснуясь от неожиданного и такого позорного поражения под Архангеловкой, генерал Молчанов оставив в Волочаевке для уничтожения Тунгусской группы большое соединение войск, остальные свои полки маршем бросил на Ин. Хозяин из Токно подгонял, не давал задерживаться и требовал быстрее овладеть Амурской областью.

Как бы энергично на Ин не были собраны войска в боевые полки командиров Попов и Бороадина, но многих из армейцев еще обуребал панический страх и дисциплина была не на высоком уровне. Разведка хотя и существовала, но проводилась бесконтрольно, плохо и далеко не обеспечено, поэтому и нападение белых на Ин оказалось таким же неожиданным.

В ночь с 27 на 28 декабря когда народно-революционные войска сведенные в полки и размещенные в железнодорожных зданиях и в поселке Ин находились на отдыхе, три полка белых подходили с разных сторон к Ину. Один из полков противника Камский сделал большой обход с севера Ина с целью выйти в тыл всей группе войск расположенных на Ине.

Кавадерийский, Уфимский полк в полторы тысячи штыков, сабель и батарей под командованием генерала Сахарова первым по-

дошел к Ину, и окружив на рассвете станцию напал на находящиеся там части.

Положение создавалось катастрофическим, но здесь выручило само белогвардейское командование своим плохим руководством операцией выразившееся в разрозненном не одновременном нападении на Ин всех трех полков вместе. Это дало возможность легко разбить все три полка по одиночке.

Как только сахаровцы набросались на окруженную станцию, из станционного депо вышел наш бронепоезд № 8 и в упор открыл из орудий и пулеметов огонь, по заметавшимся в панике белогвардейцам. Не понадобилась и одного часа, чтобы сахаровская кавалерия и пехота была на половину уничтожена, а вторая половина разбита и отброшена.

Воспрянув духом от первой за все время отступлений такой большой победы и массового уничтожения врага, наши части на ходу приведя себя в порядок, смело, под прикрытием бронепоезда восьмерки встретили продвигавшийся вдоль железной дороги второй Волжский полк и схода под командованием командира полка тов. Попова сбили и обратили в бегство уставших за 50-ти верстный переход по снегу из Болочаевки до Ина. Убегавших преследовали обратно до самой Ольгохты.

Ничего не зная о разгроме своих двух полков, третий Камский полк из глубокого обхода продвигался с тыла к Ину.

Воодушевленные победами наши бойцы полка Бороздина смело встретили еще более уставший Камский полк и вступили с ним в сражение. Услышав бой в тылу Ина, бронепоезд № 8 стремительно возвратился из-под Ольгохты и начал расстреливать появившихся белогвардейцев не давая возможности им подняться со снега. В конечном счете, третий полк белых был окружен и почти полностью уничтожен.

Нужно отдать честь, должное и справедливость нашему бронепоезду № 8 и его героической команде, это они сыграли основную роль в разгроме под Ином белогвардейского корпуса и преследования его остатков до Ольгохты. Своим героизмом команда восьмерки воодушевляла наших бойцов на бесстрашие, героизм и отвагу с которыми они разгромили и обратили в бегство все три полка многотысячного корпуса.

Июский бой определил наши успехи. Эта первая победа значительно отразилась на моральном состоянии наших войск. Дух бойцов и командиров поднялся на небывалую высоту. Паническое настроение сменялось на воодушевление победы. Холод, голод и другие неудобства переносились с шутками.

Командующий фронтом тов. Серышев на кратковременном митинге поздравляя бойцов и командиров с победой, пожелал им новых успехов. В выступлениях бойцов и командиров давалась клятва не отступать дальше ни на один шаг.

Принятый лозунг гласил: Добить противника в Волочаевке. Хабаровск, Приморье и Владивосток, должны быть наши.

Понеся 25 декабря значительное поражение с уроном живой силы под Архангеловкой и позорным бегством от партизан Шевчука и разгромом 28 декабря основного корпуса под Ином, генерал Молчанов в бешенстве начал переформировывать свои полки пополняя их новыми подкреплениями, но никакие подкрепления уже нашим бойцам и командованию были не страшны.

Воодушевленное большими победами, наше командование наводило порядок в полках и получив подкрепление из Читы Троицкосавским кавалерийским полком, приступило к разработке плана разгрома и уничтожения врага в Волочаевке.

План был достаточно прост.

Полк Попова сдвинув в пехотную Сводную бригаду с придачей легкой артиллерии в железнодорожном направлении, наносит основной лобовой удар по Волочаевке. Кавалерийская бригада Артиховского в составе Троицкосавского и 4-го кавполка, вдоль Амура через Верхне и Нижнеспасские заходят в тыл Волочаевки.

Партизанский отряд Шевчука вдоль Тунгуски, через Даниловку и Николаевку заходит в Дежневку, где и соединяется с бригадой Артиховского.

Таким образом план заключал в себе окружив врага, отрезать ему путь отступления в Хабаровск и Казакевичево общими силами уничтожить его в районе Волочаевки.

Разведки производились с обеих сторон, но видимо разведка белых работала лучше потому, что план наступления наших войск был им заранее известен в то время как нашему командованию совершенно не было известно об укреплении Волочаевки новыми свежими белогвардейскими войсками.

Это первое наступление на Волочаевку проводилось в первой декаде января 1922 года, я уже успел вывести из Волочаевки всю свою семью за Балаганского сонку и туда же некоторых членов семьи нашего соседа по двору старика Артеменко, а сам после этого ушел по тропе за Тунгусской в Архангеловку, где в то время еще находился отряд Шевчука. Винтовка моя оставалась в сугробе до окончательного освобождения Волочаевки, потому в отряде пришлось получить другую.

Вскоре после первого неудачного наступления на Архангеловку, но еще за несколько дней до нашего первого наступления на Волочаевку, белогвардейцы провели второе более подготовленное крупное наступление кавалерией, пехотой и другими родами войск на наш отряд. Вступать в открытый без маневрирования бой и нести неизбежные потери не было смысла, так как впереди еще предстояли большие бои за освобождение Волочаевки, Хабаровска, Владивостока и всего Дальнего Востока и мы не приняв боя, отступили из Архангеловки, выше по Тунгуске на Улику.

Но это не говорит, что мы совершенно бездействовали. До основных боев за Волочаевку, Архангеловка с боями несколько раз переходила из рук в руки. В последнее время наша основная база находилась в деревне Восторговке.

В данный момент выполняя план окружения Волочаевки, наш кавалерийский дивизион Федора Шептика шедший впереди авангардом легко выбил небольшой отряд белых из Архангеловки и заставил его уйти в Волочаевку.

Брат мой Владимир и некоторые другие волочаевцы находились в кавдивизионе Федора Шептика, они как и весь дивизион не давали белякам покоя и в боях рубились захватски. Брата Антоина уже в отряде не было, его отозвали на Ин в органы ГПО. Я остался в пешем строю в батальоне Волкова-Пушкина.

Передохнув в Архангеловке, мы всем отрядом через Даниловку последовали в Николаевку с которой в строго назначенное время в Дежневке должны встретиться и объединиться с бригадой Артюховского для совместного удара с тыла по Волочаевке.

После Архангеловки на всем нашем пути до самой Дежневки, мы не встретили даже разведки врага.

Проходя по реке вблизи сопки Балаганского-Гнь Корани, мы несколько человек жителей Волочаевки, сумели с разрешения коман-

дира тов. Шевчука навестить свои семьи утискиваясь в землянках за сопкой. Ни отряда ни разведки белых не встретили мы и здесь.

Как впоследствии выяснилось, белые узнав план нашего командования об окружении Волочаевки, начали сосредотачивать все свои силы в один кулак в самой Волочаевке.

Не радостной была наша встреча в землянках с семьями, мы были голодны и холодны, а наши семьи переживали еще худшее. Больно было смотреть на детей, которые держа в руках картошку в "мундире" задними глазенками кляли от отцов кусочек хлеба, но их отцы сами не видели его уже несколько дней.

С Балаганским мы в приказном порядке договорились, чтобы он по мере надобности отпускал нашим семьям картошку и "ювало", которые пообещали ему возратить после войны с новых урожаев. Но если и не возвратим, все равно в долгу не останемся, он несколько лет до этого, эксплуатировал всех нас своими рыбалками и перевозами, да и сейчас он достаточно крепкий, — выдержит.

Заняв Дежневку, мы бригады Артюховского в ней не встретили. Ожидая ее подхода, отряд занял удобные позиции. Время двигалось неумолимо быстро, уже давно прошел условленный час встречи, а кавбригады все нет и нет. Это серьезно встревожило наше командование и всех нас. И вдруг неожиданность, со стороны Покровки пыхтя клубами дыма на всех парах мчит бронепоезд белых. Увидя нас и видимо посчитав за своих, среди деревни на переезде, в ста саженях от нашей батареи остановился. Мы уже были готовы сорваться с места и дать тягу, но высочивший из п^кзбы Иван Павлович Шевчук спокойно посмотрел в бинокль скомандовал,

— Батарея! По бронепоезду врагов народа пши! Батарейцы уже были на чеку и в следующие секунды первым снарядом угодили в башню бронепоезда. Второй снаряд мимо, третий в цель.

Очнувшись, от неожиданности, бронепоезд не ответив ни одним выстрелом, сорвался с места и полным ходом ринулся обратно в сторону Покровки. Потом уже, видимо, в двух трех верстах от Дежневки почувствовав себя в безопасности (и то не надолго) подал свой голос сразу всеми орудиями. Мы не стали ждать его атаки, сразу ушли в Даниловку оставив в Дежневке один взвод кавалерии для возможной встречи с бригадой Артюховского.

Произведя несколько залпов по Дежневке и увидя позади себя зарево, бронепоезд спешно оставил свои позиции и уже по горящему мосту проскочил в Покровку. Это наши ребята выполняя задание

подожгли за раз"ездом Николаевки железнодорожный мост. Впоследствии выяснилось, в этом бронепоезде ехал в Волочаевку сам генерал Молчанов, поэтому то в Демневке бронепоезд и не произвел ни единого выстрела по нашим частям. С перепугу "их превосходительство" спасая свою подлую душонку решил на полных парах дать тятю: Мы в свою очередь очень жалели, что этот "герой" не попал к нам в руки.

Переждав ночь в Даниловке рано утром ночная наша разведка привела языка. Это был бравый унтер-офицер, но очутившись среди нас партизан, сразу сник и правдиво рассказал все, что знал.

Оказывается, белые умышленно заманули бригаду Попова в Волочаевку и умелыми маневрами уже ночью сумели по частям разединить, окружить, крепко потрепать и выбить из Волочаевки. Понеся большие потери живой силе и технике, бригада в расстроении порядке отступила обратно на Ольгохту.

Какую бы временную сейчас победу белые не одержали, но со слов пленного унтера чувствовалась какая-то растерянность, какое-то отчаяние за всю судьбу их авантюры.

Подлил масла в огонь и дерзкий налет партизан Бойко-Павлова на Хабаровск. Примерно в это самое время, в ночь с 11 на 12 января они с большим шумом ворвались в Хабаровск, где находился главный штаб генерала Молчанова. Наделав большого переполоха, они через небольшое время с боями оставили Хабаровск, заставив белых оттянуть часть своих войск от основного Волочаевского фронта к себе в город.

Получив показания пленного, о полном провале нашего наступления, мы поняли, что причина его кроется в следующем.

1. Были сильные от 35 до 40 градусов морозы, которые затрудняли продвижение наших частей. Это мы чувствовали и на себе.

2. Бригада Артюховского из-за сильных морозов на побережье Амура, глубокого снега и угрозы с китайской стороны находившегося там белогвардейского отряда полковника Илькова, опасивалась к месту, назначения больше чем на сутки.

3. Центральная группа товарища Попова, опять-таки из-за сильного мороза и упорного сопротивления за каждый рубик белогвардейцев, вместо условленного утра, подошла с упорными боями и заняла Волочаевку, только поздно вечером, опоздав к назначенному времени на целый день.

4. Беляки заняв скрытые позиции, умаленно заманили бригаду Попова в деревню и умело с выгодных позиций, крепко ее потрепали и раненую обратно отбросили до Ольгохты.

К этому событию не все Волочаевские семьи успели выбраться из деревни за сопку Балаганского. Больше половины семей все еще находились в Волочаевке в своих домах, укрылись во время военных действий в своих погребах и подвалах.

В семье стариков Серых (родителей моей жены Маша) остались дома два старших сына Семен и Александр. Почему они такие здоровые ребята не ушли своевременно в отряд к Шевчуку, в то время как их младший брат Арсений, давно находился в отряде, для меня оставалось неизвестным. Правда, Александр не так давно женился на дочери эсера Акимова и возможно от ревности боялся оставить молодую жену без присмотра в лагере врага.

Вночь, когда сводная бригада тов. Попова заняв Волочаевку вела бои в ее центре, семья Серых как и все другие жители деревни не успевшие эвакуироваться, находились дома в своем подвале.

Выбив народоармейцев из деревни, белогвардейцы начали очищать ее от оставшихся и потерявшихся в суматохе бойцов проверяя все дома, сараи и подвалы.

Заскочив в дом Серых, который находился крайним, чуть ли не за сопкой Илья-Корани против Волочаевского залива, молоденький офицерик, видимо из выкеров, с факелом в руках, приказал немедленно всем вылезать из подвала. Крикнув первым вылез старик отец и за ним сыновья Семен и Александр.

- Кто еще там остался? Немедленно вылезай все. - Приказывал поручик.

- Там женщины. Старуха мать и моя жена. Больше там никого нет. - Ответил Александр.

- Не к тебе обращаюсь. С тобой поговорим после. А вам находящимся в подвале еще раз приказываю: -Вылезай. Считаю до трех, после третьего бросаю в подвал гранату. Начинаю: Раз! Два! Три! и выхватил из кармана гранату.

- Что ты делаешь, бандитская роза? Вспыхнув от гнева подскочил к нему Александр и схватил его за руку, держащую гранату.

- Что! Завонил офицерик и наотмашь ударил левой рукой дер-

заншей наган в лицо Александра. — Взять. — крикнул он рядом стоявшим с винтовками на перевес четверем верзилам.

Вмиг у Александра были заломлены за спину руки и накинута на них приготовленная петля.

В это время в подвале поднялся истерический крик и жена Александра Мария (дочь Акимова) таща старуху мать вылезала из подвала.

Проверив подвал, поручик подошел к Семену, ткнув его наганом в живот спросил:

— Ты кто?

— Это мои оба сына. — сказал стоявший у печки отец.

— Тебя не спрашивают. — обернулся к старику-отцу офицерик и махнув рукой верзилам, пошел к выходу. Те толкнув Александра к порогу пошли за ним. Мария с криком и быстротой кошки бросилась к ним, но один из казаков так ткнул ее прикладом в грудь, что она пластом растянулась по земляному полу.

Минут через десять, в зарослях подножья сопки Ионь-Корани, в сотне шагов от дома Серых прозвучало два выстрела.

До утра кричавшую и порывавшуюся выскочить в розыски мужа Марию удерживали в доме, а утром сразу обнаружили расстрелянного Александра выстрелом в затылок и в грудь в ста шагах от своего дома.

Акимов, которому расстрелянный Александр Серых доводился зятем, подал тревожную жалобу перед штабом фронта, который размещался в его доме, изложив в жалобе все так как в действительности было. Ему ответили, что сейчас все выяснят, проверят, а вечером на сходке населения все огласят, изложат.

Вечером под угрозой оружием, явилось на сходку к старосте с десятком дряхлых стариков не успевающих или не сумевших от помощи выехать из деревни. Пришли и некоторые железнодорожники. На сходке браваый офицерик заявил, что он является председателем комиссии по выявлению преступлений красных напавших ночью на Волочаевку, но энергичными и умелыми действиями выбитыми белогвардейскими войсками из Волочаевки, и отброшенными в сторону Ина. Расследованием установлено, что красные бандиты, ограбив и полуразрушив почти все дома, отступая из деревни зверски убили совершенно невинного жителя нашей деревни Александра Ивановича Серых.

Конечно убийство они произвели умышленно, чтобы живое преступление возложить на нас и этим скомпрометировать наше красноповстанческое командование. Этим они бесспорно преследовали цель озлобить население против всего нашего движения. Вам гражданин Акимов они просто мстят убив Вашего зятя за то, что вы принадлежите к совершенно другой, оппозиционной большевикам партии.

На охоту никто не смел ни охнуть, ни вдохнуть, да и что мог запуганный и приниженный старик-крестьянин возразить вооруженному бандиту, забравшемуся к нему в дом.

Все поголовно знали как произошло убийство Александра Серых, но перед силой вынуждены были молчать.

Как известно, летом 1921 года собравшая во Владивостоке контрреволюционная белогвардейщина при содействии иностранных государств и в первую очередь Японии совершила государственный переворот и привела к власти временное правительство крупного купца-спекулянта Меркулова.

Свергнув Советскую власть бывшие царские и колчаковские генералы, нагло объявили, что их единственная цель беспощадная борьба с большевиками за национальное объединение всех граждан России в единое могучее государство.

Белоповстанцы знали, что без завоевания симпатий населения им не просуществовать и нескольких месяцев, поэтому чтобы привлечь на свою сторону широкие массы крестьян и казаков, они переродились из лютых волков в смиренных овечек. Оповещая о своем демократизме, они на деле хотя и лицемерно прекратили всякий произвол, пьянство и мародерство.

Выступив в "поход на Москву" и свергая в каждом занятом крестьянском селе и казачьей станице Совет, они тут же созывали, охотки и провозглашали свой демократизм миролюбие, заявляя, что их солдат не оскорбит, не обидит ни одного жителя их села, а командование бесплатно не возьмет у населения ни фунта хлеба, ни ведра картошки, ни клочка сена.

Все это если потребуется будет приобретено за наличный расчет через избранную вами законную власть и тут же предлагали избрать эту "законную власть": - старосту, заместителя и писаря. В большинстве старосту они рекомендовали сами уже им

известного или кем-то им рекомендованного. Такая сходка была проведена и в Волочаевке. После обещаний раскэйкой жизни, после их победы и уничтожения большевиков, они тут же на сходке предложили вместо бывшего совдепа, избрать настоящее русское правление: — старосту, заместителя и писаря. Старостой рекомендовали Илья Артеменко, а его заместителем Пенкина.

Понятно, возражать никто не посмел, да и не было надобности, ведь они были свои деревенские, однако после освобождения Волочаевки от белогвардейцев и возвращения жителей свои разрушенные и ограбленные дома, белые языки упорно толковали, что староста и его заместитель продавали белякам за наличный расчет сено своих односельчан. Правда ли это или клевета, доказать было трудно, в действительности, на лугах сотни стогов были разграблены, но вот кем установить тоже было невозможно. Белые со своей конницей находились в Волочаевке полтора месяца, возможно, кому-либо и уплатили за сток сена, а красная конница вихрем промчалась через Волочаевку во время ее штурма, но разговорчики и на нее.

Получив первое крупное поражение на Ине и вслед за этим нападение красных на Волочаевку заставило белых призадуматься и сменить тактику ведения войны. Хотя первое январское наступление на Волочаевку по вышеизложенным причинам и потерпело крупную неудачу, в стане врага сразу почувствовалось отчаяние и упадок прежней уверенности.

Они поняли, что гвалом до Москвы им не дойти, поэтому вместо галопа перешли на систему мелких налетов ограничившись участками своих действий, Волочаевка-Ин, Волочаевка-Восторговка. Поняли они и то, что от Имана до Волочаевки всего 300-350 верст до Москвы остается еще около 9000 верст, а Московские ворота уже под Волочаевкой для них наглухо закрываются.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯИтури Волочаевки.

Готовились две враждующие армии к решающим действиям, — одни к наступлению, другие к защите.

Мелая всеми способами сохранить Хабаровск за собой, так как это означало для них жизни и смерти, белые начали укреплять Волочаевку к обороне. Для этой цели генерал Молчанов назначал крупного специалиста по строительству оборонных укреплений — полковника Аргунова. Это был крупный специалист по многим видам ведения войны. Помимо ведения оборонных укреплений, он являлся и комендующим центральной, премофланговой группой фронта.

В тех условиях, при страшнейших морозах, он действительно сумел в кратчайший срок построить оборону по последнему слову тогдашней техники. — "Неприступный Вердеп", — Как они тогда называли свою оборону.

Правда, постройка такой обороны способствовала выгодная местность и природные условия.

Территория от реки Тунгуски до Волочаевки, была покрыта болотами, озерами и дубовыми рёвками. Вокруг Волочаевки и версты три дальше к Амуру и Нижнекамской, находился густой лес в основном березняк и осинник с промежутками зарослей мелкого кустарника. Аргунов и приспособился, — рубила тонкий лес, строили из него козы, густо оплетали их колючей проволокой, вагонами вывезенной из Хабаровска и Владивостокских складов, обрамляли козы один к другому этой же проволокой и не многие версты окружали Волочаевку. Таких линий окружения было три, с интервалами между линиями в 20-30 саженей. Дополнительно к этому весь удобный для этих целей лес был опутан деревом и дереву колючей проволокой.

В глубоком снегу вдоль проволочного ограждения строились сплошные снежные окопы и пулеметные гнезда. Верхний слой снега обливался водой и получалась ледовая неприступность. В отдельных местах в перемену со снегом, укладывалась мешки с

землей и также обливались водой, на сопке Июнь-Корени в некоторых скрытых, но стратегически удобных местах были сооружены блиндажи, в которых устроены орудия и пулеметы.

Линия оборонительного фронта тянулась от реки Тунгуски до Амуре, вернее до Нижне-Спасской в общей сложности 18 верст. Проволокой опутывали только Волочанку, в трех-четырех верстах полукругом.

Какие бы крепости не сооружались, но и сам их строитель полковник Аргунов прекрасно знал, он за четыре года гражданской войны не раз убеждался, что для Красной Армии вообще не существует никаких железных преград, и на Волочанке придется это испытать еще и еще раз.

На Ине создавалась другая, наступательная армия укрепляясь поступающими с Амурской области и Забайкалья Красноармейскими полками.

В конце января 1922 года, прибыл на Ин со своим штабом главнокомандующий В.К.Блихер. Это легендарный герой Гражданской войны не один раз громивший врагов Советской власти на всех фронтах куда бы его не посылали. Составлялся общий план и создавались ударные группы на вступ в Волочанку и окончательного разгрома и уничтожения белофинляндцев.

Для разработки плана и общих наступлений, на Ин был вызван и И.П.Шевчук.

Имея таких крупнейших и любимых всеармией военачальников и политработников как В.К.Блихер, С.М.Сериев, П.П.Постышев и прекрасных, смелых полководцев как И.П.Шевчук и Петров-Тетерин, все красноармейцы и партизаны были уверены в полной победе и готовы идти за ними в огонь и воду презирая смерть.

Увеличивался, укреплялся и наш партизанский отряд. 9 февраля к нам в Восторговку прибыл пластуновский отряд Петров-Тетерин. Это были отчаянные и героические ребята. Сам их командир, бесстрашный герой своей смелостью и отвагой мог вдохновить на подвиг любого бойца. Он в эти дни уже дважды на бронепоезде отбивал атаку белых, вынуждая их к паническому бегству.

Еще в декабре генерал Сахаров своей конной бригадой пытался минуя Хабаровск захватить из Казановичево Волочанку и

отрезать путь отступления наших воинских частей и советских организаций из Хабаровска. В это время в Волочаевке находился с отступающими войсками Петров-Тетерин. Во время паники, он вскопчил на подошедший бронепоезд и вмиг разметал всю конницу Сахарова. Второй раз в Инском бою он так же на бронепоезде в контакте с Красноармейскими полками на голову разбили белогвардейские дивизии и остатки их гнали до Ольгохты.

Пластунский отряд Петрова-Тетерина являлся самостоятельной воинской единицей, но все его дальнейшие действия в штурме

Волочаевки были согласованы с нашим отрядом.

Если в те времена между Волочаевкой и Ином не было ни одного населенного пункта за исключением разъезда Ольгохта с двумя жалкими казармами для служащих и рабочих и по железной дороге четырех или пяти таких же казарм, то по Тунгуске их уже было несколько. Вверх по реке между Волочаевкой и Восторговкой, в которой базировался наш отряд находились: Архангеловка, Перепрела, Улики. Вниз по реке находились: Даниловка, Джармен, Николаевка, Новокаменка и в стороне от них Каллиновка, где казнили камикадзе моего брата Александре и еще дальше Голубичное.

Во всех этих селах ни один раз пришлось крепко столкнуться с белогвардейцами.

Чувствуя большую и серьезную опасность со стороны нашего отряда, который угрожал в любой момент обойти по Тунгуске укрепленный участок фронта и зайти в тыл Волочаевке, белогвардейцы с большими усилиями и потерями заняли Архангеловку, в которой постоянно были вынуждены держать до полка своих войск отрывая их от основного фронта и строительства оборонительных укреплений.

Желая устранить со стороны Тунгуски постоянную угрозу, генерал Молчанов пускался на разные комбинации. Помаи военных действий и разных угроз, писал Велдуку миролюбивые письма предлагая мирно прекратить военные действия и перейти на его сторону, обещая при этом златые горы и прочее. Мы каждый раз отвечая на его возмутительные миролюбия, совершали разрушительные набеги на его отдельные части.

Одно из таких миролюбивых предложений генерала,

постараюсь наложить по обстоятельной со всеми его последствиями:

Однажды генерал Молчанов через своего парламентаря хотя и одетого рядовым, но оказавшегося крупным офицером, прислал Шерчуку письмо примерно следующего содержания:

"Командиру партизанского отряда Тунгусской группы Шерчуку Ивану Павловичу.

Я генерал Молчанов, патриот России и русского народа и другие мои соотечественники кто мыслит сохранить русское государство не растерзанным а единым, будучи уверенным, что и Вы Иван Павлович такой же истинный патриот своей родины и так же желаете видеть Россию здоровой и могучей, обращаюсь к Вам с вопросом: -почему Вы такой умный, мужественный и храбрый полководец оказались на другой стороне, которая стремится растерзать и разграбить русское государство. Вы гражданин Шерчук истинно русский человек, талантливый военачальник, любимец русской армии, а вот свою судьбу и талант отдали в руки презренным жидом. Мне хочется, чтобы Вы всё это продумали и здраво оценили. Я считаю и убедился, что мы боремся за одно общее дело, за русский народ и спасти своё государство, поэтому прошу прекратить между нашими армиями военные действия. Обещаю Вам командование почетным корпусом.

Прошу ускорить со мной переговоры.

С наилучшим пожеланием

Генерал Молчанов".

Прочитав письмо, Шерчук обращаясь к парламентарю сказал: - Письмо хорошее, но сам я хотя и командир отряда, а вот такие вопросы единолично решать не имею права. Поэтому соберем мы господин парламентар свободных от службы партизан, зачитаем письмо генерала и спросим их мнение.

- А причем тут мнение партизан? Вы командир всего отряда, приказывайте и повелевайте. В крайнем случае, если у Вас имеется штаб отряда, соберите, прикажите и решайте в узком кругу.

- Нет, господин парламентар. Я командир в вопросе ведения войны, а политические вопросы мы решаем только сообща, всем отрядом. Больше того, окончательные решения принимаем к исполнению только с ведома и согласия высшего командования и нашего

Советского Правительства.

Не плохо будет и Вам послушать мнение рядовых партизан, а затем передать его генералу.

Вечером собрались в одном дворе человек 150 свободных от службы партизан и командиров. Выйдя к собравшимся Иван Павлович сказал:

- Собрали мы Вас, товарищи, не надолго, да и некогда нам долго разглагольствовать, когда наши враги находятся в наших селах и спят в наших домах.

Тревожить Вас в такое время не весьма удобно, но вопрос не столько серьезный, сколько нагрозный, что не требует никаких отсрочек его разбора.

Вот этот человек, - и он указал на рядом стоящего парламентаря, - принес мне от нашего общего врага генерала Молчанова любезное письмо, в котором генерал предлагает такие грубо выражаясь подлости, которые без Вашего мнения и решения один я, принять не могу.

Слушайте внимательно, а это письмо сейчас вам зачитаю.

Когда Иван Павлович читал это письмо, гул возмущений и негодований покрывал всю окрестность сплошными выкриками прерывая его читку.

Кончив читать Иван Павлович спросил: - Ну, что вы друзья скажете, на эту низкую и подлую любезность генерала?

Мощный крик заглушил его последние слова. Иван Павлович поднял руку и все притихло.

- Так нельзя товарищи говорить всем сразу, нужно брать слово и говорить по одному. Правда, вопрос не столько возмущительный, что в некоторой степени оправдывает Вашу надисциплинированность, но все же давайте по порядку. Прежде всего давайте предложим слово старикам, нашим отцам, которые без приглашения в такой холод сами пришли на наше собрание и послушаем их мнение. Вот, что Вы скажете дедушка Тряпичко? - Обратился он к одному в кучке стоявших стариков, жителей Воосторговки и других деревень, бежавших сюда от нашествия белогвардейцев.

- Что я могу сказать, дорогой наш Иван Павлович, да и не только я, а вот все мы старики, выгнанные этим "русским патриотом" нас из наших родных деревень и наших хат. Давно ли вот такие же

"патриоты русского народа" резали нам, русским крестьянам, животы в Архангеловке и толкали в них мерзлую рыбу, потом еще живых бросали в сарай, обложили его сеном и сожгли. А давно ли эти "спасатели России" называли страшными муками в деревне Калиновке нашего любимого председателя волостного Совета Александра Васильевича Проценко. Нет, дорогой Иван Павлович, нельзя им верить. Выменят и тебя замучают. Не поддавайтесь подлинной приманке, уничтожайте эту нечисть.

- Хорошо отец сказал, очень хорошо. Спасибо. А теперь послушаем, что скажет твой сын. Ну-ка Лаврентий, слышал мнение своего отца, теперь скажи своё мнение ты. - Обратился он к недалеко стоявшему с винтовкой молодому партизану.

- Спасибо отцу, всем нашим родителям, нас кормящим и одошавшим говору я и все наши однополчане, но у меня к тебе вопрос, наш уважаемый командир отряда. Этим письмом белогвардейский генерал обратится лично к тебе, Иван Павлович. Лично тебе он предлагает изменить Родине, предать русский народ, а это значит и всех нас. Это лично тебе он предлагает командование почетным корпусом кровавых палачей и убийц. Это он лично тебя зовет на совместный поход в Москву, выжигая и уничтожая по пути всё живое и мертвое.

Но уж коли это обращение лично к тебе, нам бы хотелось, Иван Павлович, прежде услышать твоё мнение.

- Правильное, и очень правильное замечание. Я обязательно выступлю и изложу своё не только мнение, но и решение. Но мне хотелось услышать ваше мнение не для себя, мнение всех вас я прекрасно знаю, а мне хотелось чтобы прибывший парламентер прежде услышал вас и узнал мнение не одного командира, а всех бойцов, даже больше, мнение населения всей нашей Тунгусской волости и многих жителей Хабаровска и других прочих, которых мы здесь представляем.

Не мои решения, а ваши выступления такие, как только сейчас сказал твой отец, будут лучшим ответом на это письмо генералу, надеюсь белогвардейский посланник всё здесь услышанное, полностью передаст своему хозяину-генералу.

- Не желаю я больше слушать вашу болтовню. Просту я требую немедленно меня освободить и проводить до Архангеловки.

- Ого, требование, даже приказ. Вас господин парламентар мы бесспорно отпустим и проводим до требуемой границы, но только тогда, когда этому настанет время. Здесь Вы полностью прослушаете не болтовню, как Вы соизволили выразиться, а мнение бойца, простого народа, того народа, которого вы веками эксплуатировали, грабили, разоряли и уничтожали, что примерно делается и сейчас. Не желаете слушать? Мало бы чего Вы, переодетый в солдатское офицер и видимо не малого чина не хотели, но это Вы можете сказать и приказать в своем стане, а здесь будьте спокойны и ведите себя прилично. Если желаете что сказать, попросите слово. Сейчас мы предоставим слово старейшему нашему партизану, прибывшему к нам уполномоченным из центрального Инского штаба фронта Сергею Вележеву. Просту.

- Дорогие товарищи партизаны! Все мы за четыре года гражданской войны не считая трех с половиной германской, хорошо узнали, и не только узнали, а на собственной шкуре испытали и все еще и сегодня испытываем, что такое белогвардейщина. Помните друзья, как мы еще в 1918 году под командованием нашего Ивана Петровича защищали нашу Родину, громили белочехов и этих белогвардейских предателей Родины, продававших и всё еще продающих Россию и нас, русский народ.

В том 1918 году мы почти уже на голову разбили обманутых белочехов и уссурийских белогвардейских казаков, но выступили японские дивизии и американские батальоны, с которыми мы не в силах были вести фронтную войну, отступили и ушли в тайгу для дальнейшей партизанской борьбы.

Заняв города и села, местная белогвардейщина под крылышком японских интервентов учинила расправу народу, и полилась невинная кровь. Кабаровские овраги были завалены трупами. Реакция свирепствовала всё страшнее и страшнее, нанося ужас не всё живое. Японские интервенты заняли весь Дальний Восток и всю Сибирь от Владивостока до Омска и дальше. Каких тяжких трудов, какой крови стоило нашей славной Красной Армии и нашим партизанским отрядам, чтобы очистить от этой "нашей" и иностранной нечисти нашу Родину. А сколько было загублено лучших сынов

и дочерей, боровшихся за наше народное дело. Не справедливость восторжествовала, победа почти всюду за исключением части приморья оставалась за нами. На этом можно было и остановиться, в действительности это было только передышка. Несмотря на то, что с японским военным командованием велись переговоры о их полной эвакуации, они коварно в тихую вновь оживали, собирали и снаряжали недобитых белоохранительских последышей, создав из них прояпонское "временное Приамурское правительство" из авантюристов, братьев Меркуловых и им подобных, вооружив с ног до головы, двинули их в новый поход на Москву.

Не дойдя девять тысяч верст до Москвы, им уже на Ине сломали рога, и теперь обрядившись в патриот~~ы~~ и спасителей России, они пишут нам вот такие любезные письма с целью обмануть и переманить на свою сторону лучших наших военачальников.

Знаем мы, товарищи, и очень хорошо знаем их коварные повадки, знаем и понимаем куда это клонит. Но мы знаем и себе цену, знаем и свою силу. Сейчас на Ине создается под руководством крупнейших военачальников, грозные дивизии Красной Армии, а это в контакте с вашими партизанскими отрядами, явная и бесспорная гибель выступившим против нас авантюристам.

Хочу добавить, что по достоверным данным меркуловское правительство уже продало японцам Приморскую и Амурскую области и вместе с ними, рабами в придачу всех нас. По слухам, уже прокутили и всю выручку. Как мы выпутаемся из этого рабства, ближайшее время покажет.

После всего сказанного, разрешите товарищи передать Вам от всех Инских воинов фронтовой привет и добрые пожелания вашим успехам и победам в войне. Наш общий лозунг: "Волочаевка и Хабаровск будут наши". "Привал на Имане, отдых во Владивостоке". "Умрем за власть Советов". "Вперед к победе!"

После Вележева в таком же духе, но более кратко выступили еще человека три. Всем желающим сказать свое слово не позволяло ни место, ни время, поэтому поторопился выступить наш командир отряда Иван Павлович Шевчук. Выступая он сказал:

-Спасибо вам товарищи и соратники партизаны за искренние, добрые и правильные слова. Правильно товарищи здесь говорили, что такое позорное письмо, мог написать только отъявленный, мерзкий и низкий трус.

Все в нем тяжело преступное и позорно-продажное. Но если генерал потерял в пьяном угаре совесть, честь, достоинство русского солдата, тем более офицера-генерала и продался иностранцам временно оккупирующим часть нашей русской территории, то нас он так дешево купить не сможет.

Мы готовы, но только дорогой ценой продать свою жизнь и только в борьбе с этими изменниками Родины, продажными генералами, в борьбе за нашу Советскую Социалистическую Республику.

Лично меня никто из высшего командования не уполномочивал и не разрешал вести с генералом переговоры, тем более на предательскую тему. Для переговоров у нас есть специальные дипломаты. Наша дело бить врага, но если придет время, а оно уже не так далеко расстрелять этого продавшегося предателя и труса, я не дрогнув это сделаю не ожидая разрешения свыше.

Пусть всё здесь услышанное, крепко запомнит прибывший к нам с этим позорным письмом парламентар, и все наши на эту тему разговоры, подробно передаст генералу. Это и будет ему наш ответ на его предательство.

Зная, что после такого ответа, генерал обязательно пошлет на нас усиленный карательный отряд, мы начали к этому готовиться. Первым делом, чтобы избежать ненужных жертв, мы быстро все население Восторголки эвакуировали дальше вверх по реке в Маманку и Грамахту, а сами вокруг пустой деревни, окруженной почти со всех сторон сопками, заняли выгодные для нас позиции.

Так и получалось. На третий день, после нашего ответа генералу, наша разведка доложила, что со стороны Улики движется большой в тысячу пятьсот штыков и сабель отряд белоохранителей. Это наступление было не первым. Генерал Молчанов охотился на нас, и раньше проводил внезапные набеги выставляя до тысячи человек отряды, но такой большой, какой подходил сейчас,

были впервые. Понятно, мы всегда были на чеку и постоянно выжидали победителей. Но и на рожон не лезли, сохраняя силы для решающего удара.

Так получалось и сейчас. Белая захватить нас в кольцо, белые разбившись на три отряда, начали окружать Восторговку. Этого нам только было и нужно. Из выгодно установленных на сопках пулеметов и орудий, подпустив на близкое расстояние, мы открыли по белым ураганный огонь. Сами мы были буквально не досягаемы. За две часа боя, расстреливая по частям, мы многих из них вывели из строя. Больше других пострадала их часть, занявшая деревню. С нашей стороны потерь не было, за исключением человека четыре тяжело и человек десять легко раненых. Наконец, потеряв многих убитыми и ранеными, враг не выдержал, дрогнул и сначала постепенно, а потом уже и прытко пустился в бегство. Нашей кавалерии, стоявшей в готовности, хватило трудов преследовать неприятеля до самой Улики, нанеся ему значительный урон.

Приходилось иногда и нам идти на хитрость и коварно обманывать врага. Случай один небольшой, но значительный случай.

Однажды, отступая из Улики, наш небольшой разведочный отряд, умышленно, в доме котором он только находился, оставил под столом заранее подготовленную телефонограмму, в которой предлагалось тов. Шевчуку выйти такого то числа всем отрядом из Восторговки и обойдя Белогвардейцев в Архиполовке, занять станцию Джармен, в котором нас будут ждать представители штаба фронта с планом дальнейших наших действий.

Найдя такую телефонограмму, белыми признали ее за потницу и человек шестьсот во всеоружии сделали нам между Уликой и Переправой засаду, в которой пролежали при 40 градусном морозе в глубоком снегу целые сутки.

Не дожидаясь нас, обморозив и вывед из строя сотни солдат, белыми вынуждены были уйти обратно в Волочаевку, увозя обмороженных на подводах. Кроме к этому, был послан полк в Джармен, который был сорван с работ по укреплению Волочаевки и двое суток провалявшийся нас впустую.

Конечно, метод коварный и бесчеловечный, но война есть война.

Как уже было сказано выше, готовились к решающей схватке две армии, одна к наступлению, другая к защите. Кругом Волоочевки уже больше месяца стучали топоры, выжигали пилы и лес в несколько рядов опутывался колючей проволокой. Полковник Аргунов заканчивал свой "Верден" и он действительно остановился по их понятиям неприступной твердыней. Осматривая свои укрепления, Молчанов и Аргунов говорили:

- Здесь Красные действительно сломают свои рога. Разбив протавника об эту крепость, мы должны двинуться вперед и на его плечах закрепиться у отрогов Малого Хингана, это нам необходимо для нашего закрепления в районе Хабаровска.

Как-то при налете нашего и Тетерина-Петрова отрядов на Архангеловку, нами был захвачен документ следующего содержания. Генерал Молчанов писал:

"По всем данным, противник в ближайшие дни перейдет на всех направлениях в наступление. Победа нам нужна и должна быть.

Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. С победой мы живем, - неудача может лишить нас самого бытия.

К Вам старшие начальники я обращаюсь с призывом, вдохнуть в сердца подчиненных страстный дух победы, не покладая рук, закрепляйтесь, примеряйтесь, пристреливайтесь. *Убейте* всем, что проволоку бросить, - значит быть уничтоженным.

Каждый воин должен знать, что этот бой будет решительным, и мы должны выйти победителями".

5 февраля 1922 года. гор. Хабаровск.

Генерал Молчанов".

Вдумываясь в смысл этого обращения, нельзя не уловить в нем проблесков отчаяния.

Со своей стороны мы твердо знали, что победный исход предстоявшего боя, для нас явится возвратом Приморья, *Хабаровска,* Имана, а там и Владивостока. Победой белых, будет занята Амурская область, а там возможно Забайкалье и Восточная Сибирь. Поэтому никакие проволочные заграждения, никакие другие укрепления, не должны мешать нашей победе.

План выработанный Главкомом К. Блюхером сводился к следующему: сильным ударом Сводной стрелковой бригады и бронепоездами №8 и №9, выбить противника со всех укреплений по железной дороге и подойти к укреплениям Волочаевки. Правой группе Забайкальскому и Троицко-Савскому полкам, заняв Верхнюю и Нижнеспасские деревни и развивая наступление через Самаро-Орловку, по Амурской протоке, занять Казакевичево, с целью отрезать путь отступления белых из Хабаровска в Приморье.

Партизанскому отряду Шевчука и Пластунскому Петрова-Тетерина, выбить белых из Архангеловки, занять Даниловку и войти в тыл волочаевских укреплений, чем закрыть их отступление из Хабаровск.

С получением плана этого общего и одновременного наступления, начались стички на всех трех направлениях. Планом предлагалось 10 февраля провести генеральный штурм Волочаевки.

5-го февраля сводная стрелковая бригада из Читинских полков при участии бронепоездов №8 и №9, выбила белых из сильно укрепленной Ольгохты и закрепились в ней. 7 февраля с боями заняла разъезд Лумку-Корани, а 9-го уже была в последней полуказарме под Волочаевкой.

В то время, когда развивались военные действия в районе Ольгохты и Лумку-Корани, правая группа продвигаясь по Амуру заняла Луговую, Забелово и продвигалась к Верхнеспасской.

Наш партизанский отряд с переменными результатами вёл бой в районе Улики, Переправы и постепенно продвигался к Архангеловке, в которой находился крупный отряд пехоты и кавалерии белогвардейцев.

С приходом к нам 9 февраля Пластунского отряда Петрова-Тетерина, мы общими силами предприняли окружение Архангеловки с целью отрезать отступление белых на Волочаевку, но прибывший с Кошелевой сынки китаец, сообщил, что час тому назад все белогвардейские войска снялись с Архангеловки и ушли в Волочаевку. Войдя в Архангеловку, мы убедились, что это действительно так. Из этого следует, что белые узнали о плане штурма Волочаевки и группируют там сильный кулак для отпора.

Оставив в Архангеловке наблюдательный пункт, обе наши

отряд обходя Даниловку, в которой находился крупный кавалерийский полк противника, двинулся к гольцовому стойбищу Джермен. Не дожидаясь нашего подхода к Джермену застава белых бежала в Даниловку.

Несмотря на исключительную активность и героизм наших войск на всех трех направлениях, всё же подойти вплотную к Волочаевке согласно намеченному плану к 10-му февраля всем одновременно не удалось.

Если центральная группа подошла к указанному сроку чуть ли не к самой колючей проволоке, то правоблаштановая группа, к исходу 9-го февраля не смогла выбить противника из Верхнеспасской. По плану, к этому времени она должна находиться уже под Нижнеспасской.

Наш партизанский и пластуновский не заняли Даниловку и всё еще находились в Джермене.

Не обретив серьезного внимания на глубокое отступление фланговых групп, утром 10-го февраля был отдан приказ войскам центральной группы о наступлении и штурме Волочаевки.

Особый Амурский полк с помощью танка, который прорвал в двух местах проволоку, повел наступление на железнодорожную станцию с намерением захватить сопку Ионь-Корени, но тут же, недалеко от станции, прямой наводкой из орудия, танк был разбит и вышел из строя. Из хорошо укрытых и заранее пристрелявших местность орудий и пулеметов, ^{Амурский} полк был остановлен и с большими потерями отброшен на исходные позиции.

5-й пехотный и 4-й кавалерийский полки обходя по глубокому, чуть не по пояс снегу, Волочаевку с севера, от усталости не сумели подойти к проволочному заграждению. Их артиллерия далеко отстала от полков и находясь на большом расстоянии от позиций неприятеля, к тому же не имея наблюдательных пунктов, никакой поддержки своим полкам не оказала.

6-й полк на южном участке центральной группы, подошел вплотную к проволочному заграждению, прорвал в некоторых местах её оборону, но запутавшись в проволоке, под ураганным оружейным и пулеметным огнем, не достиг цели был вынужден залечь и пролежать в снегу при 35-40 градусном морозе до

темноты потеряв в бою, заморозив и выведя из строя около сотни своих бойцов.

Наш партизанский и пластуновский отряды, пытаясь дважды атаковать Даниловку, но оба раза вынуждены были отойти.

Не имели успеха и белые, наступая на Дзержин. Только войскам правофланговой группы удалось выбить белых из Верна и приблизиться к Нижнеспасской.

С наступлением темноты, начали подбирать и свозить раненых и обмороженных в административную полуказарму, находящуюся в шести верстах от Волочаевки. Вместить всех в одну небольшую комнатку было невозможно. Раненых и обмороженных в луже крови ^{пожгли} ~~наши~~ вплотную и друг на друга. Многих еще державшихся на ногах, при лютom морозе, тут же за казармой отогревали и перевязывали у костров.

Во второй небольшой комнате полуказармы находились Главком Блюхер, комфронтom Серпинов и штаб особой стрелковой бригады, но с наплывом раненых пришлось и эту штабную комнату занять сестрам милосердия и санитарам.

Только к утру, после исправления железнодорожной линии удалось погрузить раненых и обмороженных в вагоны и отправить на Ин.

Всего за день боя, с нашей стороны насчитывалось ранеными, обмороженными и убитыми больше четырехсот человек. Больше других понёс урон 6-й стрелковый полк Захарова.

За ночь наши войска не поверсты отошли, кое как перегруппировались и ждали с рассветом контрнаступления противника. К удивлению, этого не последовало. Как впоследствии выяснилось, противник понёс за вчерашний день тоже большие потери в живой силе и так же как и мы больше обмороженными, и сейчас приводил себя в порядок, ожидая нашего повторного наступления.

Эти обоюдные ожидания, дали обеим сторонам, в особенности нашей центральной группе возможность перегруппироваться, подобрать и эвакуировать раненых и обмороженных, пополниться прибывшими из Ин свежими воинскими частями, немного отогреться, подвезти снаряды, другие боеприпасы и продукты питания, а главное из главных убедиться, что у белых окончательно подорван дух наступлений и мечты о маршеровании на Красной Площади Москвы.

Наши войска наоборот, выдержав суровые боевые испытания, отогревшись и получав свежие подкрепления — воспряли духом к новому наступлению и обязательной победе. А когда после исправления разбитой железной дороги, подошла к вечеру в расположение наших войск бронепоезда Восьмерка и девятка, крики ура покрыли всю окрестность, хотя этого и не разрешалось. Смелость, отвагу и помощь бронепоездов красноармейцы уже хорошо знали.

11-го февраля так же, как и вчера 10-го, нашему партизанскому и плестунскому отрядам так и не удалось выбить белых из Даниловки, только правофланговой группе, двигавшейся по Амуру, удалось выбить белых и занять Нижнеспасскую.

В полночь 11 на 12 февраля, в помощь Нижнеспасским военным частям, была послана запасная Поволжская бригада белых, среди ночи, в глубоком снегу, она сбилась с дороги и заблудилась. В это время из занятой Нижнеспасской в помощь нашей сводной стрелковой бригаде, двигался под Волочаевку Троицкосавский кавалерийский полк.

На рассвете, заблудившаяся и выбившаяся из сил Поволжская бригада встретилась с нашей обходной колонной и в завязавшемся бою была разбита с помощью подоспевшего Троицкосавского полка. Остатки её бежали в Дежневку. Выдвинутый версты на три вперед авангард Поволжской бригады белых, подойдя к Нижнеспасской натолкнулся на нашу правофланговую Забайкальскую группу, в коротком, но жарком бою был уничтожен полностью.

Наступило утро 12 февраля 1922 года. Сводная бригада центральной группы наступавшая непосредственно на Волочаевку, её стрелковые полки, кавалерийский полк, артиллерия, бронепоезда, заняли исходные позиции, были готовы к штурму и ждали сигнала к атаке по всему фронту.

Ровно в 7 часов утра раздались три залпа из тяжелого 120 миллиметрового орудия бронепоезда №9. Прицел их был по железнодорожной станции Волочаевки. Это был сигнал к общему и одновременному наступлению всех трех направлений Красноармейских полков и партизанских отрядов.

И вздрогнула земля, начался невиданный до тех пор в истории гражданской войны штурм Волочаевки. Орудийные залпы

артиллерии и бронепоездов обеих армий потрясали воздух. Бойцы Красной Армии одержимые победой, проявляя героизм, лезли на проволочное заграждение и тут же устилали своими трупами снег. Не имея ножниц и другого инструмента, рубили ее клинками, штыками и просто рвали голыми руками. Многие из бойцов, плохо одетые, бросались плашмя на козлы, опутанные колючей проволокой, создавая из себя мост, чтобы по нему могли переползти другие и двигаясь дальше продолжать преодолевать следующие препятствия.

Много их так и оставались висеть убитыми на колючей проволоке.

Героический подвиг проявил бронепоезд №8. Несмотря на многие разрушения от попавших в него снарядов белогвардейской артиллерии и бронепоездов, он смело ворвался в расположение белых и в их же окопах начал поливать их из пулеметов. Бронепоезд №9 не мог сразу приблизиться к Волочаевке из-за разрушенного снарядами между ним и Волочаевкой железнодорожного пути, но он наносил тяжелые, разрушительные удары по позициям, артиллерии и бронепоездам белых из своего дальнебойного 120 миллиметрового орудия.

К концу боя израненные белогвардейские бронепоезда были выбиты из волочаевских позиций и еле прорвались через горящие мосты к Демновке.

Не выдержав такого страшного натиска, по существу окончательно парализованные войска белых дрогнули и начали по всему фронту сначала медленное отступление.

Здесь ясно сказались разгром белогвардейской Поволжской бригады по пути в Нижнеиспасску и полков, находившихся в Демновке.

Получилось это у нас следующим образом: Еще с вечера 11-го февраля наш партизанский и Пластунский Петрова-Тетерина с. 348 дважды атаковали Демновку и выбивали из неё белых, но в силе перевеса был у белых и контратакой они обе раза заставляли нас отступить обратно в Джармен.

Генерал Молчанов почему-то считал наш Тунгусский фланг особо опасным и боясь окружения волочаевских укреплений нашей Тунгусской группой, сосредоточил и укрепил Демновку двумя

полками кавалерии и особым Уссурийским пехотным полком.

Эту внушительную силу согласно общего плана наступления, нам предлагалось разгромить и ликвидировать весь правый фланг белых. Задача была не из легких, но мы были уверены и горели желанием победить, разгромить и выбить белых не только из Даниловки, но из Волочаевки, Хабаровска и всего Дальнего Востока.

Заняв в ночь 11 на 12-е февраля исходные и выгодные для нас позиции, доведя до каждого бойца его обязанность, мы были готовы победить или умереть.

Нашему кавалерийскому отряду под командой Федора Шептыко ставилось целью как можно незаметней занять ночью Балаганского сопку Юнь-Корани, находившуюся в полуторах верстах от Даниловки и в семи верстах от Волочаевки, и, как только мы выбьем белых из Даниловки, напасть на них с тыла.

Хотя вражеские войска занявшие Даниловку всю ночь не спали и ждали нашего наступления на рассвете, мы их перехитрили и набросились на них всей своей силой за два часа до рассвета т.е. на два часа раньше условленного общего штурма всех фронтов Волочаевки. Так оно и получилось, что мы напали на них неожиданно и захватили их врасплох.

Несколько опомнившись, уже выбитыми из Даниловки они перестроились и бой получил затяжной характер. Заскочившая в тыл белым наша кавалерия получала крепкий отпор и чуть ли не в панике откатилась обратно к Балаганского сопке.

Бой нарастал с ожесточенной силой. Но все попытки белых отбить обратно Даниловку не увенчались успехом, наоборот, хотя и с сильным сопротивлением, но они постепенно откатывались к Волочаевке.

Когда ровно в 7 часов утра прогремели три орудийных залпа, сигнал к общему нашему наступлению по всему фронту, белые сразу оторвались от нас, откатившись к волочаевской сопке Юнь-Корани и стали там фронтом в заранее приготовленных позициях. Правда, по дороге Волочаевка-Даниловка у них проволоочных заграждений небыло, но под сопкой были сооружены окопы и другие ледовые укрепления, к которым трудно было подступиться.

Наш взвод, в котором было больше волочаевцев, а среди них находился и я, наступал с восточной стороны сопки, со стороны кладбища, находившегося почти в тылу волочаевских укреплений. Здесь укреплений белых почти не было, но их бронепоезда не давали возможности проявить какую-либо инициативу.

В действительности наша цель заключалась при отступлении белых, преградить им дорогу и не дать сгруппироваться за сопкой, для чего эту позицию мы и заняли по заданию командования.

Подойдя к самой Волочаевке, нам пришлось лично самим расстреливать свои собственные дома, хаты и сараи, выбивая из них засевших белогвардейцев. Понятно, мы знали, что наши семьи сейчас в своих домах не сидят, а где-то прячутся по своим занятиям и за сопкой ^{Волочаевского} Волочаевского, но все равно было как-то страшно стрелять, выбивать окна и разрушать свое собственное жилье, сделанное своими руками, но вот грянуло общее ура! Волею бронепоездом №8, ворвавшегося на станцию в расположение белых, кликнули прорыв проволоочное заграждение 5-й Амурской и 6-й стрелковой полки. Мы в свою очередь всем нашим и пластуновским отрядом бросились на сопку. Враг на расположения 5-го и 6-го полков вступил в рукопашную, но не выдержав натиска, дрогнул и начал по всему фронту медленное отступление. Стоило броситься в атаку на отступающих нашей кавалерии, как враг потеряв всякую волю к сопротивлению, бросился в паническое бегство. Тут же волею пришлось поработать нашему бронепоезду №8 и кавалерии, в особенности Троицкосавскому полку, гнавших и рубивших налево и направо убегающих белопоголовцев чуть ли не до Дожневки.

Не знаю, по какой условленности или договоренности тогда так произошло, что при явной приспособленности к пленным красноармейцам и к населению белых, и действительной гуманности нашего командования к пленным белогвардейцам, но в дни волочаевских боев с обеих сторон пленных не брали.

Заскочив в освобожденную Волочаевку, можно было только ужасаться её видом. Многие дома были разрушены, все деревянные постройки, пригодные для дров: сараи, конюшни, сеновалы, заборы, домашняя мебель, внутренние в домах деревянные перегородки, полы, двери, были разрушены, сорваны и сожжены. Наш дом был насквозь прострелен артиллерийским снарядом. Зайти в

него после полуторамесячного хозяйничанья белых, (Уфимская стрелька), было страшно. Разводимые костры внутри дома сделали свое дело. И так везде во всех дворах и домах.

Как не было горестно и печально смотреть на все эти разрушения, но радости и ликования не было предела, ведь в 11 часов 12 февраля 1922 года, по белогвардейски волочезевский "Верден", а по нашему "Перекон", был взят, а его создатели, окончательно и навсегда разгромлены.

Спасая свою шкуру, разбитые под Волочезевкой белогвардейские войска мануя Хабаровск, бежали по прямой Амурской протоке в Казановичево и дальше обратно под крылышко японских оккупантов, всё еще находившихся в нашем Приморье. И только 25-го октября 1922 года, когда японцы вынуждены были оставить нашу территорию и уйти со своих островов, мы вошли во Владивосток, и на Тихом океане свой закончили поход.

Этих дней не смолкнет слава. Героизм, проявленный чудобогатырями Красной Армии и Красных партизан при штурме Волочезевки не померкнет в веках русского народа. Он действительно остался как сказка.

Слава о героической эпопее под Волочезевкой прогремела не только в нашей, но и во многих крупнейших странах иностранной прессе.

Величие её увековечено памятником из сопки Лянь-Корени, венчающем её белой глыбой, похожей на утес, на вершине которого стоит красноармеец винтовкой разрывающий проволочное ограждение.

Не в меньшей мере увековечена она и партизанской песней П.С.Парфенова, которая с особой, прославляющей патриотизм и героизм салой поется не только у нас, но и за границей.

Прошло пять лет после освобождения Велочаски. Когда немного было восстановлено разрушенное хозяйство и чуть-чуть залечены раны, нанесенные сначала германской, а затем гражданской войнами длившимся в общей сложности около 9 лет, нашими властями было принято решение о постройке на Велочасевской селке Юнь-Керани у братской могилы, памятника-музея.

В 1927 году приступили к постройке на селку винтовой дороги и завезить на ней строительные материалы, а в 1928 году уже был построен памятник- музей.

В то время я был секретарем Велочасевской партийной ячейки и принимал непосредственное участие в постройке дороги и памятника.

Тогда же я написал на селку Юнь-Керани большое стихотворение. Начиналось оно так:

Среди лесов, озер, болот непроходимых
Стояла одиноко, дикая неведома людям.
Никто не нарушал ее далей не обозримых
Хозяином лишь рыскал зверь эхотясь по нечам

Кончалось так:

. . . Счастливым местом значитесь теперь Юнь- Керань
Снят вечным сном в ней Родины сыны
За подвиг, героизм Дальневосточных ветеранов
Она вошла в историю страны.
Теперь свой облик селка изменила,
Стоит на ней музей в честь Славы боевой
И охраняет братскую могилу
В будничке, бессменно вечный часовей.